

Колосников И. К.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ПРОБЛЕМЫ СКИФСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1971

Настоящий сборник содержит материалы по вопросам скифо-сарматской археологии. В нем обобщается огромный археологический материал по скифам за последние 15 лет, освещаются основные вопросы скифоведения: происхождение скифов, этногеография Скифии Геродота, взаимосвязь лесостепных и степных скифских культур, искусство скифов.

Книга богато иллюстрирована. Она рассчитана на археологов, этнографов, искусствоведов, а также на широкий круг музейных работников, студентов и аспирантов.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

П. Д. ЛИБЕРОВ и В. И. ГУЛЯЕВ

В. Г. Петренко ЗАДАЧИ И ТЕМАТИКА КОНФЕРЕНЦИИ

Настоящий сборник содержит доклады, прочитанные на Второй конференции по вопросам скифо-сарматской археологии в январе-феврале 1967 г. В ней участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Алматы и других городов. Были заслушаны 42 доклада и сообщения.

Первая конференция, проходившая в Москве в 1952 г., подытожила достижения в области скифо-сарматской археологии главным образом за послеоктябрьский период и вскрыла наиболее важные проблемы, стоящие перед скифологией: вопросы о Скифии как политическом объединении, ее этнокультурной истории, о размещении геродотовских племен на современной карте, о времени возникновения государства у скифов и др.¹ По ряду коренных вопросов — происхождения скифской культуры от срубной, существования двух культур скифского времени в степи и лесостепи, неправильности распространения понятия скифской культуры на культуры Средней Азии, Сибири и Кавказа — большинство участников первой конференции пришли к единому мнению.

Были выделены четыре основные культурные области скифского времени в Восточной Европе: 1) лесостепная полоса Молдавии, Украины и РСФСР с культурой племен различного происхождения; 2) степная собственно скифская; 3) Прикубанье и Восточное Приазовье с культурой синдо-меотской; 4) поволжско-уральские степи с сарматской культурой.

За прошедшие 15 лет главное внимание археологической науки было направлено именно на изучение этих областей. Были произведены большие археологические раскопки в степной и лесостепной частях Украины, лесостепной Молдавии, в Харьковской и Воронежской областях, Туве, Казахстане.

¹ *Н. Н. Погребова*. Состояние проблем скифо-сарматской археологии и конференция ИИМК АН СССР, 1952 г. ВССА. М., 1954.

Культура степи в ранний период ее истории была освещена в работе *И. В. Яценко*², которая, отметив деление скифской культуры на ряд локальных вариантов, а также существование в ней двух хозяйственных укладов, показала единство степной скифской культуры и отличие ее от культуры лесостепи.

Исследование Нижнего Поднестровья, проводившееся *А. И. Мелюковой* в последнее время, дало возможность определить границу земель скифов и гетов, проходившую, как выяснилось, по Днестру, а также установить, что на этой западной окраине Скифии на восточном берегу Днестровского лимана жило земледельческое население, которое исследовательница считает возможным отождествить с каллипидами Геродота. В степной части Нижнего Поднестровья обитали в то же время кочевые скифские племена³.

Изучив памятники лесостепного Среднего Поднестровья, *А. И. Мелюкова* пришла к выводу, что они резко отличны от памятников степных областей Среднего Поднестровья. Западнородольскую группу она рассматривает как локальный западный вариант культуры лесостепной Правобережной Украины. Население же лесостепной Молдавии было близко по своей этнической и культурной принадлежности племенам Карпато-Дунайского района⁴.

Работы, проведенные *Л. И. Крушельницкой* в Верхнем Поднестровье⁵, показали, что в южных районах до VII в. до н. э. продолжает существовать культура фракийского гальштатта, а в северных — до VI в. до н. э. — высокая культура. В начале VI в. до н. э. на территории Верхнего Поднестровья распространяется культура, весьма близкая лесостеп-

² *И. В. Яценко*. Скифия. М., 1959.

³ См. статью *А. И. Мелюковой* в настоящем сборнике.

⁴ *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958.

⁵ См. статью *Л. И. Крушельницкой* в настоящем сборнике.

ной культуре скифского времени. По мнению Л. И. Крушельницкой, местное население было вытеснено пришлым среднеднепровским населением, которое она вслед за А. И. Тереножкиным относит к скифам-пахарям.

Г. И. Смирнова, работая над памятниками Побужья, отметила своеобразие их, слабое влияние здесь скифской культуры и близость культуры Побужья памятникам Среднего Поднепровья и Молдавии.

Изучение предскифского периода на Правобережье среднего Днепра привело А. И. Тереножкина к заключению, что «земледельческо-скотоводческое население лесостепи между Днестром и Днепром в скифское время (середина VII—III в. до н. э.) по культуре и, очевидно, этнически имеет местное происхождение. Белогрудовка, Черный Лес и культура скифского времени в лесостепи представляют собой лишь последовательно сменяющиеся одна другую большие ступени развития культуры одного и того же населения»⁶.

•••Е. Ф. Покровская⁷, исследуя раннескифский период на Тясмине, и Г. Т. Ковпаненко⁸— тот же период на Каневщине, пришли к единому мнению о генетической связи памятников этого периода с чернолесскими. В. Г. Петренко, отмечая существенное влияние скифской культуры в V—III вв. на области Правобережья, проследила развитие местной культуры до конца скифского периода⁹.

Большие археологические раскопки были произведены за прошедшие 15 лет на Левобережном Поднепровье в бассейнах рек Сулы, Ворсклы, Псла, Северского Донца, известных до этого по дореволюционным раскопкам.

Г. Т. Ковпаненко¹⁰ подтвердила и обосновала высказанное ранее М. Я. Рудинским предположение о переселении в бассейн Ворсклы в чернолесское время населения из Правобережья и указала на тесные связи этих областей на протяжении скифского периода.

Б. А. Шрамко¹¹, успешно исследующий территорию Харьковщины, пришел к выводу о близости материальной культуры населения

Левобережья с другими одновременными культурами лесостепной полосы Восточной Европы. Он объясняет эту близость тем, что лесостепное Левобережье было заселено в VII—VI вв. до н. э. племенами, пришедшими с запада, чем подтверждается наличие в архаический период элементов, связанных с фракийским гальштатом.

В эти же годы была изучена еще одна локальная группа лесостепной культуры—Воронежская, или Среднедонская. Исследовавший ее П. Д. Либеров полагает, что племена, населявшие ее, относились к нескифским племенам Геродота, а именно, он отождествляет их с будинами¹².

Из сказанного видно, что большинство исследователей, изучавших лесостепные культуры скифского времени, подчеркивают их отличие от скифской степной, а также сложение на основе культур местного бронзового века или в результате расселения наиболее сильной группировки племен Правобережья.

Изучая памятники Посулья, В. А. Ильинская по-иному подошла к решению этнокультурной принадлежности племен, населявших бассейн Псла, Сулы и Северского Донца¹³. Установив локальное своеобразие памятников посульской группы и объединяя их с памятниками бассейнов Псла и Северского Донца, В. А. Ильинская, основываясь на рассмотрении архаического комплекса, который, по ее мнению, не может иметь в качестве своих непосредственных истоков памятники жаботинского типа, а связан с памятниками келермесского типа, полагает, что посульско-донецкая лесостепь была занята скифскими племенами сразу же после переднеазиатских походов; это были земледельческо-скотоводческие племена скифской культуры и скифского этноса, скифы-земледельцы Геродота.

Много было сделано по изучению культуры синдо-меотских племен Прикубанья и Восточного Приазовья, и в частности по происхождению меотской культуры. Выделив памятники древнемеотской культуры в Закубанье из обширной территории распространения киммерийской культуры, Н. В. Анфимов указал на установление уже в это время тесных связей племен Прикубанья с племенами степной полосы Северного Причерноморья и усиление этих связей в скифское время. Однако вопрос об этнической принадлежности Ульских и Келермесских курганов он оставил открытым.

⁶ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 237—238.

⁷ Е. Ф. Покровская. К вопросу о сложении культуры раннего железного века в лесостепном Правобережье (бассейн р. Тясмин). КСИИ, вып. II. Киев, 1953, стр. 36 сл.

⁸ См. статью Г. Т. Ковпаненко в настоящем сборнике.

⁹ В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д1-4, 1967.

¹⁰ Г. Т. Ковпаненко. Племена скифского часу на Ворскле. Ки5в, 1967.

¹¹ Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

¹² П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на среднем Дону. САИ, Д1-31, 1965.

¹³ В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Массовые раскопки в Приаралье, Центральном Казахстане, Туве и на Алтае позволили, во-первых, объединить перечисленные области в единую сакскую культурную общность, имеющую ряд черт, роднящих ее с культурами скифских и савроматских племен, но и четко отграничивающуюся от них в погребальном обряде, керамике, украшениях, предметах быта и деталях «скифской триады», и, во-вторых, изучить локальные варианты сакской культуры¹⁴.

Культура ранних сармат (савроматов) была изучена К. Ф. Смирновым¹⁵, который доказал ее происхождение на основе предшествующих культур бронзового века — срубной и андроновской и раскрыл близость ее к восточным культурам скифского типа — сакским древностям Приаралья, Северного Казахстана, Сибири.

Как видно из вышесказанного, детальное изучение всех перечисленных культурных общностей подтвердило высказанную в докладе Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой на первой конференции мысль о том, что сходство всех указанных культур, за исключением, возможно, отдельных групп, объясняется не единством происхождения, а историческими связями, в которых существенную роль играли степные племена, обогащавшие эти культуры путем культурных и торговых сношений общими, так называемыми скифскими культурными элементами.

Однако дискуссия по этнокультурным проблемам вновь развернулась на второй конференции.

Доклад А. И. Тереножкина «Скифская культура» явился узловым с точки зрения поднятых в нем вопросов. По мнению А. И. Тереножкина, скифская культура была принесена на юг Восточной Европы скифами-иранцами из глубин Азии около середины VII в. до н. э. Ее характеризовали особые, чуждые местным культурам предметы вооружения, конской узды, звериный стиль и курганный обряд погребения. Эти признаки связывают скифскую культуру Северного Причерноморья с восточными культурами скифского типа на территории Евразии, такими, как савроматская, массагетская, сакская. Древнее автохтонное насе-

ление Северного Причерноморья было покорено и частично ассимилировано скифами, а культура этих племен влилась в скифскую в процессе формирования Скифии, внося в нее определенный вклад, результатом чего является наличие локальных вариантов.

Развивая некоторые положения своего доклада в ответах, А. И. Тереножкин отметил, что в степи и лесостепи Северного Причерноморья существовали не две культуры, а два различных хозяйственных уклада — кочевой и земледельческий — одного населения — скифов, с единой культурой, характеризующейся прежде всего изделиями из металла.

Эта точка зрения не является новой в скифологии. Ее в свое время высказал М. И. Ростовцев¹⁶. Расширительного толкования скифской культуры придерживались С. И. Руденко, С. П. Толстов и другие исследователи.

К этому докладу примыкал доклад В. А. Ильинской «О скифском Герросе времени Геродота». Основываясь на указании Геродота о нахождении Герроса на окраине Скифии, а также на малом количестве архаических скифских могил в степи и сведениях древних авторов о многочисленности и силе скифов, В. А. Ильинская предприняла попытку поиска этих могил в лесостепи и, в частности, отождествила вслед за Д. Я. Самоквасовым с Герросом курганы Посулья, причислив его таким образом к древнейшей территории Скифии, правда, с оговоркой, что курганы эти могли быть и дружинными кладбищами группы родственных племен, живших по Суле, Северскому Донцу, Пслу и Сейму.

Оба доклада вызвали очень оживленные прения. С поддержкой ряда положений, выдвинутых в названных докладах, выступили А. П. Смирнов, П. Д. Либеров, И. В. Синицын. П. Д. Либеров поддержал тезис А. И. Тереножкина о существовании единой культуры скифов на территории степи и лесостепи. Гипотеза, выдвинутая В. А. Ильинской, нашла поддержку у А. П. Смирнова.

С защитой существования двух культур в степи и лесостепи Северного Причерноморья выступили Б. Н. Граков¹⁷, А. И. Мелюкова, К. Ф. Смирнов, И. В. Яценко, Б. А. Шрамко. По их мнению, такие компоненты, как керамика, характер поселений и жилищ, детали погребального обряда, хозяйственный уклад, являются не второстепенными, а определяющими

¹⁴ С. П. Толстое, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена). СА, 1966, № 2, стр. 151 сл.; М. К. Кадырбаев. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 21 сл.; А. Х. Моргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 303 сл.

¹⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964.

¹⁶ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925; он же. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.

¹⁷ Из-за болезни Б. Н. Граков не мог присутствовать на заседаниях. Он прислал письменные замечания по ряду докладов.

ми в понятии культура. Таким же важным моментом является генезис групп населения, охваченного понятием определенной культуры. Геродот указывает на существование рядом со скифами нескифских племен, имевших скифский быт и скифские обычаи. При том понимании Скифии, которое дает А. И. Тереножкин, этим племенам места на карте не остается. Было указано также на данные письменных источников об ограничении собственно скифской территории только степью.

Гипотеза, выдвинутая В. А. Ильинской, подверглась критике. Выступившие в прениях Б. Н. Граков, Л. А. Ельницкий, Б. А. Шрамко говорили о недостаточно точной трактовке докладчицей письменного источника, Л. А. Ельницкий — о возможности совершенно иного размещения Герроса на основании тех же письменных источников; И. В. Яценко, объясняя малое количество скифских могил в степи, привела исторические параллели подобного явления у других народов в периоды больших военных походов. Кроме того, было указано на наличие генетической связи царских погребений IV в. до н. э. с более ранними в степи и отсутствие таковой с курганами Посулья, а также на необъяснимый факт переноса царского некрополя из Посулья на нижний Днепр в IV в. до н. э.

Развивая концепцию о существовании двух культур в степи и лесостепи," Б. А. Шрамко в докладе «К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии» показал, что и «основные отрасли хозяйства племен степи и лесостепи не только различны, но и опираются на несходные традиции».

Доклад Б. А. Шрамко вызвал возражения у В. А. Ильинской, которая, согласившись с Б. А. Шрамко, что племена лесостепи были создателями скифской материальной культуры, считает, что лесостепь населяли скифские земледельческие племена: скифы-пахари, скифы-земледельцы, скифы-алазоны, производство и хозяйство которых не имело местных традиций.

Вопрос о происхождении скифов, казалось бы решенный на первой конференции, также вновь стал предметом дискуссии.

За последние годы по проблеме поздней бронзы на юге Евразии было сделано много. Разработка хронологии бронзового века за рубежом и в нашей стране¹⁸ позволила определить начало срубной культуры XIV—XIII вв.

¹⁸ А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 63 сл.

до н. э. Кроме того, были пересмотрены последовательность саботиновского и белозерского этапов¹⁹. Широкие археологические исследования, произведенные в связи с новостройками на юге Украины, дали большой новый материал по поздней бронзе; памятников VIII—VII вв. до н. э. насчитывается теперь до 20, увеличилось и число погребений VII—VI вв. до н. э. Все это позволило А. М. Лескову в докладе «Предскифский период в степях Северного Причерноморья» на материале как поселений, так и погребений обособленно проследить непрерывную линию развития от памятников саботиновских к белозерским, от них к памятникам типа Новочеркасского клада и от последних — к собственно скифским. Развивая выдвинутое им ранее положение о происхождении скифской культуры от срубной, М. И. Артамонов говорил об исконности скифов в Северном Причерноморье, о том, что приход скифов из Азии — это возвращение их из переднеазиатских походов, а не появление вообще. А. И. Мелюкова и К. Ф. Смирнов высказали положения о преемственности в керамике, а также о происхождении некоторых видов скифского вооружения от срубных. В. В. Дворниченко привел примеры зарождения катакомбной формы могилы и подбоя в позднесрубной культуре. Б. Н. Граков указал, что существование воинских погребений в VIII—VII вв. до н. э. — это результат социального развития племен срубной культуры, а не появление новых этнических элементов.

Как показали в своих докладах В. И. Абаев и Г. Ф. Дебеч, лингвистический и антропологический материалы также не дают возможности говорить о смене языка и населения на юге Украины на рубеже эпохи бронзы и железа.

Совсем иная точка зрения прозвучала в докладе А. И. Тереножкина. Докладчик не видит в настоящее время какой-либо генетической связи между культурами срубной и скифской. Близость керамических форм он объясняет тем вкладом, который внесли в скифскую культуру ассимилированные скифами местные племена Северного Причерноморья.

Б. А. Шрамко согласился с А. И. Тереножкиным о приходе скифов в Северное Причерноморье в VII в. до н. э., но, по его мнению, скифы не принесли с собой весь тот комплекс, который мы называем «скифская культура».

¹⁹ Д. Я. Телегин. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. «Археологія», XII. Київ, 1961, стр. 3 сл.; А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96, 1961, стр. 20 сл. и др.

тура». Эта культура сложилась на юге Восточной Европы из слияния местных и привнесенных элементов, дополненных различными влияниями; важно выяснить соотношение компонентов в формировании этой культуры, ее действительных творцов.

Выступая по докладам А. И. Тереножкина и В. И. Абаева, Э. А. Грантовский, согласившись с В. И. Абаевым в том, что иранцы были в Юго-Восточной Европе задолго до скифского периода, возражал, что предки скифов и сарматов жили в Восточной Европе издревле. Основываясь на господстве у большей части скифских диалектов восточноиранского, он высказался за приход скифов с Востока, однако указать более конкретную прародину не смог.

А. П. Смирнов говорил о том, что срубная культура вошла как компонент во многие культуры раннего железного века, она была подстилающим слоем в степи и лесостепи, что и сближает эти территории. Культура же, представленная в докладе А. М. Лескова, по его мнению, ничего общего со срубной не имеет, если не считать отдельных вещей и керамики. Возражая ему, К. Ф. Смирнов заметил, что доклад А. М. Лескова отчетливо показывает, что в Северном Причерноморье имеется прямое развитие культуры и этноса, потому что «речь идет об органической преемственности между позднебронзовыми памятниками и раннескифскими» как в керамике, так и в деталях обряда, оружия и целом ряде других элементов. Элементы срубной культуры могли войти в разные культуры, но в скифской культуре они являются особенно значительными, единственно прослеженными с точки зрения этнографической и этнической.

Вопрос о государственности у скифов не стал предметом специального обсуждения на данной конференции. Выдвинутый в печати А. И. Тереножкиным тезис о возникновении государства у скифов еще в догородовское время²⁰ не нашел отражения в работе конференции. Был заслушан лишь общий доклад С. С. Черникова «Некоторые особенности классового общества у кочевников», в котором автор указал на примитивный характер основных признаков классового общества у кочевых племен евразийского пояса степей. Нечеткость форм и растянутость процесса классового образования объясняются, по мнению С. С. Черникова, отсутствием условий для прочного и систематического накопления у кочевников, легкой отчуждаемостью их богатств. Замедленность же

²⁰ А. И. Тереножкин. Об общественном строе у скифов. СА, 1965, № 1.

темпов социального развития неизбежно ведет и к замедленности темпов развития культуры.

Периоду существования государства у скифов в поздний период их истории был посвящен доклад П. Н. Шульца «Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму» и дополненное его сообщение М. И. Вязьмитиной и Т. Н. Высоцкой. В докладах разбирался вопрос о формировании культуры в условиях оседания кочевников на землю, прослеживались локальные отличия памятников на Днестре и в Крыму, подчеркивалась сложность этнического состава населения, роль различных влияний и исчезновение позднескифской культуры в III—IV вв. н. э. вместе с гибелью позднескифского государства и ассимиляцией скифов другими народностями.

Таким образом, отмеченные первой конференцией два направления в разработке основных вопросов скифской археологии продолжают сохраняться до настоящего времени. В резолюции конференции было отмечено: «Особенно дискуссионными остаются вопросы происхождения скифов и этническая принадлежность локальных вариантов Скифии, а также проблема скифской культуры Северного Причерноморья». Однако это отнюдь не означало, что в скифологии наблюдался застой за прошедшие годы. Напротив, достигнуты значительные успехи в освещении многих материалов и теоретических решений скифской проблемы в части происхождения скифской культуры, искусства скифов, культурно-экономических связей, хронологии скифских древностей, хозяйства скифов и племен лесостепи. Очень плодотворно разрабатывались локальные варианты культур скифского типа и изучались отдельные памятники, имеющие огромное значение в скифской истории, такие, как Каменское и Вельское городища, позднескифские городища на нижнем Днестре и в Крыму, сакские памятники в Приаралье, Центральном Казахстане и Туве и многие другие, что несомненно продвинуло разработку проблемы этнокультурного состава Скифии.

Конференция вынесла пожелания в целях эффективного археологического исследования Скифии усилить историкоисследовательскую работу, подготавливая полные публикации археологических памятников и исследование новых, для чего желательно более тесное объединение скифологов Москвы, Ленинграда, Киева.

Было высказано также пожелание создания общего труда по истории скифско-сибирского звериного стиля, где были бы отражены вопросы его происхождения, развития и локальных вариантов.

І. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СКИФОВЕДЕНИЯ

Г. Ф. Дебец О ФИЗИЧЕСКИХ ТИПАХ ЛЮДЕЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Из большого числа разнообразных проблем, которые встают при изучении физических типов людей скифской эпохи, я хотел бы остановиться на двух. Это, во-первых, вопрос о начальном этапе великого переселения народов, которое, как мне представляется, началось за несколько столетий до гуннов, где-то в первой половине I тысячелетия до н. э. Второй вопрос касается родины предков черноморских скифов.

Итак, о начальном этапе великого переселения народов. Здесь мы находимся в относительно хорошем положении благодаря тому, что речь идет о соотношении физических типов, довольно резко различающихся между собой, о так называемых расах первого порядка — европеоидах и монголоидах. Мы научились хорошо различать по черепам эти два основных физических типа населения нашей страны. Помимо уплощенности лица и слабого выпячивания носа за последнее время удалось найти числовое выражение другого признака — отношения величины лицевого скелета к величине передней части мозговой коробки. Это отношение не связано с уплощенностью лица. У отдельных особей эти признаки могут как угодно сочетаться между собой, иначе говоря, между ними нет корреляции. Однако при сопоставлении групп оба признака оказываются в определенном соотношении.

Отложив на оси ординат уплощенность лица, а на оси абсцисс — отношение лицевой и мозговой части, мы видим явственную межгрупповую связь обоих признаков¹, которая проявляется в неолите, в бронзовом веке, в скифское время и в наши дни. Никаких существенных изменений в этих признаках на протяжении по крайней мере 6 тысяч лет не происходит. Оба биологически независимых при-

знака связаны между собою не через биологию, а через историю.

Необходимость иметь по крайней мере два признака обусловлена тем, что, как бы ни был показателен один признак, он все-таки может подвергаться различным влияниям и мы можем впасть в ошибку, считая, что речь идет о примеси какого-то другого элемента, в то время как изменение вызвано иными факторами. При двух независимых признаках такого рода ошибки становятся маловероятными. Теперь внимание привлекается еще к одному признаку, вернее, к группе признаков, не зависимой от первых двух, — строение зубов. Наш сотрудник А. А. Зубов с большим успехом работает в этом направлении. К сожалению, коллекции, хранящиеся в наших музеях, в этом отношении очень плохи: за много лет зубы почти все утеряны, да и археологи привозят черепа не в очень хорошем состоянии.

Как же обстоит дело с расселением двух основных рас — европеоидной и монголоидной в скифское время?

В Грузии, в Армении, в степной и лесостепной частях Украины, в Эстонии, на Памире, в Азербайджане сочетание обоих упомянутых выше признаков такое же, как, например, у современных народов Кавказа. Никаких следов примеси монголоидов не обнаруживается. Прямо противоположным строением характеризуются черепа из плиточных могил Забайкалья, которые по этим признакам не отличаются от черепов современных бурят и тувинцев. Промежуточная в географическом отношении зона от Алтая до Поволжья является промежуточной и по антропологическим данным.

Череп бронзового века из этой промежуточной зоны (Казахстан, Хорезм, Алтай и Нижнее Поволжье) не отличаются по рассматриваемым признакам от черепов бронзового века из западных областей. От бронзового века до скифского времени в этой зоне произо-

¹ Демонстрировался график, опубликованный в статье автора «Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР» (сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии». М., 1968).

шло изменение обоих признаков, свидетельствующее об усилении доли монголоидного элемента. Следует подчеркнуть, что изменения происходят именно в указанной зоне, в то время как ни в Забайкалье, ни, с другой стороны, в Армении, Грузии и на Украине никаких существенных изменений в ту эпоху не отмечено. Таким образом, можно утверждать, что примерно одна четверть ареала скифских культур на Западе и одна четверть на Востоке оказываются вне зоны смешения, охватывающей половину ареала в его середине, причем доля монголоидного элемента больше всего в Туве, немного меньше ее на Алтае, еще меньше в Казахстане и совсем мало (но все-таки есть) — в Нижнем Поволжье у савроматов.

Встает вопрос: каковы же были исторические обстоятельства, которые привели к образованию этой зоны смешения?

Поскольку мы наблюдаем постепенное уменьшение доли монголоидного элемента к западу, то можно предположить, что речь идет не о переселении целых народов из Монголии, а о постепенном просачивании, или «генном потоке». Дело обстояло в этом случае таким образом: жители Тувы брали жен из Забайкалья, «алтайцы» женились на «тувинках», «иртышцы» — на «алтайках», «уральцы» — на «иртышках», «волжане» — на «уралках», и в результате через цепь браков монголоидные гены распространились до Нижнего Поволжья. Однако речь идет о расстоянии примерно в 3 тыс. км и, скажем, о десяти поколениях. Таким образом, в среднем каждое новое поколение женщин — носительниц монголоидных генов должно было вступать в браки на 300 км западнее, чем предшествующее поколение. Даже при кочевом образе жизни такая интенсивность «генного потока» представляется чрезмерной.

Вероятнее поэтому, что, когда у нас будет больше материала с территории Казахстана и из всех других областей, мы обнаружим там могильники племен, которые более или менее целиком продвинулись из Монголии за короткий промежуток времени.

Сложнее вопрос о прародине черноморских скифов. Известно, что черепа черноморских скифов совсем не отличаются от черепов людей срубной культуры. Но из этого еще не следует, что скифы — потомки людей срубной культуры. Дело в том, что здесь идет речь об одной расе первого порядка. Признаки, по которым различаются группы, входящие в одну большую расу, меняются — и меняются быстро да еще, может быть, в разных направлениях. Поэтому степень сход-

ства в таких группах далеко не соответствует степени родства.

Тем не менее представляется маловероятным, что значительная масса скифов пришла в Причерноморье. Если бы большая или, во всяком случае, значительная часть предков скифов пришла в Причерноморье из Средней Азии, то они должны были бы проходить через зону, в которой при недостаточно выясненных исторических обстоятельствах происходит смешение двух больших рас. В этом случае мы находили бы примесь монголоидного элемента не только у савроматов. Можно, впрочем, предположить, что смешение началось в VII в., а скифы прошли через Поволжье за сто лет до этого. Что же касается переселения через Кавказ, то оно маловероятно по соображениям историко-лингвистического свойства. В Средней Азии не найдено черепов, похожих на собственно скифские. Саки Приаралья и Тянь-Шаня явно смешаны с монголами. На Памире в сакское время жили «чистые» европеоиды, но их черепа отличаются от скифских настолько, насколько вообще могут отличаться две краниологические серии, характеризующиеся комплексом признаков европеоидной расы и долихокраным типом мозговой коробки.

Эти данные и свидетельствуют против предположения о смене значительной части населения причерноморских степей при переходе от срубной культуры к скифской. Здесь мы стоим, однако, на гораздо менее твердой почве, чем в отношении явлений, ознаменовавших начало великого переселения народов.

В заключение следует отметить, каковы были люди скифского времени не по расе, а по строению тела, так сказать, по физическому развитию. Хорошо известно, что в последние годы повсеместно наблюдается увеличение роста: восемнадцатилетние люди сейчас выше, чем тридцати- или сорокалетние. Увеличение роста идет не только после войны, оно шло и в XIX в. Можно ли этот процесс экстраполировать в глубь веков и считать, что в скифское время и в бронзовом веке люди были совсем маленькими? Ничего подобного, скифы были людьми довольно высокорослыми и довольно хорошо сложенными. Кости ног и рук у них немного длиннее и немного толще, чем у людей начала XX в. У нас есть материал скифского времени из Причерноморья, по памирским сакам, по Казахстану, по алтайским «скифам», по населению Тувы. Все они не очень отличались между собой, рост мужчин у них был в среднем 168—170 см. Поскольку кости были толще, чем у современных людей.

то это, вероятно, должно было соответствовать у взрослых мужчин среднему весу 65—67 кг (при условии среднего развития жировых отложений).

Таким образом, процесс увеличения роста, который сейчас происходит, не надо экстрапо-

лировать ни в прошлое, ни в будущее. Наблюдается, скорее, волнообразное изменение признаков физического развития. В изучении этих явлений открывается широкое поле сотрудничества антропологов и археологов.

**В. И. Абаев О НЕКОТОРЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
СКИФО-САРМАТСКОЙ ПРОБЛЕМЫ**

В настоящей статье я хочу затронуть три круга вопросов: древность иранского элемента в Южной России; диалектное членение скифо-сарматской речи; древние контакты скифо-сарматских племен с другими индоевропейскими и неиндоевропейскими этническими образованиями.

Во всех случаях я буду опираться исключительно на лингвистический материал. Исследованиями последних лет в осетинском языке выявлены следы древних контактов с языками европейского круга, восходящих ко времени не позднее второй половины II тысячелетия до н. э. Речь идет об общих элементах, или изоглоссах, связывающих осетинский язык с латинским, германскими, балтийскими, славянскими, тохарскими. Поскольку эти изоглоссы полностью отсутствуют в других иранских языках, их нельзя рассматривать как общее индоевропейское наследие. Объяснить их можно только как результат сепаратных контактов предков осетин с европейскими народами и, стало быть, рассматривать их не как ирано-европейские, а как специфические скифо-европейские изоглоссы.

Относящийся сюда лингвистический материал уже опубликован¹, и я отмечу только некоторые факты, существенные для датировки древнейшего слоя рассматриваемых изоглосс.

Решающее значение имеет здесь специфическое лексическое сходство осетинского с латинским. Известно, что римляне не являются исконными обитателями Италии. Они пришли туда из Средней Европы. Это переселение относят к концу II тысячелетия до н. э. Контакты скифов с предками римлян не могли иметь места на территории Италии. Никаких сведений о пребывании скифов в Италии

у нас нет. Стало быть, сепаратные связи скифского с латинским могли возникнуть только до переселения предков римлян в Италию, т. е. ранее конца II тысячелетия до н. э. К этому времени предки хеттов, греков и армян уже полностью отделились от других индоевропейских народов и их языки стали на путь самостоятельного развития. В то же время будущие италики, кельты, германцы, тохары, балтийцы, славяне занимали еще смежные территории в Средней и Восточной Европе и составляли хотя и не очень тесную и единообразную, но все же связанную рядом изоглоссов языковую общность, которую Краэ (Krahe) называет «древнеевропейской» (*alteuropäisch*). К этой общности примыкали на востоке и скифские племена, к тому времени обособившиеся от остальных иранских племен. Отсюда возникли специфические общие элементы, связывающие скифский язык либо со всеми отдельными представителями этой группы, в том числе и с будущим латинским языком. Языковые факты нельзя считать разъясненными, пока они не прикреплены к исторической действительности с определенными пространственными и временными координатами.

Если мы сравним, например, осетинское *mustælæg* (*mystulæg*) 'ласка' (животное) с латинским *mustela* в том же значении, бросается в глаза, что совпадает не только корень *mus*, но и оба форманта; *-t-* и *-el-* (*-æl-*). Если учесть, что это слово в такой форме не встречается больше ни в одном иранском или другом индоевропейском языке, то ничего не остается, как видеть здесь результат прямых контактов между скифами и предками римлян. Таким же разительным и ярким является совпадение имени бога-кузнеца в обоих языках: осет. *Wærgon* — лат. *Volcanus*. Здесь опять-таки совпадают не толь-

¹ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. «На стыке Востока и Запада». М., 1965.

жо корень (*wærg = volc*), но и формант (осет. *-on-*, лат. *-an-*). Таких специфических осетинско-латинских изоглосс имеется с десяток, и датировать их приходится временем не позднее второй половины II тысячелетия до н. э. Но раз так, то вопрос о древности североиранского элемента в Европе нуждается в пересмотре. Если раньше, опираясь на рассказ Геродота о вторжении скифов с востока, приурочивали первое появление иранского элемента в Южной России к VIII—VII вв. до н. э., то теперь это вторжение, если оно действительно имело место, приходится рассматривать уже не как начало какой-то совершенно новой эры в этнокультурной истории юга России, а как одно из периодически повторявшихся передвижений иранских племен на занимаемой ими обширной территории, искони включавшей в себя Северное Причерноморье. Если раньше иранский элемент в Средней Азии считался исконным, а в Восточной Европе пришлым, то теперь более вероятным представляется обратное: иранский элемент был исконным в Восточной Европе и пришлым в Средней Азии². В связи с этим вопрос об этнической принадлежности киммерийцев решается теперь более уверенно, чем раньше, — в пользу отнесения их к тем же североиранским племенам, другие представители которых были известны под именем скифов, сарматов и пр.

Одним из интересных и вместе с тем весьма трудных для решения лингвистических вопросов, связанных с изучением скифо-сарматского мира, является вопрос о диалектных различиях внутри этого мира. Вс. Миллер и М. Фасмер, установившие языковую близость скифо-сарматских имен и названий к осетинским, не уделили должного внимания тому факту, что в эпиграфическом материале распознаются не одна, а несколько фонетических норм.

В 1952 г. появилась работа венгерского ученого Яноша Харматта «О языке иранских племен в Южной России»³. В ней делается попытка выявить в дошедшем до нас материале скифо-сарматской ономастики следы определенных диалектных различий. Автор критикует представление о единообразии скифо-сарматской речи, считая его данью ошибочной, по его мнению, концепции родословного древа. Он исходит из исконной диалектной пестроты ски-

фо-сарматского мира и утверждает, что даже в дошедшем до нас весьма скудном материале можно по фонетическим признакам постулировать существование трех или даже четырех диалектов.

В рецензии на работу Харматта⁴ я обратил внимание на один уязвимый пункт в аргументации венгерского ираниста. Надписи, из которых извлечен скифо-сарматский ономастический материал, принадлежат не к одному синхронному срезу, а к разным эпохам. И хотя можно утверждать, что в этом материале выявляются разные звуковые нормы, нельзя считать доказанным, что эти различия сосуществовали в одну эпоху. Их можно с таким же правом рассматривать как разные ступени развития одного и того же языка. Так, если мы в надписи III в. до н. э. находим в каком-нибудь имени звук *p* (норма древнеиранского языка), а в надписи III в. н. э. звук *f* (норма осетинского языка), то это не означает обязательно, что нормы *p* и *f* сосуществовали в двух разных скифо-сарматских диалектах. Возможно, что один и тот же язык эволюционизировал за пять столетий от нормы *p* к норме *f*, т. е. от состояния, близкого к древнеиранскому, в сторону того состояния, которое характерно для осетинского языка.

После Я. Харматта ценный вклад в изучение языковых и диалектных отношений в скифо-сарматском мире внес чешский ученый Ладислав Згуста в известной книге о личных именах греческих городов Северного Причерноморья⁵. Анализ фонетических особенностей «варварских» имен Северного Причерноморья приводит его к убеждению о существовании двух диалектов: более архаичного, бытовавшего в западной части рассматриваемого ареала (надписи Ольвии, Херсонеса), и более «молодого» — в восточной части (Пантикапей, Танаис, Тамань). Первый диалект сохраняет еще многие черты древнеиранского состояния, во втором начинают распознаваться особенности, присущие осетинскому языку. Первый диалект автор склонен определить как скифский, второй — как сарматский. Различия между ними были, по его мнению, не слишком глубокими, так что есть все данные, чтобы говорить о языковом единстве скифо-сарматского мира: «Из этого можно также сделать вывод, что оба диалекта были очень близки друг другу, что вместе они образовывали один

² Обращает на себя внимание, что специфическое для скифского *dan* 'река' хорошо представлено в гидронимии Восточной Европы, но отсутствует в гидронимии Средней Азии.

³ J. Harmatta. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia. Budapest, 1952.

⁴ ИАН ОЛЯ, вып. 5, 1953, стр. 487—490.

⁵ L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 245—266.

язык»⁶. Згуста оговаривает гипотетический характер своих выводов: «К сожалению, материал очень отрывочен, так что мы не можем получить полной картины»⁷.

Концепция двух диалектов, скифского и сарматского, которую принимал еще Фасмер, имеет наиболее солидную базу. В течение какого-то периода более архаичный «скифский» мог сосуществовать с более продвинутым в своем развитии «сарматским», как в осетинском более архаичный дигорский диалект сосуществует с более «молодым» иранским. Выводы Згусты, как и выводы Харматта, нуждаются в уточнении в одном направлении — более тщательного учета относительной и абсолютной хронологии разбираемых фактов.

В настоящее время мы располагаем для суждения о языковых отношениях в североиранском мире еще одним источником: памятниками сакского или хотаносакского языка VII—X вв. н. э., найденными в Синцзяне. Сакский язык принадлежит, несомненно, к одной группе со скифо-сарматскими наречиями. Но он отделился от основного скифского массива очень рано, не позднее V в. до н. э. Как и следовало ожидать, он сохранил многие характеристики, сближающие его с тем языком южнорусских «варварских» имен, который Згуста называет более архаичным, или собственно скифским. Так, в нем удерживается фонема *p*, которая в позднесарматском и осетинском перешла в *f*. В нем удержалась также группа *rt*, которая в скифском и сарматском уже во время Геродота стала переходить в */*. Нет следов метатезы согласных типа *tr* → *rt*, *dr* → *rd*, *xr* → *rx* и т. п., столь характерной для сарматского и осетинского. Это значит, что сакский язык не разделял тех инноваций, которые характерны для позднескифского и сарматского. Зато в нем множество инноваций, характерных только для него. Это и не удивительно. Ведь его самостоятельная, в отрыве от остального скифского мира жизнь продолжалась не менее 15 столетий. Вместе с тем есть основания думать, что некоторые особенности сакского восходят к глубокой древности и отражают диалектные различия внутри североиранского мира еще до его распада. Таковы расхождения в основном словарном фонде, в частности в такой консервативной части речи, как местоимения. Так, местоимение второго лица мн. ч. звучит в сакском *uhu*, в осетинском *smax*; указательное местоимение в сакском *sa*, в осетинском *n-\\o*. Раз-

личается также числительное «один»: в сакском *ššau*, в осетинском *iw||ew*. Все это говорит о том, что предок сакского и предок осетинского не были одним и тем же языком, что они были разными диалектами скифского языка еще в древнейшую эпоху. Но если между ними были некоторые существенные различия, то еще больше сходства, так что и с этой стороны находит подтверждение вывод, к которому пришел Згуста в результате разбора скифо-сарматского материала из Южной России: диалектные различия существовали, но не были очень значительными и не нарушали языкового единства североиранского мира.

В заключение я хотел коснуться еще одного вопроса: с какими другими народами имели общение и культурный обмен скифо-сарматские племена в древнюю эпоху? Данные языка приводят достаточно материала для ответа на этот вопрос. Осетинский язык сохранил явные следы древних контактов как с неиндоевропейскими, так и индоевропейскими языками. Из неиндоевропейских особенно важны связи с угро-финскими и кавказскими языками, из индоевропейских — связи с языками европейского круга: «праиталийскими», кельтскими, германскими, «пратохарскими», балтийскими, славянскими. Эти контакты охватывают период от второй половины II тысячелетия до н. э. до первых веков н. э.

Лексические изоглоссы, связывающие осетинский с перечисленными языками, позволяют нередко сделать определенные заключения о том, в какой сфере хозяйства и быта имел место культурный обмен. Относящийся сюда материал в основном уже опубликован. Поэтому ограничусь несколькими показательными фактами.

Среди осетино-угрофинских изоглосс выделяются названия металлов:

коми *zagrñ* — осет. *zærin* 'золото'

удмурт. *azvës* — осет. *ævzist, ævzestæ* 'серебро'

коми *yrgön* — манси *ärgin* — осет. *ærxu* 'медь'

коми *kört* — удмурт. *kort* 'железо' — осет. *kard* 'нож'.

Скифское название стали *andan* (осет. *ændon*) усвоено как в восточнофинских языках: (удмурт. *andan*, коми *jemdon*), так и в кавказских (чечен. *ondun*, ингуш. *ondæ*).

Приведенные угро-финские названия золота, железа и стали идут, несомненно, из иранского. В отношении названий меди и серебра нет полной ясности. Но независимо от направления заимствования ясно одно, что металлур-

⁶ L: Zgusta. Указ. соч., стр. 254.

⁷ Там же, стр. 245.

гия была той сферой, где происходил особенно интенсивный культурный обмен между скифами и угро-финнами.

С европейскими языками осетинский связан десятками лексических изоглосс, среди которых выделяется компактная группа сельскохозяйственных терминов. Эти общие агрикультурные термины столь же характерны для скифо-европейских культурных связей, как металлургические термины для связей с угро-финнами.

Такие термины, как названия ярма и некоторых его частей, бороны, колоса, серпа, овса, урожая, ступы, несомненно ведут к европейским языкам и чужды остальному иранскому миру. Создается определенное впечатление, что область соседства скифов с европейцами была той зоной, где североиранские кочевники переходили на оседлость и земледелие. Этот вывод отлично согласуется с показаниями Геродота, который помещает скифов-пахарей на западе скифского мира.

Среди лексических изоглосс, связывающих осетинский язык с европейскими, перечисленными выше, выделяются, с одной стороны, слова, общие для всей европейской группы (название моря), с другой — наличные только в отдельных языках: в латинском (*mustela*, осет. *mustælxæg* 'ласка'; *Volcanus*, осет. *Wærgon* 'бог-кузнец'); в германском (др.-в.-нем. *felaxva* 'ива', осет. *færv* 'ольха'; др.-в.-нем. *rachinze*, осет. *ræxis* 'цепь'); в балтийском (лит. *balandis* — осет. *bælon*, 'голубь'); в славянском (слав. *гласъ* — осет. *qælæs*), тохарском (тох. *peret* — осет. *færæt* из *parat* 'топор'; тох. *witsako* — осет. *widag* 'корень').

Эти факты дают основание думать, что в известные периоды скифы входили в более тесный контакт с отдельными представителями европейской группы.

Хронология и последовательность этих контактов подлежат дальнейшему исследованию и уточнению.

В. И. Цалкин

ЖИВОТНОВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

На протяжении последних десятилетий изучение костных останков из раскопок восточноевропейских памятников поздней бронзы и раннего железного века производилось в очень широких масштабах. В силу этого к настоящему времени мы располагаем весьма обширным материалом, который позволяет не только охарактеризовать домашних животных и животноводство различных археологических культур данного времени, но и приступить к выяснению характера тех изменений, которые претерпевала указанная область хозяйственной деятельности. Удобным материалом для этого является сравнение остеологических данных по аллохронным археологическим комплексам, существовавшим на одной и той же территории. В Северном Причерноморье такими комплексами служат поселения срубной культуры, с одной стороны, и скифские городища — с другой; в Среднем Поволжье — те же поселения срубной культуры и городища городищной культуры; в Среднем Подонье — срубные и абашевские поселения, с одной стороны, и многочисленные памятники скифского времени — с другой.

Прежде чем перейти к изложению основного материала, я хотел бы подчеркнуть, что животноводство у племен поздней бронзы должно характеризоваться как очень высокоразвитое.

Различным восточноевропейским племенам культур поздней бронзы были уже известны все основные виды сельскохозяйственных животных — крупный рогатый скот, овца, коза, свинья и лошадь.

Если не вкралась ошибка в определении, проводившиеся в 30-х годах, то известен был племенам срубной культуры и верблюды, который, впрочем, и в раннем железном веке продолжает оставаться в Восточной Европе животным весьма редким, за исключением такого памятника, как Танаис.

Ранний железный век в видовой состав домашних животных не вносит ничего принципиально нового. Появляются домашний осел и домашняя кошка. Распространение их в Северном Причерноморье связано с греческой колонизацией. Но значение обоих этих видов в хозяйственной жизни восточноевропейских племен раннего железного века настолько ни-

чтожно, то позволяет говорить о малом изменении состава домашних животных вообще.

Совершенно по-иному обстоит вопрос с породным составом домашних животных.

Крупный рогатый скот, как можно установить точными методами статистического анализа размера костей, а следовательно, и самих животных, по сравнению с поздней бронзой сильно мельчает; животное теряет в холке примерно 5 см, что, учитывая сравнительно небольшой размер скота того времени, является величиной очень значительной.

В раннем железе сильно мельчают овца и свинья, а также лошадь, которая, подобно крупному рогатому скоту, тоже теряет в холке примерно 5—6 см. То есть мы наблюдаем некоторый универсальный процесс уменьшения размеров, который охватывает все поголовье сельскохозяйственных животных.

Констатировать это явление можно с достаточной полнотой и точностью, но характеризовать причины, его вызывающие, в настоящее время очень трудно. Обычно измельчание животных представляет собой их реакцию на неблагоприятные условия содержания и прежде всего кормления. Но возникает вопрос: почему эти условия создаются именно в раннем железе? Ответить на него в настоящее время мы не в состоянии.

Кроме того, предвзято слишком поспешные суждения, надо сказать, что крупный рогатый скот, который в настоящее время изучен лучше, чем какой-нибудь другой вид домашних животных, обнаруживает процесс постепенного уменьшения размеров уже начиная с неолита. Этот процесс усиливается в поздней бронзе, еще больше нарастает в раннем железном веке и, наконец, приходит к своему максимуму в средневековье, когда скот достигает пределов деградации и в этом виде в сущности доходит до конца XIX — начала XX в., когда он начинает подвергаться воздействию улучшающих заводских пород.

Таким образом, этот вопрос очень неясен и в настоящее время дать убедительный ответ о причинах рассматриваемого явления мы не можем.

Однако исторические изменения животноводства в раннем железном веке не ограничиваются заметными изменениями породного состава животных. Подвергается весьма значительным и, может быть, еще более сильным изменениям состав стада животных, причем картина, которая разворачивается здесь, довольно сложна. В памятниках поздней бронзы господствующий вид домашних животных всегда крупный рогатый скот — это основной

вид животноводства в Восточной Европе того времени. В памятниках раннего железа мы повсеместно наблюдаем падение численности крупного рогатого скота, количество и роль его в стаде заметно снижаются и местами он отходит на задний план, уступая первое место какому-либо другому виду. Это универсальный процесс, наблюдающийся в степной и лесостепной полосах Восточной Европы.

Что же касается изменения других видов, то здесь мы наблюдаем совершенно иную картину, свидетельствующую о чертах локального своеобразия. В Северном Причерноморье, например, в раннем железе чрезвычайно возрастает роль в животноводстве мелкого рогатого скота, прежде всего овец, что придает животноводству даже оседлых племен Северного Причерноморья в известной мере кочевнический облик; по составу домашних животных они очень напоминают значительно более поздние памятники, например памятники волжских болгар, Золотой Орды и хазар. В Среднем Поволжье, однако, мы не наблюдаем того же явления: наоборот, количество овец там не только не растет, но снижается в три раза; зато необычайно сильно возрастает количество лошадей, которые становятся основным объектом местного животноводства у племен городищской культуры. В Среднем Подонье изменению подвергаются главным образом количество свиней и еще в большей степени количество лошадей. Это увеличение количества свиней, возрастание количества лошадей в стаде очень сближает городищскую культуру и памятники скифского времени в Среднем Подонье с лесными культурами или городищами скифского времени, расположенными в самом северном районе лесостепи.

Таким образом, мы можем констатировать, что изменение состава стада в степной и лесостепной полосах происходило в различных направлениях. И если в Северном Причерноморье мы наблюдаем появление известного кочевнического оттенка, то, наоборот, племена Среднего Поволжья и Среднего Подонья, поскольку можно об этом судить на основании состава стада, характеризуются высоким уровнем оседлости.

Некоторые определенные изменения могут быть констатированы также и в экономическом значении охоты. Племена поздней бронзы — это племена земледельческо-животноводческие, не уделяющие охоте сколько-нибудь серьезного внимания; роль охоты в жизни этих племен минимальна, что очень наглядно характеризуется крайне малым процентом костей диких животных в культурном

слое поселений. В раннем железном веке в Северном Причерноморье картина не изменяется. Охота в жизни населения скифских городищ играет такую же ничтожную роль, как и в поздней бронзе. Исключения составляют только очень немногие памятники скифского времени, такие, как Каменский акрополь, может быть, отчасти Гавриловское городище, что скорее всего объясняется специфическим социальным значением этих памятников. Что же касается Среднего Поволжья и Среднего Подонья, то там картина иная. В раннем железном веке значение охоты вырастает очень резко, в два раза — в Среднем Поволжье и в пять раз — в Среднем Подонье. Охота становится гораздо более значительной отраслью в хозяйстве этих племен.

Таковы три основные особенности, которые

2
обращают на себя внимание при сравнительном анализе остеологических материалов из раскопок памятников поздней бронзы и раннего железа.

Располагая довольно значительным материалом, зоологи могут без особых затруднений констатировать существование этих исторических различий, но предложить им полноценное научное объяснение они не в состоянии. Это гораздо успешнее, вероятно, могут сделать археологи, располагающие широким комплексом археологических данных, которые позволяют воссоздать хозяйственный быт населения того времени. Цель этого краткого сообщения сводится именно к тому, чтобы привлечь внимание археологов к этим явлениям и побудить принять участие в их разрешении.

А. И. Тереножкин СКИФСКАЯ КУЛЬТУРА

Наше время ознаменовалось значительными достижениями в скифоведении. Впервые стали известными подлинные культуры позднейшего предскифского времени. Весьма далеко продвинулось изучение кочевого и оседлого населения степной Скифии, плодотворно исследовались локальные группы скифской культуры в лесостепи. Раскопано большое количество курганов, городищ и неукрепленных селищ, сделаны открытия, имеющие принципиальное значение. Опубликованы ценные обобщающие труды о Скифии, ее памятниках и искусстве.

Однако на пути дальнейшего прогресса скифоведения возникли и свои серьезные трудности. Главным тормозом в его развитии сейчас, как мне кажется, служит возникшее расхождение в определении самой скифской культуры. Что под ней нужно понимать — поиску решения этого вопроса и посвящена настоящая статья.

М. И. Ростовцев был первым, кто смог на широкой исторической и археологической основе поставить вопрос о характере скифской культуры. В его понимании в Скифию прочно входили Прикубанье, Подонье, степи Крыма, Поднепровья и Побужья, а в территорию, контролируемую скифами, им включались также Киевщина, Полтавщина, район Воронежа, степное Поволжье и Оренбургский край. М. И. Ростовцев считал, что население Ски-

фии не было единым как по своей этнической принадлежности, так и по культуре. В господствовавших в стране скифах он видел пришлых иранцев-завоевателей, которые принесли с собой на юг России восточную, собственно древнеперсидскую культуру, а в подвластном им народе — автохтонных земледельцев, носителей местной культуры, связанных происхождением с западом, с северной частью Балканского полуострова и со Средней Европой. Местная культура в Среднем Поднепровье и Побужье (выделенная и поставленная в связь с гальштатом А. А. Спицыным), по мнению М. И. Ростовцева, обнаружила при этом особенную стойкость. «Иранство встретило здесь, — пишет он, — более чуждый ему и более цепкий уклад жизни (чем на киммерийском юге. — А. Т.) и только покрыло его наносом своей культуры, почти не проникшей в низы населения... Весь фон здесь — местный... настолько сильный, что его усвоили и скифы-пришельцы. Под его влиянием они изменили и форму своих погребений, и самый обряд его; иранские, греческие и ирано-греческие вещи сочетаются здесь, не сливаясь, как две самостоятельные струи, с керамикой, оружием, предметами утвари и туалета, далекими Востоку и близкими западному гальштату... а затем кельтскому латену... Приднепровье и Побужье, хотя и были под властью скифов, но скифскими не сделались. Они жили, как и;

раньше, своей самобытной и чуждой скифскому укладу жизнью»¹.

Благодаря выделению савроматской культуры было установлено, что вопреки взглядам М. И. Ростовцева степное Поволжье и Южное Приуралье не могли входить в состав Скифии, что ее восточной границей, соответственно сообщению Геродота, служила река Танаис (Дон). Более жизненной оказалась идея М. И. Ростовцева о двух культурах Скифии Геродота, которая в течение длительного времени, особенно на Западе, являлась господствующей в археологии, а в сущности, как это будет видно из дальнейшего, не утратила своего значения и в настоящее время.

После окончания Великой Отечественной войны наибольшее внимание вопросам скифской культуры стало уделяться в трудах Б. Н. Гракова и М. И. Артамонова.

Б. Н. Граков в своей популярной книге о скифах, вышедшей в конце 40-х годов, описал Скифию как обширное политическое образование, в которое входила почти вся территория Украины, и соответственно с этим размещал известные по Геродоту кочевые скифские племена в степном Причерноморье, а оседлых земледельцев — в лесостепи. Скифия, как считал он, соответствовала существовавшему в ту пору скифскому этническому и культурному единству, которое сложилось в результате смешения пришлых с востока ираноязычных скифов-кочевников с покоренными ими оседлыми аборигенами. Культурная общность объясняется здесь результатами сочетания собственно скифских элементов (предметы вооружения, принадлежности конской узды, звериный стиль) с местными (погребальный обряд, керамика и пр.). Соседей скифов — неуров, меланхленов, будинов и гелонов Б. Н. Граков, следуя букве свидетельства «отца истории», уверенно отождествлял с населением, жившим в Верхнем Поднепровье и в Средней России².

В те же годы, но с иных позиций к скифскому вопросу подошел М. И. Артамонов. Изучая этногеографию Скифии, он сделал вывод, что существующие традиционные представления о ее территории находятся якобы в явном противоречии с данными археологии, что в соответствии с ними в Скифию можно включать лишь степи Северного Причерноморья и крайний запад лесостепи, в границах Побужья и Поднестровья, тогда как Среднее Поднепро-

вье, население которого отличалось особым образом жизни, следует рассматривать в качестве нескифской земли, занятой соседями скифов — будинами, гелонами, неврами и др.³

М. И. Артамонов, по-своему истолковавший вывод М. И. Ростовцева о двух культурах Скифии Геродота, скоро нашел поддержку со стороны Б. Н. Гракова. Свою новую точку зрения на характер культуры Скифии Б. Н. Граков обстоятельно изложил в совместном с А. И. Мелюковой докладе на конференции Института археологии АН СССР в 1952 г. в Москве, посвященной вопросам скифо-сарматской археологии⁴. В кратком виде суть их доклада, существенно сказавшегося на развитии современного скифоведения, была очень удачно изложена в вводной статье Н. Н. Погребовой. Она пишет: «Основное положение доклада сводится к тому, что собственно скифами нужно считать только степных скифов, которые объединились в союз родственных племен, частью земледельческих, частью кочевых, с племенами кочевых царских скифов во главе, которые этнически отличались от племен, живших в лесостепи. Таким образом, такие культурные области, как Среднее Поднепровье и Прикубанье, которые по старой традиции скифской археологии, казалось, прочно входили в состав Скифии, даже более того — считались областями, где характерные черты скифской культуры проявились особенно ярко, остаются, по мысли авторов доклада, за пределами собственно Скифии... Путем сопоставления и анализа археологического материала — погребальных сооружений и обряда, характера поселений, керамики и украшений — в докладе было показано резкое отличие лесостепной культуры скифского времени от степной. Точно так же в нем отмечены своеобразные черты культуры Прикубанья скифского времени, отличающие ее от культуры степной Скифии. В докладе утверждается, что кажущееся единство культуры разных областей Северного Причерноморья создавалось распространением на всем этом пространстве однородных элементов так называемой скифской культуры, которые в основном сводятся к единству трех категорий: оружия, конского убора и звериного стиля («скифской триады», по Б. Н. Гракову). Иными словами, это те

¹ М. И. Ростовцев. Эллинизация и иранство на юго-востоке России. Пг., 1918, стр. 76.

² Б. Н. Граков. Скифия. Київ, 1947, стр. 16 и сл.

³ М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. «Уч. зап. ЛГУ», № 85, 1949, стр. 157 и сл.

⁴ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время, ВССА, М., 1954.

портативные элементы, которые легко переходили от племени к племени, выходя за пределы Северного Причерноморья и связывая с причерноморскими скифами такие этнически различные культуры, как ананьинскую, тагарскую, горноалтайскую и др.»⁵.

Изложенные взгляды о двух культурах Скифии Геродота — скифской степной и нескифской лесостепной, — согласно которым Среднее Поднепровье и Прикубанье не входили в Скифию, нашли поддержку со стороны большинства участников конференции. Лишь немногие, в том числе П. Н. Шульц, П. Д. Либеров, В. А. Ильинская и автор, продолжали отстаивать тогда близкие к традиционным представления о Скифии как политическом объединении этнографически разнородного степного и лесостепного населения, имевшего единую скифскую культуру.

Неприемлемость гипотезы двух культур я вижу в том, что она одинаково не соответствует данным письменных источников и археологии.

Очень слабо, например, аргументировано заключение М. И. Артамонова о том, что Среднее Поднепровье занимали «будино-гелонские» племена, которые сильно отличались по культуре от скифов-пахарей в лесостепном Побужье и Поднестровье, а потому и; не могли «холить в Скифию»⁶. Высказывая такое утверждение, он сам же был вынужден признать, что по археологическим данным (а никаких иных у нас не имеется) его скифы-пахари стоят ближе к населению Среднего Поднепровья, чем к степным скифам. Он пишет: «При всех явных отличиях днепровских и среднеднепровских курганов по устройству погребений, по составу и по формам некоторой части инвентаря несомненно, что в этнокультурном отношении скифы-пахари по археологическим признакам стоят ближе к нескифскому среднеднепровскому и будинскому населению, чем к нижнеднепровским, особенно точевым, скифам»⁷. При ближайшем ознакомлении выясняется, что отличия курганов днепровских от днепровских, о которых пишет М. И. Артамонов, являются только локальными и никак не могут свидетельствовать в пользу его мысли о невхождении Среднего Поднепровья в Скифию.

Нельзя согласиться с положением Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой, что скифскую культуру следует выделять лишь по погребальному обряду, типам поселений, керамике и украшениям. В данном случае ими допускается явная недооценка руководящего значения таких важнейших в условиях скифского подвижного военного быта категорий, какими являются оружие, конский убор и звериный стиль. Ведь их определяющая роль видна прежде всего в том, что они послужили главным основанием при установлении круга культур скифского типа Евразии. Во всех этих культурах вещи такого рода действительно сходны, но в то же время каждая из них достаточно своеобразна как по общему характеру, так и по составу наборов и особенностям звериного стиля. Наличие аналогий может в отдельных случаях затруднять решение частных вопросов, но не влияет на определение характера различных культур. В этом отношении вполне поучительным примером может служить и недавно выделенная М. К. Кадырбаевым тасмолинская культура в Центральном Казахстане, отличающаяся не только специфическим типом погребальных памятников, но и ярко выраженными особенностями состава предметов вооружения, конских уздечных принадлежностей, колчаных наборов наконечников стрел, звериного стиля и др.⁸ Комплекс подобных предметов из курганов Причерноморья не смешивается ни с ананьинским, ни с савроматским. «При общем сходстве скифо-сибирского звериного стиля на всей территории Евразии, — пишет К. Ф. Смирнов, — выделяются и локальные особенности. Так, например, звериный стиль Северного Причерноморья и Прикубанья в значительной степени отличается от звериного стиля Южной Сибири как по мотивам, так и по стилистическим признакам. Весьма выразительным было зооморфное искусство ананьинских племен Прикамья и Урала»⁹. Особую провинцию звериного стиля составляла и территория савроматов VI—IV вв. до н. э., степное Поволжье и Южное Приуралье¹⁰.

Отметим то общеизвестное и существенное обстоятельство, что скифская архаика стала известной нам исключительно

⁵ И. Н. Погребова. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. ВССА. М., 1954, стр. 16, 17.

⁶ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 154 и сл.

⁷ Там же, стр. 165.

⁸ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 303 сл.; М. К. Кадырбаев. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 21 сл.

⁹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 216.

¹⁰ Там же, стр. 242.

по обильным и ярким материалам, происходящим как раз из курганов Среднего Поднепровья и Прикубанья, а отнюдь не по маловыразительным находкам в скифских могилах VI в. до н. э., которые рассеянно и единично встречаются в степях Причерноморья. Таким образом, получается нечто парадоксальное: ранняя скифская культура оказалась выявленной в результате исследования памятников, принадлежность которых к собственно скифской культуре в настоящее время предлагается категорически отвергнуть!

Очевидно, что без надлежащего учета и самого широкого использования предметов вооружения, конских уборов и звериного стиля, т. е. всего того, что составляет массовый, а очень часто и единственный материал степных и лесостепных гробниц, не может решаться ни один из аспектов скифской проблемы вообще, не может решаться и вопрос о скифской культуре.

Факт широкого распространения такого рода вещей никак нельзя расценивать иначе, чем прямое подтверждение существования культурного единства населения степной и лесостепной Скифии. Не случайно же, например, влияние скифской культуры на Кавказе, в Передней Азии и в Центральной Европе исследователи устанавливают, руководствуясь находками типичных скифских акинаков, бронзовых наконечников стрел, уздечных наборов и вещей в зверином стиле.

Не о двух, а об одной культуре Геродотовой Скифии свидетельствуют и все прочие археологические материалы. К глубокому сожалению, раннескифские источники, имеющие решающее значение для интересующей нас проблемы, оказываются очень неравноценными и трудносопоставимыми ввиду того, что лесостепь представлена ими изобильно, а степь — весьма бедно. Мы еще плохо знаем степные поселения, мало в нашем распоряжении и образцов керамики из скифских курганов. Вполне возможно, что кочевые скифы времени архаики отличались по украшениям от лесостепного населения, но проверить это мнение вследствие отсутствия степного материала пока еще невозможно.

Рассмотрим здесь поселения, погребальные памятники и керамику, которым придается главное значение при выделении двух культур.

Как известно, для лесостепи были типичны могилы с деревянными перекрытиями и деревянные столбовые гробницы с дромосом, сооружавшиеся в прямоугольных ямах или на подкурганной поверхности. Такие гробницы иногда (это чаще наблюдается к западу от

Днепра) поджигались или совсем сжигались при похоронах. Могилы знати содержат богатые погребальные дары, а на Киевщине и Черкасщине в них встречаются также человеческие и конские жертвоприношения. Что это — дорогой и по-варварски торжественный погребальный обряд является специфическим признаком особой лесостепной культуры, никем никогда не было доказано. Он обнаруживается здесь в уже вполне сложившихся формах как очевидное нововведение VII в. до н. э., которому сопутствует весь остальной скифский комплекс — различного рода предметы вооружения, конский убор, принадлежности культуры и звериный стиль. Отсюда можно сделать вывод, что хорошо известные нам по лесостепным курганам погребальные сооружения и обряд составляли одну из главных особенностей изначальной, исконно скифской культуры.

Едва ли не главным доводом в пользу такого решения вопроса служит и то обстоятельство, что лесостепной обряд в основных чертах точно соответствует описанию похорон скифского царя V в. до н. э., совершавшихся в большой четырехугольной яме с деревянными конструкциями (Геродот IV, 71).

Прямых параллелей между ранними степными и лесостепными курганами очень не много. По-видимому, мы не найдем никакого другого объяснения тому факту, что на нашей юге могилы ранних кочевых скифов встречаются крайне редко, если не прибегнем к прямому свидетельству Геродота об особом кладбище скифских царей, находившихся где-то на северо-востоке, в самой отдаленной части Скифии, в Герросе. Очевидно, похороны и прочих скифов-кочевников в ту раннюю пору совершались в подобных же заповедных некрополях на севере, где-нибудь в лесостепи на землях подвластных им земледельческим племен. Выделение такого рода кладбищ степных скифов из состава курганных могильников местного оседлого населения в Среднем Поднепровье стало одной из актуальнейших задач скифоведения¹¹.

Приведем перечень степных курганов с захоронениями, соответствующими по обряду описанию похорон скифского царя у Геродота. Так, в кургане около Никополя была обнаружена деревянная гробница, относящаяся, судя по находке в ней больших бронзовых фигурных блях келермесского типа, к первой поло-

¹¹ В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, стр. 186—188.

вине VI в. до н. э.¹² Около с. Большая Знаменка на левом берегу Днепра, напротив Никополя, Д. Я. Самоквасовым был раскопан курган, по-видимому, V в. до н. э., в котором оказалась прямоугольная могильная яма с остатками деревянного склепа в виде брусьев от обшивки стен и столбов по углам¹³. Тем же исследователем раскопано несколько скифских курганов неуточненного возраста с деревянными погребальными сооружениями около с. Новогригорьевка на р. Конке¹⁴. Широко известен богатый скифский курган IV в. до н. э. со сложным деревянным погребальным сооружением, раскопанный Н. И. Веселовским в урочище Дортоба в степном Крыму¹⁵. В нескольких курганах конца VI — V в. до н. э. у хутора Аджигол на берегу Бугского лимана, исследованных М. Эбертом, были обнаружены прямоугольные могильные ямы с бревенчатыми перекрытиями¹⁶. Под маленьким каменным курганом на речке Калитве, левом притоке Северского Донца, найдены остатки богатейшего погребения начала VI в. до н. э., находившегося, по-видимому, в деревянной сожженной гробнице¹⁷. Около Ростова-на-Дону в 1968 г. В. Я. Кияшко раскопал подобный Маленький каменный курган самого раннего скифского времени, вероятно, не позднее второй половины VII в. до н. э. В нем открыта могила со столбами по углам и деревянным полусожженным перекрытием¹⁸. Характерным памятником такого же рода может служить Курган у станции Медеро, в степи, к востоку от Кировограда, раскопанный автором в 1965 г. Под его высокой земляной насыпью на подкурганной поверхности оказалась обширная деревянная столбовая сожженная гробница, в которой находились остатки богатого мужского захоронения с оружием и конями V в. до н. э. Из этого кургана происходит также великолепная гранитная стела в виде фигуры скифского воина¹⁹. После раско-

пок Медеровского кургана стал значительно понятнее знаменитый Мельгуновский (Литой) курган, находящийся в верховьях р. Ингульца. Под его обуглившейся и ошлакованной насыпью, вероятнее всего, на погребенной поверхности находился подобный же деревянный сожженный склеп. Без соответствующего учета этого выдающегося памятника, скорее всего — могилы скифского царя, нельзя понять характер старейшей культуры степных кочевых скифов. То же самое следует сказать и относительно таких больших скифских курганов Прикубанья конца VII или начала VI в. до н. э., как Келермесские, Ульский и Костромской с типичными для них деревянными столбовыми гробницами, богатейшими заупокойными дарами и массовыми конскими захоронениями. В Костромском кургане гробница была сооружена на погребенной поверхности (на насыпи кургана бронзового века) и сожжена по скифскому обычаю.

Что погребальный обряд населения Среднего Поднепровья нельзя считать местным этнокультурным признаком, выясняется не только по памятникам нашего Юга. В действительности он был свойствен одинаково как скифской культуре Причерноморья, так и многим другим культурам скифского типа Евразии. В этом отношении особенно поучительны такие знаменитые курганы, как Пятимары — в Южном Приуралье²⁰, Пазырыкские и Башадарские — на Алтае²¹, Бесшатыра — в Семиречье, Чиликты — в Восточном Казахстане²² и Тагискаена — в низовьях Сырдарьи. В них всюду в различных вариантах представлены деревянные гробницы с дромосами. В некоторых местах засвидетельствован и огненный ритуал. Так, например, в курганах Бесшатыра все гробницы оказались наземными, причем две из них были сожженными (№ 3 и 8)²³. То же самое в общих чертах обнаруживается и при раскопках курганов с деревянными ямными и наземными гробницами Тагискаена, где они значительно чаще оказываются сожженными, чем в Бесшатыре. Ритуал поджога гробниц был, по-видимому, повсеместно более или менее одинаковым. Об этом ритуале в Среднем По-

¹² А. П. Манцевич. Бронзовые пластины из Прикубанья. «Исследования в честь на акад. Д. Дечева». София, 1958, стр. 459 сл.; В. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, стр. 10—11, табл. III.

¹³ Д. Я. Самоквасов. Могила Русской земли. М., 1908, стр. 122—123.

¹⁴ Там же, стр. 121—122.

¹⁵ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 139 и сл.

¹⁶ И. В. Яценко. Скифия VII—VI вв. до н. э. М., 1959, стр. 45—47.

¹⁷ Л. П. Манцевич. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА, 1958, № 2, стр. 196 и сл.

¹⁸ В. Я. Кияшко. Раскопки Константиновского поселения. «Археологические открытия 1968 г.». М., 1969, стр. 106. Описание Медеровского кургана подготовлено к печати Н. М. Бокий.

²⁰ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 88.

²¹ С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953; он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1962.

²² С. С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., 1965.

²³ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура сакков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1966, стр. 303 и сл.

днеровье мы писали следующее: «Склеп, вероятно, поджигали в то время, когда началось сооружение насыпи кургана, так что это своеобразное траурное кострище глушилось завалом земли. Тело умершего и сопровождающие его вещи обугливались лишь сверху; сберегались недогоревшие деревянные конструкции погребального сооружения, насыпь над ним обжигалась до красного цвета, а иногда даже и ошлаковывалась»²⁴. Такие же наблюдения были сделаны С. П. Толстовым и М. И. Итиной при раскопках сакских курганов Тагискена. «Если до насыпки кургана перекрытие (гробницы.—А. Т.) и поджигали, то его немедленно заваливали землей, что в большинстве случаев приводило к неполному сгоранию и во всех случаях огонь не затрагивал погребенного»²⁵. Подобным образом характеризует этот ритуал у савроматов и К. Ф. Смирнов²⁶.

Остановимся на степных скифских поселениях, которые мы также не можем очень сильно противопоставлять лесостепным. В подтверждение этого нам придется ограничиться здесь приведением заключения самого Б. Н. Гракова о таком единственном хорошо исследованном степном памятнике этого рода, как Каменское городище. «По своему плану,— пишет автор,— оно совпадает с самыми большими городищами лесостепной полосы Скифии. Совершенно так же, как в Вельском городище, его обитаемая часть находится в середине площади, на значительном расстоянии от внешнего оборонительного пояса, представленного и там и здесь земляными валами. Совершенно так же заселенным оказывается и его акрополь, находящийся на внешнем краю, как оба акрополя Вельского городища... М. И. Артамонов... исследовавший Немировское городище... установил, что и там была обитаема только центральная часть городища в пределах акрополя, пространство же между валами акрополя и внешним обводным валом было... не заселено... По своей площади Каменское городище... стоит между Вельским... и Немировским городищем. Типологически же сходство всех этих городищ несомненно»²⁷. Как видим, и материалы о поселениях подтверждают культурное единство Геродотовой Скифии.

²⁴ «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стр. 181.

²⁵ С. Л. Толстой, М. И. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи. СА, 1966, № 2, стр. 154.

²⁶ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 97 и сл.

²⁷ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. М, 1954, стр. 54—55.

Ранняя скифская степная керамика, как отмечено выше, изучена слабо. Помимо малочисленных образцов сосудов, происходящих из курганов, она представлена также находками с поселения Широкая - Балка на Бугском лимане, из Ольвии, с острова Березани и из античных поселений Боспора. Имеются горшки, украшенные по краю ямками, расчлененным валиком и изредка проколами, и лошенная посуда с инкрустированным белой пастой резным орнаментом. На единство степной керамики особое внимание обращает Б. Н. Граков²⁸. На востоке скифская посуда по своему характеру ближе к северодонецкой и посульской²⁹, а на западе — к правобережной лесостепной³⁰. Родство левобережной лесостепной керамики со скифской степной объясняется В. А. Ильинской тем, что и та и другая имеют общие истоки в срубной культуре позднего бронзового века. Если и можно говорить о каком-то нарушении культурного единства Скифии, то лишь в связи с распространением в Правобережье и в бассейне Ворсклы чернолощенной посуды, ведущей свое происхождение от чернолесостепной. Однако позднее в связи с общей нивелировкой культуры в Скифии утрачивается и эта местная особенность.

Далее нам необходимо остановиться на вопросах происхождения скифов, имеющих большое значение для понимания рассматриваемой проблемы.

Начиная с конца 40-х годов Б. Н. Граков и М. И. Артамонов сделали много, чтобы научно обосновать гипотезу происхождения скифов от срубной культуры, племена которой в течение позднего бронзового века постепенно или волнами продвигаются из степей Поволжья в Северное Причерноморье, где и происходит в VIII—VII вв. до н. э. формирование новой, скифской культуры³¹.

В ходе последующих археологических исследований были достигнуты большие успехи в освещении бронзового и раннего железного века. Расширилось наше представление о срубной культуре Причерноморья, а вместе с тем была коренным образом пересмотрена и уточнена относительная и абсолютная хронология

²⁸ Там же, стр. 68 и сл.

²⁹ В. А. Ильинская. Про походження та етнічні зв'язки племен скіфської культури посульсько-донецького лісостепу. «Археологія», XX, Київ, 1966, стр. 68 и сл.

³⁰ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 80.

³¹ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 66; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 42 сл.

ее сабастиновской и белозерской ступеней. Выдающимся событием явилось открытие памятников группы Новочеркасского клада 1939 г., благодаря которым впервые выявился подлинный характер такого важного в историческом отношении, но практически неизвестного ранее переходного периода от эпохи бронзы к скифам, который удалось твердо датировать VIII—VII вв. до н. э. Все это вместе взятое позволяет в настоящее время более отчетливо выяснить слабые стороны названной автохтонной, южнорусской гипотезы происхождения скифов и противопоставить им новые доводы, в которых подтверждается достоверность исторического предания Геродота о приходе скифов в Причерноморье из глубин Азии.

А. А. Иессен, выделив памятники новочеркасской группы³², определил их как принадлежавшие не расчленившимся в ту пору в культурном отношении кочевым воинственным наездникам — киммерийцам и скифам. «Я не имею возможности, — писал он, — заниматься разрешением киммерийского вопроса, но должен напомнить, что как скифы, так и киммерийцы в Передней Азии выступают как племена, находящиеся примерно на одном уровне культурного развития: и те и другие — всадники, воины, кочевники; очевидно, что существенной разницы в уровне культурного развития исторически известных киммерийцев и скифов этого раннего периода не было. Таким образом, в создателях комплексов VIII—VII вв. до н. э., которые известны и в степном Предкавказье, и в степных районах Северного Причерноморья, мы можем видеть как предков скифов VI в. до н. э., так и киммерийцев»³³. Другие ленинградские археологи пошли еще дальше и без каких-либо оговорок стали называть новочеркасские памятники вообще раннескифскими. Мнение А. А. Иессена о глубокой древности пребывания скифов в Причерноморье в соседстве с киммерийцами, на несколько столетий раньше их выхода на арену всемирной истории в первой четверти VII в. до н. э., существенно подтвердило автохтонную гипотезу происхождения скифов.

С иных позиций к памятникам группы Новочеркасского клада подошел Е. И. Крупное.

³² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 49 и сл.

³³ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА. М., 1954, стр. 130.

Он связывает эти памятники только с киммерийцами и видит в их распространении достоверное свидетельство существования ранних этнокультурных контактов между Причерноморьем и Кавказом³⁴. Однако для подтверждения данного положения явно не хватало источников. Этот пробел чрезвычайно удачно был восполнен раскопками А. А. Щепинского, обнаружившего в 1959 г. в кургане у с. Зольное близ Симферополя впускное захоронение воина с большим и ценным по составу набором вещей, значительно расширившим наши представления о Новочеркасском комплексе. Присоединяясь во взглядах к Е. И. Крупному, он описал это погребение как киммерийское и, что особенно важно в данном случае, привел к тому необходимые и, как мне кажется, весьма серьезные в научном отношении обоснования. Суть их заключается в том, что памятники новочеркасской группы хронологически соответствуют времени исторических киммерийцев и могут принадлежать только им, так как они принципиально отличаются от скифских памятников и по своему типу, и по особенностям художественного стиля³⁵.

Приведенные соображения позволили и автору признать памятники такого рода киммерийскими³⁶. В находках они представлены бронзовыми удилами с двухкольчатыми концами, трехпетельчатыми псалиями с лопастью на конце, различного рода бронзовыми и костяными бляхами и лунницами, длинновтульчатыми бронзовыми и железными наконечниками стрел с маленькими плоскими овальными и ромбическими головками, костяными наконечниками стрел известных для второй ступени чернолесской культуры типов, лошеными кубовидными сосудами и корчагами. Из кургана у с. Зольное происходит железный акинак с пластинчатым навершием недостаточно ясного типа. Для металлических и костяных изделий характерна орнаментация (иногда с красной или белой инкрустацией) в виде спиралей, меандров, кружков и разных крестовидных фигур. Изделия в скифском зверином стиле отсутствуют. На всей периферии киммерийского мира — в Среднем Поднепровье, на Северном Кавказе, в Поволжье и в Карпато-Ду-

³⁴ Е. И. Крупное. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 126 и сл.

³⁵ А. А. Щепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА, вып. 12. Киев, 1962, стр. 57 и сл.

³⁶ А. И. Тереножкин. Киммерийцы. «Доклады на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук». М., 1964.

найском бассейне — находятся железные кинжалы и мечи с бронзовой крестовидной рукоятью и грибовидным навершием. Судя по такому ареалу, клинки этого типа определеннее всего связаны своим происхождением со степным Причерноморьем. К сожалению, предположение это нельзя еще подтвердить самими фактами их находок в степи. Однако, как это стало известно из сообщения И. Т. Черникова, в 1968 г. в Одесский археологический музей поступил бронзовый меч подобного же типа, происходящий из окрестностей Одессы³⁷.

Датировка памятников новочеркасской группы VIII — первой половиной VII в. до н. э. считается сейчас общепризнанной. Начальная дата их пока не поддается уточнению, лучше обстоит дело с поздней. Особенно важным для нас в этом случае является великолепный Носачевский курган, материалы из которого недавно были опубликованы Г. Т. Ковпаненко. Памятник этот по своему местонахождению к северо-западу от Смелы территориально связан с коренной областью распространения черноморской культуры, но по составу вещей в виде боевого снаряжения конного воина определенного типа он органически входит в новочеркасский комплекс. Особое значение Носачевского кургана заключается в том, что он твердо может быть датирован концом VIII — первой половиной VII в. до н. э. на основании найденных в нем оригинальных фигурных бронзовых блях ассирийского происхождения, изображения которых имеются в составе сбруи коней на рельефах дворцов Саргона II (722—705 гг.) и Ашурбанипала (668—624 гг. до н. э.)³⁸.

Так выясняется, что позднейшие памятники группы Новочеркасского клада оказываются одновременными или лишь чуть более ранними, чем курганы скифской архаики. Особенно уверенно во времени сближается с новочеркасскими курган на Темир-горе близ Керчи, глубокая древность которого гарантируется происходящим из него родосским расписным кувшином середины VII в. до н. э. Однако та старейшая скифская культура, с которой нас знакомит этот памятник и связанные с ним хронологически другие ранние курганы Скифии — Жаботинские, Серогозский, Константиновский (близ Мелитополя), Келермесские, Мельгуновский и другие, ни в чем не

зависит от новочеркасской и ни в чем не сливается с ней. Несмотря на крайнюю хронологическую близость между ними, мы не обнаруживаем здесь никаких переходных форм от доскифских к скифским как в оружии, так и в конском снаряжении. Наличие эволюционных рядов не подтверждают даже такие массовые материалы, как колчаные наборы наконечников стрел. Скифская культура в Причерноморье появляется в VII в. до н. э. в сложившемся, готовом уже виде и не обнаруживает в своем комплексе признаков местных традиций. Ее новизна, что совершенно правильно отмечено А. А. Щепинским, ярче всего сказалась, конечно, в характерном для нее зверином стиле, который совершенно чужд прикладному искусству предшествующих периодов на юге Европейской части СССР. Кстати, и скифский геометрический узор, образцы которого, например, представлены в резьбе по кости, не имеет ничего общего с новочеркасской орнаментацией. Исключение во всем составляет только керамика, непрерывное развитие которой прослеживается в Причерноморье от доскифского к скифскому времени. Однако существование такой преемственности вполне понятно.

Смена предскифской культуры скифской не исключает возможности наличия в комплексах новочеркасской группы вещей скифского типа и наоборот. Примеры такого рода нам уже известны. Так, из Носачевского кургана происходит бронзовый трехлопастный наконечник стрелы скифского типа. В том же Носачевском и в Зольном курганах были найдены железные акинаки с пластинчатым навершием. Возможно, они были скифского типа, что, к сожалению, из-за их фрагментарности точно установить невозможно. В ранних скифских памятниках встречались доскифские бронзовые удила с двухкольчатыми концами и некоторые формы бляшек. Такие заимствования, по-видимому, объясняются обычными контактами, которые могли существовать между пришлыми скифами и аборигенным населением, остатки которого растворились в новой этнической среде.

Появление скифов на Кавказе, лежавшем на путях их переднеазиатских походов в VII в. до н. э., послужило переломным моментом в его истории и развитии культуры³⁹. Встречающиеся здесь во многих местах типичное для них весьма раннее оружие и конское снаряжение проливают дополнительный свет на проблему происхождения скифской культуры.

³⁷ Доклад И. Т. Черникова на XIII конференции Института археологии АН УССР в 1968 г. в Киеве.

³⁸ Г. Т. Ковпаненко. Носачевский курган VIII—VII ст. до н. э. «Археологія», XX. Київ, 1966, стр. 174 и сл.

³⁹ Е. И. Крупное. Указ. соч., стр. 63 и сл.

В этом отношении нам особенно поучительными представляются наборы таких вещей, которые обнаруживаются в памятниках к югу от Главного Кавказского хребта. Так, например, в кобанском могильнике около с. Тлизи Южной Осетии и колхидском могильнике в с. Куланурхва в Абхазии были найдены железные акинаки с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием, бронзовые двухлопастные и трехлопастные наконечники стрел, железные секиры, бронзовые удила со стремечковидными концами, костяные трехдырчатые и железные трехпетельчатые псалы, т. е. все сплошь предметы хорошо известных и характерных форм времени скифской архαιии в Северном Причерноморье⁴⁰. Интересные скифские вещи, в том числе и в зверином стиле, происходят из урартского городища Кардир-Блур⁴¹ и из Самтаврского могильника в восточной части Грузии. В одном ряду с ними стоит и замечательное сокровище скифского царя из Зивийе в Иранском Курдистане⁴².

Вещи скифского типа из находок к югу от Главного хребта, по-видимому, изготовленные преимущественно на месте, легко отличаются от кобанских, колхидских и урартских древностей. Чрезвычайно важно для нас то, что в ерии эти ранние, а некоторые из них могут относиться и к самой начальной поре появления скифов на Кавказе. Знаменательно при том, что все наборы являются собственно скифскими по составу и, безусловно, не содержат никаких предметов группы Новочеркасского клада. Очевидно, что такая ситуация была бы никак не мыслимой, если бы скифская культура действительно возникла в Северном Причерноморье на срубной и новочеркасской основе. Таким образом, и данные кавказской археологии в свою очередь свидетельствуют против автохтонной гипотезы происхождения скифов.

Отчетливо прослеживаемая нами на юге Восточной Европы смена в VII в. до н. э. иммерийской (новочеркасской) культуры независимой от нее скифской служит главным подтверждением общей достоверности исторического предания, сообщаемого Геродотом, обходе скифов под натиском массагетов или

исседонов из глубинных мест Азии, их вторжении в Причерноморье, изгнании с его территории киммерийцев и преследовании последних через Кавказ скифами, во главе которых стоял царь Мадий, сын Протогия (I, 103; IV, 11, 13).

В итоге можно прийти к выводу, что в степной и лесостепной Украине были распространены не две культуры — скифская и скифообразная, — а единая скифская культура, сложившаяся на собственной скифской и местной основе. Скифские, привнесенные сюда с востока элементы были представлены в ней не только оружием, конским убором и звериным стилем, но также погребальным обрядом и погребальными сооружениями, в конечном счете всем тем, что связывает в культурном отношении скифское Причерноморье с кругом других культур скифского типа Евразии. Не приходится сомневаться в том, что такие археологические категории, как типы поселений, характер домостроительства, керамика, т. е. то, что относится к оседлому быту, вошли в скифскую культуру Причерноморья в качестве вклада туземного населения. В степи, а по данным В. А. Ильинской, и в левобережной лесостепи в скифской культуре ощущается срубное наследие, в лесостепи к западу от Днепра в ней, но только более зримо обнаруживается сохранение преемственности от чернолесской культуры, а в Молдавии — традиций фракийского гальштата. Не приходится преуменьшать значения таких пережитков, идущих от предскифского периода, но их явно недостаточно для обоснования существования различных культур Скифии Геродота. В лесостепной полосе их изучение позволило выделить ряд локальных групп скифской культуры, но не больше.

Единая по культуре, территориально обширная Скифия, очевидно, имела этнически разнородное население. Общепризнанным считается, что в степи господствовали ираноязычные кочевые скифы царские и скифы-кочевники. Вероятно, основная часть левобережной лесостепи была занята также иранскими по языку, но оседлыми племенами «скифов-земледельцев». В пользу такого решения вопроса одинаково говорят как сосредоточенные здесь многочисленные памятники яркой скифской культуры⁴³, так и определенные лингвистами

⁴⁰ В. В. Техов. Раскопки Глийского могильника в 1960 г. СА, 1963, № 1, стр. 162; М. М. Трани. Памятники колхидской и скифской культуры в с. Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962; В. А. Іллінська. Указ. соч., стр. 63 и сл.

⁴¹ Б. Б. Пиотровский. Скифы и Древний Восток. СА, XIX, 1954, стр. 140 и сл.

⁴² R. Girsman. Iran, Protoiranier, Meder und Achämeniden. München, 1964.

⁴³ В. А. Ильинская. Восточная часть украинской лесостепи в скифское время. «Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве». М., 1965, стр. 26—28; она же. Про походження та етнічні зв'язки...;

скопления в бассейнах рек Сулы, Псла, нижней Десны и Сейма древней иранской гидронимики⁴⁴. В северо-западном Причерноморье размещались каллиппиды (эллино-скифы), памятниками которых являются могильники и поселения со смешанной греко-скифской культурой. Алазонов, вероятнее всего, можно отождествлять с молдавской группой скифской культуры, которую выделяет А. И. Мелюкова и убедительно доказывает, что ее истоки лежат в культуре фракийского гальштата Карпато-Дунайского бассейна⁴⁵. Наконец, вполне плодотворным представляется сопоставление скифов-пахарей с оседлым земледельческо-скотоводческим населением, жившим в лесостепи между Днестром и Днепром. Скифским оно могло быть только по своему названию и отчасти образу жизни, так как в отличие от пришлых скифов имело местное происхождение, как это выяснено в результате изучения предскифской черноморской культуры. Не под-

она же. Скифы Днепровского лесостепного левобережья, стр. 172 и сл.

⁴⁴ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 229 сл.; О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, стр. 274 и сл.

⁴⁵ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. МИА, № 64, 1958, стр. 97 и сл.

тверждается и широко распространенный среди польских ученых взгляд на фракийскую или лужицкую этническую принадлежность этого населения. Новые данные, как мне представляется, продолжают подкреплять давно уже высказанную гипотезу о том, что эти земли, находящиеся к югу от Припяти, в скифское время могли уже входить в территорию древней родины славян⁴⁶.

Из всего изложенного видно, что развиваемая нами точка зрения на характер скифской культуры и Скифию как географическое понятие не претендует на особую новизну. В сущности, как это и отмечено вначале, она является дальнейшим развитием тех взглядов, каких на скифскую проблему придерживался Б. Н. Граков в своей книге «Скифы». В ней он хорошо обосновал весьма важное в научном отношении представление о единстве скифской культуры Геродотовой Скифии в степной и лесостепной Украине и, преодолевая концепцию двух культур М. И. Ростовцева, выявил два основных источника сложения скифской культуры Причерноморья, из которых одним послужило то, что привнесли сюда с собой с востока скифы-завоеватели, а другим — культурное наследие местных покорившихся им племен.

⁴⁶ О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 274 и сл.

М. И. Артамонов СКИФО-СИБИРСКОЕ ИСКУССТВО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

(основные этапы и направления)

Скифскими или скифо-сибирскими обычно называют произведения искусства не только собственно скифов, в VII—III вв. до н. э. занимавших относительно ограниченную область между Дунаем и Доном, но и художественные памятники того же и более позднего времени (до первых веков н. э.) всего кочевого и полукочевого населения степной и лесостепной Евразии от Средней Европы до Северного Китая¹. На этом огромном протяжении в I тысячелетии до н. э. жили народы, принадлежавшие к разным расам и говорившие на различных языках, но примерно с одинаковым типом хозяйства, однородным обще-

ственным строем и сходными идеологическими представлениями. Ведущее положение среди них занимали североиранские племена, родственные населению Мидии и Персии, с которыми они сливались территориально в Средней Азии и Закавказье.

Характерным признаком искусства этих племен было преобладание среди сюжетов изображений различных животных или их частей, ввиду чего оно относится к так называемому звериному стилю, распространенному у многих народов на ранней (архаической) стадии их развития. При всем том скифский звериный стиль имеет свои особенности, обеспечивающие за ним самостоятельное положение. Стиль скифского искусства, органически связанного с вещами практического назначе-

¹ Автором подготовлена книга «Скифо-сибирское искусство» с большим числом иллюстраций.

ния (оружием, конским снаряжением, одеждой) и в этом смысле прикладного или декоративного, отличается реализмом и вместе с тем замечательной приспособленностью к ограниченным, заранее данным формам этих вещей, изобретательностью в использовании пространства, компактностью и экономной четкостью контуров. Замкнутое построение фигуры, сочетающееся с динамизмом образа, приводит к обобщениям и деформациям, соответствующим ее декоративному назначению. Обращает на себя внимание также умение передавать характерные черты животного условными формами. Существенный признак раннего скифского стиля заключается в превращении цилиндрических или выпуклых поверхностей в наклонные плоскости, пересекающиеся под углом в виде ребра. Этот прием стилизации совершенно справедливо возводится к технике резьбы по дереву.

Правильное понимание своеобразия и высокой художественной ценности скифского искусства явилось довольно поздно, не ранее XX в. До этого оно рассматривалось как варварская ветвь искусства античного мира, как жалкое подражание иноземным образцам. Русские ученые — М. И. Ростовцев и Г. И. Боровка — первыми показали глубокое отличие скифского звериного стиля от искусства Древнего Востока и Греции, его самобытное своеобразие и художественное совершенство². Их вклад в науку о скифском искусстве до сих пор сохраняет основополагающее значение. В изучении главных путей развития скифского искусства важную роль сыграли также труды О. М. Дальтона, Э. Миннза, М. Эберта, А. Талльгрена, К. Шефольда³, советских ученых Б. З. Рабиновича, А. П. Манцевича, Н. Н. Погребовой, М. И. Максимовой⁴ и др. Ряд ценных данных по скифскому искусству

доставили исследования на Кавказе Б. Б. Пиотровского⁵, а в Средней Азии — С. П. Толстова и М. Итиной⁶. Новый свет на восточные области распространения этого искусства пролили работы И. Андрессона, А. Сальмони, В. Грисмайера⁷, М. П. Грязнова, С. В. Киселева и в особенности С. И. Руденко⁸, открывшего замечательные образцы искусства звериного стиля в ледяных курганах Алтая. Большое оживление скифологических штудий вызвала находка в 1947 г. в Иранском Курдистане инвентаря богатейшего погребения, известного под именем Саккызского клада. Из посвященных ему многочисленных работ отметим труды А. Годарда, Р. Гиршмана и К. Д. Барнета⁹. В последние годы появились статьи и книги по скифо-сибирскому искусству — Т. Тальбот-Райс, И. Потрац, К. Йетмара, П. Амандри¹⁰ и др. Новые работы по той же тематике опубликовали Н. Л. Членова, М. И. Вязьмитина, В. А. Ильинская и С. С. Черников¹¹.

В настоящее время нет надобности разбирать все существующие гипотезы происхождения скифского звериного стиля, но зато необходимо подчеркнуть, что этот стиль по всей обширной области своего распространения нигде не имеет непосредственных предшествен-

⁵ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959; *он же*. Искусство Урарту. Л., 1962.

⁶ С. П. Толстой, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи. СА, 1966, № 2, стр. 151—175.

⁷ G. Andersson. Hunting magic in animal style. BMFEA, 1932; A. Salmoni. Sino-Siberian Art in collection of C. T. Loo. Paris, 1933; V. Griesmaier. Entwicklungsfragen der Ordoskunst. «Artibus Asiae», 7, Fasc. 1—4, 1937.

⁸ М. П. Грязное. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953; *он же*. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.

⁹ A. Godard. Le Trésor de Ziwiye (Kurdistan). Haarlem, 1950; R. Chirschman. Notes Iraniennes IV. Le Trésor de Sakkes; Le Origines de l'art Mede et les Bronzes du Luristan. «Artibus Asiae», XIII 1950; K. D. Barnett. The Treasure of Ziwiye. «Iraq», XVIII, 2, 1956; «Sept mille ans d'art et Iran». Paris, 1962, pl.

¹⁰ T. Talbot Rice. The Scythians. London, 1957; H. Potratz. Die Skuthen in Südrussland. Basel, 1963; K. Ietmar. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden, 1964; P. Amandry. L'art skythe archaïque. «Arch. Anzeiger», 1965, N 4, S. 891.

¹¹ Н. Л. Членова. Скифский олень. МИА, № 115, 1962; М. И. Вязьмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, № 2; В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, № 1; С. С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., 1965.

² O. Borovka. Scythian art. London, 1928; M. I. Rostovtzeff. The Animal style in South Russia and China. Princeton, N. Y., 1929.

³ O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. 3 Edition. London, 1964; E. M. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913; M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn und Leipzig, 1921; A. M. Tallgren. Zum Ursprungsgebiet des sogenannten skythischen Tierstils. «Acta Archaeologica», Bd. IV. Kopenhagen, 1933; K. Schefold. Der skythische Tierstil in Südrussland. ESA, XII, 1938.

⁴ Б. З. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА, I, 1936; А. П. Манцевич. К вопросу о торовитке в скифскую эпоху. ВДИ, 1942, № 2; Н. Н. Погребова. К вопросу о скифском зверином стиле. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950; М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Кермеса. СА, XXI, 1954.

ников, за исключением Минусинской котловины. Из этого, конечно, не следует, что варварские племена Южной Сибири и Восточной Европы в доскифскую эпоху не знали никакого изобразительного искусства. Зачатки искусства у них, несомненно, были, и об этом свидетельствует не только развитая геометрическая орнаментация на керамике, но и разнообразные изобразительные произведения в различных культурах неолита и бронзы. Им свойственны выработанные формы и определенные сюжеты, среди которых главное место занимают изображения животных. Но вместе с тем очевидно, что стилистически эти изображения не связаны с искусством скифского времени, что они не породили и не могли породить скифо-сибирский звериный стиль, который на всей полосе степей от Дуная до Енисея стилистически не имеет ничего общего с искусством неолита и бронзы Евразии. Только в Минусинской котловине на памятниках карасукской культуры поздней бронзы имеются изображения животных, некоторыми чертами сближающиеся со звериными образами скифского времени. Вследствие этого Э. Миннс, Г. И. Боровка и Д. Н. Эдинг выводили скифское искусство из минусинского, рассматривая последнее как звено, связывающее его с более ранними изобразительными памятниками неолита и бронзы лесной полосы Евразии¹².

Действительно, в художественных произведениях тагарской культуры раннего скифского времени наблюдаются некоторые традиции карасукского искусства, но в других областях распространения скифо-сибирского звериного стиля даже такой относительной преемственности не заметно. Роль карасукского искусства была узколокальной, и в скифо-сибирском искусстве в целом нет никаких признаков карасукского наследия¹³.

В настоящее время различаются три области скифо-сибирского искусства. Одну из них представляло Северное Причерноморье с Северным Кавказом, другая находилась в Средней Азии и прилегающей к ней западной части Сибири, а третью составляли наиболее восточные окраины скифского мира, включающие Минусинскую котловину, Забайкалье, Монголию и Северный Китай. Однако древнейшие произведения скифо-сибирского худо-

жественного стиля появились не в какой-либо из этих областей, а в северо-западном Иране, среди вещей так называемого Саккызского клада, а точнее относящегося к концу VII в. до н. э. царского погребения, расхищенного местными жителями у с. Зивийе близ г. Саккыза¹⁴. Среди вещей ассирийского, урартского и маннейского происхождения в нем оказались произведения, отличающиеся специфическими признаками скифского искусства. Наряду с воспроизведениями ассиро-вавилонских и урартских образцов здесь были типичные для скифского искусства изображения лежащих с поджатыми под туловище ногами козлов и оленей, лежащих, идущих или свернувшихся в кольцо кошкообразных хищников — пантер и головок хищной птицы — все с чертами характерной скифской стилизации, хотя еще и в соединении с признаками древневосточного искусства, на основе которого они были созданы.

Считается, что элементы скифского искусства появились в Передней Азии вместе со скифами, вторгшимися туда в 70-х годах VII в. до н. э. и обосновавшимися в районе оз. Урмия, в области, которая по персидскому названию скифов стала известна под именем Сакасена. Однако найденные до настоящего времени немногочисленные произведения раннего скифского искусства в Северном Причерноморье, откуда скифы вторглись в Переднюю Азию, во-первых, не древнее Саккызского клада, а во-вторых, тоже обнаруживают свою зависимость от искусства Древнего Востока¹⁵. Не только в Передней Азии, но и в Северном Причерноморье скифское искусство, как это можно видеть на вещах из Келермесских курганов и Мельгуновского клада (Литого кургана), выступает в сочетании с образами и формами переднеазиатского происхождения, занимающими в нем доминирующее положение¹⁶.

Самостоятельность скифского искусства на первых порах проявляется не столько в своеобразной трактовке образов переднеазиатского происхождения, сколько в отборе их для последующей переработки в соответствии с су-

¹² *Е. Н. Миннс*. Указ. соч.; *Г. Боровка*. Указ. соч.; *Д. Н. Эдинг*. Резная скульптура Урала. М., 1940.

¹³ *М. И. Артамонов*. К предистории скифо-сибирского стиля. «Melanges offerts à K. Michalowski». Warszawa, 1960, s. 239.

¹⁴ *A. Godard*. Указ. соч.; *R. Chirschman*. Указ. соч.; *K. D. Barnett*. Указ. соч.: «Sept mille ans d'art en Iran»; *Porada*. Alt Iran. Baden-Baden, 1962; *R. H. Dyson*. Iran, 1956. «University Museum Bulletin», v. XXI, N 1, March. Philadelphia, 1957; *C. H. Wilkinson*. More Details on Ziwiye. «Iraq», XXI, 1960.

¹⁵ *М. И. Артамонов*. Происхождение скифского искусства. СА, 1968, № 4, стр. 27.

¹⁶ *М. И. Артамонов*. Сокровища скифских курганов, Прага, 1966, рис. 2, 3, 8, 12, табл. 1—3, 6—19.

ществующими потребностями и техническими возможностями. Не случайно в скифское искусство прочно вошли лишь немногие из перднеазиатских сюжетов и притом почти исключительно в виде фигур отдельных животных или их частей.

В искусстве Древнего Востока одиночные изображения животных встречаются относительно редко, обычно они входят в состав композиций, чаще всего с центром в виде божества или его символа. В скифо-сибирском искусстве такого рода композиции, если не считать немногих неприжившихся воспроизведений восточных и греко-ионийских образцов, в раннее время не встречаются, а кроме одиночных находятся только простейшие, двоянные по принципу зеркальной симметрии построения, которые лишь условно можно назвать геральдическими. В раннем скифском искусстве животные изображались в спокойном состоянии — идущими, стоящими или лежащими, иногда с повернутой назад головой — признак, показывающий, что прототипами их послужили изображения животных в составе композиций. Характерных для Древнего Востока изображений антропоморфных божеств раннескифское искусство также не знает, что, по всей вероятности, надо отнести за счет большей примитивности скифской религии, в которой человекоподобные божества еще не получили распространения¹⁷.

Состав образов раннего скифо-сибирского искусства невелик. Из животных чаще всего изображались козел и олень, реже лось или в виде одной головы или всей фигуры в традиционном жертвенном положении — лежащими с поджатыми под туловище ногами, с наложенными друг на друга передними и задними копытами — так, как они издавна изображались в месопотамском и греко-ионийском искусстве¹⁸. Изображения стоящих или идущих животных этих видов находят значительно реже, причем для них характерны вытянутые, как бы висящие в воздухе ноги с обращенными книзу острыми концами копыт («на цыпочках»). Лошадь изображалась обычно только в виде одной головы, иногда с длинными ушами, показывающими, скорее всего, что это мул или осел. Изображения быка, даже в виде одной головы, находят очень редко. Значительно чаще встречаются головки баранов, а также изображения каба-

на в виде стоящей или бегущей фигуры или в виде одной головы. Иногда изображался заяц. Из хищников для раннего скифского искусства характерна пантера — кошкообразный зверь с гладким, гибким туловищем, представленный и идущим, и лежащим, и свернувшимся в кольцо. Значительно реже встречаются изображения льва — и притом обычно только в виде одной головы. Птицы представлены главным образом схематизированными головками, состоящими нередко из одного круглого глаза и изогнутого клюва. Полностью они изображены в профиль и с развернутым в фас туловищем с раскрытыми крыльями. Из фантастических образов в раннем скифском искусстве широкое распространение получили грифоны и возникшая на их основе голова барано-птицы¹⁹.

Своеобразной особенностью скифского искусства, проявившейся в самых ранних его образцах, являются так называемые зооморфные превращения, т. е. превращения той или другой части фигуры животного в самостоятельный звериный образ. Так, например, в плечо или бедро изображения вписывается голова или целая фигура другого зверя, рога, когти и хвост превращаются в птичьи головки и т. д. Эти дополнительные изображения не разрушают реалистичности основного образа, не превращают его в фантастического зверя, а как бы дополняют и разъясняют его, подобно эпитетам в народной поэзии.

Не все образы скифского искусства заимствованы в готовом виде из искусства Востока, некоторые из них, как, например, лось, появились в нем в порядке приспособления заимствованных сюжетов к местной среде. Да и заимствованные образы подверглись стилистической переработке, существо которой заключалось в обобщении детализированных форм древневосточных изображений, в замене их графической разделки широкими, слабо расчлененными, но зато резко отделенными друг от друга поверхностями. При общем сходстве скифского искусства Сибири и Причерноморья второе отличается приемами стилизации, явно восходящим к технике резьбы по дереву и рогу, тогда как в Сибири сохраняется более мягкая моделировка.

Рог, а в особенности дерево, вероятно, наибо- лее широко применялись скифами для из-

¹⁷ М. И. Артамонов. Антропоморфные божества скифской религии. АСГЭ, № 2. Л., 1961.

¹⁸ P. Amandry. Un motif «skythe» en Iran et en Grèce. «Journal of Near Eastern Studies», 1965.

¹⁹ М. И. Артамонов. Происхождение скифского искусства; он же. К вопросу о происхождении скифского искусства. «Omăgiu lui George Oprescu». București, 1961.

готовления разнообразных украшений; обложенные тонким золотым листком, они вполне могли заменять изделия из драгоценного металла и создавать видимость пышности и богатства; в более скромных уборах они употреблялись и без позолоты. Сохранившиеся резные роговые украшения особенно многочисленны в скифских погребениях VI в. до н. э.²⁰, но появляются они еще в конце VII в. и уже тогда, как показывают изображения скифского типа в Саккызском кладе, до известной степени определяют стилистическое своеобразие скифского искусства, в формы которого переносятся выработанные в резьбе приемы стилизации.

Близкое сходство северочерноморского и сибирского звериного стиля, с одной стороны, и некоторые различия в трактовке одинаковых сюжетов — с другой, не оставляют сомнения, во-первых, в общности происхождения того и другого, а во-вторых, в независимом друг от друга развитии искусства каждой из этих областей. И северочерноморское, и сибирское искусство одинаково восходит к искусству иранских племен — мидян и скифов, сложившемуся в Передней Азии на основе древневосточного наследия в период их постоянных контактов друг с другом в VII в. до н. э. Вместе с тем особенности собственно скифского искусства определились еще в Передней Азии. Не располагая теми техническими возможностями, которыми обладали народы Передней Азии, вторгнувшиеся в их среду скифы воспроизводили древневосточные в своей основе украшения в доступном для них материале и в более своеобразной трактовке, что получило, как свидетельствует Саккызский клад, определенное отражение в скифском искусстве в Передней Азии еще до изгнания оттуда скифов мидянами в 585 г. до н. э. Мидяне, находившиеся в другом положении, передали свое искусство в Среднюю Азию и Южную Сибирь без специфических скифских привнесений. Через них искусство звериного стиля стало достоянием ираноязычных саков и других кочевых и полукочевых племен Азии одинакового с ними уровня развития.

Дальнейшее развитие скифо-сибирского искусства также протекало под сильным воздействием Передней Азии. Особенно большое влияние исходило из сменившей Мидийское царство Персидской империи, во главе кото-

рой стояла династия Ахеменидов. Владения этой империи распространились на весь Ближний Восток и включали большую часть Средней Азии. Амударьинский клад²¹, представляющий собой храмовое сокровище, скрытое в землю ввиду приближающейся военной опасности, скорее всего войск Александра Македонского, состоит в основном из вещей V—IV вв. до н. э. и дает яркую картину искусства восточных провинций Ахеменидской державы. В этом искусстве получила применение и ранее известная на Востоке техника цветных инкрустаций в золоте. Ахеменидские ювелирные украшения, ковры, ткани проникали к кочевой аристократии среднеазиатских и сибирских степей, Северо-Западного Китая и Алтайских гор. Золотые изделия Сибирской коллекции Петра I²² и находки в ледяных курганах Алтая²³ содержат великолепные образцы художественных произведений скорее всего восточноиранского происхождения. Они же служили образцами для местного искусства, в произведениях которого инкрустационный стиль получил особенно большое развитие. Он хорошо известен по аппликациям из войлока, кожи и других материалов в алтайских курганах и по золотым вещам со вставками из бирюзы и цветных камней в Сибирской коллекции Петра I.

В горах Алтая пасло свой скот одно из подразделений сакских племен, вероятно, известное китайцам под именем юэчжей. В оставленных ими Катандинских, Шибинских, Пазырских, Башадарских, Туэктинских и других курганах хорошо представлено скифо-сибирское искусство V—IV вв. до н. э. Благодаря образовавшейся в могилах вечной мерзлоте в них сохранились вещи из органических материалов: дерева, кожи, войлока и других, свидетельствующие, что материалами искусства служили не только металлы, рог и кость, дошедшие до нас в других местах, где вечной мерзлоты не было. Особенно широко применялось дерево. Вырезанные из него украшения сверху покрывались тонким листком золота, сохранявшим их форму даже тогда, когда основа исчезала.

С V в. до н. э. характер скифо-сибирского искусства меняется: некоторые мотивы исчезают или дегенерируют, но зато появляются новые, с ранее не известными формами.

²¹ О. М. Dalton. Указ. соч.

²² С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, ДЗ-9. М.—Л., 1962.

²³ С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая; он же. Культура населения Центрального Алтая.

²⁰ М. И. Вязьмитина. Указ. соч.; В. А. Ильинская. Указ. соч.

Новый стиль искусства отличается динамизмом и экспрессивностью образов, распространением композиций борьбы зверей и наряду с этим усилением орнаментальности с соответствующей ей схематизацией реальных форм.

Из числа исчезнувших к этому времени мотивов можно назвать скульптурные головки барано-птиц. Другой древний мотив, распространенный как на западе, так и на востоке — в Северном Причерноморье и Сибири, — свернувшийся хищник, хотя и продолжает бытовать, но становится редким и приобретает все признаки вырождения. Переработка заимствованных мотивов, начавшаяся со времени возникновения скифо-сибирского звериного стиля, к V в. приводит к частичной замене образов таких животных, как олень, более характерным и важным в местных условиях лосем, а довольно неопределенного кошкообразного хищника — хорошо известным в Средней Азии и Сибири тигром или же повсеместно распространенным волком с отчетливо выраженными признаками именно этих животных. В соответствии с составом местной фауны в Северном Причерноморье почти полностью исчезают изображения козла, тогда как в Сибири, наоборот, образ его местного вида наряду с изображением горного барана (архара) получает широкое распространение. Характерными становятся изображения фантастических зверей, составленных из частей различных животных.

Вместо животных в спокойных, статических позах появляются многочисленные изображения зверей в бурных движениях. Особенно выразительны в этом отношении фигуры с повернутыми в противоположные стороны передней и задней частями туловища, т. е. как бы перекрученные. Этот прием передачи сильного движения, известный еще в искусстве Микен, появляется в Северном Причерноморье²⁴, но особенно широкое распространение получает в Сибири, в частности на Алтае. Он применяется и при изображении отдельных животных и в композициях борьбы зверей.

Такого рода композиции, издавна известные в искусстве Древнего Востока и занимающие видное место в художественных произведениях связанной с Востоком Ионии, рано появляются и в Северном Причерноморье²⁵. Однако в местном искусстве Северного Причерноморья сцены борьбы зверей не получили заметного развития. Другое дело в Сибири. Здесь, в искусстве Алтая они занимают доминирующее

положение и носят все признаки местного художественного стиля, отличающегося, несмотря на обобщенность и известную условность образов, поразительным реализмом в передаче характерных признаков животных.

Динамический характер сибирского искусства V в. до н. э. и последующих веков выражается не только в композициях борьбы зверей, но и в общей трактовке изображений изогнутыми формами и кривыми линиями. В соответствии с этим в искусстве преобладают не круглые скульптуры, а рельефы и плоскостные графические и живописные изображения. Детали их получают при этом условную, орнаментальную трактовку системой криволинейных фигур и контрастных цветовых пятен.

Особенно широкое применение получает прием выделения частей тела специальными значками в виде кружков или точек, луновидных дуг или скобок, изогнутых треугольников и спиралеобразных завитков, так называемых запятых, и т. п. Возникнув в технике ткачества для обозначения выпуклостей и мускулов на теле животных, эти условные геометрические фигуры в виде цветных инкрустаций были перенесены в ювелирные изделия, особенно же широко они применялись в аппликациях из кожи, войлока и других материалов, известных по находкам в алтайских курганах. В соответствии с декоративным назначением художественных произведений скифо-сибирского искусства орнаментальная трактовка в ряде случаев распространяется на весь образ, подавая его изобразительное содержание. На материалах алтайских курганов и на других памятниках скифо-сибирского искусства можно проследить, как изображение животного или его части схематизируется и превращается в орнаментальный мотив. Впрочем, ряд декоративных мотивов растительного и геометрического характера скифо-сибирское искусство получило в готовом виде из Персии и Греции. В их числе: розетка, пальметка, лотос и изгибающаяся лоза.

Искусство Северного Причерноморья развивалось в том же направлении, что и в Сибири, с тем лишь отличием, что в нем наряду с влиянием Персии особенно большую роль играло греческое искусство, взявшее на себя задачу обслуживания туземной знати предметами роскоши и культа. Наиболее яркие произведения скифского искусства V в. до н. э. происходят из курганов Крыма (Ак-Мечеть)²⁶,

²⁴ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, рис. 60, 61.

²⁵ Там же, табл. 29—31, 40—45.

²⁶ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, табл. 70, 72.

Керченского и Таманского полуостровов (Нимфейские и Семибратние курганы)²⁷ и Среднего Приднепровья (Журовские курганы)²⁸, где они находятся вместе с предметами греческого и персидского импорта. В некоторых из этих произведений, как, например, на золотых оковках несохранившихся деревянных сосудов из Семибратних курганов, отчетливо выступают черты суховатого греко-персидского стиля, менее заметные в художественных изделиях из золота, бронзы и кости, распространенных в глубине Скифии. Сюда персидское влияние не доходило или проникало в ослабленном виде, поэтому здесь сохраняется рельефность и свето-теневая сочность типичных скифских образов, как, например, в находках из Журовских курганов.

В скифских памятниках Северного Причерноморья прослеживаются три художественно-стилистических течения. Одно — собственно греческое, произведения которого лишь внешне связаны с туземным миром; оно все время остается на его поверхности и в своем развитии следует по пути античного искусства. Кроме типичных греческих вещей (керамики, металлических сосудов, украшений и т. п.), широким потоком вливавшихся в быт туземной аристократии, в греческих колониях для нее изготовлялись вещи местных форм, но с греческими мотивами украшений или со скифскими сюжетами в греческой трактовке. Классические скифские курганы IV в. — Солоха, Чертомлык, Куль-Оба и др. — в изобилии представляют этого рода изделия, в ряде случаев весьма высокого художественного качества, как, например, золотой гребень из Солохи, знаменитая чертомлыкская серебряная ваза, золотой кубок со сценами скифской жизни из Куль-Обы²⁹ и многие другие. Второе течение, лежащее в основании скифского искусства и в архаический период тесно связанное с Ассирией и Урарту, в дальнейшем следует развитию искусства Персии в той его разновидности, которая носит название греко-персидского стиля и особенно отчетливо выступает в произведениях, проникавших в Причерноморье через Боспор или даже вышедших из работавших на местный рынок боспорских мастерских. Оба течения — греческое и греко-персидское — представлены в скифских комплексах одинаковыми по типу произведения-

ми со сходными сюжетами изображений. Так, например, в Куль-Обском кургане найдены серебряные шаровидные кубки скифского типа со сценами борьбы зверей, в одном случае моделированных приемами классического греческого искусства, а в другом — в орнаментально-графической манере греко-персидского стиля³⁰. Третье течение представляет собственно скифское искусство, рано оформившееся в своих стилистических особенностях, но тесно связанное с родственным ему по происхождению и более созвучным по содержанию вторым, «восточным», течением, но так же, как и последнее, вобравшее в состав сюжетов и форм немало греческих элементов.

Реальный образ животного, составляющий главное содержание скифского искусства, разрабатывается декоративно, и в связи с этим сначала отдельные его части, а затем и все изображение получает орнаментальную трактовку и превращается в линейно-плоскостную схему, в которой орнаментальные мотивы доминируют над изобразительными. В конце концов в этом искусстве появляются мотивы, в которых трудно, а иногда и невозможно различить их реальную основу. Таковы, например, изображения рогов на псалях и уздечных бляхах из Семибратних и Елизаветинских курганов IV в. или фигуры, в основе которых лежат стилизованные изображения задних ног или лап животного или же орнаментальные формы, образованные на основе изображения головы или фигуры птицы³¹.

Разложение образа на схематизированные элементы с декоративной трактовкой их в графической манере еще в большей мере, чем скифскому, было свойственно фракийскому искусству, которое тоже надлежит рассматривать как ответвление «скифского» звериного стиля, распространенного на Балканах и в Средней Европе и с самого начала своего существования подчиненного формам греко-ионийского искусства³². Произведения фракий-

²⁷ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, табл. 91—93, 100, 101, 106, 107, 113—115, 124—130, 135, 136, рис. 56, 57, 60, 61, 63—66, 71.

²⁸ Там же, табл. 76, 77, 79—84; рис. 25—31.

²⁹ Там же, табл. 147, 148, 150, 162—176, 224—227, 230, 231.

³⁰ Там же, табл. 239—244.

³¹ Там же, рис. 73—76, 89, 119; табл. 142, 143.

³² А. Furtwängler. Goldfund von Vetersfelde. «93. Bericht Winkelmanns Program», 1883; В. Filow. Denkmäler der thrakischen Kunst. «Mitt. d. Rom. Deutsch. Arch. Комм», Abt. XXXII, 1917; «Изв. Българ. арх. об-ва», VI, 1918; N. Fettich. Der skythische Fund von Gartschinowo «Arch. Hungarica», XV. Budapest, 1934; idem. Der Goldhirsch von Tápiózentmarton. «Ach. Értésítő». XLI, 1927; idem. La trouvaille scythe de Zöldhalompuszta. «Arch. Hungarica», III, 1928; H. Schmidt. Skythischer Pferdegeschirrschmuck aus einem Silberdepot unbekannter Herkunft. «Praehist. Zeitschrift», Bd. XVIII, Fasc. 1—2, 1927; E. Gondurachi. Monumente archéologiques Roumanie. UNESCO, p. 19.

ского искусства нередко встречаются в скифских погребениях Нижнего Поднепровья IV—III вв. до н. э., в таких, например, как курган Огуз³³. А. П. Манцевич, несомненно, преувеличивает роль греко-фракийских художественных мастерских, относя на их счет лучшие произведения торевтики и ювелирного дела, найденные в скифских курганах Северного Причерноморья³⁴.

Развитие стиля скифского искусства в Северном Причерноморье отчетливо распадается на два периода. Первый из них, охватывающий VI—V вв. до н. э., характеризуется соединением выразительной реалистичности и объемной живописности с орнаментальной декоративностью. Второй, относящийся к IV—III вв., отличается графической схематизацией образов, превращением их в линейный орнамент. В соответствии с этим изображения становятся плоскими, детали обозначаются резными линиями. Между этими двумя основными периодами можно было бы выделить еще один, промежуточный период, сравнительно короткий, падающий на вторую половину V в., когда признаки, характерные для первого и второго периодов, сочетаются между собой и когда в скифское искусство широкой струей вливаются греческие мотивы. Именно в это время, несмотря на сохранение значительной степени прежней живописности и выразительности изображений животных, получают развитие различные нереалистические элементы, а редкие до этого случаи зооморфных превращений отдельных частей животного становятся обычным явлением, более того, эти части обособляются в самостоятельные мотивы. Наряду с отдельными изображениями голов и копыт, хорошо известными и на раннем этапе, широко распространяются украшения в виде других частей животных: ног, лап, когтей, рогов и уха.

Своим происхождением расчленение образа зверя, в частности выделение в самостоятельный декоративный мотив задних ног или лап, обязано тем конским маскам, полные образцы которых найдены в Пазырыкских курганах на Алтае. Практически изображения отдельных частей животных применялись в украшениях конской узды, причем основная смысловая нагрузка их сосредоточивалась в бляхах, представлявших налобник и нашечники. Налобник обычно оформлялся в виде

скульптурной головки животного или птицы, иногда осложненной на нижней пластинчатой его части протомой другого животного. Задние ноги одного из этих животных изображались отдельно и составляли уздечные нашечники. Такой состав изображений на уздечных украшениях в Северном Причерноморье в памятниках V—IV вв. полностью соответствует содержанию конских масок в Пазырыкских курганах, где представлена сцена борьбы двух животных, фигура одного из которых расплывается вдоль передней части маски, надеваемой на лошадиную морду, а передняя часть второго возвышается над лошадиной головой. Задние ноги последнего свешиваются при этом по сторонам лошадиной головой в виде фигурных лопастей. Таким образом, уздечные украшения Северного Причерноморья являются сокращенным вариантом ритуальных конских масок, известных по алтайским курганам, относящимся к тому же времени.

Замечательно, что уздечных украшений того же рода, что в Причерноморье, т. е. сокращенно воспроизводящих сцены терзания, характерные для алтайских масок, в Сибири почти не известно, и, наоборот, в Северном Причерноморье не найдено никаких следов подобных алтайским конским масок. Однако по своему содержанию те и другие совершенно аналогичны и, поскольку зависимость их друг от друга совершенно исключается, несомненно, восходят к общим для Сибири и Северного Причерноморья не только культо-магическим представлениям, но и формам, к сожалению, остающимся неопределенными. Возможно, что это была та же Передняя Азия, откуда скифы Северного, а фракийцы Западного Причерноморья и саки Средней Азии и Сибири получили многие сходные элементы своей культуры, хотя в памятниках ни Древнего Востока, ни специально Ахеменидского Ирана подобного ничего не известно.

Менее ясны значение и происхождение нашечников в форме уха. Возможно, что они также восходят к ритуальной конской маске, у которой чехлы надевались на конские уши, не будучи связаны с другими представленными маской изобразительными мотивами.

Противоестественное расчленение образа животного способствовало усилению орнаментальных тенденций скифского искусства и дальнейшей стилизации целых фигур. Можно заметить, что чем меньше реалистических черт сохранялось в скифском искусстве, тем разнообразнее становились его сюжеты, с тем большей свободой они сочетались и скрещивались между собой и в тем большем количестве в

24—27; И. Венедиков, Клады болгарских земель. София, 1965.

³³ ИАК, 19, стр. 157 и сл.

³⁴ А. П. Манцевич. Указ. соч.

него включались более или менее переработанные греческие и персидские элементы. В дополнение к полученному ранее с Востока грифону в скифском искусстве появляются греческие варианты этого мотива, а также сфинксы и другие того же рода мифологические образы. Возникают и собственные фантастические изображения, вроде хищника с оленьими рогами. Все шире и шире внедряются растительные мотивы ³⁵.

Судя по количеству греческих элементов в скифском искусстве, можно было бы подумать, что это искусство погибает, задавленное греческими привнесениями, если бы оно в себе не несло своего уничтожения, если бы с победой орнаментально-декоративного начала в этом искусстве не открылось место для соответствующих элементов греческого происхождения. Но и эти последние вошли в скифское искусство в местной стилистической переработке, так как это искусство оставалось самобытным.

Замечательно, что до самого своего конца скифское искусство в Северном Причерноморье оставалось единым в своем развитии и формы, характерные для Прикубанья, с поразительным сходством повторяются в Приднепровье и наоборот ³⁶. По всей вероятности, основой этого единства было существование художественных мастерских, обслуживавших все Северное Причерноморье независимо от того, где эти мастерские находились. Совершенно несомненно также, что художественное творчество, хотя и развивавшееся под сильным влиянием Востока и Греции, в основном оставалось в руках самих скифов. Конец самостоятельности скифского искусства совпадает с крушением скифского могущества, с победой сарматов, загнавших их в узкие границы степного Крыма.

В том же направлении, что и в Северном Причерноморье, протекало развитие звериного стиля в Южной Сибири, с тем лишь отличием, что там он испытывал воздействие не со стороны Греции, а главным образом из Средней Азии и Ирана и ввиду местных условий процесс совершался замедленными темпами, благодаря чему самобытные формы переходного периода получили более яркое выражение и превратили этот период из кратковременного переходного в длительный период самостоятельного значения. Орнаментализация в Сибири дольше уживалась с передачей реалистиче-

ских признаков животного. К тому времени, когда в Северном Причерноморье скифское искусство окончательно выродилось, в Сибири еще процветал орнаментальный звериный стиль, частично сохранивший и реалистическую изобразительность и эмоциональную насыщенность.

Большое число памятников сибирского звериного стиля находится в Сибирской коллекции золотых вещей, составленной из кладоискательских находок еще в начале XVIII в. ³⁷ Она содержит произведения различного времени. Наряду с вещами ахеменидско-иранского и греко-бактрийского происхождения и местными произведениями, современными алтайским курганам пазырыкского типа, относящимися к V—IV вв. до н. э., в ней особенно много золотых украшений III—I вв. до н. э., представляющих собой не только воспроизведения более ранних образцов, но и формы, характерные именно для этого времени, как в виде сцен борьбы зверей, так и отдельных животных. И те и другие особенно часто встречаются на ажурных поясных застежках и на концах гривен, согнутых из проволоки в виде спиралей или составленных из трубчатых колец, напаянных друг на друга и снабженных разъемной частью на втулках или на шарнирах для надевания. Они отличаются декоративной стилизацией при симметричном построении и перегруженностью цветными вставками, оттесняющими изобразительное содержание на второй план.

Скифо-сибирский стиль рано проник в Минусинскую котловину, Забайкалье, Монголию и Северный Китай (Ордос), где был усвоен хунну (гуннами) и оказал определенное влияние на китайское искусство ³⁸. Из всех этих областей происходит большое число бронзовых изделий, из которых наибольший интерес вызывают воспроизведения в бронзе золотых ажурных застежек, представленных в Сибирской коллекции Петра I. Вместе с тем многие из бронзовых изделий содержат сюжеты, неизвестные по золотым оригиналам, но также снабженные гнездами для инкрустаций, хотя в бронзовых произведениях цветные вставки не применялись. Это копии не дошедших до нас золотых оригиналов. В этих изделиях имеются формы, характерные для разных периодов сибирского искусства, но преоблада-

³⁷ С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I.

³⁸ М. I. Rostovtzeff. Central Asia, Russia and animal style. «Skythica», I. Prague, 1925; *idem*. South Russia and China — two centres of the animal style. Princeton, 1929.

³⁵ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, табл. 129, 139.

³⁶ Там же, рис. 161.

дают произведения послепазырыкского времени, т. е. III—II вв. до н. э., с элементами греко-бактрийского или, лучше сказать, восточноиранского, эллинистического и китайского (ханьского) искусства. Позднейшие реплики скифо-сибирских композиций борьбы зверей находятся в аппликациях войлочного ковра из ноинулинского погребения начала I в. н. э., принадлежавшего гуннскому вождю³⁹.

Степное Поволжье и Южное Приуралье занимали сарматские племена, искусство которых, как и их местоположение, является промежуточным между собственно скифским и сибирским звериным стилем, причем в раннее время в нем преобладали сюжеты и формы скифского характера, а в дальнейшем перевес приобретают отчасти сибирские, а главным образом среднеазиатские (греко-бактрийские и, вероятно, парфянские) элементы⁴⁰. В раннее время своей истории сарматы (савроматы) стояли в стороне от главнейших событий во взаимоотношениях варваров Евразии с культурными центрами древнего мира. Только в эллинистическом периоде они выходят на арену мировой истории и, тесня скифов, овладевают Северным Причерноморьем.

Вместе с сарматами отзвуки сибирского звериного стиля появляются в Северном Причерноморье. Однако в распространении здесь инкрустационного стиля еще более значительную роль сыграло непосредственное влияние Средней Азии, с одной стороны, и Боспора — с другой, куда этот стиль проник через Кавказ и Малую Азию. Так же как в странах Ближнего Востока, в местном искусстве Евразии из-под общей эллинистической окраски выступают художественные формы, отличающиеся от античного идеализированного реализма своим символическим схематизмом и орнаментальным примитивизмом (серебряный фалар из Северского кургана)⁴¹. В то же время цветные инкрустации из вспомогательных изобразительных элементов превращаются в самостоятельные декоративные мотивы. Формы геометризуются и подчиняют себе изобразительное содержание искусства или даже вытесняют его совершенно.

Наиболее яркие образцы орнаментального полихромного стиля, еще не окончательно поглотившего звериные изображения, в Северном Причерноморье представлены Новочер-

касским кладом (курган Хохлач), относящимся ко времени около начала н. э.⁴² В дальнейшем, в первой половине I тысячелетия н. э., в искусстве Восточной Европы и Сибири господствуют геометрические полихромные формы, лишь в немногих случаях сочетающиеся со схематизированными звериными изображениями. Вместе с готами и гуннами они распространяются по всей Европе.

Рассматривая состав изображений скифо-сибирского искусства и происхождение его сюжетов, необходимо выделить образ оленя, как наиболее характерный и постоянный. Столь большое внимание к этому животному нельзя объяснить условиями того хозяйства, на основе которого развивалась скифская культура. Значение оленя в то время не могло быть велико ни как охотничьей добычи, ни тем более как домашнего животного. Следовательно, его место в идеологии скифского периода необходимо выводить из представленной, возникших на более древних ступенях социально-экономического развития, когда он мог быть не только главнейшей охотничьей добычей, но и наиболее распространенным тотемом далеких предков иранских племен. Напомним, что персидское название скифов «сака» значит олень и что это же слово встречается в составе личных и племенных скифских имен⁴³. Вместе с тем нет оснований приписывать такое же тотемическое значение и другим звериным персонажам скифо-сибирского искусства, тем более что большинство их не местного происхождения. Скорее всего, они вошли в это искусство с тем содержанием, которое имели на Востоке, и символизируют те или иные космические силы и явления, будучи одновременно магическими талисманами — апотропеями.

Народные иранские верования населяли мир различными злыми и добрыми духами, между которыми шла непрестанная борьба. Эти верования господствовали среди ираноязычных племен Евразии — скифов в Восточной Европе и саков в Средней Азии и Сибири. В образах реальных и фантастических животных, изображенных отдельно или в схватке между собой, на вещах различного назначения не только воплощались представления об окружающем мире, но и решались практические задачи обеспечения магического содейст-

³⁹ С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962.

⁴⁰ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964.

⁴¹ К. Ф. Смирнов. Северский курган. М., 1953, табл. VIII.

⁴² И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб., 1890, рис. 152—165.

⁴³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 179.

вия духов в тех или иных делах. Антропоморфные образы богов появляются у скифов сравнительно поздно и притом в Северном Причерноморье в произведениях греческого или греко-скифского искусства, чаще всего в композициях причащения или адорации, причем раньше других начинает изображаться богиня-женщина, олицетворяющая производительные силы природы⁴⁴. Того же рода композиции появляются и в Сибири. Здесь имеется в виду аппликация на войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана на Алтае с изображением богини на троне и стоящего перед ней всадника⁴⁵.

Весьма существенно то обстоятельство, что в скифо-сибирском искусстве зооморфные изображения наряду с выполнением своей культо-магической функции играли и еще одну немаловажную роль — элементов украшения. При несомненной связи зооморфных изображений с высшим слоем варварского общества, как бы широк они ни был, можно даже думать, что если не возникновение, то широкое распространение и художественная обработка такого рода изображений связываются с имущественной и социальной дифференциацией и с появлением потребности в украшениях и предметах роскоши, подчеркивающих социальное положение их обладателей. Вместе с тем было бы ошибочным полагать, что, возникнув из потребностей высшего слоя, скифское искусство осталось в его границах. Наоборот, оно скоро сделалось достоянием народных масс, так как в этом обществе еще не существовало перегородок, разделяющих его на классы⁴⁶.

Следует, однако, иметь в виду, что как в предскифскую, так и скифскую эпохи в предметах массового употребления искусство занимало очень скромное место и довольствовалось повторением шаблонных мотивов орнаментации геометрического характера. Орнамент скифской керамики, например, мало отличался от орнаментации предшествующего периода и за редкими исключениями не имел ничего общего со звериным стилем дорогих украшений. Качественно — и по содержанию, и по форме — скифское искусство резко отличается от украшений на вещах массового распространения и не может рассматриваться

только в виде продолжения заложенной в них древней традиции. Это искусство, как и вся скифская культура, неразрывно связано с возникновением новых общественных отношений и является воплощением новой идеологии «героического» периода скифской истории. Этот период по своему содержанию не отличается от соответствующего этапа, раньше или позже пережитого другими народами, и характеризуется далеко зашедшим разложением первобытного родового строя и выделением стоящих над обществом вождей («царей»), усвоивших замашки восточных владык и подражавших обычаям и пышности их двора. Именно они ставили перед искусством новые задачи и снабжали его образцами для их разрешения.

Б. В. Фармаковский с его теорией ионийского происхождения скифского искусства⁴⁷ и М. И. Ростовцев с Ираном как источником его форм и сюжетов⁴⁸ в известной мере были правы. И та, и другая из этих тесно связанных между собой областей искусства древнего мира с самого начала возникновения скифского искусства отразились в нем вполне определенным образом, что, однако, не исключает признания творческого своеобразия последнего. Скифское общество было связано с Востоком и Грецией и охотно заимствовало в готовом виде те формы и представления, которые соответствовали уровню его идеологического развития и давно уже были выработаны в странах древней цивилизации. Восточные и греческие элементы в скифском искусстве, вошедшие в него со времени его возникновения и непрерывно приливавшие по мере его дальнейшего развития, наложили на это искусство отпечаток, резко отличающий его от художественного творчества предшествующего периода и от тех форм художественной деятельности, которые по традиции продолжали жить среди рядового населения Скифии.

В связи с декоративным назначением скифского искусства только и стало возможным включение в его состав сюжетов и форм иноземного происхождения, лишь приблизительно соответствующих тем представлениям, которые жили в данной среде; более или менее безразличное отношение к культо-религиозному содержанию образов, забвение их значения и смешение их между собой. Этим же объясняется появление жанровых композиций,

⁴⁴ М. И. Артамонов. Антропоморфные божества. АСГЭ, № 2. Л., 1961.

⁴⁵ С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, табл. ХСV.

⁴⁶ М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. «Вестник ЛГУ», 1947, № 9, стр. 70 и сл.

⁴⁷ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34. СПб., 1914.

⁴⁸ М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918

из числа которых самобытными формами отличаются сцены на золотых и бронзовых застежках из Сибири и Ордоса, представляющие охоту в лесу, единоборство богатырей, охоту в пути и другие, по всей вероятности, эпизоды иранских эпических сказаний⁴⁹. По-

этому искусство становится чисто декоративным, т. е. таким, в котором формы постепенно абстрагируются от содержания и, превращаясь в орнамент, лишь по традиции, по неясным воспоминаниям сохраняет еще в течение какого-то времени смутное культовое значение.

⁴⁹ *M. I. Rostovtzeff. The Great Hero of Middle Asia and his Exploits. «Art. Asiae», IV, 233, Leipzig, 1930—1932, s. 99—117; М. Л. Грязное. Древнейшие памят-*

ники героического эпоса народов Южной Сибири. АСГЭ, № 3. Л., 1961, стр. 7 и сл.

Е. В. Черненко **О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ ПОЯВЛЕНИЯ
ТЯЖЕЛОЙ КОННИЦЫ
В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ**

В литературе распространен взгляд на скифское конное войско (особенно раннего времени) как на массу легкой конницы, вооруженной луками, метательными копьями и дротиками и не знавшей определенного боевого порядка.

Это представление было обусловлено многими причинами. Еще со времени Геродота, назвавшего скифов превосходными стрелками из луков, установилось мнение, что лук и стрелы — основное скифское оружие. Слава скифских лучников namного пережила их самих. Свидетельство Геродота полностью подтверждается археологическим материалом. Наконечники стрел являются обязательной принадлежностью большинства мужских и многих женских погребений Скифии¹.

До недавнего времени считалось, что у скифов отсутствовало эффективное оружие ближнего конного боя. Короткий меч-акинак для этой цели явно не пригоден, а длинных рубящих мечей было известно мало. Недооценивалось значение короткого копья и отрицалось использование копий с длинным древком.

Неправильная оценка роли защитного вооружения привела к неверному выводу о его месте в составе скифской паноплии. Так, Н. И. Сокольский писал, что «защитных доспехов у местных народов было много меньше, чем у греков»², а Г. А. Пугаченкова утвержда-

ла, что «в скифской (и в раннесарматской) среде VI—IV вв. до н. э. металлическое панцирное вооружение не занимало сколько-нибудь заметного места»³.

Все это способствовало утверждению мнения о том, что скифы стремились избежать ближнего конного боя. Ссылались на красочные описания Геродота стратегии и тактики скифов в войне с персами. В ходе этой войны дело так и не дошло до решающего открытого столкновения. Описание Геродота дополнялось выразительной характеристикой скифской тактики ведения конного боя, сделанной Платоном, — сражаться с врагом, обращаясь в бегство. Раскрытие содержания этого замечания Платона можно найти в ряде работ В. Д. Блаватского, посвященных военному делу народов Северного Причерноморья. Им же было выдвинуто в общем верное мнение об использовании скифами в бою лавы как основного боевого порядка легковооруженных всадников. Это мнение было поддержано многими исследователями⁴.

По нашему мнению, существующие взгляды на роль и значение различных видов скифского вооружения, стратегию и тактику несколько односторонне рассматривают состав средств нападения и защиты, использовавшихся ски-

¹ В этой связи интересны материалы, полученные при раскопках скифских курганов на Никопольщине в 1963—1965 гг. Скифской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством А. И. Тереножкина. Колчанные наборы были обнаружены там во всех женских погребениях.

² *И. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 146.*

³ *Г. А. Пугаченкова. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства. ВДИ, 1966, № 2, стр. 30.*

⁴ *В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 22; А. И. Мелокова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4. М., 1964, стр. 84; она же. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, вып. 34, 1950; А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 154—156.*

фами, и их тактику ведения конного боя. Мы не будем подробно останавливаться на проблеме в целом. Это было довольно полно сделано В. Д. Блаватским, А. И. Мелюковой, Н. И. Сокольским и К. Ф. Смирновым. Остановимся лишь на отдельных ее вопросах. Прежде всего кратко охарактеризуем некоторые виды вооружения скифской конницы.

Нельзя согласиться с мнением Г. А. Пугаченковой, отрицающей использование лука тяжелыми конниками⁵. Оно может быть верно лишь для греческой тяжелой конницы, не применявшей луков, по данным Ксенофонта⁶. Для тяжелой конницы Северного Причерноморья и Северного Кавказа лук и стрелы были обязательны. Колчаные наборы встречены во всех погребениях, в составе инвентаря которых присутствует тяжелое металлическое защитное оружие.

Среди оружия ближнего боя заметное место занимали длинные мечи, позволявшие эффективно действовать как против конного, так и против пешего противника. Такие мечи, по данным А. И. Мелюковой составляют 15%⁷, а у сарматов, для которых они будто бы особенно характерны, — около 7%⁸. Интересно, что среди инвентаря некоторых скифских погребений найдено по два меча: короткий — для ближнего боя и длинный — для рубки с коня. Это же подтверждается изображениями двух мечей на некоторых скифских стелах, в частности на стелах из собрания Кировоградского музея. Но основным оружием ближнего боя конника было короткое копье⁹. В этом отношении скифская конница не представляла собой исключения. Ведущая роль копья в составе вооружения конника и второстепенное значение меча подтверждаются свидетельствами древних авторов¹⁰. Ксенофонт, подробно описывая снаряжение конника, не упоминает меч¹¹. Об использовании короткого копья в ближнем конном бою можно судить по памятникам изобразительного искусства (Солохский гребень, Гермесова пластина).

Безусловно, скифы применяли и длинные копья — пики. В целом виде они были найдены в кургане VI в. до н. э. в Подолии¹² и в

⁵ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 31.

⁶ Ксенофонт. О коннице, XII, 11—12.

⁷ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 46—47.

⁸ А. М. Хазанов. Сарматские мечи с кольцевым навершием. СА, 1967, № 2, стр. 169.

⁹ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 43.

¹⁰ Плутарх. Александр, XVI.

¹¹ Ксенофонт. О коннице, XII, 11—12; он же. Киропедия, № 3, 9.

¹² T. Sulimírski. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1936, s. 20.

Таблица 1

Виды скифского защитного доспеха

Вид вооружения	Дата (вв. до н. э.)	Северное Причерноморье	Северный Кавказ	Поволжье	Средняя Азия
Панцири	VI	18	5	—	—
	V	39	7	1	—
	IV—III	59	10	5	2
Шлемы	VI	—	5	1	2
	V	8	—	—	—
	IV—III	23	10	1	—
Поножи	V	6	1	—	—
	IV—III	20	6	—	—
Боевые пояса	VI	10	—	—	—
	V	28	—	—	—
	IV—III	36	4	—	—
Щиты	VI	2	2	—	—
	V	5	—	—	—
	IV—III	9	4	1 (?)	—

одном из курганов у г. Орджоникидзе на Никопольщине¹³. В этих могилах размеры погребального сооружения позволяли положить копья целыми. В тех случаях, когда в могильную яму невозможно было поместить длинное копье, его ломали. Поэтому нередко наконечники копий и подтоки лежали в могилах почти рядом. Скорее всего, в этих случаях мы имеем дело с частями длинных копий — пик.

Весь комплекс наступательного вооружения скифской конницы обеспечивал поражение противника на расстоянии (лук и стрелы, метательные копья, дротики), на средней дистанции (длинные копья) и в ближнем бою (короткое копье и длинный меч).

Очень существен вопрос и о роли средств личной защиты всадника в составе скифской паноплии

Изучение защитного скифского доспеха позволило сделать важный вывод о широком его распространении¹⁴. Сейчас о скифском оборонительном доспехе в нашем распоряжении больше материалов, чем для всего последующего времени, вплоть до эпохи Киевской Руси (о наличии всех видов защитного вооружения см. табл. 1). Редкое нахождение в погребениях остатков щитов следует объяснять не ограниченным их использованием, а тем, что чаще всего щиты изготовляли из дерева и по-

¹³ В кургане, раскопанном в 1964 г. А. И. Тереножкиным, найдено копье длиной 3 м.

¹⁴ Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968.

этому они не сохранились; обычно сохраняются лишь металлические части.

Принадлежность всех этих средств личной защиты воинам-всадникам не вызывает сомнений. Вероятно их сопровождают конские захоронения или предметы конской упряжи.

На территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа уже в VI в. до н. э. в основном оформился весь комплекс скифского защитного вооружения. Он состоял из панцирей различных типов, шлемов, боевых поясов, щитов. Основным видом защитного вооружения являлись наборные панцири — надежные и удобные доспехи, обеспечивавшие всаднику максимальную подвижность.

Важное значение имело включение в состав защитного оружия начиная с V в. до н. э. античных оборонительных доспехов — шлемов различных типов, поножей, щитов. Характерно, что этим вооружением пользовались всадники местных племен. Относительно поножей и шлемов подобное обстоятельство верно отметил Н. И. Сокольский¹⁵.

Имеются некоторые основания говорить об использовании средств тяжелой защиты для боевого коня. Но материалы по этому важному вопросу еще крайне немногочисленны. Вероятно, для этой цели использовали большие бронзовые пластины из комплекса VI в. до н. э. у Никополя¹⁶ и такие же пластины, случайно найденные на Кубани¹⁷. Безусловно, защитные функции выполняли и конские массивные бронзовые налобники, обнаруженные в курганах V в. до н. э. на Посулье¹⁸. Не исключено, что набор из мелких металлических пластин, широко применявшийся для всех видов воинского защитного вооружения, шел на изготовление металлической защиты боевого коня. Может быть, это назначение выполняла и панцирная броня из курганов, раскопанных А. Н. Синельниковым под Запорожьем¹⁹ и Г. Л. Скадовским у М. Козырки на Николаевщине²⁰.

¹⁵ Н. И. Сокольский. Военное дело Боспора. Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 10—11.

¹⁶ ДП, вып. VI, стр. 10—11, табл. III, № 415—418; Г. Павлуцкий. Предметы античного вооружения, найденные в Екатеринославском уезде. АЛЮР, № 1. Киев, 1903.

¹⁷ А. П. Манцевич. Бронзовые пластины из Прикубанья. «Исследования в честь на акад. Д. Дечев». София, 1958.

¹⁸ В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы. К.СИИМК, вып. 54, 1954, стр. 28, рис. 10, 9—10.

¹⁹ Г. Павлуцкий. Указ. соч., стр. 53.

²⁰ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 72.

Известные ныне материалы о защитном вооружении местного населения Скифии и Северного Кавказа существенно меняют наши взгляды на роль тяжелой конницы в составе их войск. Ни в коей мере не отрицая того бесспорного факта, что основная масса скифской конницы состояла из легковооруженных лучников, надо отметить, что костяк конного войска уже в VI в. до н. э. составляла тяжеловооруженная панцирная конница. Именно она и была основной ударной силой.

В тяжеловооруженных воинах следует видеть не только представителей высших слоев местного общества, но главным образом конных воинов-дружинников, существование которых верно отметила А. И. Мелюкова. Значительное усиление роли дружины у скифов происходит в IV—III вв. до н. э.²¹ Именно в это время защитные доспехи получают самое широкое применение (см. табл. 1). Наиболее эффективным было использование дружины панцирных воинов в сомкнутом глубоком строю, во главе лавы легковооруженных всадников, при встречном бое с конным или при прорыве пешего строя противника.

Применение скифами определенного боевого порядка бесспорно. Об этом есть свидетельства у Геродота: «скифы, конные и пешие, выстроились для боя», «ряды скифской конницы». К сожалению, у нас нет материалов, позволяющих более определенно говорить о характере боевого строя. В этой связи особую ценность приобретают скудные данные Диодора Сицилийского о битве при Фате²². Вряд ли можно согласиться с В. Д. Блаватским, рассматривавшим весь ход битвы как проявление греческой или беотийской тактики. Нельзя игнорировать мнение Диодора, видевшего в самом принципе построения войска скифов скифский обычай. Битва при Фате является ярким образцом удачного применения местной скифо-меотской тактики ведения боя. Основную роль в этом бою сыграли «отборные воины», находившиеся в центре боевого строя. В них и следует видеть тяжеловооруженных всадников-дружинников. Именно они (при поддержке остальной массы легкой конницы) решили исход боя. Они смогли последовательно разбить сначала противостоящий им и, очевидно, вооруженный подобным же образом отряд фатеев, а затем, изменив направление удара и прекратив преследование бегущего противника, разгромить его тяжелую пехоту.

²¹ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 82.

²² Диодор, XX, 22—23.

Следует отметить, что этот сложный маневр требует очень высокой выучки и дисциплины, которой не может быть у иррегулярной конницы.

Представляется возможным уточнить и вопрос о месте появления тяжелой конницы в степях Евразии.

С. П. Толстое, характеризуя конницу сако-массагетских степей, писал о раннем появлении в этих местах и доспеха, и самой тактики боя тяжелой конницы²³. В подтверждение своего мнения он смог привести сведения об оружии населения этих степей, сообщаемые Геродотом, Страбонем и Аррианом. Но ведь у Геродота речь идет не о панцирном вооружении самого воина, а о медных нагрудниках коня. Страбон и Арриан скорее всего характеризовали вооружение народов, близких своему времени, в то время, когда защитные доспехи там широко применялись.

Для характеристики защитного вооружения народов Средней Азии и Казахстана скифского времени мы располагаем очень ограниченными и довольно поздними материалами. Для VI в. до н. э. на этой территории известны лишь два шлема кубанского типа²⁴. А остатки панцирей из Чирик-Рабата²⁵ и «арсенала» Топрак-Калы²⁶ относятся к самому концу IV—началу III в. н. э. Некоторые материалы по этому вопросу сообщают древние авторы.

²³ С. П. Толстой. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 211—227; он же. Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, № 4, стр. 138.

²⁴ Е. Е. Кузьмина. Бронзовый шлем из Самарканда. СА, 1958, № 4; И. И. Копылов. Находка скифского шлема в Семиречье. «Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та», т. XIV, серия общ.-полит. Алма-Ата, 1957.

²⁵ С. П. Толстой. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 142, рис. 82, д—ж.

²⁶ С. П. Толстой. Хорезмская археологическая экспедиция. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 32.

Подробная сводка таких свидетельств приведена в недавно вышедшей работе Б. А. Литвинского и И. В. Пьянкова²⁷. Столь ограниченные материалы не дают никаких оснований искать в сако-массагетской среде родину тяжелой конницы.

Только в V в. до н. э. появляется тяжелая конница и у савроматов. На их территории известны лишь по одному шлему VI²⁸ и IV²⁹ вв. до н. э. и семь панцирей V—III вв.

Безусловно прав К. Ф. Смирнов, утверждая, что в IV в. до н. э. у савроматов только складываются предпосылки для появления тяжелой конницы, состоящей из представителей родоплеменной аристократии³⁰. Вряд ли можно объяснить причину незначительного количества находок панцирей на территории Поволжья и Средней Азии только недостаточной изученностью памятников. Очевидно, главное здесь — редкое и в относительно позднее использование тяжелых защитных доспехов в этой части евразийских степей.

Иную картину развития средств личной защиты воина дают обильные материалы Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Они позволяют всесторонне охарактеризовать эту категорию «орудий войны». Не в савроматских степях и районах, расположенных к востоку от них, а на Северном Причерноморье и Северном Кавказе еще в VI в. до н. э. появилась сильная тяжелая конница, способная успешно сражаться в открытом бою с любым конным и пешим противником.

²⁷ Б. А. Литвинский, И. В. Пьянков. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. ВДИ, 1966, № 3.

²⁸ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА. №101, 1961, стр. 76.

²⁹ В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. Я. Маловицкая. Работы в Нижнем Поволжье. «Археологические открытия 1965 г.» М., 1966, стр. 87.

³⁰ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 280.

II. СКИФЫ СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ

А. И. Мелюкова НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ В IV — III ВВ. ДО Н. Э.

Из античных письменных источников не удается извлечь почти ничего определенного об этническом составе населения Нижнего Поднестровья в скифский период. Геродот знал в устье Днестра лишь эллинов-тиритов (IV, 51). Более поздние античные авторы упоминают эллинские города — Никоний¹, Офиусу², Тиру³, а также башню Неоптолема⁴ и Гермонактову деревню⁵. Из всех названных населенных пунктов только локализация города Тиры на месте современного г. Белгорода-Днестровского не вызывает сомнений. По поводу местоположения остальных существовали и существуют значительные расхождения.

Благодаря археологическим раскопкам удалось найти еще один греческий город, расположенный почти напротив Тиры, на левом берегу Днестровского лимана, близ с. Роксоланы. Так же как и Тира, он был основан в конце VI в. до н. э., но если первая была милетской колонией, то этот город считается колонией Истрии. По своим масштабам и, очевидно, по значению город у с. Роксоланы значительно уступал Тире. М. С. Синицин склонен считать его Офиусой⁶, П. И. Карышковский, как мне представляется, более убедительно связывает Роксоланское городище с Никонием, полагая, что наименование Офиуса представляет собой более древнее название города Тиры⁷. Башню Неоптолема и Гермонактову деревню на основании данных Страбона сле-

дует искать в устье лимана, недалеко от берега моря.

О местном же населении Нижнего Поднестровья нам известно очень немного. Геродот, хотя и включает эту территорию в Скифию, ничего не говорит о племенах, которые здесь жили. Отсутствуют пока и археологические источники VI—V вв. до н. э.

В IV—III вв. до н. э. Нижнее Поднестровье было районом непосредственного и тесного взаимодействия между скифами и гето-фракийскими племенами. На основании отрывочных свидетельств древних авторов и археологических материалов можно предполагать, что здесь в это время проходила граница между скифами и гетами⁸.

Как показывают археологические источники, основное население на правобережье Нижнего Поднестровья и в междуречье Днестра и Прута составляли геты — оседлые земледельцы и скотоводы, а на левобережье — кочевые скифские племена. Отдельные погребальные памятники IV в. до н. э., известные в Прутско-Днестровском междуречье, указывают на проникновение кочевников за Днестр. Может быть, это были скифы из войска Атея, которые участвовали в походе за Дунай около середины IV в. до н. э. и погибли на чужой земле.

Есть некоторые основания предполагать, что и какая-то часть гетов во второй половине IV в. до н. э. переселилась с правого берега Днестра на левый, обосновавшись на берегах Кучурганского лимана⁹.

В результате этих тесных контактов геты Нижнего Поднестровья восприняли отдельные черты скифской материальной культуры, а

¹ Псевдо-Скилак, 68; Страбон, VII, 306, SC. 1. стр. 119.

² Там же.

³ Псевдо-Скимн, 789—803.

⁴ Страбон, VII, 306.

⁵ Там же.

⁶ М. С. Синицин. Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами між гірлами Н. Бугу і Дністра, МАПП, III. Одеса, 1960, стр. 18—24; *он же*. Раскопки городища возле с. Роксоланы Беляевского района Одесской области в 1957—1961 гг. МАСП, вып. 5. Одесса, 1966, стр. 53.

⁷ П. О. Карышковский. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища. МАСП, вып. 5, стр. 149—162.

⁸ Подробнее об этом см.: А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами. «Фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969.

⁹ А. А. Кравченко, В. І. Кузьменко. Развідки археологічних пам'ятоків по Кучурганській річній долині. МАПП, II. Одеса, 1959, стр. 122 и сл.; А. И. Мелюкова. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 70—72.

скифы — гето-фракийской. Особенно показательно присутствие на гетских поселениях Нижнего Поднестровья наряду с господствующей фракийской керамикой небольшого количества типичной скифской посуды. Данная черта отличает гетские памятники этого района от тех, которые находятся на основной территории обитания гето-фракийских племен — в Карлато-Дунайском и Балкано-Дунайском районах, а также на Среднем Днестре.

В свою очередь присутствие фракийской керамики отличает курганы кочевых скифов Нижнего Поднестровья от тех, которые находятся на Нижнем Днестре и Буге¹⁰.

Кроме местных материалов на гетских поселениях и в скифских курганах содержится сравнительно небольшое количество античной керамики, что свидетельствует о связях тех и других с греками-колонистами Северо-Западного Причерноморья.

Помимо поселений и могильников, одни из которых могут быть определенно связаны со скифами, вторые — с гетами, а третьи — с греками-колонистами, на Нижнем Днестре выделяется еще группа памятников, этническая принадлежность которых пока не установлена. Они расположены на обоих берегах Днестровского лимана, начиная от его устья до нижнего течения Днестра¹¹, сравнительно недалеко от Тиры на правом берегу и Роксоланского городища — на левом. Поселения невелики по площади, часто находятся на близком расстоянии друг от друга и, как правило, не имеют укреплений. Городище, защищенное с напольной стороны рвом и, по-видимому, каменной стеной, известно на левом берегу лимана у с. Надлиманское.

Судя по подъемному материалу, большинство этих памятников датируется IV—III вв. до н. э., но на нескольких поселениях встречен в небольшом количестве археологический материал VI—V вв. до н. э. Поселение с хорошо выраженным культурным слоем конца VI — начала V в. до н. э. известно у с. Надлиманское, поблизости от уже упомянутого городища. Раскопки производились только в трех пунктах: у с. Пивденное, расположенного в

17 км к северу от Тиры, на правом берегу лимана¹², на Надлиманском городище¹³ и на поселении у с. Николаевка¹⁴ — на левом берегу. Рядом с последним памятником находится относящийся к нему могильник, на котором также ведутся исследования¹⁵. Второй могильник, связанный с каким-то другим поселением, обнаружен в 5 км южнее первого, почти в центре села¹⁶. Небольшие раскопки разведывательного характера были предприняты нами на поселении конца VI — начала V в. до н. э. у с. Надлиманское¹⁷.

Обилие фрагментов, а при раскопках и целых греческих амфор, присутствие чернолаковой и простой античной гончарной посуды наряду с лепной местной керамикой составляют одну из характерных особенностей всех этих памятников. Сочетание в культуре обитателей поселений местных черт, среди которых прослеживаются скифские и фракийские, с элементами греческими неизбежно ставит вопрос о том, кто — греки, скифы или геты основали эти памятники.

Исследователи, публиковавшие материалы своих раскопок, или воздерживались от ответа на этот вопрос, или высказывали отдельные предположения, не предпринимая попыток мобилизовать для его решения все имеющиеся данные. Лишь А. И. Фурманская уверенно включила поселения на правом берегу лимана недалеко от Тиры (в том числе и поселение у с. Пивденное) в хору Тиры, не приведя при этом никакой аргументации¹⁸. А. Г. Саль-

¹⁰ А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины. МИА, № 115, 1962, стр. 15? и сл., рис. 2, 3, 5.

¹¹ И. Б. Клейман, К. И. Ревенко. Археологічні спостереження на західному березі Дністровського лиману. МАПП, II. Одеса, 1959, стр. 118—121; И. Т. Черняков. Археологическая разведка берегов Днестровского лимана. ЗОАО, I (34), 1960, стр. 209—218; Г. А. Дзис-Райко. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана. КСОГАМ за 1961 г. Одесса, 1963, стр. 40 и сл.

¹² А. Г. Сальников. Раскопки поселения IV—II вв. до н. э. у с. Пивденное в 1960 г. КСОГУ и ОГАМ. Одесса, 1961, стр. 51 и сл. *он же*. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962). МАСП, вып. 5, 1966, стр. 176 и сл.

¹³ М. С. Сикицын. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг. ЗОАО, I (34), 1960, стр. 201 и сл.; Г. А. Дзис-Райко. Раскопки Надлиманского городища в 1960 г. КСОГУ и ОГАМ. Одесса, 1961, стр. 37 и сл.; *она же*. Археологические исследования городища у с. Надлиманское. МАСП, вып. 5, 1966, стр. 163 и сл.

¹⁴ А. И. Мелюкова. Поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Одесской области. КСГИМ, 109, 1967, стр. 54 и сл.

¹⁵ А. И. Мелюкова. Могильник IV—III вв. до н. э. «Археологические открытия 1965 г.» М., 1966, стр. 93 и сл.; *она же*. Раскопки на могильнике и поселении IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 204 и сл.

¹⁶ Г. А. Дзис-Райко. О раскопках древнего могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, стр. 59 и сл.

¹⁷ А. И. Мелюкова. Разведывательные раскопки на поселении у с. Надлиманское (в печати).

¹⁸ А. И. Фурманская. Античный город Тира. «Античный город». М., 1963, стр. 43.

ников высказал сомнение на этот счет, но своего отношения к памятникам не определил¹⁹. М. С. Синицин отметил «более значительную эллинизованность быта и материальной культуры обитателей Роксоланского городища по сравнению с жителями Надлиманского городища»²⁰. Г. А. Дзис-Райко склоняется к тому, что на Надлиманском городище обитало местное земледельческое население, тесно связанное торговлей с греками, но ничего не говорит о том, каким было это население²¹. В работе, специально посвященной определению этнической принадлежности племен Днестро-Бугского междуречья, М. С. Синицин лишь упомянул о сходстве поселений левобережья Днестровского лимана с поселениями Нижнего Побужья и высказал предположение об их принадлежности каллипидам Геродота²².

Малое количество памятников, подвергавшихся раскопкам, не позволяет пока окончательно решить поставленную проблему. Однако изучение уже имеющихся материалов при сопоставлении их с известными на других территориях дает право на некоторые предварительные выводы.

Очевидно, речь может идти лишь об исследованных памятниках. Все они расположены на расстоянии 17—25 км от Тиры и Роксоланского городища (в 17 км — поселение у с. Пивденное, в 20 км — Николаевка, в 25 км — Надлиманское городище и почти в 25 км — поселение конца VI — начала V в. до н. э. у с. Надлиманское). Столь существенная их удаленность от античных городов исключает, по-видимому, возможность того, что поселения входили в ближайшую земледельческую округу Тиры или Роксоланского городища. Кроме того, изучение строительных остатков и всего комплекса находок показывает, что поселения, о которых идет речь, не могли быть греческими.

Несмотря на то что преобладающим типом домов на поселениях были наземные постройки, стены которых делались из камня или из камня с глиной, там нигде не применяется греческая строительная техника. Для кладки

стен употреблялся преимущественно рваный известняк разных размеров; кладка производилась насухо или с применением глиняного раствора. Черепица в качестве кровельного материала, как правило, не употреблялась, лишь на Надлиманском городище найдены отдельные ее обломки. Архитектурным представлениям античного мира противоречат также наличие помещений неправильной формы, отсутствие подвалов, небольшие постройки и загородки хозяйственного назначения²³.

Кроме наземных жилищ на поселении в Пивденном обнаружена полуземлянка овальной формы²⁴, а у с. Николаевка — прямоугольная землянка из двух помещений с печью-пещеркой в одном из них²⁵.

Г. А. Дзис-Райко, говоря о строительных остатках на Надлиманском городище, полагает, что строительные приемы, употреблявшиеся жителями этого поселения, восходят к тем, которые были известны местным племенам Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы²⁶. Действительно, не только остатки зданий на Надлиманском городище, но и те, которые выявлены на поселении у с. Николаевка, близки к каменным жилищам, открытым на ряде поселений сабаатиновского этапа поздней бронзы²⁷. Может быть, общностью происхождения следует объяснить и сходство упомянутых построек с теми, которые известны на ряде поселений VI—III вв. до н. э. в Побужье²⁸, на скифских поселениях Боспора IV—III вв. до н. э.²⁹, а также на позднескифских городищах Нижнего Поднепровья³⁰.

¹⁹ А. Г. Сальников. Раскопки поселения IV—II вв. до н. э., стр. 51.

²⁰ М. С. Синицин. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ, стр. 201.

²¹ Г. А. Дзис-Райко. Археологические исследования городища у с. Надлиманское, стр. 175.

²² М. С. Синицин. Населения Днестро-Бугского Причерноморья скифско-сарматского часу. МАП, вып. 2, 1959, стр. 21 и сл.

²³ А. Г. Сальников. Итоги полевых исследований у с. Пивденное, стр. 179—192; Г. А. Дзис-Райко. Археологические исследования городища у с. Надлиманское, стр. 165—171; А. И. Мелюкова. Поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка, стр. 54—55.

²⁴ А. Г. Сальников. Итоги полевых исследований у с. Пивденное, стр. 190.

²⁵ А. И. Мелюкова. Поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка, стр. 56, рис. 15.

²⁶ Г. А. Дзис-Райко. Археологические исследования городища у с. Надлиманское, стр. 170.

²⁷ Я. Н. Погребова, Я. Г. Елагина. Работы в Тилигуло-Березанском районе. КСИИМК, вып. 89, 1962, стр. 6, 8; Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, № 4, стр. 76 и сл.; А. В. Бураков. Поселения эпохи бронзы біля с. Зміївка, АП, Х. КИВ, 1961, стр. 28, рис. 2, 5, 6.

²⁸ Ф. М. Штительман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, № 50, 1956, стр. 258 и сл.

²⁹ И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений Боспора. ВДИ, 1963, № 2, стр. 72 и сл.

³⁰ Я. Я. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. III, рис. 3, 3.

С традициями, также идущими, по-видимому, с эпохи бронзы, можно связывать обычай насыпать зольники. На поверхности поселения у с. Надлиманское хорошо заметно восемь курганообразных зольных холмов, которые по внешнему виду напоминают зольники культуры ноа. Один крупный зольник и несколько более мелких имеются на поселении у с. Николаевка. Раскопки показали, что крупный зольник возник на месте заброшенной землянки, заполнив целиком и ее, и существовавшие поблизости хозяйственные ямы. Зола с землей, камнями, кусками глиняной обмазки, костями животных и огромным количеством битой посуды и составляла зольник³¹. Каких-либо находок предметов культового характера здесь не было. Только два небольших сооружения в виде кругов из необработанных камней, находившихся в толще зольника, могут свидетельствовать о том, что он имел какой-то культовый смысл, будучи одновременно и мусорной свалкой. Отсутствие в нем терракотовых статуэток и жертвенников типа эсхары отличает исследованный нами зольник от античных, например от тех, которые были открыты в Мирмекии³². Небольшие зольники, содержащие много битых амфор и лепной керамики, известны возле жилищ на поселении в Пивденном. В них не было каких-либо культовых предметов или культовых сооруже-

ний³³.

Находки трех фрагментированных терракотовых статуэток на Надлиманском городище³⁴ и одной — на поселении конца VI—V в. до н. э. близ него³⁵ столь немногочисленны, что не дают оснований для вывода о знакомстве жителей данных поселений с греческими культурами. Показательно в этом отношении отсутствие терракот не только в зольниках, но и в погребениях, исследованных у с. Николаевка. О том же говорит и отсутствие монет «Обола Харона» в могильниках.

Очевидно, жители поселений не были знакомы с денежным обращением, столь характерным для античного мира, так как раскопки у с. Николаевка не дали монетных находок.

На Надлиманском городище была найдена всего лишь одна истрийская монета³⁶, а на поселении в Пивденном — одна медная монета Тиры середины IV в. до н. э.³⁷ По-видимому, торговля, которую вели жители этих мест с греками, носила характер натурального обмена. О том, что торговля занимала весьма значительное место в экономике обитателей поселений, свидетельствует обилие находок привозной античной керамики, прежде всего амфор. Амфорные обломки на всех памятниках, включая и поселение конца VI — начала V в. до н. э. у с. Надлиманское, составляют 70—80% всех находок керамики. Встречено также немало целых или раздавленных амфор, стоявших возле стен домов или находившихся в хозяйственных ямах. Так, на поселении в Пивденном было 14 целых или почти целых амфор, а возле с. Николаевка — 10. Целые амфоры происходят также из многих погребений, раскопанных на могильниках у с. Николаевка.

Изучение клейм, имеющихся только на сравнительно незначительном числе найденных амфор или их фрагментов, показывает, что в IV—III вв. до н. э. на поселении у с. Николаевка и Надлиманском городище преобладал ввоз вина из Гераклеи, меньше было амфор Фасоса, Синопы, сравнительно немного из Херсонеса и других центров. Соотношение клейм, найденных на указанных поселениях, почти полностью совпадает с тем, которое зафиксировано для античного городища у с. Роксоланы³⁸. На поселении в Пивденном первое место по количеству находок принадлежало фасосским амфорам, гераклеийские стоят на втором, далее следуют амфоры Синопы, Херсонеса и других центров³⁹.

Ввоз вина в амфорах, а может быть, и масла занимал ведущее место в импорте из греческих городов. Ничтожно мал на всех поселениях по сравнению с амфорами процент чернолаковой керамики. Например, в Пивденном на 47 723 фрагмента различных амфор приходится лишь 490 обломков чернолаковой посуды⁴⁰. На поселении у с. Николаевка на 21 890 фрагментов амфор приходится лишь 235 фрагментов чернолаковой керамики. На-

³¹ А. И. Мелокова. Поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка, стр. 58 и сл.

³² В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники — эсхары. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 28—37.

³³ А. Г. Сальников. Итоги полевых исследований..., стр. 187 и сл.

³⁴ И. Б. Клейман. Три фрагментированные терракотовые статуэтки из городища Надлиманского. КСОГАМ, 1964, стр. 137 и сл.

³⁵ А. И. Мелокова. Разведывательные раскопки на поселении у с. Надлиманское.

³⁶ Г. А. Дзис-Райко. Археологические исследования..., стр. 175.

³⁷ А. Г. Сальников. Итоги полевых исследований..., стр. 189.

³⁸ А. Г. Сальников. Из истории торговых связей древних поселений на побережье Днестровского лимана с Грецией. МАСП, вып. 4, 1962, стр. 61 и сл.

³⁹ А. Г. Сальников. Итоги полевых исследований..., стр. 194.

⁴⁰ Там же, стр. 193.

ходки целых чернолаковых сосудов обычны лишь в погребениях обоих Николаевских могильников.

Чернолаковая керамика представлена канфарами, киликами, блюдцами, реже встречаются рыбные блюда и другие формы. Вся она аттического происхождения и в основном датируется тем же временем, что и амфоры, т. е. IV—III вв. до н. э. В небольшом количестве встречаются килики, относящиеся к V в. до н. э. Присутствие этой ранней чернолаковой посуды и находки сосудов со следами починки говорят о бережном обращении с керамикой этой категории, видимо, довольно дорогой.

У жителей поселений была и простая гончарная посуда, преимущественно сероглиняная — миски, кувшины, рыбные блюда, светильники, а также красноглиняная — кастрюли или котелки с крышками. Она встречается несколько чаще, чем чернолаковая, но только на поселении конца VI — начала V в. до н. э.; по количеству ее было немного больше, чем лепной.

На поселениях у сел Николаевка, Пивденное и на Надлиманском городище лепная керамика более чем в 5 раз преобладала над чернолаковой и простой гончарной посудой.

Простая гончарная керамика в отличие от амфор и чернолаковых сосудов была, очевидно, продукцией близлежащих античных городов, однако установить место ее производства пока затруднительно. Только некоторые сероглиняные кувшины и миски близки к найденным во Фракии. Но такая керамика вполне могла быть сделана в мастерских не только Западного Причерноморья, но и в Тире или на Роксоланском городище. Подобные сосуды в этих городах встречаются, однако гончарное производство в них еще не установлено. Хорошо определяется лишь синопское происхождение лутериев, изредка встречающихся в обломках на всех трех поселениях IV—III вв. до н. э.

Греческих вещей на поселениях не найдено. В небольшом количестве они имеются в могильниках у с. Николаевка, но и там их немного.

Таким образом, античные элементы в культуре обитателей изучаемых поселений связаны с торговлей. Они проявляются главным образом в употреблении привозной греческой керамики. Однако по сравнению с местной лепной посудой греческая чернолаковая и простая гончарная керамика на поселениях IV—III вв. до н. э. играла второстепенную роль.

Все сказанное дает возможность прийти к заключению, что основателями и обитателями по крайней мере тех поселений на берегах Днестровского лимана, которые подверглись раскопкам, были не греки, а местные племена.

Широкий размах торговли позволяет предполагать пребывание в этих населенных пунктах греческих купцов, непосредственно занимавшихся обменом. Может быть, именно этим следует объяснить находки на некоторых сосудах греческих граффити. Так, с Надлиманского поселения конца VI — начала V в. до н. э. и поселения у с. Николаевка происходит несколько фрагментов чернолаковых сосудов с отдельными процарапанными острием греческими буквами. На поселении у с. Пивденное кроме нескольких фрагментов чернолаковой посуды с граффити встречена ножка амфоры с тремя греческими буквами на ней⁴¹.

Что получали греческие купцы в обмен на привозимые товары? К сожалению, у нас нет данных для точного ответа на этот вопрос. Можно предполагать, что в основном вывозились сельскохозяйственные продукты, прежде всего зерно. Хотя на поселениях не найдено земледельческих орудий, занятие их обитателей земледелием едва ли может подвергаться сомнению. Поселения расположены близ пресной воды, на плодородных землях. На поселении у с. Пивденное была найдена амфора с остатками проса⁴². Шелуха проса обнаружена в одной из зерновых ям Надлиманского городища⁴³. Обилие тщательно сделанных зерновых ям на этом памятнике и особенно то, что 40 ям было сконцентрировано на площади в 400 кв. м, показывает, что здесь было крупное зернохранилище. По-видимому, в ямах хранилось зерно, предназначенное на вывоз⁴⁴. Возможно даже, что в это зернохранилище ссыпалось зерно, выращенное не только жителями Надлиманского городища, но и обитателями соседних поселений.

Находки костей домашних животных свидетельствуют о занятии скотоводством, однако их сравнительно немного. Так, в зольнике у с. Николаевка, где количество культурных остатков было во много раз выше, чем на основной площади, найдено всего около 1000 (главным образом мелких) обломков костей.

⁴¹ А. Г. Сальников. Итоги полевых исследований..., стр. 190.

⁴² Там же, стр. 183.

⁴³ Г. А. Дзис-Райко. Археологические исследования..., стр. 173.

⁴⁴ Там же, стр. 172—175.

Видимо, скотоводство не играло значительной роли в хозяйстве и не могло давать скот для греческих купцов. Можно предположить, что если и существовал вывоз скота с поселений Днестровского лимана, то его поставляли соседние кочевники.

На всех поселениях Днестровского лимана, подвергавшихся раскопкам, найдены кости и чешуя рыб, а также грузила для рыболовных сетей. Однако пока нет данных, на основании которых можно было бы говорить о заготовках рыбы на вывоз в Грецию. Свидетельство Псевдо-Скимна о том, что река Тира «оставляет купцам торговлю рыбой», остается пока не подкрепленным археологическими материалами.

Полагая, что основным товаром, которым местное население расплачивалось за ввоз греческих вина, масла, керамики и других предметов, было зерно, мы можем объяснить тот факт, что большинство поселений на Днестровском лимане возникло в IV в. до н. э. и существовало до второй половины III в. до н. э. Очевидно, увеличение числа земледельческих поселений в этих местах, так же как аналогичное явление в других районах Северного Причерноморья, находящихся поблизости от греческих колоний, было связано с развитием в IV в. до н. э. хлебной торговли.

По-видимому, Тира, а может быть, и второй, меньший по значению античный город на Днестровском лимане на месте Роксоланского городища, наряду с Ольвией, городами Боспора и Херсонесом принимали участие в возросшем экспорте хлеба из Северного Причерноморья в Афины и города Южного Понта в IV в. до н. э.⁴⁵

В этом отношении показательно, что период, к которому относится возникновение большинства поселений на берегах Днестровского лимана, был временем экономического подъема и интенсивной жизни в обоих городах. В Тире с конца V—начала IV в. до н. э. наблюдается рост городской территории, а с середины IV в. до н. э. появляются монеты собственной чеканки⁴⁶. На Роксоланском городище к IV в. до н. э. относится строительство наиболее богатых зданий из тесаного камня с черепичной кровлей и глубокими подвалами⁴⁷. Обилие привозной греческой керамики

⁴⁵ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 7 и сл.

⁴⁶ А. И. Фурманская. Античный город Тира, стр. 41—44.

⁴⁷ М. С. Синицын. Роксоланское городище, стр. 53 и сл.

и различных монет свидетельствует о широких связях со многими городами Средиземноморья и Причерноморья.

Увеличение хлебного экспорта привело к росту потребности в товарном хлебе. Это в свою очередь способствовало развитию торговли с местными племенами, что создавало стимул к количественному росту местных земледельческих поселений поблизости от городов и увеличению площадей, на которых выращивались сельскохозяйственные культуры. По всей вероятности, жители поселений Днестровского лимана, так же как каллипиды под Ольвией, были поставщиками зерна, которое близлежащие к ним города, прежде всего Тира, вывозили на греческий рынок.

Другим источником получения товарного хлеба служили для Тире гетские племена, занимавшие земли не только Нижнего, но и Среднего Поднестровья. Находки обломков античных амфор и чернолаковой керамики на всех известных в настоящее время поселениях Молдавии IV—III вв. до н. э. свидетельствуют о регулярных взаимоотношениях Тире с гетами⁴⁸. Однако небольшое количество античных материалов на этих памятниках по сравнению с поселениями Днестровского лимана показывает, что на последних торговля с греками была гораздо более интенсивной.

Попытаемся теперь определить этническую принадлежность местного населения, оставившего изучаемые поселения на Днестровском лимане.

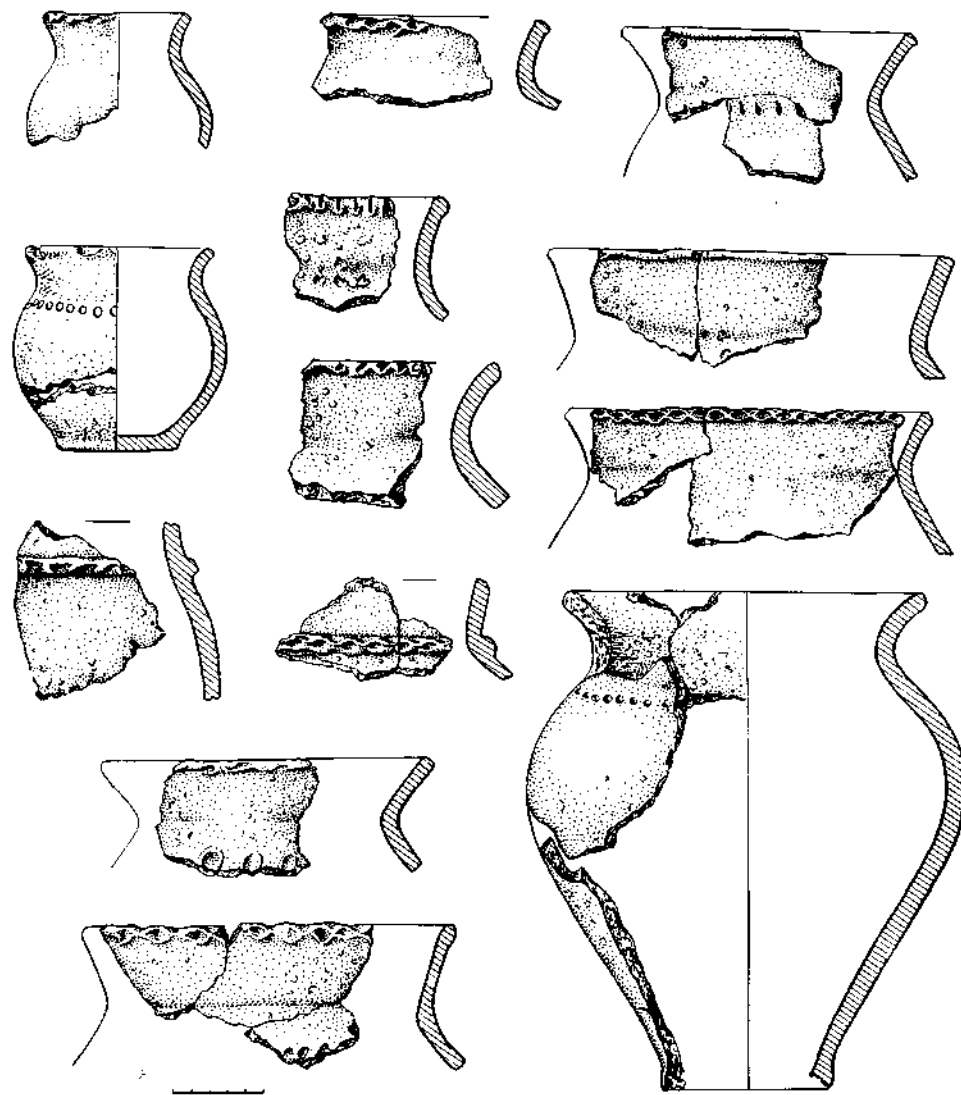
Сопоставление комплексов лепной посуды всех подвергавшихся раскопкам памятников показывает, что керамика левобережных поселений существенно отличалась от той, которая была найдена у с. Пивденное, на правобережье. На всех поселениях левобережья отмечается решительное преобладание горшков и крышек к ним (рис. 1), аналогичных скифским, например с Каменского городища на Нижнем Днестре⁴⁹. Так, на поселении у с. Никколаевка⁵⁰ и на Надлиманском городище⁵¹ скифская лепная керамика составляет более 75% всей найденной посуды. Только около 20% принадлежит сосудам, тождественным гетофракийским (рис. 2). Кроме того, имеется не-

⁴⁸ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 96.

⁴⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1957, стр. 71, табл. III, 1, 2, 5; IV; V, 1—2.

⁵⁰ А. И. Мелюкова. Поселение IV—III вв. до н. э., стр. 61.

⁵¹ Г. А. Дзис-Райко. Раскопки Надлиманского городища, стр. 40 и сл.

Р и с. 1
Скифская керамика с поселения у с. Николаевка

большое количество лепных светильников, подражающих античным.

Скифская керамика явно преобладает над фракийской и среди лепной посуды Роксоланского городища⁵².

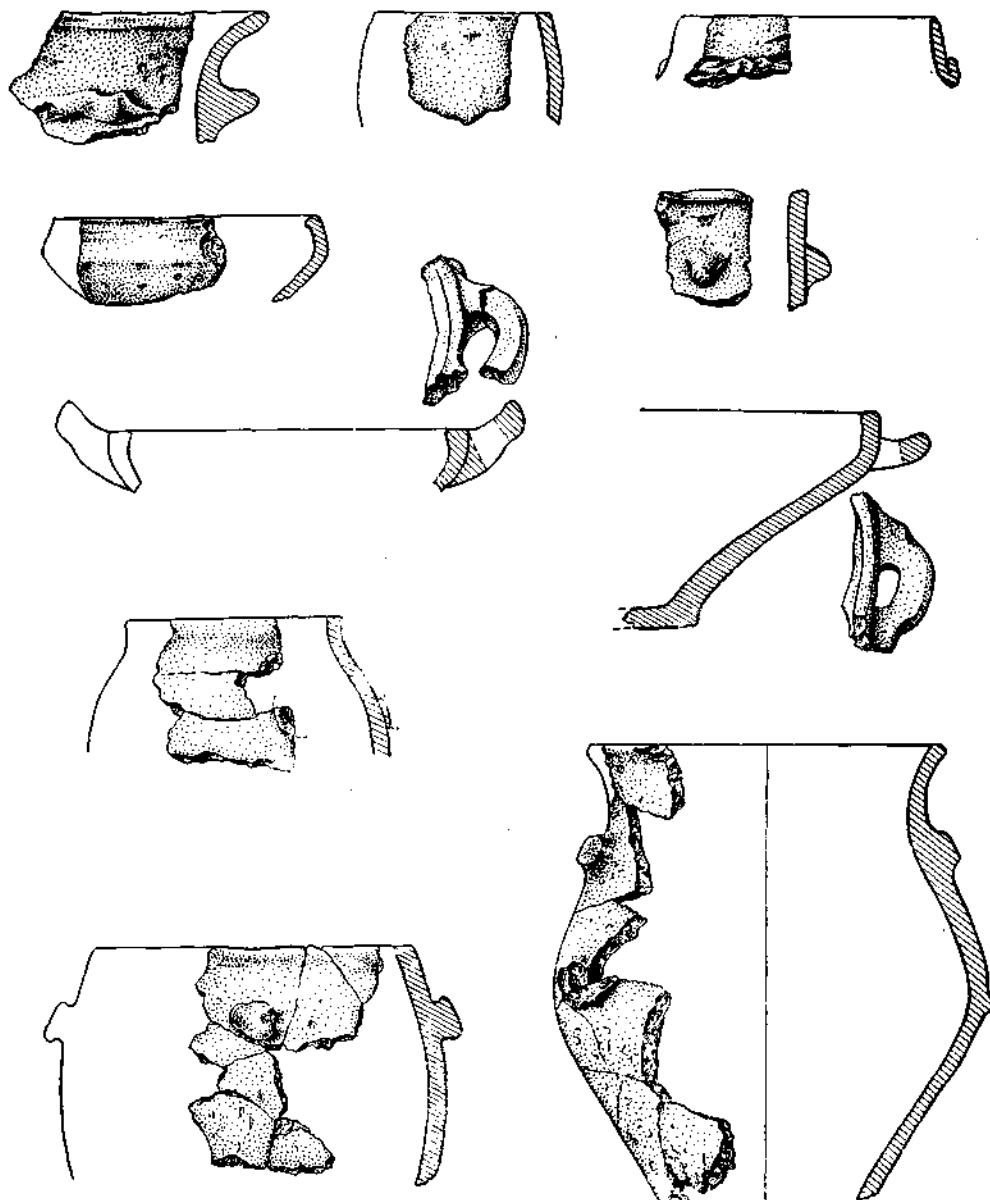
Совершенно другая картина наблюдается в лепной керамике с поселения у с. Пивденное⁵³. Процентного соотношения фракийской и скифской посуды А. Г. Сальников не приводит, но

отмечает, что гетская керамика численно преобладает. Она представлена не только фрагментами, но и 20 целыми сосудами. Скифской посуды найдено гораздо меньше. Это главным образом фрагменты горшков без орнамента или с орнаментом в виде пальцевых защипов по венчику. Встречаются также и лепные светильники, подражающие античным.

Погребальные памятники обитателей правобережных поселений пока остаются неизвестными. Однако столь значительное отличие между комплексами лепной керамики дает основание предполагать, что местное земледельческое население правого берега Днестровского лимана

⁵² В. И. Кузьменко, М. С. Синицын. Лепная посуда. МАСП, вып. 5, 1966, стр. 56 и сл.

⁵³ А. Г. Сальников. Итоги полевых исследований..., стр. 199—202, рис. 16—20.

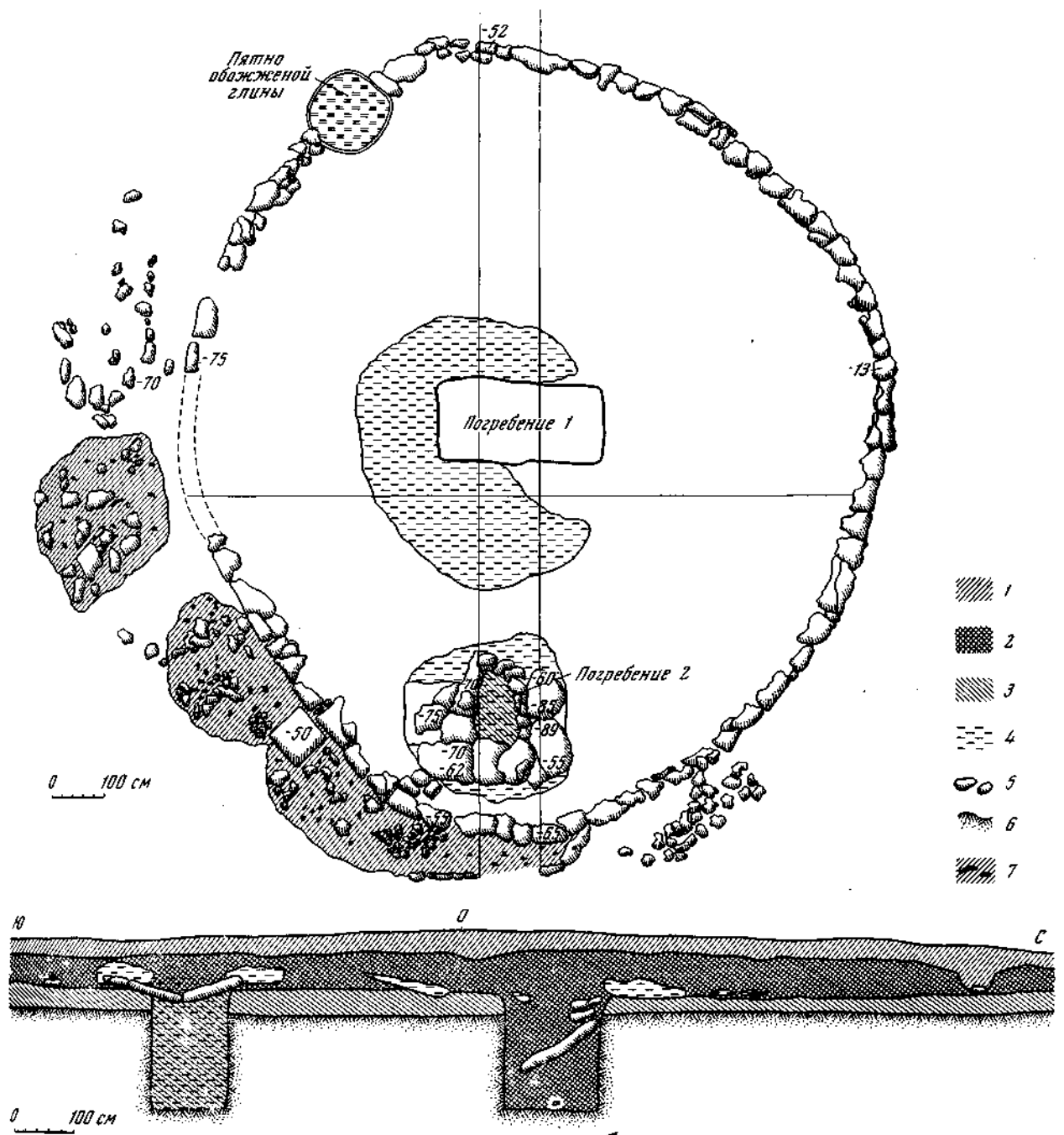
Р и с. 2.
Гето-фракийская керамика с поселения у с. Николаевна

на имело иную этническую принадлежность, чем земледельческое население левобережья. По-видимому, основную массу жителей поселения у с. Пивденное составляли фракийцы (скорее всего, геты), родственные тем гетам, которые жили на правобережье Днестра.

На поселениях левого берега Днестровского лимана, очевидно, обитало главным образом скифское земледельческое население. Такой вывод для левобережья можно сделать не толь-

ко на основании керамики, но и по материалам из двух могильников у с. Николаевка. В связи с тем что результаты раскопок одного из них, а именно того, который относится к упомянутому выше поселению у с. Николаевка, еще не опубликованы, остановимся на них подробнее.

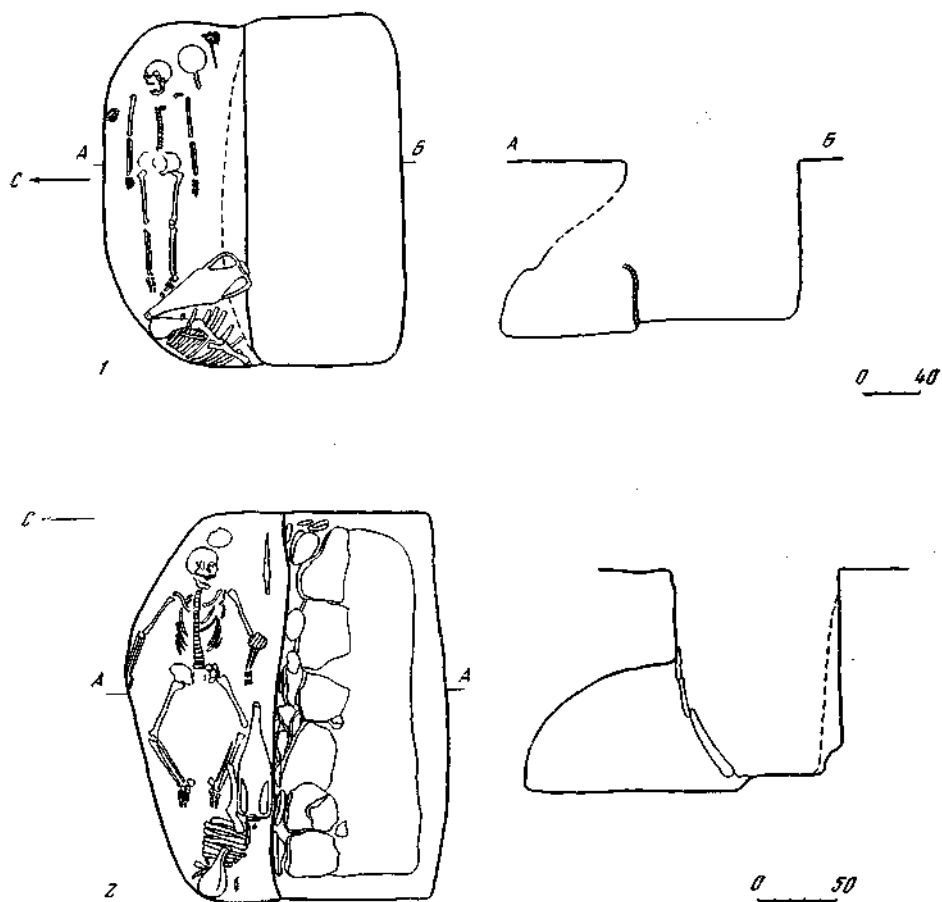
Могильник расположен к востоку от поселения на расстоянии около 200 м от него, на плато, понижающемся с востока на запад. Раз-

ис. 3.

план и разрез кургана на могильнике у с. Николаевна

словные обозначения: 1 — пахотный чернозем; 2 — плотный чернозем; 3 — древний чернозем; 4 — глина; 5 — камни; 6 — материк; 7 — скопление обломков амфор

меры его пока не установлены. На поверхности едва заметно несколько низких, сильно распаханных курганов. Однако, как показали раскопки, над большинством погребений насыпей не было. Многие из погребений на древней дневной поверхности отмечались небольшими каменными выкладками. В 1964—1966 гг. было исследовано три кургана, давших четыре погребения и 40 грунтовых могил.

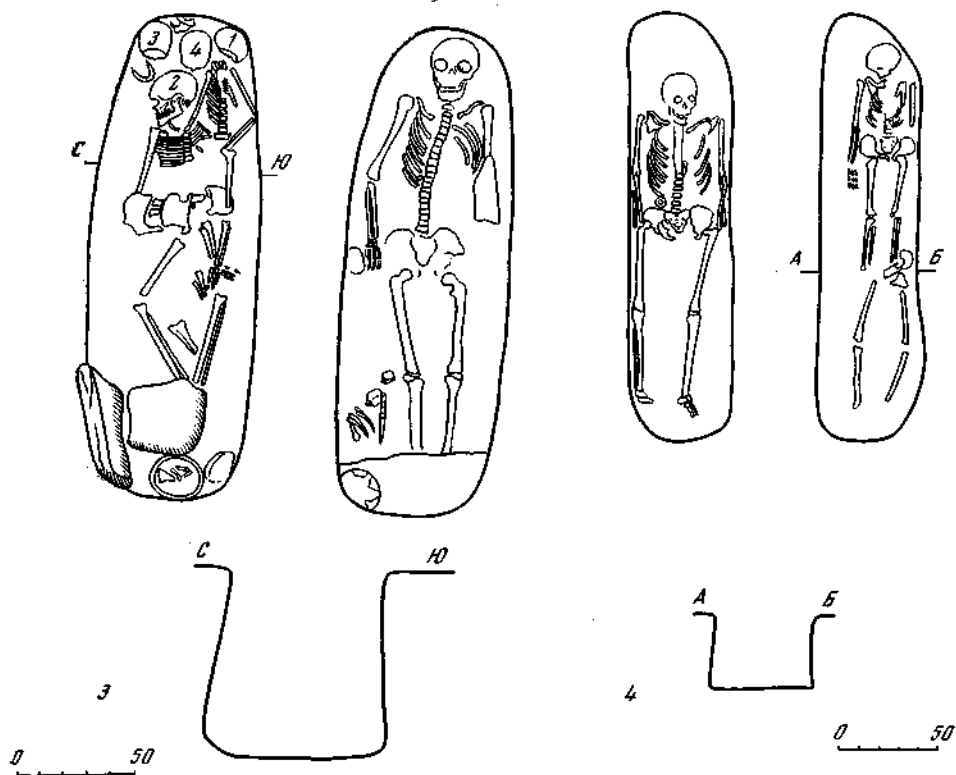
Курганы насыпались из чернозема над могилкой и окружавшим ее каменным кольцом (диаметром 10—12 м), сооруженным из необработанных известняковых плит, поставленных на ребро или положенных плашмя (рис.3). Возле кромлеха располагались остатки тризны в виде битых амфор и отдельных костей животных. В двух курганах на месте тризны лежали крупные камни, возможно жертвенники. Один из них представлял собой массивный известняковый блок 0,70 X 0,70 X 0,25 м, отесанный с боков. Во втором кургане рядом находились две известняковые плиты без следов обработки. Эти жертвенники не имели отверстий для стока крови, которые так харак-

терны для каменных жертвенных столов у греков.

Погребальные сооружения в курганах представляли собой обширные прямоугольные ямы глубиной 2—2,25 м. Сверху ямы перекрывались массивными плитами известняка без следов обработки. В двух курганах было по одной могиле. Один курган был сооружен сразу над двумя погребениями, одно из которых находилось в центре кромлеха, а второе — в его южной половине. Из четырех могил, исследованных в курганах, сохранились неогрabenной только эта боковая могила. По обряду и инвентарю содержащееся в ней погребение не отличается от тех, которые находились в грунтовых могилах.

Бескурганые погребения дали два основных типа сооружений: ямы разного размера, прямоугольной или почти овальной формы (их 25, рис. 4, 3—4), и подбойные могилы (их 15, рис. 4, 1—2); ямы эти в некоторых случаях, так же как и курганные могилы, закрывались массивными известняковыми плитами без следов обработки. Однако преобладают могилы, засы-

Р и с. 4.

Планы погребальных сооружений на могильнике у с. Николаевна

1 — раскоп VIII, погребение 18, 1965 г.; 2 — раскоп VIII, погребение 22, 1966 г.; 3 — раскоп VII, погребение 1, 1965 г.; 4 — раскоп VIII, погребение 14, 1966 г.

ланные земель. В двух прямоугольных могилах встречена обкладка камнями длинных сторон ямы. Большинство ям ориентировано по длинной оси с востока на запад, иногда с отклонением к северу или югу.

Подбойные могилы все одного типа: они имеют входную яму глубиной 2—2,5 м, ориентированную запад — восток и погребальную камеру-подбой с северной стороны. Вход в подбой закладывался камнями или закрывался камышом.

Погребальные камеры в подбойных могилах ориентированы так же, как входные ямы. Они, как правило, невелики по размерам и рассчитаны на погребение одного покойника с сопровождавшим его инвентарем.

Все погребения в ямах и подбойных могилах представляют собой труположения. Покойники в большинстве случаев были положены вытянуто на спине, головой на восток или с небольшим отклонением к югу и северу. Встречено только три погребения головой на запад, одно скорченное погребение головой на восток и одно погребение, в котором ноги были

поставлены коленями вверх и затем распались в разные стороны.

По погребальным сооружениям и отдельным чертам погребального обряда можно говорить о существовании значительной имущественной и, вероятно, социальной дифференциации у населения, оставившего этот памятник. Очевидно, для самых богатых и знатных лиц полагалось сооружать каменное кольцо вокруг могилы и насыпать курган. Некоторых довольно богатых покойников хоронили и без курганов, но для них, так же как и для погребенных под курганами, полагалось делать могилы сравнительно больших размеров (2—2,5 м длиной, 0,80—1,5 м шириной и 2—2,5 м глубиной) в виде простых ям или подбойные. В каждой из таких могил хоронили только одного человека, реже двух. Погребенным обязательно клали мясную пищу, помещая в ногах часть туши коровы или реже овцы с воткнутым в нее ножом. Там же ставили амфору с вином, рядом с которой находился иногда бронзовый или железный античный черпачок на длинной ручке. У головы или в ногах ставили сосуды для питья (от

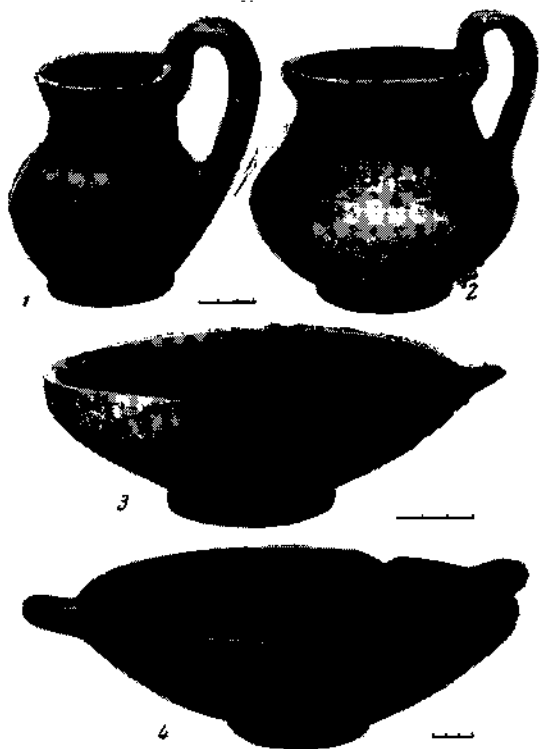

Рис. 5.
Сероглиняная гончарная керамика из погребений у с. Николаевна

одного до трех) — чернолаковые канфары, килики или блюда. В одной могиле девочки-подростка был найден сетчатый лекиф, в другой (мужской) — алабастр из алебаstra, в трех могилах находилась гончарная сероглиняная керамика: два кувшинчика фракийского типа и две миски (рис. 5). Лепная керамика представлена лишь небольшой мисочкой и обломками горшка, на которых стоял канфар.

Мужские погребения всегда с оружием. Чаше всего встречаются бронзовые скифские наконечники стрел, обычно лежавшие кучкой у левой руки. Это свидетельствует о том, что они находились в колчанах. Кроме стрел, встречаются железные наконечники копий и мечи. Наконечники копий все скифского типа, IV—III вв. до н. э. (рис. 6, 4, 5). Из трех мечей два также имеют обычную скифскую форму (рис. 6, 1—2), а один, однолезвийный (рис. 6, 3), напоминает иллирийскую махайру. В одном из погребений найден боевой пояс из узких и тонких бронзовых пластинок обычного скифского типа. Иногда в мужских погребениях встречаются и украшения. В одном погребении обнаружены бронзовый и железный браслеты, в другом — серебряное проволочное височное кольцо.

В женских погребениях найдены пряслица; (рис. 7, 12, 13), пастовые бусы (рис. 7, 1—7), бронзовые зеркала скифского типа IV—III вв. до н. э. (рис. 8, 2), бронзовые кольца, а в одной могиле — серебряное височное кольцо с фигуркой сидящего льва (рис. 7, 10). В одном из женских погребений среди костей коровы находился необычный железный нож с рукояткой из финикийского стекла (рис. 8, 1). Аналогичных ножей в Северном Причерноморье мне неизвестно. В погребении девочки-подростка лежал довольно странный набор предметов, составлявших ожерелье. В него входили: бронзовые колечки с тремя шишечками, одиночными и строенными (рис. 8, 3), бронзовые колокольчики, ворворка и пастовые бусы.

Мы перечислили находки из неогрбленных или частично сохранившихся погребений. Очевидно, это далеко не полный состав инвентаря, так как около 50% могил, выделяемых нами в группу относительно богатых по обширным размерам погребальных сооружений, было ограблено начисто.

Вторая группа погребений (всего их 12) характеризуется отсутствием инвентаря или крайне ограниченным его количеством. Большинство таких погребений находилось в узких неглубоких небрежно вырытых ямах и только в отдельных случаях — в более обширных могилах, а в двух — в подбойных погребальных сооружениях.

По ориентировке и положению погребения этой группы не отличаются от описанных, но кроме одиночных и парных среди них имеются еще три коллективных (до 5 погребенных). В этих последних наблюдается последовательность захоронений в одну могилу, причем в одних случаях кости скелета предыдущего погребения сдвигались в сторону, в других — предыдущие погребения не нарушались последующими.

В погребениях второй группы редко встречаются остатки напутственной пищи и питья. Только в одном из коллективных погребений были найдены амфора и килик. Фрагменты амфор, вероятно, остатки тризны, обнаружены в засыпке могил и на древней дневной поверхности возле них. В некоторых погребениях находились железные ножи, наконечники, стрел и мелкие украшения. Из числа последних отметим железное проволочное височное кольцо с продетой в него пастовой бусиной (рис. 7, 9). Такие височные кольца часто встречаются в рядовых скифских погребениях Северного Причерноморья.

По амфорам, часть из которых имела клейма (гераклеийские, фасосские), могильник

Рис. 6.
Мечи и наконечники копий из погребений у с. Николаевка

датируется серединой IV—серединой III в. до н. э., это вполне соответствует дате поселения.

На втором Николаевском могильнике исследовано пять погребений⁵⁴. Они находились в прямоугольных ямах, ориентированных с северо-востока на юго-запад. Покойники в них были положены вытянуто на спине, головой на северо-восток. Набор инвентаря из этого могильника близок к описанному. Он состоит из греческих амфор, чернолаковых сосудов, сероглиняного гончарного кувшина фракийского типа, украшений и оружия. Представляет интерес однолезвийный меч, рукоять которого была покрыта костяными обкладками⁵⁵. Узкое трапецевидное перекрестье меча и клинок такой формы, как у обычных скифских

⁵⁴ Г. А. Дзис-Райко. Раскопки могильника...

⁵⁵ Там же, рис. 4, 4.

двулезвийных мечей, отличают его от известных в настоящее время скифских однолезвийных мечей IV—III вв. до н. э.

Погребальные памятники левобережья Днестровского лимана, несмотря на ряд особенностей, могут быть поставлены в связь только с погребальными памятниками степных скифов. Необычным является сосуществование курганных и бескурганных погребений на первом могильнике у с. Николаевка. Возможно, это объясняется просто тем, что до сих пор раскопкам подвергались только курганы, а площадь вокруг и поблизости от них не изучалась.

От большинства скифских степных погребений, в том числе и от Тираспольских курганов, расположенных на наиболее близком расстоянии от изучаемых нами памятников, могильник у с. Николаевка отличается обилием камня. Однако эта черта не является специфической только для данного памятника. Камень для сооружения кромлехов в основании курганов, для перекрытий могильных ям, обкладки их стен или закладки входа в катакомбу применялся в тех местах, где имеются близкие к могильникам выходы известняковых пород. Сооружения из дикарного камня, например, хорошо известны в настоящее время в курганах Восточного Крыма⁵⁶ и в районах порожистой части Днепра⁵⁷. Каменные кольца под двумя курганами, содержащими погребения в катакомбах, закрытых плетенкой из камыша и затем камнями, исследованы Н. И. Веселовским у с. М. Лепетиха⁵⁸.

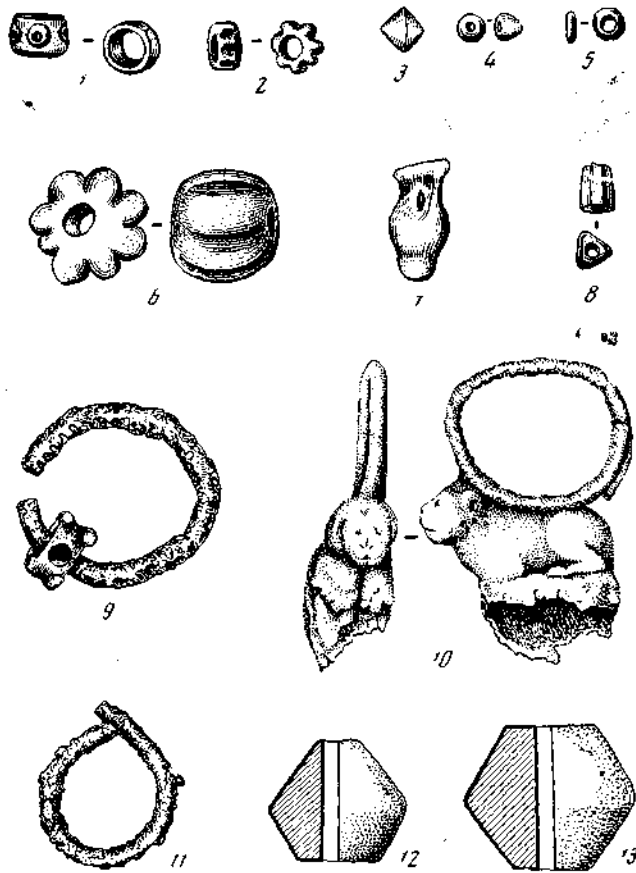
Что касается форм погребальных сооружений, то они хотя и не тождественны, но очень близки к рядовым скифским могильникам. Подбойные могилы могут быть рассмотрены как особый вариант первого типа катакомбных могил, выделенных Б. Н. Граковым на Николаевском могильнике, и господствующего на большинстве известных в настоящее время памятников степной Скифии IV—III вв. до н. э.⁵⁹ От последних подбойные сооруже-

⁵⁶ Э. В. Яковенко. Рядовые скифские погребения в курганах скифов Восточного Крыма. «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии». М., 1967, стр. 61—62; В. Н. Корпусова. Скифский грунтовый могильник на Боспоре. Там же, стр. 63—64.

⁵⁷ Н. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. Екатеринославская губерния, с. Волошское Екатеринославского уезда. ИАК, 43, 1910, стр. 79—85.

⁵⁸ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 136 и сл.

⁵⁹ Б. Н. Граков. Погребальные сооружения и ритуал рядовых обшинников степной Скифии. АСГЭ, вып. 6. Л., 1964, стр. 120 и сл.

Р и с. 7.
Бусы, височные кольца, пряслица из погребений у с. Николаевка

ния могильника у с. Николаевка отличаются лишь меньшими размерами погребальных камер и большими размерами входных ям.

Прямоугольные и близкие по форме к вытянутому овалу могильные ямы имеют прямые аналогии среди скифских. Однако в курганных некрополях скифов IV—III вв. до н. э. они не являются господствующими. Можно назвать лишь несколько памятников степной Скифии, где ямы преобладали в то время над катакомбными погребальными сооружениями. К ним принадлежат прежде всего курганы Тираспольщины⁶⁰, грунтовой скифский могильник у с. Фронтное на Боспоре⁶¹ и погребения порожистой части Нижнего Днепра⁶².

Отличительной чертой могильников левобережья Днестровского лимана является господ-

ство восточной ориентировки в одном из них и северо-восточной — в другом. Все остальные черты погребального обряда сходны со скифскими. Обычно принято считать, что восточная ориентировка погребенных объясняется греческим влиянием на религиозные представления местных племен. Так, например, принято объяснять восточную ориентировку погребений Марицинского могильника (недалеко от Ольвии), принадлежавшего калипидам Геродота⁶³. Не отрицая этого положения, замечу, однако, что ориентировка покойников головой на восток в одном из могильников у с. Николаевка могла возникнуть благодаря расположению могильника к востоку от поселения на плато, имеющем покат с востока на запад. Может быть, покойников старались похоронить так, чтобы они как бы смотрели на поселение. Возможно тем же обстоятельством объясняется и северо-восточная ориентировка погребенных на втором могильнике у Николаевки. Это предположение, безусловно, нуждается в проверке на других памятниках. Однако сомневаться в греческом влиянии на религиозные представления обитателей левобережья Днестровского лимана заставляет нас отсутствие греческих элементов во всех других чертах погребального обряда. Наличие в могилах почти исключительно греческой керамики и изредка сероглиняной гончарной и отсутствие местной лепной посуды вполне соответствует скифскому обычаю. В загробный мир покойников полагалось снабжать лучшей посудой.

В погребальном обряде обоих Николаевских могильников нет и сколько-нибудь заметных фракийских влияний. Отсутствуют столь характерные для фракийских племен, в том числе и для гетов, трупосожжения. Связи с фракийским миром прослеживаются лишь по некоторым предметам погребального инвентаря. Два гончарных кувшинчика, две миски с ручками из первого могильника и кувшин — из второго имеют ближайшие аналогии среди керамики, найденной на могильниках у сел Муригиол и Сату-Ноу в Добредже⁶⁴. В Севтополе был найден однолезвийный кинжал, по форме аналогичный мечу иллирийского типа из погребения на могильнике, относящемся к

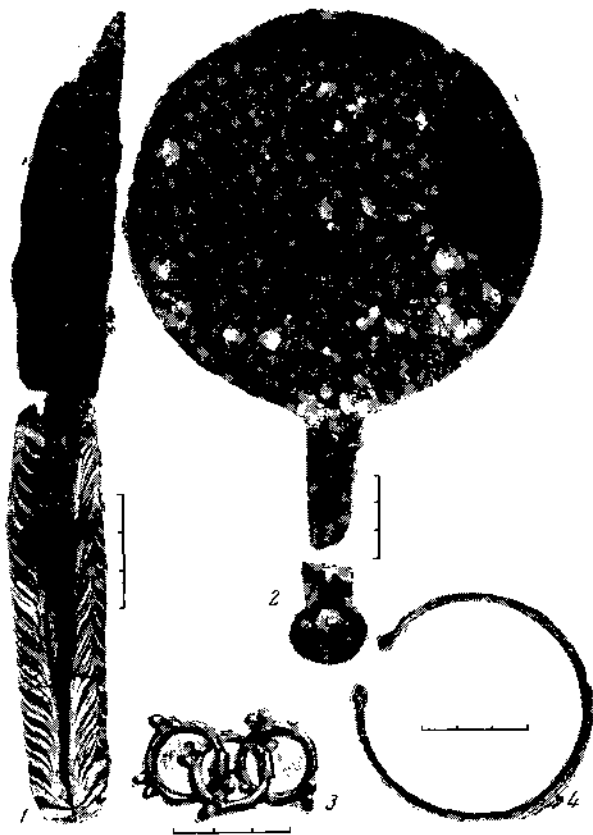
⁶⁰ А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины, стр. 116 и сл., табл. 3.

⁶¹ В. Н. Корпусова. Указ. соч., стр. 63.

⁶² Н. Макаренко. Указ. соч.

⁶³ И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, стр. 91.

⁶⁴ Э. Бужор. О гето-дакийской культуре в Муригиоле. «Dacia», N. S., 11, 1958, p. 131, fig. 5, 1, 2, 4; B. Mitrea, C. Preda, N. Angheliescu. Săpăturile de Salvare de la Satu-nou. MCA, VII, 1961, p. 285, fig. 3, 5.

Р и с. 8.
Нож с ручкой из финикийского стекла, бронзовое зеркало,
колючки, браслет из погребений у с. Николаевка

поселению у с. Николаевка⁶⁵. Он отличается от последнего лишь меньшей длиной клинка. Среди украшений есть такие, которые могут быть и скифскими, и фракийскими. К ним относятся бронзовый браслет с коническими шишечками на концах (рис. 8,4) и кольца с тремя выступами, входившие в ожерелье девочки-подростка.

Отдельные фракийские вещи иногда встречаются и на поселениях. Так, например, на Надлиманском городище найдено бронзовое навершие булавки, тождественное изделиям, происходящим с ряда фракийских памятников⁶⁶.

Рассмотренные материалы как будто бы не позволяют сомневаться в том, что оба могиль-

⁶⁵ Д. П. Димитров. Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района. СА, 1957, № 1, стр. 212, рис. 16.

⁶⁶ Г. А. Дзис-Райко. Археологические исследования..., стр. 174, рис. 5. Там же приведены ссылки на румынские статьи, в которых говорится о находках наверший булавок во фракийских памятниках (примечание 8).

ника, о которых шла речь, а следовательно, и поселение у с. Николаевки оставлены скифами. Некоторые черты своеобразия в погребальных сооружениях и обряде следует скорее всего считать локальными особенностями культуры скифских племен, живших в западных районах Скифии и имевших оседлый образ жизни.

Хотя могильники обитателей Надлиманского городища и предшествующего ему поселения пока остаются неизвестными, мы можем достаточно уверенно говорить об их скифской этнической принадлежности. В этом убеждает нас сопоставление археологических материалов из упомянутых памятников с материалами поселения у с. Николаевка.

Очевидно, скифы были основными обитателями левобережья Днестровского лимана по крайней мере с конца VI — начала V в. до н.э. до середины или второй половины III в. до н.э. Это оседлое земледельческое население жило поблизости от кочевников и, безусловно, должно было находиться с ними в тесном контакте. Однако мы ничего пока не знаем о характере взаимоотношений между теми и другими племенами. Нет у нас никаких сведений и о том, какое место занимали земледельческие и кочевые скифские племена Нижнего Поднестровья в скифской державе Атея и при его преемниках. Думаю, однако, что Атей был заинтересован в этом населении, которое, безусловно, могло помочь ему закрепиться в западных областях Скифии перед вторжением за Дунай, в Добруджу. Возникновение большинства поселений около середины IV в. до н.э., именно в тот период, когда Атей с войском совершил свой поход, показывает, что скифский царь не препятствовал, а возможно, даже покровительствовал развитию экономики и жизни земледельческого населения на берегах Днестровского лимана.

Иначе, видимо, сложились его взаимоотношения с греками — обитателями Роксоланского городища. М. С. Синицын отмечает, что в середине IV в. до н.э. городище было разрушено до основания, и связывает это событие с движением Атея⁶⁷.

Отметим вместе с тем, что на изучаемых поселениях Днестровского лимана не отразилось сколько-нибудь отрицательно гибель Атея в 339 г. до н.э. и последовавшая затем активизация гетских племен. В последней трети IV в. до н.э. и в первой половине III в. до н.э. на поселениях не наблюдается

⁶⁷ М. С. Синицын. Раскопки городища возле с. Роксоланы..., стр. 54.

какого-либо упадка. Жители их строят дома из камня и ведут интенсивную торговлю с греками. Именно на это время приходится большинство амфорной тары и греческой чернолаковой посуды, найденной на Надлиманском городище, на поселении и могильниках у с. Николаевка. Скифские поселения левобережья, так же как гетские на правом берегу Днестровского лимана, прекращают свое существование во второй половине III в. до н. э. По всей вероятности, это было связано с движением с запада на восток каких-то кельтских племен, может быть, галатов, упомянутых в Ольвийском декрете в честь Протогена.

Кочевые скифы продолжали жить в степях Нижнего Поднестровья вплоть до I в. до н. э. На это указывают курганы, относящиеся ко II в. до н. э., исследованные И. Я. Стемпковским у сел. Чобручи, Глинное, Короткое⁶⁸.

На вопрос о том, принадлежало ли скифское земледельческое население левобережья Днестровского лимана к племени каллипидов или эллино-скифов Геродота, трудно дать определенный ответ. Предположение, что здесь могла обитать западная ветвь этого племени, жившего главным образом близ Ольвии в Побужье, вполне допустимо, но пока не может

⁶⁸ А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины, стр. 161.

быть доказано. Письменные источники дают некоторые основания для подобного вывода⁶⁹. Этому противоречит лишь свидетельство Помпония Мелы, где говорится о том, что каллипиды жили до реки Асиак, за которой до реки Тиры обитали асиаки⁷⁰. Река Асиак у Помпония Мелы или Аксиак у Птолемея (*Geogr.*, VI, 5, 6) отождествляется с одной из небольших рек, впадающих в Тилигульский лиман. Если прав М. И. Ростовцев, считавший источник Мелы для этой части его труда по времени близким к Геродоту, то скифское земледельческое население, о котором идет речь, нужно относить не к каллипидам, а к племени асиаков⁷¹.

Археологические памятники левобережья Днестровского лимана по общему облику, безусловно, близки к памятникам каллипидов в Побужье. Они отличаются лишь присутствием элементов фракийской материальной культуры, которые не прослеживаются в Побужье. Однако эта особенность объясняется соседством оставившего их населения с гето-фракийским миром.

⁶⁹ А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и фракийцами. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969, стр. 161 и сл.

⁷⁰ Мела, кн. II, § 7. ВДИ, 1949, № 1, стр. 280.

⁷¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 45—46.

Д. Б. Шелов СКИФО-МАКЕДОНСКИЙ КОНФЛИКТ В ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА

Столкновение скифов, руководимых царем Атеем, с македонскими войсками Филиппа II в 339 г. до н. э. неоднократно привлекало к себе внимание исследователей и служило объектом исторических комментариев в общих трудах по истории древнего мира и в работах по истории возвышения Македонии. Этому вопросу были посвящены и специальные статьи П. Никореску и А. Момильяно¹. Недавно П. Александреску сделал доклад о царе Атее на первом Международном конгрессе балканистов в Софии в августе 1966 г. Взаимоотношений Атея и Филиппа касается и В. Илиеску в нескольких докладах, посвященных поло-

жению городов западнопонтийского побережья в IV в. до н. э.² Однако причины, характер и исторические последствия столкновения Атея и Филиппа II не могут пока считаться полностью выясненными. Кроме того, скифо-македонский конфликт почти всегда рассматривался лишь как эпизод в военной деятельности Филиппа II, без оценки его места и значения во всей истории Причерноморья и эллино-варварского мира Балканского полуострова. Попытка вновь разобраться в этих вопросах и делается в настоящей статье.

¹ P. Nicorescu. La campagne de Philippe en 339. «Dacia», 11, 1925, p. 22 f; A. Momigliano. Dalla spedizione scitica di Filippo alla spedizione scitica di Dario. «Athenaeum», XI. Pavia, 1933, p. 336 f.

² Доклад П. Александреску известен нам только по тезисам: P. Alexanrescu. Atéas. «Premier congrès international d'études balkaniques et sud-est européennes. Résumés de communications de la délégation roumaine». Bucarest, 1966, p. 3—4. Ср. «Actes du Premier congrès...», II. Sofia, 1969, p. 83—84. О работах В. Илиеску мы знаем из личных бесед с ним на международ-

Как известно, подробный рассказ о столкновении Атея с Филиппом Македонским содержится в сочинении римского историка Помпея Трога «*Historiae Philippicae*», дошедшем до нас только в сильном сокращении Марка Юниана Юстина. Что касается интересующего нас отрывка, то обилие в нем подробностей и деталей заставляет думать, что этот отрывок не подвергался значительному сокращению, но был перенесен Юстином в свое сочинение целиком из труда Помпея Трога. Об этом же свидетельствуют и некоторые тенденции освещения событий, свойственные Трогу и вполне естественно различимые в эпизоде, о котором идет речь.

Вот о чем повествуется в этом сочинении³.

Скифский царь Атей (*rex Scytharum Atheas*), теснимый истрианами (*Histriani*), через жителей города Аполлонии обратился за помощью к македонскому царю Филиппу II. Филипп, видимо, послал в помощь Атею македонский отряд, обусловив эту помощь тем, что Атей усыновит Филиппа и оставит ему в наследство Скифию. Но в это время умер царь истрианов (*Histrianoorum rex*), война прекратилась, и Атей отослал македонян обратно к Филиппу, заявив, что он помощи не просил и что наследник престола ему не нужен, так как у него есть сын. Тогда Филипп через послов потребовал от Атея, чтобы тот принял на себя часть издержек по осаде Византия, которую вел в это время Филипп. Атей отказал, ссылаясь на бедность скифов. Филипп снял осаду Византия и двинулся против скифов. Но, не желая преждевременно показывать свою враждебность, он известил Атея, что движется к устью Истра, чтобы соорудить там, согласно обету, статую Геракла. Атей разгадал хитрость Филиппа и предложил прислать статую ему, обещая не только водрузить ее, но и заботиться о ее сохранности; он известил Филиппа, что в свои владения вступить войску он не позволит и что если Филипп поставит статую против желания скифов, то после его ухода статуя будет низвергнута и употреблена на наконечники для стрел. В произошедшей за-

ном конгрессе в г. Гёрлице (ГДР) в октябре 1967 г., где он сделал доклад «*Bemerkungen zur außenpolitischen Krise der westpontischen Griechenstädte in der 2. Hälfte des IV Jahrhunderts*» и из любезно данной им рукописи «*Die Beziehungen zwischen dem Skythenkönig Ateas und den Griechischen Städten der westlichen Schwarzmeerküste*». Пользуемся случаем выразить В. Илгеску глубокую благодарность за предоставление этой рукописной работы. Ныне эта статья опубликована: см. «*Actes du Premier congrès*»..., II, p. 171 — 176.

³ *Iust.*, IX, 2.

тем битве скифы были побеждены. Филиппом было захвачено в плен 20 000 женщин и детей и множество скота; 20 000 чистокровных лошадей были отправлены в Македонию. Но золота и серебра у скифов совсем не оказалось, чем и была подтверждена их бедность. Краткие сообщения об этих событиях сохранились и у некоторых других античных авторов.

Страбон⁴, упоминая о военном столкновении Атея с Филиппом Македонским, добавляет, что Атей, кажется, господствовал над большинством северочерноморских варваров. Об этом же столкновении говорит и Лукиан из Самосаты, греческий сатирик II в. н. э.⁵ От него мы узнаем, что битва между Филиппом и Атеем произошла у реки Истр и что скифский царь пал в этом сражении в возрасте более 90 лет. Видимо, об этом же походе Филиппа II против Атея говорит Эсхин в речи против Ктесифонта, упоминая, что Филипп был в Скифии⁶. Юлий Фронтин в своих «*Strategemata*»⁷ говорит о том, что Филипп во время сражения со скифами, не надеясь на стойкость своих воинов, поставил позади их рядов самых надежных всадников, приказав им возвращать в строй отступивших и убивать беглецов. Вероятно, в этой стратегеме речь идет о том же столкновении Филиппа II с Атеем, о котором повествует и Помпей Трог.

Для того чтобы правильно оценить события, о которых повествуется во всех приведенных отрывках, нужно представить себе, каковы были обе столкнувшиеся силы и какие причины привели их к этому столкновению. Что касается македонской державы Филиппа II и политики этого царя, то здесь нет каких-либо значительных разногласий. История Филиппа достаточно хорошо освещена различными источниками и всесторонне исследована.

Совсем в другом положении находится противник Филиппа, скифский царь Атей. В современной науке нет единого мнения ни о территории, над которой Атей осуществлял свою власть, ни о характере этой власти, ни о причинах, вызвавших его столкновение с македонским царем.

В западноевропейской и в румынской научной литературе господствует представление об Атее как о предводителе отдельного скифского племени или сравнительно незначительной группы племен, обитавших в области Нижнего Дуная, либо как о вожде небольшой скиф-

⁴ *Strabo*, VII, 3, 18.

⁵ *Luc. Samos.*, *Makrobioi*, 10.

⁶ *Aesch.*, *In Ctesyph.*, 128.

⁷ *Iul. Front.*, *Strateg.*, II, 8, 14.

ской орды, вторгшейся в Добруджу и разбитой энергичными действиями Филиппа Македонского⁸. Эта точка зрения не имеет под собой серьезных оснований и, видимо, базируется только на том факте, что все известия о царе Атее, сохранившиеся в письменной традиции, рассказывают о деятельности этого царя в Подунавье и в северной части Балканского полуострова. Таковы, кроме интересующего нас столкновения Атея с Филиппом, сражение его с трибаллами и конфликт с Византием⁹. Однако этот факт может свидетельствовать о том, что царь Атей имел значительные интересы в Западном Причерноморье и обладал там известными силами, но не может служить доказательством того, что владения Атея ограничивались этим районом.

В противоположность указанной точке зрения большинство советских историков видит в Атее царя объединенной Скифии, простиравшейся от Азовского моря до Добруджи, создателя первого скифского государства. Такое представление находит себе обоснование в свидетельстве Страбона о том, что Атей господствовал над большинством северочерноморских варваров¹⁰, а также в ряде явлений скифской истории IV в. до н. э., устанавливаемых археологически. Этому вопросу нами было уже уделено много места в специальной работе¹¹. Заметим только, что нет ничего удивительного в том, что все сведения о деятельности царя Атея относятся к крайнему западному району его огромных владений. Ведь время царя Атея — это время создания великой македонской державы, и острая борьба, которая происходила в это время на севере Балканского полуострова и к которой оказался причастен Атей, привлекала к себе при-

стальное внимание историков и писателей древности.

Признание Атея не предводителем небольшой орды или племени в Добрудже, а главой огромной скифской державы, охватывавшей все Северное и часть Западного Причерноморья, заставляя совершенно по-иному взглянуть и на столкновение скифского царя с Филиппом Македонским. В скифском походе Филиппа нельзя видеть небольшую карательную экспедицию против непокорного царька или отражение набега воинственной орды, вторгшейся на контролируемую македонским царем территорию. Оба противника — македонская и скифская державы выступают здесь как две могучие силы, борьба между которыми имела большое значение для всей истории Балканского полуострова. Такое понимание событий оправдывается и теми скудными сведениями о переговорах между Филиппом и Атеем, которые были приведены выше. Судя по сообщению Помпея Трога, скифский царь признавал себя в этих переговорах равноправным партнером могущественного македонского владыки, и, что еще важнее, таковым признавал его, видимо, и сам Филипп. Интересно, что существование, по-видимому, постоянных или периодически возобновляемых дипломатических связей между Филиппом и Атеем подтверждается и упоминаниями Плутарха о македонских посланцах к Атею и о посланиях Атея к македонскому царю¹². Все это могло иметь место лишь в том случае, если Атей был не вождем отдельного племени на Дунае, а главой значительного государственного образования, с которым должен был считаться Филипп и с которым он мог вести равноправные переговоры, не теряя своего престижа.

Весьма любопытна в этом отношении и типология недавно обнаруженных серебряных монет Атея¹³, чеканившихся от его имени в Каллатии. Сравнение монет Атея с монетами Филиппа II убеждает в явной зависимости первых от вторых¹⁴. При этом монеты Атея не копируют македонских статеров, но подражают им в типологии, что выражается в общей компоновке типов лицевой и оборотной сторон монет, в изображении в обоих случаях на реверсе всадников, в содержании и разме-

⁸ Например: *P. Nicorescu*. Указ. соч., стр. 23; *A. W. Picard-Cambrige*. Macedonian supremacy in Greece. САН, V, 1927, p. 256; *A. Momigliano*. Указ. соч., стр. 346, прим. 1; *он же*. Filippo il Macedone. Firenze, 1934, p. 152, 153; *N. Vulic*. Le sedi dei Triballi. RIEB, 1936, I (III), p. 118; *G. Glotz*. Histoire grecques, III. Paris, 1931, p. 345; *A. Aymard*. Le monde grec au temps de Philippe II de Macédoine et Alexandre le Grand. Paris, 1952, p. 170; *P. Alexandrescu*. Указ. соч., стр. 3—4; *D. M. Pippidi, D. Berciu*. Din istoria Dobrogei, I. București, 1965, p. 130.

⁹ *Iul. Eront.*, *Strateg.*, II, 4, 20; *Polyaen.*, *Strateg.*, VII, 44, 1; *Clem. Alexandr.*, V, 5, 31.

¹⁰ *Strabo*, VII, 3, 18.

¹¹ *Д. Б. Шелов*. Царь Атей. НИС, II, 1965, стр. 16 и сл. Кроме указанной там литературы см.: «История СССР», т. I. М., 1966, стр. 220—221; *А. П. Смирнов*. Скифы. М., 1966, стр. III и сл. Об особой позиции, занимаемой в этом вопросе *Д. П. Каллистовым*, см. его статью «Свидетельство Страбона о скифском царе Атее» (ВДИ, 1969, № 1, стр. 124 и сл.).

¹² *Plut.*, *Apophthegmata*.

¹³ *А. Роголски*. Монета на името на скифския цар Атей. ИВАД, XII, 1961; *В. А. Анохин*. Монеты скифского царя Атея. НИС, II, 1965, стр. 3 и сл.

¹⁴ См., например, монеты Филиппа II в: «*Sylloge nummorum graecorum*. Danish National Museum. Macedonia, II». Copenhagen, 1943, табл. 13, № 543, сл.; табл. 14.

щении надписи и пр. Сопоставление монет позволяет предполагать, что, предпринимая этот первый опыт монетной эмиссии, Атей стремился, кроме всего прочего, как бы продемонстрировать свое равенство с Филиппом, подчеркнуть не только свою суверенность, но и могущество своей державы, не уступающей македонской.

Довольно распространено представление о том, что Атей попытался вторгнуться в Добруджу через Дунай непосредственно перед своим столкновением с Филиппом, т. е. в 340 г.; при этом он якобы натолкнулся на ожесточенное сопротивление трибаллов и истрианов, а затем был разбит Филиппом¹⁵. С такой трактовкой событий вряд ли можно согласиться. Во-первых, она неизбежно влечет за собой хронологическое сближение всех эпизодов, связанных с Атеем, что невозможно без значительных натяжек. Во-вторых, такое понимание похода Атея противоречит тому, что нам известно о его взаимоотношениях с Филиппом, и факту чеканки Атеем своей монеты в Каллатии; наконец, видя в деятельности Атея лишь попытку вторжения в Добруджу, удачно отраженную Филиппом, нельзя объяснить факта существования в этом районе в послеевское время скифских поселений и даже скифской государственности, надежно засвидетельствованного позднейшими письменными и нумизматическими источниками. Гораздо более обоснована точка зрения А. Момильяно, который считает, что Атей утвердился в Добрудже значительно раньше, чем произошло его столкновение с Филиппом¹⁶.

Обращаясь к нашему главному источнику о событиях, связанных с Атеем, — к повествованию Помпея Трога, мы должны будем признать, что Атей в этом рассказе вовсе не выглядит как предводитель вторгшейся в Добруджу армии. Наоборот, весь тон повествования и все детали переговоров между Атеем и Филиппом говорят о том, что Атей чувствовал себя достаточно уверенно и твердо на правом берегу Дуная. Особенно ясно это видно из хода переговоров о водружении Филиппом

статуи в устье Дуная. Напомним, что Филипп требовал у Атея свободного доступа к устью, Атей же отвечал, что вступить в пределы своих владений (*finis*) с войсками он Филиппу не позволит, а если тому все же и удалось бы прорваться и поставить статую, то после его ухода она будет низвергнута и перелита на стрелы. Не менее красноречиво и обещание Атея не только поставить статую, но и заботиться о ней, если Филипп пришлет статую ему, Атею. Совершенно очевидно, что так разговаривать и давать такие обещания мог не вождь скифских отрядов, только что вторгшихся в страну и ведущих борьбу за овладение ею, а человек, достаточно прочно и, вероятно, долго уже сознававший себя властителем в Добрудже и ожидавший, что таковым считает его и его партнер по переговорам. Уже это заставляет предполагать, что ко времени ссоры Филиппа с Атеем последний был признанным владыкой если не всей Добруджи, то какой-то части ее.

Косвенным свидетельством в пользу этого положения является и упоминание Клементя Александрийского о письме, направленном Атеем жителям города Византия, следующего содержания: «Царь скифский Атей демосу византийцев: не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды»¹⁷. Попытки некоторых исследователей¹⁸ хронологически связать это письмо с событиями 340—339 г. до н. э. совершенно несостоятельны. В это время Византий был осажден Филиппом, из последних сил отбивался от македонских войск и, конечно, не мог никаким образом вредить Атею.

Очевидно, послание Атея могло быть направлено Византию в то время, когда этот город проводил независимую и самостоятельную политику, т. е. в период между отпадением Византия от Второго Афинского морского союза в 364 г. и осадой города Филиппом в 340 г. до н. э. Угроза Атея напоить своих коней водой в Византии показывает, что он считал возможным (или хотел, чтобы таковым его считали византийцы) поход своей конницы вплоть до Босфора Фракийского. Вряд ли такой рейд был возможен до окончательного распада державы одрисов после смерти Котиса I в 360 г. Зато в последующий период, особенно во время войн Филиппа II с Керсблептом во второй половине 50-х и в 40-х годах IV в. до н. э., общее ослабление Фракии делало угрозу Атея вполне осуществимой. Во

¹⁵ *M. Rostovtzeff*. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, p. 86; *P. Nicorescu*. Указ. соч., стр. 23—24; *R. Vulpe*. *Histoire ancienne de la Dobroudja*. La Dobroudja. Bucarest, 1938, p. 55; *G. Glotz*. Указ. соч., III, стр. 345; *M. Gibellino-Krascheninnikowa*. *Gli Sciti*. Roma, 1942, p. 133.

¹⁶ *A. Momigliano*. *Dalla spedizione scitica*, p. 346—347, 349. Ср. *M. Coja*. *Zidul de apărare al cetății Histria și împrejurările istorice ale distrugerii lui în secolul al IV-lea î. e. n.* SCIV, XV, 3, 1964, p. 395; *D. M. Pipidi*, *D. Berciu*. Указ. соч., стр. 213—214. К этой же точке зрения склоняется В. Илиеску.

¹⁷ *Clem. Alexandr.*, V, 31.

¹⁸ Например, *P. Nicorescu*. Указ. соч., стр. 24.

всяком случае, конфликт должен был иметь место до начала военных действий Филиппа против Византии, т. е. до 340 г.¹⁹ Разумеется, Атей мог угрожать Византии только в том случае, если он уже твердой ногой стоял во Фракии²⁰.

О том же говорит и факт чеканки Атеем своих серебряных монет в Каллатии. Выбор этого города в качестве места, где осуществлялся выпуск монеты скифским царем, вряд ли был бы возможен, если бы между Атеем и Каллатией не существовали очень тесные и достаточно прочные связи. И хотя установить точную датировку монетной чеканки Атея затруднительно, общие хронологические рамки, определенные для нее В. А. Анохиным — конец 50-х и 40-е годы IV в.²¹, — не вызывают сомнений. Наличие в этой чеканке двух серий монет предполагает известную длительность эмиссии в пределах установленного периода, что также свидетельствует об определенной стабильности власти Атея в Западном Причерноморье в это время.

Таким образом, наши источники хотя и неясно, но довольно настойчиво указывают на то, что Атей распространил свою власть на территории к югу от Дуная во всяком случае за несколько лет до того, как произошли война с истрианами и столкновение с Филиппом Македонским. Переход скифов через Дунай и освоение ими какой-то части задунайских земель, вероятно, были не единовременным актом, а целым рядом последовательных вторжений, в результате которых гетские племена правобережья были вынуждены потесниться и уступить скифам часть своей территории²². Об этом у нас есть прямое свидетельство Страбона²³, которое может относиться только к рассматриваемому времени: трудно пред-

положить, чтобы скифы могли вторгаться за Дунай и теснить фракийцев после поражения и гибели Атея. Наиболее вероятным представляется обоснование скифов на правобережье Дуная в 50-х—40-х годах IV в. до н. э., когда раздробленное и ослабленное фракийское государство одрисов вряд ли могло оказать скифам значительное сопротивление²⁴.

Очень интересными и заманчивыми кажутся произведенные Т. В. Блаватской хронологическое сопоставление проникновения на Дунай скифов с началом антифракийской деятельности Филиппа Македонского и основанное на этом сопоставлении предположение о существовании если не формального союза, то внутренней связи между наступлением скифов и наступлением македонян на Фракию²⁵.

Наличие союзных и дружественных отношений между Атеем и Филиппом предполагает и А. Момильяно²⁶. Но он видит причину сближения обоих царей в их общей вражде к Византии. Эта точка зрения представляется нам менее правомерной, чем предположение Т. В. Блаватской. Дело в том, что А. Момильяно строит всю свою концепцию на том, что Атей получил помощь от Филиппа в борьбе против истриан (которых Момильяно рассматривает как жителей города Истрии), в то время как сам Филипп осаждал Византий. Из этого факта А. Момильяно делает вывод не только о союзе между Византием и Истрией, но и о совместной борьбе македонского и скифского царей, движимых торговыми интересами, против греческих городов фракийского побережья. Между тем самый исходный пункт этих расхождений — борьба Атея против Истрии — весьма шаток, так как под истрианами Помпей Трога вряд ли можно подразумевать жителей этого греческого города, о чем будет сказано ниже. Сам А. Момильяно оставляет без ответа недоуменные вопросы, связанные с таким толкованием названия Histriani.

Владения скифов в Задунавье скорее всего не простирались далее района, ограниченного с севера и запада нижним течением Истра, а с юга — восточными отрогами Балканских гор. Именно эта территория получила в элли-

¹⁹ Ср. J. Miller. Byzantium. RE, III, 1899, стлб. 1136; A. Momigliano. Dalla spedizione scitica, p. 344; P. Alexandrescu. Указ. соч., стр. 4.

²⁰ В. Илиеску (V. Illiescu. Byzance ou Bizone? Contribution à l'histoire du Pont Gauche au IV s. av. n. è. RESEE, V, 1967, № 3—4) предполагает наличие ошибки в тексте Клементы Александрийского и думает, что Атей писал не византийцам, а жителям города Бизоны. Мы не видим оснований для такого толкования этого отрывка.

²¹ В. А. Анохин. Указ. соч., стр. 13—15.

²² Ср. J. Weiss. Getae. RE, VII, 1912, стлб. 1331; Т. В. Блаватская. Греки и скифы в Западном Причерноморье, ВДИ, 1948, № 1, стр. 207; она же. Западно-понтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 80 сл.; см. ее же в книге «Древняя Греция» (М., 1956, стр. 357—358); В. П. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, стр. 112; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 22.

²³ Strabo, VII, 4,5.

²⁴ Возможно, что проникновению скифов во фракийские земли способствовал и тот нажим, который начали испытывать в это время фракийцы со стороны кельтских племен (см. J. Wiesner. Die Thraker. Stuttgart, 1963, S. 133).

²⁵ Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города, стр. 80; ср.: В. Л. Невская. Указ. соч., стр. 112; Хр. Данов, М. Манова. Траките и атичния свят. София, 1959, стр. 92—93.

²⁶ А. Momigliano. Dalla spedizione scitica, p. 344 f; ср.: она же. Filippo il Macedone, стр. 152.

нистическое время наименование Малой Скифии и именно здесь, в окрестностях Томи, Каллатии и Дионисополя, упоминают скифов наши источники III в. до н. э.²⁷ Существование скифского царства или скифских царств в Добрудже в III—II вв. до н. э. засвидетельствовано чеканкой скифских династов в тех же городах, а также в Одессе²⁸.

Рассказ о столкновении Атея с Филиппом Македонским Помпей Трог начинает с упоминания войны истрианов против Атея, в которой Атей, видимо, терпел неудачи и был вынужден даже обратиться за помощью к Филиппу. Этой войне новейшие исследователи уделяют очень много внимания, пытаются определить, кем были упомянутые Трогом истриане. Что касается характера войны, то никто не пытался его анализировать: обычно считается само собой разумеющимся, что военные действия возникли вследствие попытки Атея захватить земли в Задунавье, а истриане (кто бы они ни были) старались отразить эту скифскую агрессию²⁹. Выше уже говорилось о том, что в действительности Атей установил свою власть в Добрудже, вероятно, задолго до возникновения его конфликта с истрианами. Рассказ Помпея Трога лишней раз это подтверждает. Из него как будто бы следует, что в этой войне Атей и скифы были обороняющейся стороной, а истриане во главе со своим царем — наступающей. Именно они теснили Атея и только смерть истрианского царя избавила скифов от страха и от нужды и помощи. Это совсем не вяжется с

установившимся представлением об экспансии скифов в этот момент. Да и странно было бы, если бы Атей, вторгшись в пределы Фракии и встретив там сопротивление со стороны каких-то аборигенных жителей, обратился за помощью к македонскому царю, чьи притязания на положение верховного владыки этих земель были достаточно известны. Характерно, что П. Никореску для объяснения этой несообразности вынужден был допускать наличие какого-то искажения текста или ошибки со стороны Помпея Трога или Юстина³⁰. Гораздо вероятнее совсем иной ход событий.

Атей, по-видимому, уже в течение какого-то времени владел землями в Добрудже, когда против него выступили истриане и поставили его в весьма затруднительное положение. Были ли истриане до этого подчинены Атею и возмутились против скифского господства или они были независимыми соседями скифов, сказать невозможно. Во всяком случае, их выступление нарушило существовавший в этом районе порядок, и обращение Атея к Филиппу с просьбой о помощи в восстановлении status quo не только могло быть благосклонно принято македонским царем, но даже должно было быть ему приятно, так как в какой-то степени являлось признанием его заинтересованности и его прав во фракийских делах. Но затем, когда, с одной стороны, миновала непосредственная угроза со стороны истриан, а с другой — определилась неудача Филиппа в войне против Византия, Атей позволил себе заговорить с македонским царем совсем иным языком. Можно с очень большой долей вероятности предположить, что именно поражение, понесенное Филиппом под стенами Византия и Перинфа в 340—339 гг., изменило позицию скифского царя, внушив ему ошибочную уверенность в слабости македонян³¹. За эту ошибку ему вскоре пришлось поплатиться.

Относительно того, кем были враждебные скифам *histriani*, единого мнения не существует. Некоторые исследователи видели в них жителей греческого города Истрии, лежащего у устья Дуная³², но большинством ученых эта точка зрения отвергается главным образом по

²⁷ *Diod.*, XIX, 73; *Ps.-Scymn.*, 756; ср. *Plin.*, N. h., IV, 44.

²⁸ *D. Tacchella*. *Acrosandre, roi des Gètes?* RN, 1900, p. 197 f; *он же*. *Cinq rois des Gètes*. RN, 1903, p. 31; *K. Rigling*. *Charaspes*. «*Corolla numismatica*», Oxford, 1906, p. 259 f; *Н. Мушмов*. *Античные монеты на Балканския полуостров*. София, 1912, стр. 343 сл.; *А. В. Орешников*. *Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья*. «Нумизматический сборник», III. М., 1914, стр. 1 сл.; *он же*. *Этюды по нумизматике Черноморского побережья*. ИГАИМК, I, 1921, стр. 218 сл.; *T. Gerasimov*. *Aelis, un roi scythe en Dobroudja*. «*Studia Serdicensia*», I, 1938, *Serdicae*, p. 213; *V. Canarache*. *Monetele scitilor din Dobrodgea*. SCIV, I, 1950, p. 213; *T. Герасимов*. *Монеты от Канит, Тануза, Харасп, Акроза и Сариа*. ИВАД, IX, 1953, стр. 53 сл.; *Л. И. Тарасюк*. *Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи*. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 22 сл.; *М. Мирнее*. *Към въпроса за мястото на сечането на скитские монети* ИВАД, XII, 1961, стр. 132; *Н. А. Фролова*. *Монеты скифского царя Скилура*. СА, 1964, № 1, стр. 50 сл.

²⁹ Только И. Дройзен и В. Пырван полагали в соответствии с текстом Трога, что истриане теснили Атея в его владениях, но они ошибочно думали, что эти военные действия имели место на левобережье Дуная: *J. Droysen*. *Geschichte des Hellenismus*, I, 1. Gotha, 1877, S. 166; *V. Pârvan*. *Getica*. Bucureşti, 1926, p. 51.

³⁰ *P. Nicorescu*. Указ. соч., стр. 25.

³¹ Ср. *A. Momigliano*. *Dalla spedizione scitica*, p. 348; *idem*. *Filippo il Macedone*, p. 153.

³² *J. Kaerst*. *Ateas*. RE, 11, 1896, стлб. 1901; *E. Minns*. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 118; *Г. Кацаров*. *Цар Филипп II Македонски*. София, 1922, стр. 234; *G. Glotz*. Указ. соч., стр. 345; *A. Momigliano*. *Dalla spedizione scitica*, p. 343 f; *Хр. Данов*. *Западният бряг на Черно море в древността*. София, 1947, стр. 52.

гой причине, что Помпей Трог упоминает какого-то царя истриан, существование которого не вяжется с представлением об общественном устройстве Истрии³³. Поэтому давно уже было предположено, что под названием *histriani* кроются какие-то варварские племена, обитавшие в низовьях Дуная.

Долгое время большинство исследователей вслед за Тирволлом считало, что в истрианах надо видеть трибаллов, поскольку их война с Атеем засвидетельствована другими источниками³⁴. Нам уже приходилось говорить о том, что столкновение Атея с трибаллами нельзя отождествлять с событиями, о которых рассказывает Помпей Трог³⁵. Гораздо более вероятной кажется другая распространенная точка зрения, согласно которой истриане — какие-то гетские племена Добруджи³⁶, организовавшие сопротивление скифскому господству. В. Пырван и следующий за ним П. Никореску видят в истрианах сильно эллинизованных гетов окрестностей Истрии, которых они сопоставляют с миксэллинами ольвийской округи³⁷.

Но и сторонники отождествления истрианов с трибаллами и приверженцы их гетского происхождения обычно сходятся в том, что эти варварские племена выступили против Атея не одни, а в союзе с городом Истрия. Предполагается само собой разумеющимся, что этот греческий полис, да и не только он, но и все остальные прибрежные греческие города Добруджи должны были выступить против

скифов и «поставить все свои ресурсы на службу этому сопротивлению»³⁸.

Между тем признание того, что *histriani* являются варварским племенем, а не жителями города Истрии, — а это, по-видимому, является единственно допустимым предположением, — не оставляет никаких оснований для постулирования враждебного отношения греческих городов к скифам, кроме чисто априорных соображений. Соображения эти те, что кочевники-скифы были для греческих городов гораздо менее желательными соседями, чем оседлые геты. Конечно, если считать, что завоевания Атея имели целью лишь грабительское получение дани с греческих городов³⁹, то враждебность этих городов к скифам будет подразумеваться само собой. Но для такого понимания событий у нас нет никаких данных. Скифы, расселившиеся в Добрудже, по своему экономическому и бытовому укладу вряд ли заметно отличались от окружающих гетов. Все, что нам известно об истории Малой Скифии, не позволяет делать в этом отношении какого-нибудь различия между обеими группами населения. Вероятно, права Т. В. Блаватская в своем предположении, что поселения скифов во Фракии не должно было отразиться на положении западнопонтийских городов⁴⁰. Поэтому нет оснований заранее предполагать необходимость враждебных отношений между скифами и греческими городами Добруджи. Наоборот, неизбежность конфликта между скифским царем и македонским владыкой, который пытался наложить свою тяжелую руку не только на всю Фракию, но и на

греческие города побережья, могла сделать эти города и Атея естественными союзниками, как это случилось четверть века спустя, когда скифы Добруджи поддерживали борьбу каллатийцев и других западнопонтийских греков против Лисимаха⁴¹.

Наши источники почти совсем не говорят о конкретных отношениях между Атеем и греческими городами, но можно все же думать, что эти отношения не были враждебными. Из рассказа Помпея Трога во всяком случае следует, что с жителями АПОЛЛОНИИ у Атея были если не дружественные, то во всяком случае мирные отношения.

Еще показательнее чеканка Атеем своих монет в Каллатии. Эта чеканка предполагает ли-

³³ Попытка А. Гутшмида (*A. Gutschmid, Die Skythen. Kleine Schriften, III. Leipzig, 1892, S. 441, note 6*) выйти из положения, предположив, что конституция Истрии была аналогична общественному устройству Боспорского царства совершенно необоснованна.

³⁴ *Thirlwall, History of Greece, VI. London, 1839, p. 52, 77; A. Schaefer, Demosthenes und seine Zeit, II. Leipzig, 1856, S. 488; J. Droysen, Указ. соч., I, 1, стр. 116, прим. 1; G. Zippel, Die römische Herrschaft in Ilirien. Leipzig, 1887, S. 34; J. Beloch, Griechische Geschichte, III, 2. Berlin — Leipzig, 1923, S. 354; E. Polaschek,*

Triballi. RE, 12, 1937, стлб. 2395—2396.

³⁵ Д. Б. Шелов. Царь Атей, стр. 30.

³⁶ *J. Wainwright, Sieteve, стлб. 1332; V. Parvan, Dacia, n 91 (румунский текст, стр. 98); R. v. Vulpe, Указ. соч., стр. 55; Т. Д. Златковская. Мезия в I—II ввн. э. М., 1951, стр. 10—11; Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города, стр. 86—87; в своей более ранней работе Т. В. Блаватская высказывала предположение, что в истрианах надо видеть передовые отряды кельтов (*Т. В. Блаватская. Греки и скифы, стр. 208, прим. 3*); *D. M. Pippidi, D. Berciu, Указ. соч., стр. 130.**

³⁷ *V. Parvan, La penetration hellénique et hellénistique dans la vallée du Danube. BAR, 1923, p. 10; idem. Getica, p. 52; idem. Dacia. Cambridge, 1928, p. 91 (румунское издание: Bucureşti, 1957, p. 98); P. Nicorescu. Указ. соч., стр. 24; P. Alexandrescu. Указ. соч., стр. 4.*

³⁸ См. особенно: *P. Nicorescu. Указ. соч., стр. 24; R. Vulpe. Указ. соч., стр. 55—56.*

³⁹ *В. П. Невская. Указ. соч., стр. 112.*

⁴⁰ *Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города, стр. 84.*

⁴¹ *Diod., XIX, 73.*

бо существование между скифским царем и Каллатией каких-то договорных отношений, либо подчинение Каллатии власти Атея. Во всяком случае, нельзя говорить о враждебности этого города к скифскому царю в годы, предшествующие войне Атея с Филиппом II.

Относительно Одесса Т. В. Блаватская, опираясь на свидетельство Иордана⁴², высказала предположение, что этот город около 342 г. до н. э. выступил против Филиппа Македонского в союзе с Атеем и что именно помощь скифского царя позволила жителям города отразить нашествие македонян⁴³. Предположение это не более чем гипотеза, подтвердить которую какими-либо конкретными данными невозможно. Однако удостоверенный Иорданом (со ссылкой на Диона Хризостома) факт осады Одесса войсками Филиппа делает весьма маловероятным выступление этого города против Атея в союзе с македонским царем.

Недавно Мария Кожа⁴⁴ высказала весьма любопытную гипотезу относительно позиции Истрии в скифо-македонском конфликте. Констатировав археологически засвидетельствованный факт значительного разрушения городских кварталов и больших участков оборонительной стены Истрии около середины IV в. до н. э., она попыталась связать это разрушение с определенными историческими событиями. Наиболее вероятным ей представляется разрушение Истрии войсками Филиппа II во время его войны против Атея. М. Кожа совершенно справедливо полагает, что Истрия находилась на территории, контролируемой Атеем, и что будучи сильной крепостью, лежащей на пути движения Филиппа к устью Дуная, она не могла остаться в стороне от интересующих нас событий⁴⁵. Таким образом, если о союзе между Одессом и Атеем можно только гадать, то выступление Истрии на стороне скифского царя в какой-то мере может быть подтверждено археологическими данными.

Итак, обзор всего доступного нам материала заставляет думать, что вопреки обычному представлению, греческие города западного побережья Понта не только не проявляли враждебности по отношению к скифам, но даже могли в какой-то степени ока-

заться противниками македонского царя и естественными союзниками Атея в скифо-македонском столкновении. Это в значительной мере меняет представление о соотношении сил в борьбе на севере Балканского полуострова и подчеркивает международное значение скифо-македонского конфликта.

О причинах столкновения Атея с Филиппом Македонским сравнительно нетрудно догадаться.

Объяснение причин скифского похода Филиппа Помпеем Трогом⁴⁶ (македонский царь хотел якобы по-купечески доходами от скифской войны возместить затраты на войну против Византия) нас, конечно, удовлетворить не может. Это наивное объяснение вытекает из общей морализирующей тенденции Помпея Трога и всего его отрицательного отношения к Филиппу как жадному, коварному и беспринципному создателю македонской державы⁴⁷. Но не менее наивно выглядят и объяснения некоторых современных исследователей, усматривающих основную причину скифского похода Филиппа в его желании «образумить» или «наказать» Атея за нелояльность, за насмешки и за нежелание помочь македонянам в их борьбе против Византия⁴⁸. Опытный и дальновидный государственный деятель, преследующий далеко идущие цели и создающий могучую мировую державу, Филипп II не мог, конечно, руководствоваться в определении своей политики такими мотивами, хотя и мог выдвигать их в качестве предлога или повода для похода.

Гораздо серьезнее то соображение, что неудача, которую потерпел Филипп под стенами Византия, толкала его на новое военное предприятие ради поддержания престижа македонской власти. Победоносный поход против скифов мог в какой-то мере компенсиро-

⁴⁶ *Iust.*, IX, 1.

⁴⁷ См. К. К. Зельин. Основные черты исторической концепции Помпея Трога. ВДИ, 1948, № 4, стр. 214; *он же*. Помпей Трог и его произведение *Historiae Philippicae*. ВДИ, 1954, № 2, стр. 192; ср. R. Paribeni. *La Macedonia sino ad Alessandro Magno*. Milano, 1947, p. 87.

⁴⁸ A. Schaefer. Указ. соч., II, стр. 488; D. Hogarth. *Philipp and Alexander of Macedon*. London, 1897, p. 115—116; A. W. Pickard-Cambridge. Указ. соч., стр. 256; V. Chapot. *Philippe II de Macédoine, Homes d'État*. Paris, 1936, p. 80; В. П. Невская. Указ. соч., стр. 120; P. Cloché. *Un fondateur d'Empire Philippe il roi de Macédoine*. S.-Etienne, 1955, p. 114; *idem*. *Histoire de la Macédoine jusqu'à l'avènement d'Alexandre le Grand*. Paris, 1960, p. 233; A. Heuss. *Hellas. Propriäen Weltgeschichte*, III. Frankfurt a. M.—Berlin, 1963, S. 396.

⁴² *Jordan, Getica*, 65.

⁴³ Т. В. Блаватская. Греки и скифы, стр. 208; *она же*. Западнопонтские города, стр. 86; гипотезу Т. В. Блаватской принял А. С. Шофман (*А. С. Шофман*. История античной Македонии, I. Казань, 1960, стр. 265); ее разделяет и В. Илиеску.

⁴⁴ М. Coja. Указ. соч., стр. 394—398.

⁴⁵ Там же, стр. 396.

вать неудачу в войне против Византия⁴⁹. Возможно, подобные мотивы и сыграли какую-то роль в решении Филиппа двинуться против Атея, но вряд ли они могли иметь решающее значение. Скифский царь не был тем противником, победа над которым могла бы значительно повысить авторитет Филиппа в глазах греков, а именно в их глазах в предвидении дальнейшей борьбы важно было Филиппу утвердить ореол своей непобедимости. И действительно, успех скифского похода Филиппа не произвел, по-видимому, в Греции большого впечатления: характерно, что Диодор даже не упоминает об этом походе. Основная причина столкновения Филиппа с Атеем была несомненно иной.

Македонский царь готовился в это время к самому ответственному этапу борьбы за гегемонию на Балканском полуострове, к тому решающему удару, который завершился в следующем году Херонейской битвой. К этому времени уже вся северная часть Балканского полуострова находилась в руках Филиппа. Эпир, Иллирия и Пеония были сломлены Филиппом еще в первые годы его царствования, разгром Керсоблепта отдал в руки македонян всю Фракию, афиняне были крайне ослаблены в предыдущих войнах и, после того как Филипп овладел Халкидикой и опустошил Олинф, практически потеряли все свои позиции в этом районе. Частичные неудачи Филиппа при осаде Перинфа и Византия не могли скольконибудь серьезно изменить положение. Да и к югу от этих областей Филипп уже успел укрепиться очень значительно: Фессалия и Фокида находились в его власти, он полностью хозяйничал в дельфийской амфикионии, его сторонники располагали большим влиянием почти во всех еще свободных государствах Средней и Южной Греции. Нужен был только последний удар по Афинам и их союзникам, чтобы вся материковая Греция оказалась в руках Филиппа. К этому удару и готовился македонский царь. Естественно, что накануне решительного наступления на Грецию он должен был позаботиться об обеспечении себе прочного и спокойного тыла. Фракийцы, неоднократно разбитые им в предыдущие годы, лишившиеся с гибелью династии Одрисов единого руководства, сами по себе не представляли большой опасности для

македонского владычества на севере Балкан. Не были опасны и отдельные греческие города этого района, они не могли организовать каких-либо активных действий против македонской державы. Но усиление могущества скифского царя на северных рубежах македонских владений создавало хотя и скрытую, но вполне реальную угрозу всей системе-власти Филиппа во Фракии и могло в любой момент привести к антимакедонскому взрыву в этой стране. Разгром Атея был необходим Филиппу для удержания за собой гегемонии во Фракии, что в свою очередь являлось непременным условием для успеха борьбы за политическое преобразование в Греции. Таким образом, вооруженное столкновение между скифами и македонянами было предопределено всей ситуацией, сложившейся на севере Балканского полуострова, и главным содержанием этого конфликта был вопрос о гегемонии во Фракии⁵⁰.

Скифам война была навязана Филиппом. Судя по всему, они не проявляли никакой инициативы в организации этого столкновения, и Атей вряд ли мог иметь другие намерения в это время, кроме сохранения status quo, который подразумевал его преобладание в Добрудже.

О самом походе Филиппа II в Добруджу, о его организации, маршруте и пр. мы ничего не знаем. Правда, высказывались предположения о том, что Филипп двинулся против скифов из Византия кратчайшим путем, по побережью Черного моря, взяв с собой только небольшой мобильный отряд без обозов и военных машин⁵¹. Но эти предположения базируются не на реальных свидетельствах, а лишь на логических рассуждениях и не могут быть ничем подтверждены. Столь же недоказуемы и произведенные П. Никореску⁵² расчеты численности обеих противостоящих друг другу армий — скифской и македонской. Румынский ученый исходит при этом из числа скифских женщин и детей, захваченных в плен македонянами. Такой расчет был бы оправдан, если бы Филипп имел перед собой в качестве противника отдельное скифское племя (или другое этническое подразделение), только что вторгшееся в Добруджу, все небоеспособные

⁴⁹ Г. Кацаров. Цар Филипп II Македонски, стр. 233; F. Geyer. Philippos. RE, 38, 1938, стбл. 2291; G. Glotz. Указ. соч., III, стр. 344; А. Aymard. Указ. соч., стр. 170; С. А. Жебелев. В книге «Древняя Греция». М., 1956, стр. 473; А. С. Шофман. Указ. соч., стр. 265.

⁵⁰ Ср. J. Kaerst. Ateas, стлб. 1901; idem. Geschichte des Hellenismus, I, S. 256; A. Momigliano. Filippo II Macedone, p. 153; R. Vulpe. Указ. соч., стр. 56; R. Paribeni. Указ. соч., стр. 87; Т. В. Блаватская. Западно-понтийские города, стр. 86 сл.

⁵¹ P. Nicorescu. Указ. соч., стр. 26; G. Glotz. Указ. соч., III, стр. 345.

⁵² P. Nicorescu. Указ. соч., стр. 27.

вать неудачу в войне против Византия⁴⁹. Возможно, подобные мотивы и сыграли какую-то роль в решении Филиппа двинуться против Атея, но вряд ли они могли иметь решающее значение. Скифский царь не был тем противником, побед над которым могла бы значительно повысить авторитет Филиппа в глазах греков, а именно в их глазах в предвидении дальнейшей борьбы важно было Филиппу утвердить ореол своей непобедимости. И действительно, успех скифского похода Филиппа не произвел, по-видимому, в Греции большого впечатления: характерно, что Диодор даже не упоминает об этом походе. Основная причина столкновения Филиппа с Атеем была несомненно иной.

Македонский царь готовился в это время к самому ответственному этапу борьбы за гегемонию на Балканском полуострове, к тому решающему удару, который завершился в следующем году Херонейской битвой. К этому времени уже вся северная часть Балканского полуострова находилась в руках Филиппа. Эпир, Иллирия и Пеония были сломлены Филиппом еще в первые годы его царствования, разгром Керсobleпта отдал в руки македонян всю Фракию, афиняне были крайне ослаблены в предыдущих войнах и, после того как Филипп овладел Халкидикой и опустошил Олинф, практически потеряли все свои позиции в этом районе. Частичные неудачи Филиппа при осаде Перинфа и Византия не могли сколько-нибудь серьезно изменить положение. Да и к югу от этих областей Филипп уже успел укрепиться очень значительно: Фессалия и Фокида находились в его власти, он полностью хозяйничал в дельфийской амфикистии, его сторонники располагали большим влиянием почти во всех еще свободных государствах Средней и Южной Греции. Нужен был только последний удар по Афинам и их союзникам, чтобы вся материковая Греция оказалась в руках Филиппа. К этому удару и готовился македонский царь. Естественно, что накануне решительного наступления на Грецию он должен был позаботиться об обеспечении себе прочного и спокойного тыла. Фракийцы, неоднократно разбитые им в предшествующие годы, лишившиеся с гибелью династии Одрисов единороководства, сами по себе не представляли большой опасности для

македонского владычества на севере Балкан. Не были опасны и отдельные греческие города этого района, они не могли организовать какой-либо активный фронт против македонской державы. Но усиление могущества скифского царя на северных рубежах македонских владений создавало хотя и скрытую, но вполне реальную угрозу всей системе власти Филиппа во Фракии и могло в любой момент привести к антимакедонскому взрыву в этой стране. Разгром Атея был необходим Филиппу для удержания за собой гегемонии во Фракии, что в свою очередь являлось непременным условием для успеха борьбы за политическое преобразование в Греции. Таким образом, вооруженное столкновение между скифами и македонянами было предопределено всей ситуацией, сложившейся на севере Балканского полуострова, и главным содержанием этого конфликта был вопрос о гегемонии во Фракии⁵⁰.

Скифам война была навязана Филиппом. Судя по всему, они не проявляли никакой инициативы в организации этого столкновения, и Атей вряд ли мог иметь другие намерения в это время, кроме сохранения status quo, который подразумевал его преобладание в Добрудже.

О самом походе Филиппа II в Добруджу, о его организации, маршруте и пр. мы ничего не знаем. Правда, высказывались предположения о том, что Филипп двинулся против скифов из Византия кратчайшим путем, по побережью Черного моря, взяв с собой только небольшой мобильный отряд без обозов и военных машин⁵¹. Но эти предположения базируются не на реальных свидетельствах, а лишь на логических рассуждениях и не могут быть ничем подтверждены. Столь же недоказуемы и произведенные П. Никореску⁵² расчеты численности обеих противостоящих друг другу армий — скифской и македонской. Румынский ученый исходит при этом из числа скифских женщин и детей, захваченных в плен македонянами. Такой расчет был бы оправдан, если бы Филипп имел перед собой в качестве противника отдельное скифское племя (или другое этническое подразделение), только что вторгшееся в Добруджу, все небоеспособные

⁴⁹ Г. Кацаров. Цар Филипп II Македонски, стр. 233; F. Geyer. Philippos. RE, 38, 1938, стбл. 2291; G. Glotz. Указ. соч., III, стр. 344; A. Aymard. Указ. соч., стр. 170; С. А. Жебелев. В книге «Древняя Греция». М., 1956, стр. 473; А. С. Шофман. Указ. соч., стр. 265.

⁵⁰ Ср. J. Kaerst. Ateas, стлб. 1901; idem. Geschichte des Hellenismus, I, S. 256; A. Momigliano. Filippo II Macedone, p. 153; R. Vulpe. Указ. соч., стр. 56; R. Paribeni. Указ. соч., стр. 87; Т. В. Блаватская. Западно-понтийские города, стр. 86 сл.

⁵¹ P. Nicorescu. Указ. соч., стр. 26; G. Glotz. Указ. соч., III, стр. 345.

⁵² P. Nicorescu. Указ. соч., стр. 27.

члены которого были захвачены в плен после неудачной для скифов битвы. Именно так и думает П. Никореску. Но мы уже видели, что ко времени столкновения Атея с Филиппом скифы уже прочно заселили Добруджу и составляли если не основную, то во всяком случае ее значительную часть ее населения. Македонские воины после поражения Атея вероятно имели возможность безнаказанно грабить и захватывать в плен население этого района, а не лиц, находившихся в лагере скифского войска. А при таких условиях соотношение между числом плененных женщин и детей и числом сражавшихся против македонян воинов не может быть установлено.

О самом сражении и о его трагическом для скифов исходе мы знаем из сообщений Помпея Трога, Страбона, Лукиана Самосатского и Фронтинна. К этим сообщениям вряд ли можно что-либо прибавить. Следует только задать вопрос: почему более многочисленные и храбро сражавшиеся скифы были разбиты меньшим по численности отрядом македонян, которые шли в бой, судя по сообщению Фронтинна, не слишком охотно? Вероятно, правы П. Никореску и В. Д. Блаватский, усматривающие основное преимущество войск Филиппа в этой битве в том, что они были более дисциплинированы и сведены в наиболее мощную и наименее уязвимую по тем временам тактическую единицу — фалангу. Сопrotивление легкой скифской конницы объединенной ударной силе македонской фаланги и тяжелой кавалерии было обречено на неудачу⁵³.

⁵³ P. Nicorescu. Указ. соч., стр. 27; В. Д. Блаватский. О стратегии и тактике скифов. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 26, он же. Очерки военного

Скифский поход Филиппа II нередко рассматривается в современной литературе как значительная неудача македонского царя на том лишь основании, что, возвращаясь с Дуная, Филипп был атакован трибаллами, потерял всю добычу, захваченную у скифов, и сам был серьезно ранен⁵⁴. Такая оценка результатов похода, однако, слишком поверхностна. Неудачное столкновение с трибаллами на обратном пути и потеря всей скифской добычи были, конечно, весьма досадным эпизодом, но ведь не эта добыча была основной целью войны Филиппа против скифов. Главная цель похода была им безусловно достигнута — скифы потерпели решительное поражение, их царь был убит и угроза дальнейшего вмешательства скифов во фракийские дела была предотвращена. Враждебная же позиция отдельных фракийских племен, вроде трибаллов, вряд ли могла составлять серьезную опасность для македонского господства на Балканах. Филипп мог теперь беспрепятственно обратить свои силы на юг для решительного натиска на Элладу.

Что касается скифов, то поражение Атея сыграло большую роль в их исторических судьбах. Этим поражением был нанесен удар нарождающейся государственности скифов, и хотя в дальнейшем скифские царства существуют и в Северном Причерноморье, и в Малой Скифии, создать единую государственную организацию, которая охватила бы все скифские территории, входившие в царство Атея, скифам так и не удалось.

дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 10.

⁵⁴ *Iust.*, IX, 3.

Э. А. Сымонович КУЛЬТУРА ПОЗДНИХ СКИФОВ И ЧЕРНЯХОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Проблема соотношения позднескифских памятников рубежа нашей эры и культуры полей погребений возникла сразу же после первых более или менее широких работ на нижнем Днепре В. И. Гошкевича. Раскопки могильника возле быв. Бизюкова монастыря (поселок «Красный Маяк») привели В. И. Гошкевича к выводу о сходстве части полученных материалов со среднеднепровскими находками В. В. Хвойка. В частности, археологом была

справедливо отмечена общность фибул, костяных пирамидальных подвесок и костяных многочастных гребней¹. Нижнеднепровские городища рассматривались В. И. Гошкевичем как «питательные пункты» Ольвии, т. е. главной их функцией признавалась посредническая

¹ В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, СПб., 1913, стр. 144.

торговля, выполняемая жителями городищ-факторий².

Небольшие двухнедельные раскопки Николаевского могильника южнее г. Берислава в 1912 г., проведенные М. Эбертом наспех, положили начало исследованиям нижнеднепровских позднескифских некрополей. Они получили широкий отклик в европейской литературе³. Судя по публикации, М. Эберт раскопал 16 могил на тогдашних частных землях, не имея на то никаких прав. Поэтому, как сообщает В. И. Гошкевич, «работы М. Эберта были прекращены по распоряжению херсонского губернатора»⁴. М. Эберт оставил недокопанными одну или две могилы, открыв только каменные их заклады. Получив предупреждение, в страхе, ночью он упаковал вещи и выехал в Германию⁵.

В процессе работ над материалами могильника М. Эберт не раз менял датировки, сопоставляя их с историческими сведениями о проникновении восточных германцев на юг⁶. В настоящее время установлено, что антрополог А. Шлиц, который интерпретировал костные остатки в подобном же духе, допустил явные ошибки при промерах черепов из этого могильника⁷. Тем не менее версия о показателности материалов Николаевского могильника в указанном плане надолго входит в западную науку⁸. Решительные возражения такой точке зрения не могли быть представлены из-за слабой изученности подобных памятников. Следует отметить при этом прозорливый взгляд А. А. Спицына. В статье, к сожалению опубликованной только посмертно, в 1948 г., говоря о «Городке Николаевке», автор допускал в числе претендентов на созда-

ние могильника «старое местное население»⁹.

Новое оживление в исследованиях нижнеднепровских памятников связано с работами Скифской степной экспедиции и другими полевыми исследованиями 50-х годов в зоне затопления Каховской ГЭС. Исследователи Б. Н. Граков, Н. Н. Погребова, В. П. Петров, Е. В. Махно, Н. Г. Елагина, Т. Д. Белановская и др. отмечали на позднескифских памятниках, расположенных севернее г. Каховки, находки керамики культуры полей погребений зарубинецкого и Черняховского типов. В итоге ученые пришли к выводам, что именно эти примеси в позднескифской керамике являются отличительным признаком нижнеднепровских памятников от памятников Крыма¹⁰. В то же время новостью оказалось, что бок о бок с известными позднескифскими поселениями низового Днепра, такими, как Каменское, Знаменское, Золотобалкинское, Гавриловское и др., находятся типичные Черняховские открытые поселения и грунтовые могильники (Каменка-Днепровская, Михайловка, Золотая Балка, Овчарня совхоза «Приднепровского» и др.). На основании этого нами было высказано предположение о возможном проникновении черняховского населения в степную зону на берега Черного моря. На то же позволяли надеяться раскопки на прибрежных поселениях типа Кисёлово, Викторовка II, Капустине и др. Вопрос о Черняховской культуре в Причерноморье был решен после исследования типичных могильников Черняховской культуры возле сел Викторовка, Ранжевое и в с. Коблеве¹¹. Специальные разведки Тилигуло-Днепровского отряда ИА АН СССР в 1965 г. увеличили число поселений черняховской культуры на правобережном Днестре между с. Николаевка и устьем р. Ингульца. Таким образом, зона существования Черняховских памятников в степи, совпадающая с традиционными местами распространения скифской культуры, оказалась весьма обширной.

Вопрос о характере взаимосвязей и этнокультурном взаимодействии скифских племен и племен, живших позже в тех же областях,

² В. И. Гошкевич. Указ. соч., стр. 145.

³ M. Ebert. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dnjepr, Gouv. Cherson. «Praehistorische Zeitschrift», Bd. V. Leipzig, 1913, S. 80—114.

⁴ В. И. Гошкевич. Указ. соч., стр. 144.

⁵ В. И. Магер сообщил письменно обо всех подробностях авантюры М. Эберта, и его сведения совпали с показаниями многих старожилов этих мест, проживающих в селах Казацкое и Николаевка.

⁶ Ср. указанное сочинение М. Эберта с его данными в других работах: M. Ebert. Südrußland im Altertume. Bonn und Leipzig, 1929, S. 112; *idem*. Reallexikon, Bd. XIII. Berlin, 1921, S. 268.

⁷ A. Schlitz. Die Schädel aus dem Nekropol von Nikolajewka. «Praehistorische Zeitschrift», Bd. V, Leipzig, 1913, S. 111—147. Об ошибках в измерениях мне любезно сообщила Т. С. Кондукторова.

⁸ Высказывания ученых о Николаевском могильнике нами собраны в статье: Э. А. Сымонович. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала нашей эры. ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 154—155.

⁹ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 67.

¹⁰ О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, № 64, 1958, стр. 269; М. П. Абрамова. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ нижнего Днепра. МИА, № 115, 1962, стр. 282—283.

¹¹ Э. А. Сымонович. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА, № 139, 1967, стр. 205—237.

решался по-разному. К примеру, попытка связывать славян со скифами имеет давние корни в русской науке. Однако в настоящее время такая прямолинейная связь ираноязычных племен со славянами отвергнута. Между тем отмеченное В. А. Городцовым и его последователями совпадение в русском народном искусстве мотивов орнамента и сюжетов со скифо-сарматской эпохой не позволяет отмахнуться от поставленного вопроса¹². Для лесостепной зоны. П. Д. Либеровым был констатирован ряд черт, появление которых в культуре полей погребений могло быть объяснено культурным взаимодействием или наследованием традиций, возникших еще в древности¹³. Сходство элементов скифской культуры на поздних этапах ее развития с зарубинецкой отмечено как итог В. Г. Петренко в своде, посвященном правобережным памятникам Среднего Поднепровья¹⁴. Даже для далекого Крыма оказалось возможным найти соответствия в росписях и орнаментах позднескифской культуры позднейшим памятникам¹⁵. Тем более на нижнем Днепре, где явно фиксируется период сосуществования скифских городищ и открытых поселений Черняховского типа, важно решить вопрос о характере взаимодействия двух крупных групп населения.

О тесных отношениях поздних скифов и черняховских племен свидетельствует не только сравнительно большое число близости расположенных памятников обеих культуры, но и находки на них близких форм керамики (горшки с краем в виде раструба, чарка из двух сообщающихся сосудов в могиле № 6 Каменки-Днепровской, иногда встречающийся орнамент вдавлениями и насечками по краю сосуда, некоторые формы открытого типа мисок и мисок-крышек и пр.)¹⁶. Отмечен даже обычай хоронить на одном и том же кладбище представителей разных племен. Об этом с полным правом позволяют говорить погребения с типичными деталями культуры полей погребений в быв. Бизюковом монастыре и особенно

наглядно фиксированные захоронения Николаевского могильника из раскопок М. Эберта¹⁷. Последнее обстоятельство скорее всего может свидетельствовать о мирном характере взаимоотношения тех и других племен.

Основываясь на ряде отмеченных черт сходства культуры поздних скифов и Черняховской, Ю. В. Кухаренко сделал далеко идущие выводы о прямой генетической преемственности племен. Им была высказана мысль, что «черняховская культура по своей основе является культурой скифского населения... что известную роль в сложении этой культуры сыграли славяне, готы и сарматы, влившиеся в среду скифского населения. Но не это было решающим. Черняховская культура могла и должна была возникнуть и без участия славян, готов и сарматов»¹⁸. Возражения против этой точки зрения изложены нами в специальной статье, хотя там же отмечена и весомость наблюдений археологов, пытающихся связать черняховскую культуру со скифской¹⁹. В частности, не может быть обойдено важное наблюдение антропологов, отмечающих краниологическую близость обеих групп населения в степном Приднепровье²⁰. Иначе быть и не может: наложение пришельцев на местную подоснову должно было найти отражение и в культурных влияниях, и в антропологическом типе.

Новые раскопки Николаевского могильника в 1966—1967 гг. и изучение упоминавшихся выше причерноморских Черняховских могильников подтвердили культурное взаимодействие племен в первые века н. э. Прежде всего на типично черняховском могильнике в Коблеве, расположенном на левом берегу устья Тилигульского лимана, впервые были выявлены нетипичные для культуры полей погребений могильные сооружения, происхождение которых не вызывает сомнений. Это — земляные склепы-катакомбы. Они являются наиболее распространенной формой гробниц позднескифского времени как в Крыму, так и на нижнем Днепре. Если в Николаевке при раскопках М. Эберта и были встречены подобные сооружения, содержащие погребения с

¹² В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. «Труды ГИМ», вып. 1. М., 1926, стр. 7—35.

¹³ П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 75—84.

¹⁴ В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, вып. ДІ-4, 1967, стр. 58.

¹⁵ П. Н. Шульц. Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946 гг.). «Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ», 2. М., 1947, стр. 30.

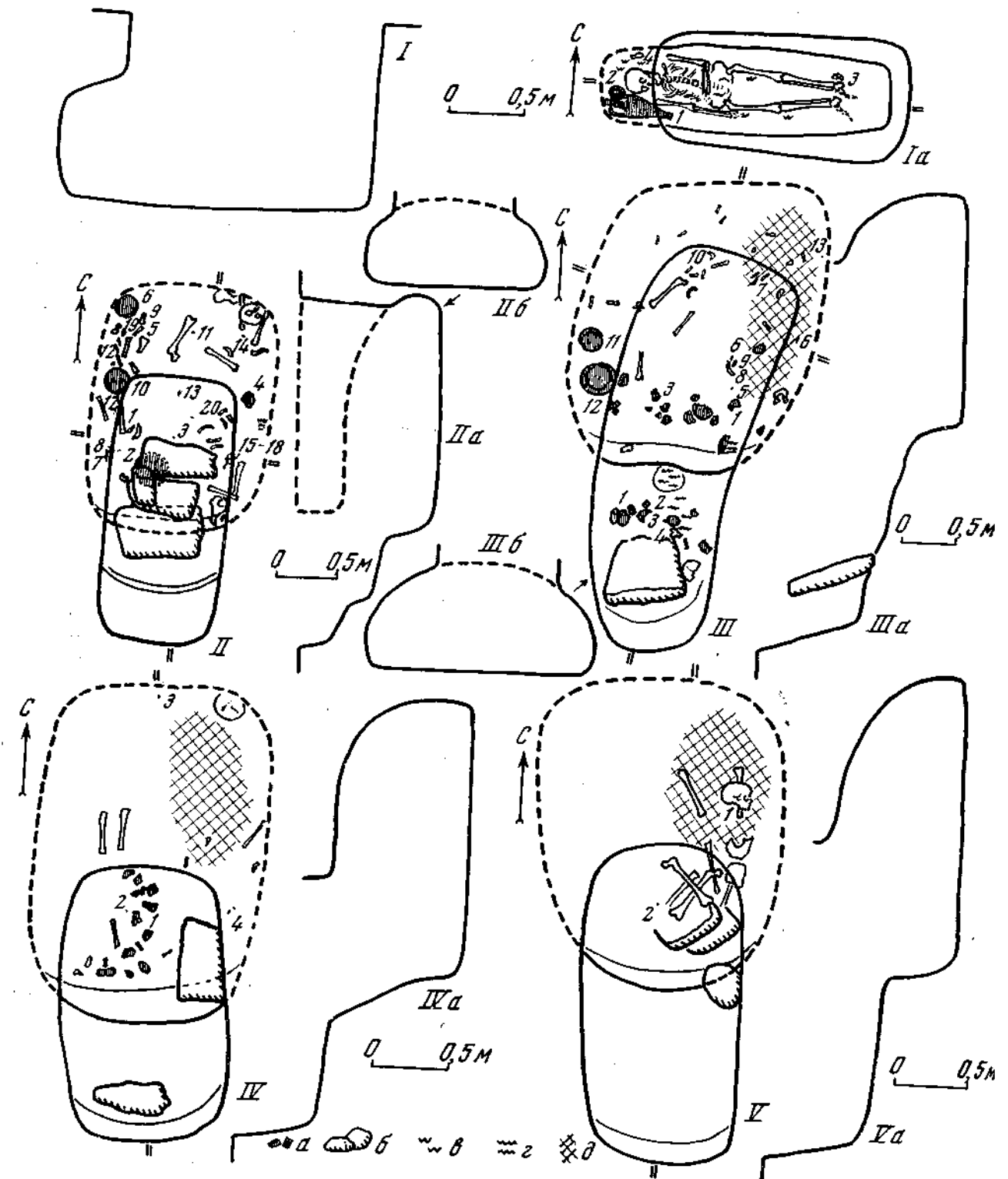
¹⁶ Э. А. Сымонович. Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днепра. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 17.

¹⁷ М. Ebert. Указ. соч., см. погребения А I, Н I, F I, L I, M I.

¹⁸ Ю. В. Кухаренко. Экономический строй и быт восточных славян в первой половине I тысячелетия. «Очерки истории СССР, III—IX вв.» М., 1958, стр. 64.

¹⁹ Э. А. Сымонович. К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры. СА, 1962, № 2, стр. 41—42.

²⁰ Т. С. Кондукторова. Палеоантропологический материал из могильника у «Овчарни» совхоза «Приднепровского» Херсонской области. «Советская антропология», 1958, № 2, стр. 66 и сл.

материалами Черняховского типа, то это не вызывало особого удивления. Проживавшие бок о бок пришельцы с севера, может быть обитавшие даже на том же городище, что и скифы, легко могли заимствовать детали местного погребального ритуала.

В настоящее время в Николаевке кроме 16 могил, о которых писал М. Эберт, вскрыто еще 45, содержащих около 70 костяков. В их числе 32 земляных склепа, 10 грунтовых и 3 подбойных захоронения. Все исследованные склепы имели более или менее ярко выраженные признаки, характерные для позднескифского населения. Но факт обнаружения подобных же могил на черняховских памятниках показывает эти явления в новом свете. Такие сооружения для черняховских памятников, как уже было отмечено, являются уникальными. Для сравнения их с позднескифскими могилами мы приводим планы и перечень находок из соответствующих коблевских могил (№ 12, 16, 31 и 38). Четыре склепа-катакомбы составляют около 10% по отношению ко всему числу исследованных в Коблеве могил с труположениями и трупосождениями. Несмотря на то, что все склепы-катакомбы были ограблены в древности, удалось установить, что в каждом склепе был похоронен один человек — мужчина или женщина молодого или пожилого возраста²¹ из людей состоятельных (рис. 1; 2).

Все четыре земляных склепа-катакомбы ориентированы по направлению север—юг. Вход из предмогильной ямы в склеп закрывал каменный заклад. На дне склепа с восточной стороны лежал скелет. Погребенные, судя по костным остаткам, были обращены головами на север. Трое погребенных

²¹ Все определения человеческих костных остатков произведены старшим научным сотрудником Института антропологии МГУ Т. С. Кондукторовой.

Рис. 1.

Планы и разрезы Черняховских могил в Причерноморье, в Викторевне (I) и Коблеве (II—V)

Условные обозначения: *а* — керамика, *б* — камни; *в* — уголь; *г* — зола; *д* — подмазка дна зеленоватой глиной; I, Ia — могила № 1: / — амфора; 2 — нижняя часть лепного сосуда; 3 — скорлупа яиц; 4 — кости животного; II, Па, IIб — могила № 38: / — кости мелкого рогатого скота; 2 — гончарная миска; 3 — бусы; 4 — нижняя часть горшка; 5 — костяная трубка; 6 — гончарная миска; 7 — обломки костяного гребня, скрепленного железными гвоздиками; 8—9 — бронзовые крючки; 10 — гончарная миска; // — пряслице из стенки амфоры; 12 — кости животного; 13 — кости рыбы; 14 — яичная скорлупа; 15 — железный нож; 16 — две костяные подвески; 17 — обломки костяного игольника с бронзовой проушной иглой; 18 — бронзовое колечко; 19 — ребро животного со следами сработанности; 20 — бронзовая пружина от

лежали на подмазке из зеленоватой глины, каковая встречается и в Черняховских могилах другого типа. В большинстве случаев достаточно богатый и типичный черняховский инвентарь располагался под западной стороной могилы.

Кроме того, на рис. 1 воспроизведена могила Черняховского древнего кладбища Викторевка II, исследованного возле устья Сосицко-Березанского лимана. Она интересна в плане изучения развития или, лучше сказать, упадка обычая погребения в склепах-катакомбах. В этой могиле с западной стороны грунтовой ямы, в которую положили умершую женщину 40—50 лет, была сделана довольно глубокая ниша. В ней помещались голова умершей и основной сопровождающий инвентарь (амфора и нижняя часть лепного сосуда, использовавшаяся, видимо, в качестве сосуда для питья)²². Кроме того, слева от головы находилась неопределимая часть животного. Возле ступни левой ноги была найдена скорлупа яиц.

При сравнении описанных выше могильных сооружений, в особенности земляных склепов-катакомб из Коблева, с позднескифскими мы увидим явные черты сходства. Однако при рассмотрении комплексов в деталях впечатление окажется несколько иным. Уже в ориентировке склепов и в наборе вещей при сравнении с могильниками Неаполя Скифского, Золотой Балки и Николаевки прослеживается разница. Склепы-катакомбы Черняховского могильника по ориентировке представляют собой как бы продолжение входной ямы, будучи вытянуты по линии север—юг. Такое расположение совершенно нетипично для позднескифских памятников (рис. 3). Округло-овальное, перпендикулярное к входной яме размещение склепа у поздних скифов объясняется обычным

²² Э. А. Симонович. Итоги исследования черняховских памятников..., стр. 213—215, рис. 3, 1; 5, 2.

фибулы; III, Ша, Шб — могила № 31: / — обломки лепных сосудов; 2 — обломки красноглиняного сосуда; 3 — обломки гончарных серолощенных сосудов; 4 — костяной гребень, скрепленный бронзовыми трубочками; 5 — янтарная бусина; 6 — обломки железного ножа; 7 — кости животных и курицы; 8 — точильный брусок; 9 — кремневый отщеп; 10 — кости животного; 11 — гончарная миска; 12 — гончарная миска; 13 — обломок бронзового стерженька; IV, IVа — могила № 16: 1 — обломки глиняной посуды; 2 — обломок костяного гребня, скрепленного бронзовыми гвоздиками; 3 — бронзовая обойма с остатками дерева; 4 — обломок железного ножа; V, Va — могила № 12: 1 — бусы; 2 — кусочек стекла

Рис. 2.

Основные находки из Черняховских склепов-катакомб в Коблев

1 — костяная трубочка; 2 — каменный брусок; 3, 6, 7, 8, 12 — бронзовая игла, обломки костяной трубочки, гребень, подвески и ребро животного со следами сработанности; 4 — обломок железного ножа; 5, 10 — стеклянные пастовые и янтарные бусы; 9 — бронзовая обойма; 11 — глиняное пряслице из стенки амфоры; 13—20 — глиняные сосуды; 1, 3, 4, 5, 7, 8, 11, 12, 14, 11 — из могилы № 38; 2, 6, 13, 18—20 — из могилы № 31; 9, 15 — из могилы № 16; 10 — из могилы № 12

для них перпендикулярным расположением погребенного по отношению ко входу в склеп. Сколько бы ни было в могиле захоронений, последний костяк клали вышеописанным образом. У скифов рубежа нашей эры земляной склеп мыслился как семейная могила долговременного пользования, хотя в то же время мы нередко встречали на нижнем Днестре специально вырытые детские миниатюрные склепы с одним или двумя захоронениями младенцев. Размеры таких сооружений и не позволяют предполагать их использование в дальнейшем для взрослых погребений (рис. 3). Наибольшее число захороненных известно в одном из склепов Восточного могильника Неаполя Скифского, где в могиле № 75 было обнаружено 29 скелетов взрослых и детей, положенных крест-накрест, штабелем, как и в других подобных склепах. Самое большое количество погребений в одной могиле Николаевского могильника дали новые раскопки 1966 г., когда было обнаружено 8 скелетов взрослых и детей в одном склепе (№ 24).

Таким образом, подавляющее большинство позднескифского населения хоронило своих умерших именно в земляных склепах, хотя наряду с ними, в особенности на позднем этапе, увеличивается число индивидуальных подбойных и грунтовых могил. Все известные черняховские склепы-катакомбы в отличие от позднескифских представляли сооружения для одного человека. Сооружение обширной камеры для одного человека, видимо, являлось своего рода знаком почета, наподобие грунтовых захоронений в обширных камерах Черняховского могильника²³ или погребения «вождя» в обложенной деревом камере у Овчарни совхоза «Приднепровского»²⁴, или в двух центральных больших могилах в Коблеве²⁵. Судя по журавским захоронениям на среднем Днестре в необычно длинных ямах, ориентированных широтно, так же как большинство могил подобного рода, лишенных инвентаря, увеличение могильной ямы обозначало проявление уважения. Индивидуальный характер Черняховских склепов доказывает и антропологический анализ костных остатков. Единственное место на полу могилы, предназначенное для погребенного, обозначено следами подмазки дна зеленоватой глиной (рис. 1, III, IV, V).

²³ В. П. Петров. Черняховский могильник. МИА, № 116, 1964, стр. 79.

²⁴ Э. А. Симонович. Памятники Черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 303.

²⁵ Э. А. Симонович. Итоги исследований черняховских памятников..., стр. 210—211, рис. 1, II.

Другим отличительным признаком позднескифских схлепов-катакомб является применение в их устройстве камня. В Золотой Балке кучи камней обозначали места входных ям, в Неаполе Скифском, кроме того, нередко камнями забивали входную яму-дромос (рис. 3, Ia). В Черняховских склепах камни применяли лишь для заложения входа в склеп.

Мы не имеем возможности сравнить в деталях позы погребенных ввиду разрушенности скелетов в склепах Черняховского могильника. Тем не менее предварительно намечаемым отличием позднескифских захоронений является более неустойчивое положение рук погребенных (рис. 3—4). В позднескифских погребениях был обычай, никогда не встречаемый в полях погребений, подкладывать под погребенного или только под голову плоские плитчатые среднего размера камни. Такие погребения отмечены и в Золотой Балке (рис. 3, V), и в Николаевке. Тело погребенного, видимо, в этих случаях не должно было по возможности соприкоснуться с землей. Не такой ли обычай породил у черняховцев очень, правда, редкий обряд захоронений на сосудах или иногда подкладывание их под голову? В Поднепровье нам известны только три случая захоронений на сосудах: погребение «вождя» на могильнике у Овчарни совхоза «Приднепровского» (№ 5); на могильнике возле Журавки Ольшанской (№ 39), где захоронение, видимо, принадлежало «жрице», и еще остатки богатого захоронения № 5. Таким образом, скорее всего так хоронили лишь каких-то особых членов общества.

Об очевидных различиях сопровождавшего инвентаря в Черняховских и позднескифских могильниках уже говорилось²⁶. Однако обратим внимание на типичность для черняховских склепов большого числа сосудов, в то время как скифские могилы, как правило, или вообще не имели керамики, или там ставили один-два, только иногда три сосуда возле одного скелета (рис. 3).

В черняховских могилах оружие является большой редкостью (копья, умбонь от щитов). У поздних скифов оно встречается гораздо чаще. Кроме наконечников копий (рис. 3, V), умершим клали наконечники стрел и мечи. Их находили при раскопках позднескифских некрополей нижнего Днестра и Крыма.

Позднескифские могилы резко отличаются от Черняховских большим количеством бус. Причем позднескифские женщины не только

²⁶ Э. А. Симонович. К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры, стр. 39—49.

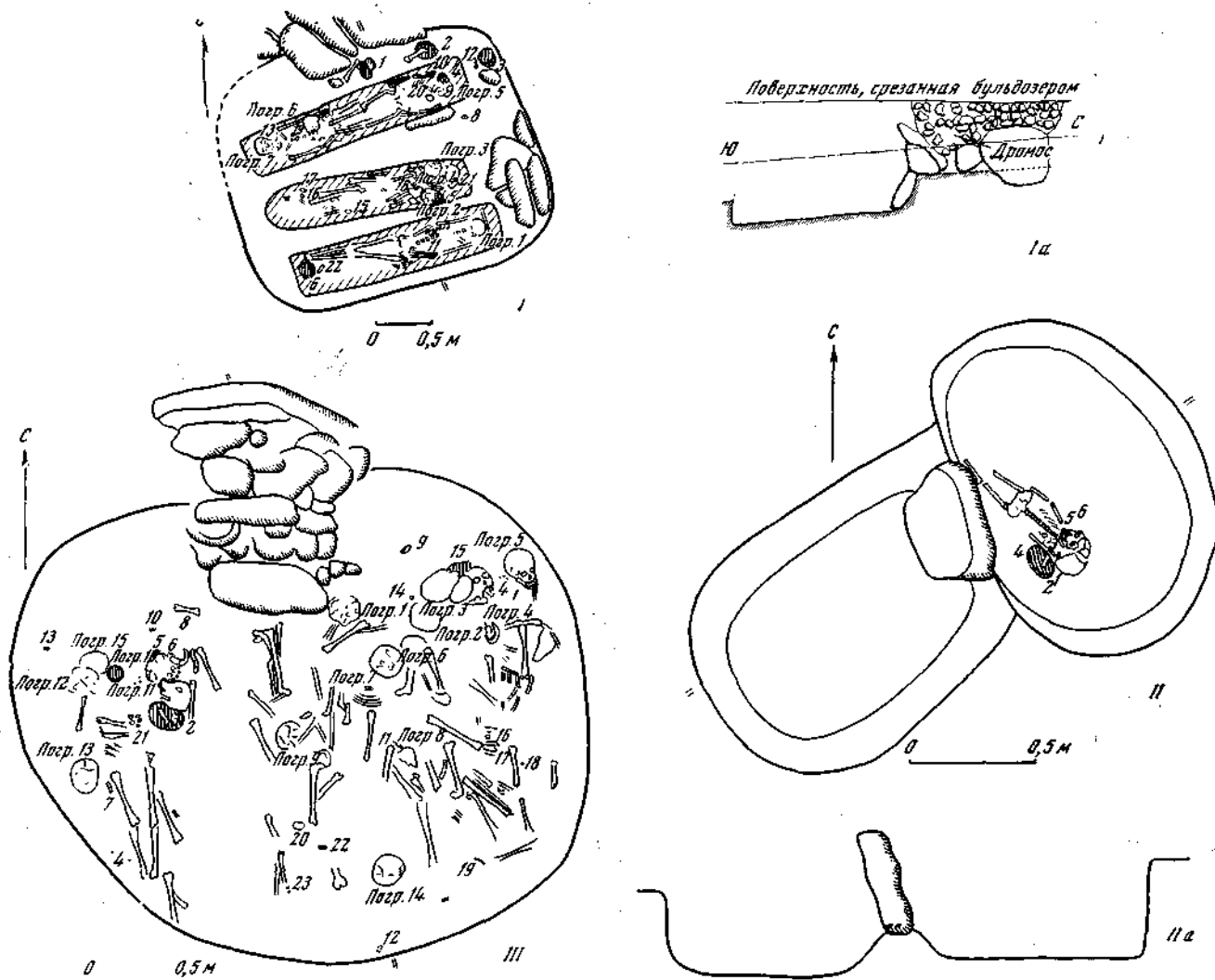
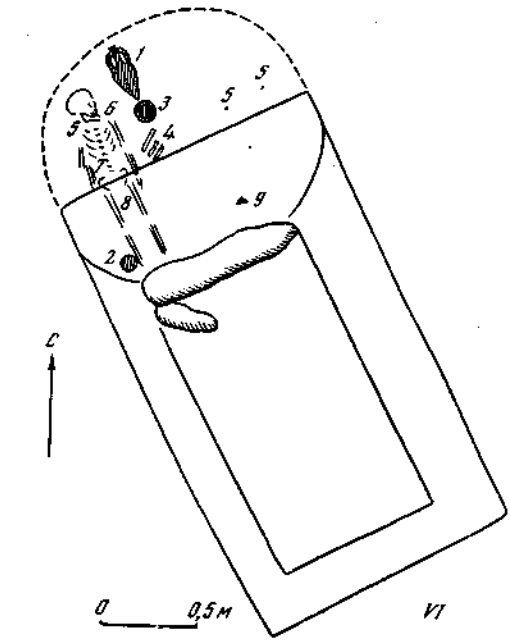
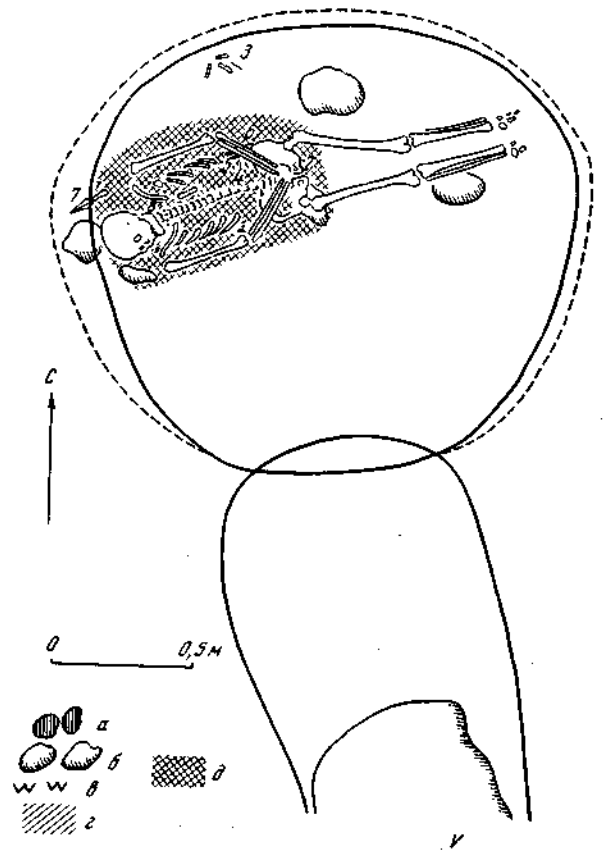
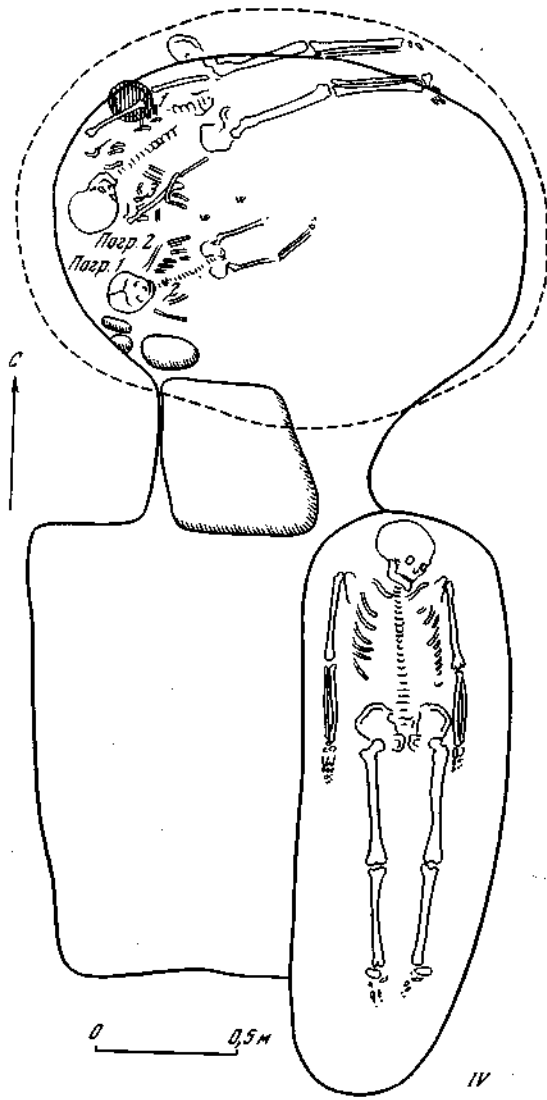

Рис. 3.

Планы и разрезы позднескифских могил и рисунки ведркообразных подвесок из могил Неаполя Скифского (I, Ia, III, VIIr, VIIд, VIIе), из Николаевич (II, IIa, VI, VIIa, VIIб), из Золотой Балки (IV, V, VIIв)

Условные обозначения: а — керамика; б — камни; в — угли; г — следы кошки; д — следы подмазки дна зеленоватой глиной; I, Ia — могила № 35: 1—6 — глиняные сосуды; 7 — бусы с ног; 8 — глиняное пряслице; 9—10 — бронзовые фибулы; 11 — бронзовый браслет; 12 — железный нож; 13 — железный стержень; 14 — бронзовая подвеска; 15 — бронзовый браслет; 16 — бронзовые монеты с отверстиями; 17 — обломки подвязной фибулы; 18 — обломки железной фибулы (?); 19 — обломки бронзовой фибулы; 20 — бусы с шеи; 21 — обломок нижней части гончарного сосуда; 22 — кости животных; II, IIa — могила № 51: 1 — лепная миска; 2 — кости мелкого рогатого скота; 3 — бронзовая фибула; 4 — бусы; 5 — бронзовая ведркообразная подвеска; 6 — бронзовая серьга; III — могила № 98: 1, 2 — глиняные сосуды; 3 — железный нож; 4 — бусы; 5 — бронзовый перстень; 6 — спиральное бронзовое кольцо; 7 — бронзовая фибула; 8 — кости животных; 9 — раковина; 10 — угольки; 11 — обломки бронзового кольца; 12 — бронзовая ведркообразная подвеска; 13 — обломки

железа; 14 — обломок стенки амфоры с просверленным отверстием; 15 — обломки лепного сосуда; 16 — железный предмет; 17 — бронзовый предмет; 18 — обломок бронзового предмета; 19 — обломок позднелатенской бронзовой фибулы; 20 — обломки бронзового браслета; 21 — обломки глиняного лепного лощеного сосуда; 22 — обломок железного ножа; 23 — куски кремня (2 штуки); IV — могила № 29 и отчасти перекрывавшая ее могила № 30: 1 — лепная миска; 2 — бусина; 3 — бронзовая фибула; V — могила № 26: 1—3 — обломки железных предметов; 4 — каменный брусок; 5 — обломок кремня; 6 — железный нож с остатками берестяных ножен; 7 — железный наконечник копья; 8 — бусы; 9 — две бронзовые ведркообразные подвески; VI — могила M₁ (по М. Эберту): 1 — амфора; 2 — лепной горшочек; 3 — гончарная сероглиняная миска; 4 — кости животного; 5 — бусы; 6 — две бронзовые фибулы; 7, 8 — четыре раковины; 9 — бронзовый ключик и без указания точного места находки глиняное пряслице и железный брелок (ведркообразная подвеска)

носили более богатые ожерелья, но и использовали бусы для обшивки подолов платьев, рукавов или обуви²⁷.

В целом комплексы Черняховского погребального инвентаря и по набору вещей, и типологически обычно отличимы от предметов из позднескифских могил (рис. 2).

На основании инвентаря могил можно проследить некоторые различия идеологических представлений населения обеих культур.

Небольшие зеркала сарматского типа, близкие по времени существования Черняховской эпохе, обыкновенно находят в могилах разбитыми, в то время как в более древний период большие зеркала прохоровского типа клали целиком. Возник ли обычай разбивания металлических зеркал под влиянием сарматов или явился следствием эволюции верований, в данном случае для нас не так важно и представляет интерес лишь в плане сравнения с Черняховскими памятниками.

Одной из немногих групп вещей, общей для позднескифского и Черняховского населения, являются металлические ведркообразные подвески. Сколько об этих вещах написано строк как о признаках проникновения германских племен, не поддается учету²⁸! В советской литературе версия о готском происхождении ведрок-подвесок была поддержана Ю. В. Кухаренко²⁹, мнение о заимствовании их от пшеворских племен высказал Э. А. Рикман³⁰. Более осторожно поступил Г. Б. Федоров, который вслед за Г. Коссиной повторил предположение о заимствовании таких подвесок готами от сармат³¹. Новые массовые находки на юге позволяют поставить вопрос о ведркообразных подвесках совершенно по-иному. В могильниках поздних скифов, преимущественно в погребениях I или I—II вв. н. э., такие подвески встречены многократно. Они

найлены в Николаевке (рис. 3, VIIa, б), в Золотой Балке (рис. 3, VII в.), в Неаполе Скифском. При этом разнообразны их формы из последнего могильника обращают внимание. Там мы видим не только одинарные, но и сдвоенные и учетверенные, более крупные и совсем маленькие подвесочки (рис. 3, VII г, д, е). Для установления их назначения показательна находка при одном из погребенных наибольшего земляного склепа Восточного могильника Неаполя Скифского. При женском погребении были обнаружены остатки кожаного мешочка «с тремя кольцами с выступами, двумя колокольчиками, двумя цилиндрическими украшенными пунсонными наколами ведркообразными подвесками и двумя зеркалами». Этот комплекс вещей связан с каким-то культом или магическими действиями³². Происхождение таких вещей очень неосторожно было бы связывать с одним этносом, тем более с германскими племенами. Как орудия труда, так и мода на украшения определенного типа в эпоху переселения народов чрезвычайно быстро распространялась среди разнотнических племен, и если уж искать истоки проникновения ведркообразных подвесок к черняховцам, то больше всего оснований предполагать их заимствование от местного населения, жившего здесь же в прошлом, а не в далеких северных или западных областях.

На скифо-сарматских памятниках известно, как и в черняховских могильниках, употребление в магических целях раковин³³.

Еще одну группу имеющего отношение к магии инвентаря представляют костяные четырехгранные подвески, украшенные циркуль-

²⁷ М. І. Вязьмітіна. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 199; Э. А. Симонович. Итоги новых работ на могильнике Неаполя Скифского в Крыму. КСОГАМ в 1961 г. Одесса, 1963, стр. 35—36.

²⁸ E. Blume. Die germanische Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. «Manns». Bibliothek, Nr 8. Leipzig, 1912, S. 97—98.

²⁹ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 82.

³⁰ Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 30.

³¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 146—147. Следует заметить, что Г. Коссина говорил не просто о сарматском происхождении ведркообразных подвесок, а о заимствовании их из сарматско-боспорской культуры. См. G. Kossina. Germanische Kultur im I. Jahrtausend. «Mannus-Bücherei», Nr. 50, Leipzig, 1939, S. 81—82.

³² Э. А. Симонович. Отчет о работах на Восточном участке некрополя Неаполя Скифского в 1957 г. (рукопись). Архив ИА АН СССР и ИА АН УССР.

³³ В древних скифских курганах раковины были встречены неоднократно, например на левобережье, см.: В. А. Ильинская. Скифы днепровского степного Левобережья. Киев, 1968, стр. 141, табл. XXXIV, 7; а также на правобережье, см.: Д. Т. Березовець. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та скифського часу в с. Кут. АП УРСР, т. IX, Київ, 1960, стр. 57; но подвески-раковины известны на ранних прохоровских памятниках сарматской культуры и в позднесарматских погребениях; см.: М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, вып. ДІ-10, 1963, табл. 32, 36, 37; Е. В. Махно. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янци. АП УРСР, т. IX, Кшв, 1960, стр. 24, рис. 12, 8, причем последняя находка по типу раковины более близка одной из характерных черняховских групп раковин-подвесок, ср.: Э. А. Симонович. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. СА, 1963, № 1, стр. 58, рис. 4, 2; он же. Стекланный кубок с надписью из-под Одессы. ВДИ, 1966, № 1, стр. 107.

ыми кружками. Две такие подвески были найдены в могиле № 38 из Коблева (рис. 2, —8). Решая вопрос о происхождении подобного рода вещей, мы, как нам кажется, должны будем занять компромиссную позицию в отношении к тому, что говорят об этих находках Г. Диакону и И. Вернер. Первый язывает их появление с коническими бусами-подвесками сармат³⁴. Второй основательно азбирает вопрос о восхождении их формы к так называемым «палицам Геракла» в античном мире, т. е. к своеобразной группе подвесок, но именно данную группу костяных пирамидальных подвесок склонен считать прищипкой германцам³⁵. Последнее положение Вернера нельзя признать приемлемым и даже логичным. Подвески в виде «палиц Геракла», имеющие истоки происхождения в античных областях, очевидно, получили распространение у разных народов. Потому именно так мог связывать с сарматами Г. Диакону, с германскими племенами — И. Вернер, по той же причине — одинаковой родины такие «палицы» в провинциально-римских областях и на эднескифских могильниках типа быв. Бизюльва монастыря, где обратил на них внимание еще В. И. Гошкевич. Культ героя Геракла в Причерноморье хорошо зафиксирован, и символ божественного героя — его палица, содействующая силу владельцу, должен был быть зрелым, превращенный в амулет-подвеску, ногими местными племенами, связанными с южными узлами с культурами юга.

Удивительные результаты поисков происхождения обычая бросать в могилы черепахало сопоставление скифской и черняховской культур. Такое явно магическое действие впервые было отмечено на могильнике у овчарни совхоза «Приднепровского», а затем было подтверждено находками на среднем Днепре, о чем мне любезно было сообщено В. Д. Дьяченко³⁶. При вскрытии в Николаевке двух могил (№ 38 и 40) были отмечены находки скелетов черепах: в первом случае — в самой могиле, во втором — во входной яме. Слу-

чайное попадание исключено. Вероятно, корни подобного обычая уходят глубоко. В курганном нижнеднепровском могильнике в с. Кут, правда, в потревоженном погребении, «близ северо-восточной стены ямы на глубине 1,2 м в кучке пепла и мелкого угля лежал панцирь черепахи»³⁷. Очевидна древность захоронения, но невыразительность находок не позволила автору раскопок точно датировать погребение, которое, по его мнению, должно относиться к скифскому или сарматскому времени. Из пяти обнаруженных в кургане костяков один принадлежал раннесарматской эпохе, другие были скифскими. Со слов К. Ф. Смирнова нам известны случаи нахождения черепах и в древних сарматских могилах³⁸. Таким образом, теперь стало ясно, что, по-видимому, от скифосарматских племен проник этот обычай к черняховцам.

Сравнение ряда характерных деталей позднескифской и черняховской культур говорит об определенном вкладе первой в развитие культуры полей погребений. Причем не столь важны заимствования в области керамики или бытовых вещей и орудий труда, сколь показательны связи в области идеологических представлений, проявляющиеся в заимствовании форм могильных сооружений (склепы-катакомбы на черняховском могильнике в Коблеве), использовании вещей и обычаев, связанных с магией и погребальным ритуалом. Аналогична также подмазка дна могил зеленоватой глиной, нахождение в позднескифских и Черняховских могилах скелетов черепах, специфических подвесок — оберегов или амулетов. Заимствования в области духовной культуры не могут быть молниеносными и подразумевают длительный период сосуществования и взаимообщения племен. Не исключаются и смешанные браки, возможно отразившиеся на некоторой специфике антропологического типа нижнеднепровского населения черняховской эпохи. Вопрос об ассимиляции позднескифского населения пришельцами с севера требует внимательного изучения. В то же время сравнение тех и других комплексов культур во всех деталях в целом показывает различные истоки их происхождения и достаточную специфику, позволяющую сразу же заметить и выделить инородные для данной общности вкрапления.

³⁴ G. Diaconu. Despre pandantivele prismatice de os din necropola de la Tîrgşor. SCIV, 1962, Anul XIII, Bucureşti, p. 444.

³⁵ J. Werner. Herkuleskeule und Donar-Amulett. «Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz», Jh. 11, Mainz, 1964, S. 176—198.

³⁶ В. Д. Дьяченко приношу свою благодарность за сообщение; с нижнеднепровских находок черепах в могилах и интерпретации этого обычая см.: Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза «Приднепровского» на нижнем Днепре. МИА, № 82, 1960, стр. 206, рис. 14; он же. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху, стр. 58.

³⁷ Д. Т. Березовец. Указ. соч., стр. 41.

³⁸ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, № 60, 1959, стр. 220.

Сопоставление позднескифской культуры с Черняховской позволяет сделать чрезвычайно важные наблюдения в разработке их хронологии. При установлении перечисленных выше явных черт общности невозможным становится принять крайние датировки обеих культур. В самом деле, каким образом на позднескифских городищах могла оказаться в значительных количествах Черняховская керамика и одинаковые с Черняховской культурой типы узкогорлых светлоглиняных амфор, даже на столь раннем памятнике, как Золотая Балка, не говоря уже об отмеченных чертах сходства в материалах могильников? Если допустить существование Черняховской культуры лишь во второй половине III—IV в. н. э., как думают специалисты не только в Румынии, но и некоторые советские археологи, описанные черты сходства проследить было бы невозможно. Ведь большинство позднескифских памятников принято считать погибающими где-то в первой трети или даже в середине III в. н. э., связывая эти события с приходом готов³⁹. Если принять мнение о принадлежности Черняховской культуры в основном готам, то как и когда, уничтожая позднескифские поселения и городища, они могли что-то воспринять и заимствовать в области культуры и даже идеологии. Логическое противоречие приводит к мысли о необходимости или отнестись продолжительность жизни многих, если не всех, позднескифских памятников к более поздним временам, или же, что вероятнее, считать черняховскую культуру возникшей до прихода готов и сосуществовавшей с городищами поздних скифов на нижнем Днепре уже со II в. н. э.

Небезынтересны в хронологическом плане также наблюдения над монетными кладами, зарытыми в большинстве случаев во второй половине II—III в. н. э. Это обстоятельство дало повод Ю. В. Кухаренко в период, когда он признавал черняховскую культуру происходящей от скифов, писать, что «косвенным доказательством в пользу местного, скифского происхождения Черняховской культуры является факт зарытия большинства кладов римских монет именно в момент появления готов и славян...»⁴⁰. Однако, как не раз уже отмечалось исследователями, область распространения римских денариев совпадает с территорией Черняховских племен⁴¹, далеко заходя

за пределы собственно Скифии на север и запад⁴². При этом, как оказывается, «в степи римских монет найдено очень мало» и «по-видимому, скифо-сарматские племена Нижнего Поднепровья не употребляли римскую монету в торговле»...⁴³ Противоречие фактов выводит Ю. В. Кухаренко очевидно. Возникает другой вопрос, касающийся уже собственно датировок культуры полей погребений Черняховского типа. Каким образом с нею могут быть связаны клады, значительная часть которых датируется II в. н. э.⁴⁴, т. е. временем, по мнению некоторых, предшествующим появлению черняховской культуры. Говорят: монеты могли быть в обращении долгое время, что подтверждается, правда, не столь уж частыми для Поднепровья находками ранних монет I—II вв. н. э. в составе кладов III—IV вв. н. э.⁴⁵ Однако этот факт не уничтожает датирующего значения римских монет, во всяком случае фиксирующих границу данного явления «не ранее, чем...». Нумизматы всегда четко разделяют вопрос об эмиссии, распространении денежных знаков и времени их обращения. Е. Веловойский, рецензируя советские работы, посвященные римским монетам, справедливо критиковал В. В. Кропоткина за смешение обеих вышеуказанных сторон⁴⁶. У виднейших польских ученых, работавших в области римской нумизматики, не вызывает сомнений то обстоятельство, что денарии проникали на польские земли вскоре после их чеканки, при этом кульминация распространения монет относится именно ко II в. н. э. (М. Гумовски, А. Кжижановска, С. Табачински и др.⁴⁷).

римских монет на территории СССР. САИ, вып. Г4-4, 1961, стр. 14.

⁴² Е. В. Махно. Памятники Черняховской культуры на территории СССР. МИА, № 82, 1960, стр. 9—83; Э. А. Сымонович. Северная граница памятников черняховской культуры. МИА, № 116, 1964, стр. 7—43.

⁴³ В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, стр. 26.

⁴⁴ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 28.

⁴⁵ М. Ю. Брайчевський. Час обігу римської монети в антському суспільстві. «Археологія», т. VI Київ, 1952, стр. 77—78. Автор для Украины называет лишь 12 смешанных кладов подобного рода, причем 10 из них относятся к западным областям и к поднепровским находкам отношения не имеют.

⁴⁶ J. Wielowiejski. Badania nad monetami rzymskimi w Związku Radzieckim. «Wiadomości numizmatyczne», т. VI, zesz. 2, Warszawa, 1962, s. 76.

⁴⁷ M. Gumowski. Moneta rzymska w Polsce. «Przegląd archeologiczny», т. X, r. 29—31, Poznań, 1958, s. 250; A. Krzyżanowska. Skarb denarów rzymskich z Golu-bia nad Drwęcą. «Wiadomości numizmatyczne», т. IV, zesz. 3, Warszawa, 1960, s. 206; S. Tabaszynski.

³⁹ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 237.

⁴⁰ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 64.

⁴¹ М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території України. Київ, 1959, стр. 19; В. В. Кропоткин. Клады

Массаи попадали на земли Украины римские монеты также в период, близкий их чеканке. Монеты поступали на Украину наиболее интенсивно во II — начале III в. н. э., выключаясь из живого денежного обращения. Наибольшее распространение они, таким образом, получают на южных землях СССР до прихода и, во всяком случае, до массовых походов готов.

Широкая зона распространения кладов этого времени, превышающая намного области, занятые позднескифскими памятниками, и редкость на них находок римских денариев не позволяют связывать монетные находки с

Z dziejów pieniądza na ziemiach Polski w okresie ła-
teńskim i rzymskim. «Archeologia Polski», t. II, zes. I,
Warszawa — Wrocław, 1958, s. 47—48.

А. М. Лесков ПРЕДСКИФСКИЙ ПЕРИОД В СТЕПЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Для решения проблемы происхождения скифов большое значение имеют памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа причерноморских степей. Необходимость мобилизации этого материала особенно остро ощущается сейчас, после недавнего появления ряда монографических работ, дающих всестороннюю характеристику предскифского периода на соседних территориях — Северном Кавказе (Е. И. Крупнов), в лесостепном Поднепровье (А. И. Тереножкин), Молдавии (А. И. Мелюкова), горном Крыму (А. М. Лесков). Благодаря крупным новостроечным экспедициям, проведенным в последние годы в степях Причерноморья, и привлечению всех старых собраний появилась возможность значительно подробнее, чем это делалось до сих пор, охарактеризовать эпоху поздней бронзы на интересующей нас территории. Прежде всего был поставлен совершенно по-иному вопрос о времени смены катакомбной культуры срубной, установлено, что эта смена происходит не в конце II тысячелетия до н. э., как считалось ранее (О. А. Кривцова-Гракова, Т. Б. Попова и др.), а в его середине, и с этого времени до конца эпохи бронзы в причерноморских степях идет сложный процесс развития срубной культуры, известной по па-

культурой скифов. С другой стороны, совпадение зоны распространения римских монет как раннего, так и более позднего чекана с культурой полей погребений заставляет видеть в торговых партнерах провинциально-римских земель черняховское население. Оно уже во II—III вв. н. э. проникло в области степного юга и вступило в сношения с позднескифскими племенами, вероятно посредничавшими в торговле с югом. Скорее всего в результате мирного взаимообщения черняховские племена многое заимствуют от давних жителей степей в период, предшествующий походам восточных германцев.

Фиксация фактов культурных и отчасти этнических связей позднескифского степного населения и черняховцев имеет существенное значение для правильного понимания исторических судеб и развития племен юга СССР.

мятникам ранней поры, а затем сабастиновского и белозерского этапов¹.

Как известно, племена срубной культуры и скифов исследователи считают носителями североиранского этнического элемента (В. И. Абаев, Б. В. Горнунг, Б. Н. Граков и др.). Таким образом, установление даты старейших памятников срубной культуры в причерноморских степях помогает решить вопрос о времени проникновения сюда иранского этнического элемента*.

В этой связи очень важны последние исследования В. И. Абаева, приведшие его к выводу о том, что на юге России иранский эле-

¹ А. М. Лесков. Начало срубной культуры в причерноморских степях. «Тезисы докладов пленума Института археологии 1966 г.» М., 1966, стр. 16—17; *он же*. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 15 и сл.

* *Прим. ред.*: Выказанный здесь тезис отражает точку зрения автора и редакцией не разделяется. Что касается ссылки на языковедов, особенно на В. И. Абаева, то точка зрения последнего по этому вопросу представляется иной. См. его статью в настоящем сборнике.

мент появляется не позднее второй половины II тысячелетия до н.э.² Мы считаем, что археологические материалы позволяют уточнить эту дату в пределах XV—XIV вв. до н. э.

Исходя из хронологии предскифского периода, разработанной А. И. Тереножкиным, XIII—XII вв. до н. э. датируются многочисленные памятники сабашиновского этапа³, занимающие причерноморские степи от низовьев Дона до днестровского правобережья. Позднее здесь известны памятники белозерского этапа, позднеархаической культуры. Это позднейшая ступень бронзового века, непосредственно смыкающаяся с ранним железным веком, когда на юге Восточной Европы появляются богатые погребения конных воинов (Симферополь, Черногоровка, Камышеваха, Малая Цымбалка, Носачево и др.). Инвентарь этих погребений позволил исследователям объединить их в группу памятников «типа Новочеркасского клада» (по месту известной находки, 1939 г.)⁴ и датировать VIII — первой половиной VII в. до н. э.

Памятники типа Новочеркасского клада исследователи связывают с киммерийцами или скифами⁵. Вот почему необходимо по возможности подробно познакомиться с культурным комплексом белозерского этапа позднеархаической культуры, датированным А. И. Тереножкиным XI—IX вв. до н. э.⁶

Хотя белозерские памятники (поселения, могильники, мастерские литейщиков) известны меньше, чем сабашиновских, занимают они ту же территорию. Лучше других поселений исследованы Анатолевка, Бабино IV, Белозерка, Змеевка, Ушкалка (верхний слой) и Кирово (верхний слой), а также Кобяково на Дону и Тудорово на Днестре.

² В. И. Абаев. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. «Тезисы докладов на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии». М., 1967, стр. 30.

³ А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, № 1, 1965, стр. 69.

⁴ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 49, сл.; Е. И. Крупное. Жемталинский клад. М., 1952; А. И. Тереножкин. Киммерийцы. «Тезисы докладов на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук». М., 1964.

⁵ А. И. Тереножкин. Киммерийцы, стр. 6 и сл.; А. А. Шепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИИ, вып. 12, Киев, 1962, стр. 57 и сл.; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках..., стр. 103—110; он же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, М., 1954, стр. 129—131.

⁶ А. И. Тереножкин. Основы хронологии..., стр. 75.

Погребения белозерского этапа в курганах обычно впускные, реже они являются основными. Среди последних наиболее известны Широкий и Лукьяновский курганы на Херсонщине. К белозерскому времени относятся и грунтовые могильники (Федоровский, Змеевский, Широфанский). Важными памятниками белозерского этапа являются литейные мастерские. Самые крупные среди них — Заводская и Кардашинка I.

Подобно сабашиновским, белозерские поселения также располагаются на невысоких надпойменных террасах. Толщина культурного слоя невелика — от 0,4 до 0,8 м. На поселениях открыты жилища в виде землянок (Белозерка и Бабино IV), полуземлянок (Ушкалка) или наземных построек с каменными основаниями стен (Анатолевка, Змеевка). Пол в жилищах был земляной, реже глинобитный. В помещениях часто встречаются очаги с каменным подом.

Сравнительное изучение погребений сабашиновского и белозерского этапов показало, что погребальный обряд не претерпевает серьезных изменений. По-прежнему редко попадаются курганы с основными погребениями белозерской поры, хотя благодаря последним раскопкам на юге Херсонщины количество таких курганов выросло⁷. Наибольшее количество впускных белозерских погребений встречено в курганах Херсонщины, Запорожщины и Крыма. Среди грунтовых могильников отметим Змеевский, который непосредственно связан с поселением и характеризуется каменными закладами, и Широфанский могильник, исследованный нами в 1961—1963 гг. близ с. Широкое Скадовского района Херсонской области. Здесь на равнине на площади более гектара было раскрыто 130 погребений, большая часть которых группируется в несколько рядов, вытянутых с запада на восток. Обряд погребения очень устойчив. Всех умерших хоронили в скорченном положении на боку, головой на юг. Несколько могильных ям отличаются сравнительно крупными размерами и квадратной формой. Они были перекрыты слоем камки и деревянным накатником, опирающимся на четыре столбика, вкопанных по углам могильной ямы. Инвентарь не богат и состоит главным образом из керамики и украшений, изготовленных из кости, бронзы, стекловидной пасты, гешира. В од-

⁷ Имеются в виду раскопки И. Д. Ратнера в Каланчакском районе (1962—1964 гг.) и наши работы в Скадовском (1961—1963 гг.) и Каховском (1968—1970 гг.) районах Херсонской области.

ной из могил оказались золотые витые пронизки. Эта находка объясняет, почему многие погребения белозерского этапа были ограблены еще в древности. Изменения в погребальном обряде белозерского этапа коснулись главным образом ориентировки погребенных и их положения. К рассмотрению этих погребений мы еще вернемся.

В отличие от предшествующих этапов развития срубной культуры к белозерскому времени нельзя отнести ни одного клада бронзовых изделий. Зато большинство мастерских литейщиков, известных в причерноморских степях, датируется белозерским временем⁸. Наиболее архаичной из них нам представляется Ново-Александровская⁹. Здесь изготавливали долота, наконечники копий, кинжалы, кельты четырех типов и некоторые украшения.

Самая крупная литейная мастерская белозерского этапа была обнаружена в 1962 г. близ с. Завадовка на Херсонщине¹⁰. Одиннадцать матриц из Завадовки служили для отливки наконечников копий, кинжалов, булавок и различных типов кельтов. Ближе всего к завадовской мастерской стоит солохская, опубликованная О. А. Кривцовой-Граковой¹¹. Здесь изготавливали кельты, наконечники копий, булавки тех же типов, что и в завадовской мастерской, и, кроме того, наконечники гарпунов. Еще три мастерские белозерского этапа были найдены у с. Кардашинка (Кардашинка I, II, III) на Херсонщине. В них отливали кельты, кинжалы разных типов, втульчатые долота, различные украшения¹².

В результате многолетних исследований накоплен большой разнообразный материал, характерный для белозерского этапа позднесрубной культуры (рис. 1; 2). Основное количество находок составляет керамика. Не случайно поэтому именно керамика послужила основой для выделения двух хронологических ступеней позднесрубной культуры в причер-

номорских степях — сабаатиновской и белоаерской. Между тем общность ряда керамических типов и фрагментарность материала зачастую не позволяли уверенно датировать тот или иной памятник. Положение усугублялось отсутствием единой методики классификации лепной керамики как основного массового материала¹³. Для создания такой методики были взяты материалы двухслойного Кировского поселения (Восточный Крым), исследованного нами в течение шести полевых сезонов. Керамический комплекс Кировского поселения был подвергнут классификации и статистическому анализу, проведенному с учетом возможностей 80-колонной перфокарты и комплексно-счетно-аналитических машин лаборатории структурной типологии МГУ (руководитель работ Д. В. Деопик). Удалось установить не только общность единого сабаатиновско-белозерского керамического комплекса в целом, но и показать, как изменяется во времени процентное соотношение разных типов посуды. Поэтому, характеризуя керамические типы белозерского этапа (рис. 3), представляется необходимым, во-первых, описать сами формы посуды и, во-вторых, указать их процентное соотношение в сабаатиновских и белозерских слоях с тем, чтобы выяснить тенденции в развитии позднесрубной керамики. Надежность такой характеристики керамики опирается также на результаты обычной археологической классификации керамических комплексов, происходящих из основных позднесрубных поселений причерноморских степей (Пересадовка, Обиточная 12, Ушкалка, Сабаатиновка, Анатолевка, Белозерка, Змеевка), в целом подтверждающих выводы, сделанные на материалах Кирово, хотя, безусловно, некоторые локальные отличия имеют место¹⁴. По технике обработки поверхности белозерская керамика делится на простую и лощеную, или заглаженную. По функциональному назначению она представлена кухонной, столовой и тарой, причем столовая посуда отличается лощеной или хорошо заглаженной поверхностью, а кухонная посуда и тара в подавляющем большинстве характеризуется грубой поверхностью.

Простая керамика представлена тремя типами банок, сосудами так называемого пере-

⁸ А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 176.

⁹ А. В. Добровольський. Ново-Олександрівська знахідка. «Літопис Херсонського історико-археологічного музею», вип. 2. Херсон, 1929, стр. 29—30; *он же*. Галькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини. «Археологія», т. IV. Київ, 1950, стр. 163—170.

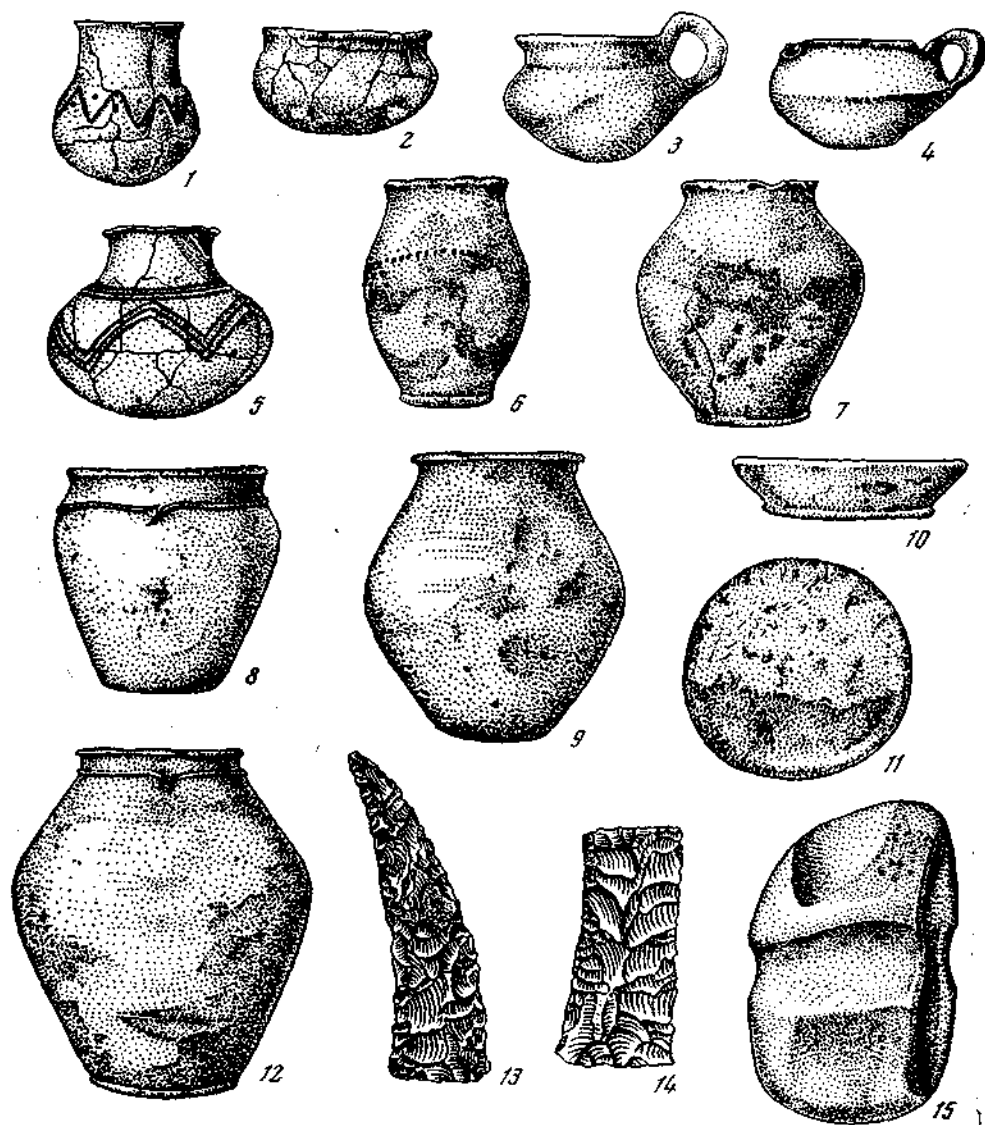
¹⁰ А. М. Лесков. Новая мастерская литейщика эпохи поздней бронзы на Херсонщине. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 63—66.

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 133, рис. 34, 33—35.

¹² Там же, стр. 138 и сл.

¹³ Д. В. Деопик. Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения эпохи бронзы в с. Кирово. «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970, стр. 60 и сл.

¹⁴ Изложенная ниже классификация керамики является итогом совместных работ автора и Д. В. Деопика.

с. 1.
Керамика и изделия из камня **белозерского** этапа
1—6 — Широкое; 7—15 — Кирово

ходного типа и четырьмя типами горшков.

Первый тип банок имеет прямые, слегка расширяющиеся стенки к закругленному или уплощенному краю. У части банок верх бывает чуть загнутым внутрь. Банки первого типа почти никогда не украшаются (рис. 3, 10, 11).

Второй тип банок отличается от первого едва намеченной или слабовыраженной шейкой. Край чаще всего плоский, за счет чего иногда образуется закраина (гребень), выступающая наружу. Орнамент встречается крайне редко (рис. 3, 8, 9).

Третий тип банок характеризуется выпянутым слабовыпуклым туловом без выраженного плеча. Шейка выделена более четко, уплощенный массивный край обычно нависает наружу, отличая банки третьего типа от первых двух. Банки этого типа украшены наlepным массивным валиком, опоясывающим сосуд в 1—2 см от края. В сечении валик, как правило, подтреугольный. Чаще всего по валику проходят вдавления, нанесенные обычно пальцем (рис. 3, 6), реже заостренной палочкой, очень редко встречаются банки с гладким валиком.

Банки всех трех типов являются основным видом посуды сабаиновского этапа. Так, 54,1% сабаиновского керамического комплекса из Кирово составляют банки (из них 20,4% банки третьего типа).

В то же время в белозерском слое Кирово баночные сосуды всех трех типов составляют лишь 21,2%.

Важнейшим результатом статистического изучения керамики Кировского поселения является выделение сосудов переходного типа, который типологически восходит к банкам третьего типа и предшествует горшкам первого типа — ведущей формы посуды белозерского этапа.

Переходный тип сосудов (рис. 3, 4) характеризуется дальнейшим выделением шейки, за счет чего появляется слабая отогнутость края. Тулово слегка округляется. Эти сосуды всегда украшены наклепным валиком, расположенным в месте перехода шейки в тулово. Однако валик уже теряет массивность, становится в сечении треугольным; хотя по-прежнему наиболее распространен валик с пальцевыми вдавлениями, увеличивается количество сосудов с гладким валиком и особенно с валиком, расчлененным острой палочкой. Появляются насечки по валику, выполненные зубчатым штампом. Судя по материалам Кировского поселения, сосуды переходного типа в белозерском слое встречаются почти вдвое больше, чем в сабаиновском (соответственно 8,5 и 4,6%).

Наиболее распространенной формой простой керамики белозерского этапа являются горшки четырех типов.

Первый тип (рис. 3, 1—2) характеризуется выпуклым туловом, обычно невысокой шейкой и отогнутым краем. Между собой горшки первого типа различаются по форме тулова — наибольший диаметр приходится или на верхнюю треть сосуда, или на середину его высоты. В отличие от сосудов переходных горшки первого типа украшаются далеко не всегда, а сам орнамент становится более разнообразным. Все же большая часть горшков украшена наклепными валиками, опоясывающими сосуды в месте перехода шейки в тулово. В сечении валики треугольны, часто свисают «усиками» (одним или двумя). Заметно возрастает количество сосудов с гладким валиком, однако чаще всего встречаются сосуды, у которых валики украшены насечками, сделанными заостренной палочкой, зубчатым штампом и очень редко пальцевыми вдавлениями. Часть горшков первого типа украшена по плечикам (там, где обычно располагается

валик) или по уплощенному краю линиями насечек или отпечатков зубчатого штампа.

Второй тип горшков имеет короткий прямой венчик, соединяющийся с шаровидным или биконическим туловом под углом порядка 45—70° (рис. 3, 7).

Третий тип горшков характеризуется плавным переходом короткой шейки в округлое тулово. Край сосуда слабо отогнут. В месте отгиба утолщен, наружный край заострен (рис. 3, 5).

Четвертый тип горшков известен лишь по обломкам венчиков высоких, прямых, часто с заостренным краем и четко выраженным переходом в тулово сосуда (рис. 3, 3).

Горшки второго, третьего и четвертого типов, как правило, не орнаментированы.

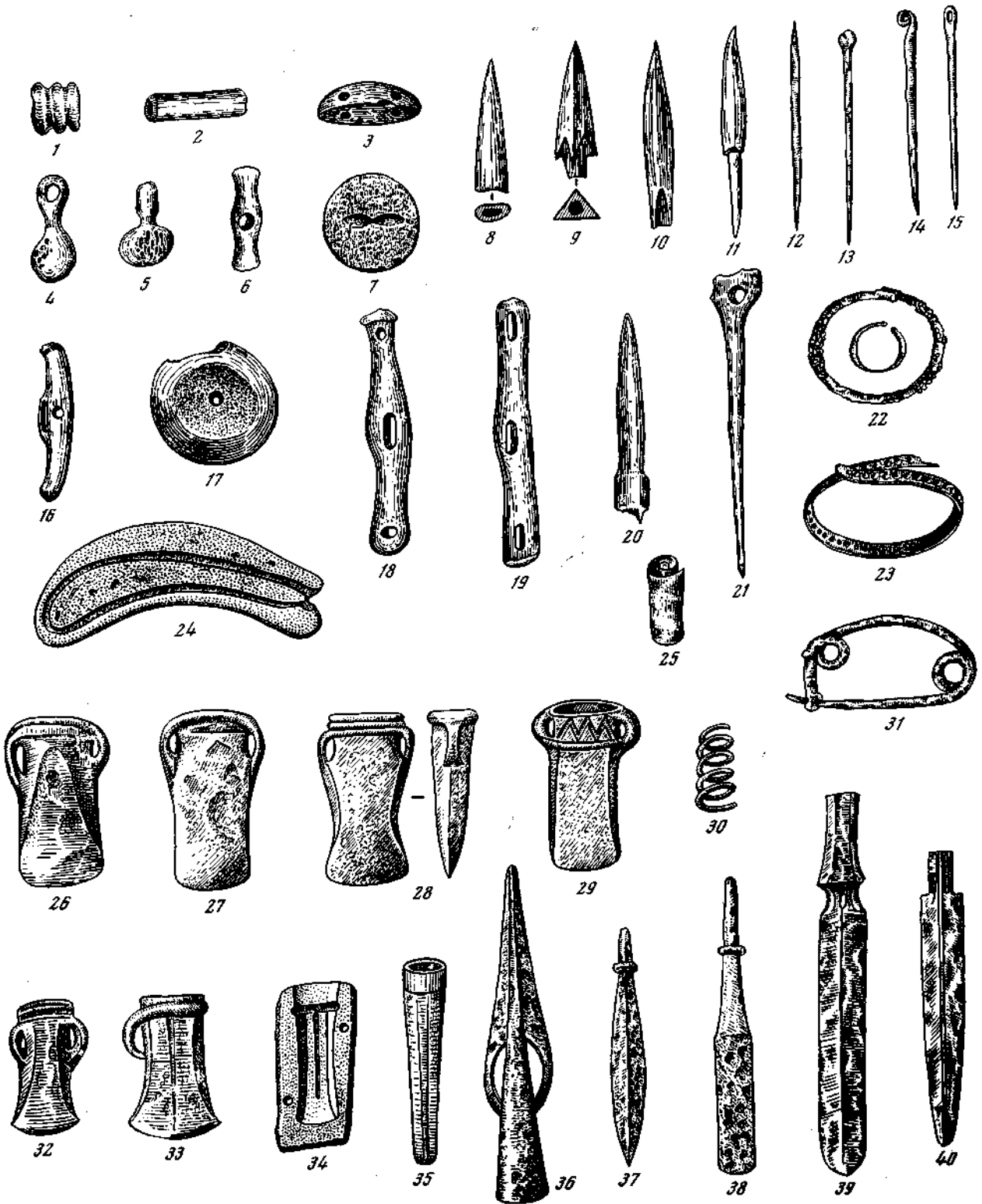
Суммируя описание горшков всех типов, отметим, что по материалам Кировского поселения они составляют 58,4% всего керамического комплекса белозерского слоя, а в сабаиновском слое горшки составляют лишь 32,9%. Если при этом учесть, что горшки второго и четвертого типов не обнаруживают тенденции к количественному изменению в сравниваемых слоях и поэтому могут быть исключены из сравнения, то картина получается еще более разительная. Так, горшки переходного, первого и третьего типов составляют 41,5% керамики белозерского слоя, а в сабаиновском слое эти же типы дадут лишь 18,9%.

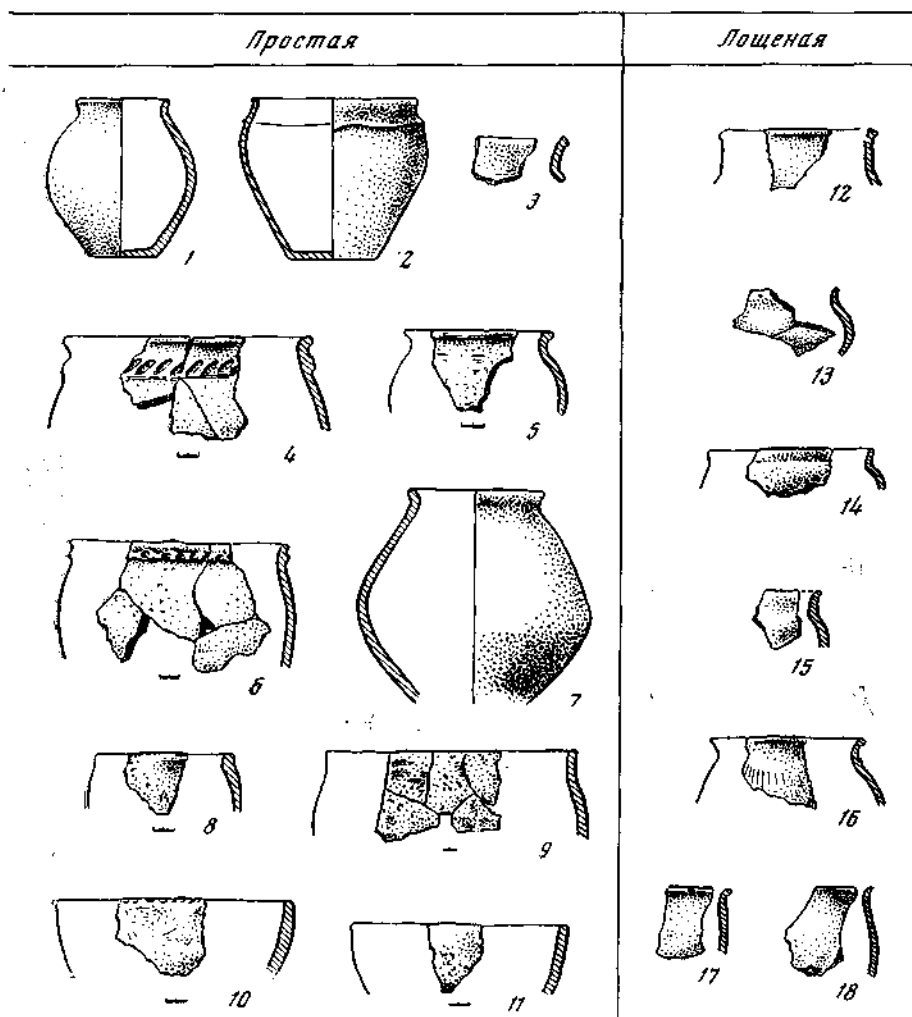
Комплекс простой кухонной керамики белозерского этапа дополняют жаровни, встречающиеся чаще, чем в предшествующее время, крышки и глубокие миски с прямыми или слегка загнутыми внутрь стенками.

Особую группу керамики составляют корчаги. Это крупные толстостенные сосуды, у которых диаметр венчика и дна почти одинаков. Тулово их шаровидное или биконическое, плавно переходящее в постепенно суживающийся венчик. Край бывает прямой или отогнутый. В белозерское время корчаги встречаются так же редко, как и в сабаиновское, однако теперь наряду с лощеными или хорошо заглаженными корчагами появляются с грубой шероховатой поверхностью, не отличающиеся по обработке от кухонных горшков. Такие корчаги и украшаются подобно горшкам — наклепным расчлененным насечками валиком с опущенными вниз концами.

Лощеная керамика представлена в основном небольшими столовыми сосудами. На белозерском этапе лощеная керамика встречается чаще, чем на сабаиновском. Так, в белозерском слое Кировского поселения лощеная посуда составляет 13,2% всей кера-

Рис. 3.
 Основные типы **позднеархаичной** керамики Причерноморья (по материалам Кировского поселения
 1, 2 — горшки первого типа; 3 — горшок четвертого типа; 4 — горшок переходного типа; 5 — горшок
 третьего типа; 6 — банка третьего типа; 7 — горшок второго типа; 8, 9 — банки второго типа; 10, 11 —
 банки первого типа; 12 — кубок пятого типа; 13 — кубок третьего типа; 14 — кубок второго типа;
 15, 16 — кубок четвертого типа; 17, 18 — кубок первого типа

Рис. 2.
 Типы металлических и костяных изделий белозерского этапа
 1, 3—5, 14, 22, 23, 25, 30, 31 — Широкое; 2, 6, 7, 9—12, 15—17, 20, 21 — Кирово; 8 — Берислав; 13, 35 —
 Кардашинка I; 18 — Деревка; 19 — Усатово; 24 — Черноморка; 26 — Витачев; 27, 32 — быв. Киевская
 и Подольская губ.; 28 — место находки неизвестно; 29 — Хопровское городище; 33, 34, 36, 40 — За-
 вадовка; 37 — Ново-Александровка; 38 — Широкий курган; 39 — окраина г. Херсона; 1, 11, 16—21 —
 кость; 13, 33, 35—37, 40 — по негативам литейных форм; 24, 34 — каменные литейные формы; 12, 14,
 15, 22, 23, 25—32, 39 — бронза; 40 — бронза (черешок), железо (лезвие)

мики, а в сабастиновском слое — 10,4%. Расширяется и ее ассортимент. Наряду с черпаками, вазами, кубками, мисками в белозерское время распространены круглотелые горшки, цилиндрические сосуды с шаровидным туловом и округлым дном.

Наиболее полное представление о формах лощеной посуды белозерского этапа дают находки в Широфанском могильнике. Самой распространенной формой являются кубки, а не черпаки, как на сабастиновском этапе. Это подтверждают и материалы из Кирово, где в белозерском слое наряду с увеличением количества лощеной посуды уменьшается число ручек от черпаков и ваз. Различаются ручки и по формам: в отличие от сабастиновских ручки белозерского этапа невелики, сделаны сравнительно небрежно, без продольных ложбинок, не имеют шишек на изгибе, в сечении круглые, граненые или овальные. Кубки представлены пятью типами.

Первый тип кубков отличается слабовыпуклым удлиненным туловом, плавно переходящим в отогнутый венчик (рис. 3, 17, 18).

Второй тип — это кубки с округлым туловом, переходящим в короткий прямой венчик (рис. 3, 14).

Третий тип кубков имеет шаровидное тулово и невысокий хорошо отогнутый венчик (рис. 3, 13).

Четвертый тип кубков характеризуется округлыми боками, выделенным плечом, прямой шейкой, переходящей в отогнутый край (рис. 3, 15, 16).

Пятый тип кубков — с цилиндрической шейкой (рис. 3, 12), шаровидным туловом и округлым дном — отличается от сосудов такой же формы лишь миниатюрными размерами. Между собой кубки различаются длиной шейки и соответственно степенью сдавленности тулова ко дну.

Сравнительно редко встречаемые черпаки белозерского этапа отличаются от кубков первого, второго и пятого типов лишь наличием небольшой ручки (рис. 1, 3, 4). Также редки миски — неглубокие, с отогнутым краем. Ваза такой же формы с двумя небольшими ручками найдена в Широфанском могильнике.

Лощеная керамика белозерского этапа орнаментируется значительно чаще, чем сабастиновская. Причем орнаментальные мотивы — обычно геометрические налеты, образующие треугольники, параллельно идущие каннелюры, зигзаги, треугольники, нанесенные резными линиями и зубчатым штампом, а на Кобыковом поселении нередко отпечатки веревки.

В итоге изучения металлических изделий и

литейных форм эпохи поздней бронзы, найденных в Северном Причерноморье, установления подлинного состава ряда комплексов. (Малые Копани, Кардашинка I, Кривой Кут, Райгородок), появления новых важных находок (Завадовская мастерская, Ингульский клад) удалось выделить комплекс бронзовых изделий, типичных для белозерского этапа¹⁵. Однако прежде чем перейти к описанию изделий, необходимо отметить особое значение Ново-Александровской мастерской, где одновременно изготовлялись вещи сабастиновского и белозерского этапов¹⁶. Этот факт позволил отнести Ново-Александровскую мастерскую к переходному времени и проследить типологические изменения некоторых изделий от сабастиновского этапа к белозерскому. Комплекс металлических изделий, характерный для самого конца II (Ново-Александровка) и первых столетий I тысячелетия до н. э. (собственно белозерское время), состоит из орудий труда, предметов вооружения и украшений. Орудия труда представлены кельтами, долотами, серпами, ножами, шильями¹⁷.

Кельты делятся по количеству ушек на двуушковые, одноушковые, безушковые.

К переходному времени от сабастиновского этапа к белозерскому относятся три типа двуушковых кельтов: 1) овальные в сечении кельты с прямыми боками хорошо известны в сабастиновское время; 2) кельты с арковидным рельефом на широкой плоскости, но в отличие от сабастиновских уже с двумя ушками. В этой группе особенно интересны несколько кельтов, у которых арковидные рельефы сочетаются с лавролистными рельефами на боковых гранях; 3) появляются кельты с лавролистными рельефами на боковых гранях — типичное орудие собственно белозерского этапа.

Еще три типа двуушковых кельтов относятся к белозерскому времени: 1) кельты с дополнительными ребрами, идущими от углов лезвия к центру широкой плоскости или параллельно боковым граням; 2) кельты, втулка которых опоясана двумя валиками, причем ушки отходят от нижнего; 3) кельты с выступающей центральной частью на широких плоскостях.

Одноушковые кельты на белозерском этапе встречаются редко. По форме они аналогичны первому типу двуушковых.

¹⁵ А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге..., стр. 152 и сл.

¹⁶ Там же, стр. 150, рис. 3.

¹⁷ Там же, рис. 6.

Безушковые кельты переходного времени, так же как сабастиновские, имеют овальное сечение, но форма у них другая — прямые бока постепенно расширяются к лезвию. Безушковые кельты белозерского этапа всегда имеют шестигранное сечение — дополнительные грани идут параллельно бокам. У некоторых экземпляров по центру широкой плоскости проходит вертикальная нервюра.

Долота на белозерском этапе того же типа, который сформировался еще в досабастиновское время, — втульчатые, желобчатые, с прямыми боками и лезвием. Лишь один тип серпа сейчас можно уверенно связывать с белозерским этапом — это слабоизогнутый неширокий крюкастый серп, типологически восходящий к архаическим срубным серпам. Ножи белозерского этапа немногочисленны. Они литые, однолезвийные, различаются формой спинки. Одни из них имеют прямую спинку, переходящую в рукоять. Такие ножи изготавливались еще в Волошской литейной мастерской сабастиновского этапа. Подобный нож найден на Белозерском поселении. У других — спинка горбатая со слегка вогнутым лезвием (белозерские поселения). Кроме того, на белозерских памятниках встречаются узкие ободострые пластины с овальными концами (Бабино IV).

Шилья четырехгранные литые и кованые, не отличаются от более ранних.

Вооружение белозерского этапа представлено кинжалами и наконечниками копий. Кинжалы известны двух типов: с упором и без него.

Для переходного времени характерны лишь кинжалы с упором, у которых по сравнению с сабастиновскими изменяется форма клинка: максимальное его расширение смещается от центра ближе к острию.

В собственно белозерское время клинок вновь изменяется — теперь он имеет параллельные лезвия. Кинжал такого типа из Широкого кургана имеет бронзовый черешок с упором и уже железный клинок.

Наиболее типичными изделиями белозерского этапа являются черешковые кинжалы с параллельными лезвиями, но без упора. Считаем, что это заключительная ступень типологического развития позднесрубных кинжалов с упором, восходящих к раннесрубным ножам с перехватом, отделяющим черенок от клинка.

Из наконечников копий увереннее всего с белозерским этапом связываются наконечники с прорезями, хотя, по-видимому, в это время бытуют и наконечники с листовидным

пером, но в надежно датированных комплексах они пока не встречались.

В белозерское время в сравнении с сабастиновским увеличивается количество бронзовых украшений: колец, пронизей, браслетов.

Кольца (височные или на пальцы) со сходящимися, несходящимися или заходящими друг за друга концами сворачивались из проволоки или узкой пластины. На некоторых пластинчатых височных кольцах нанесен пунсонный орнамент.

Пронизи известны двух видов — проволочные витые и пластинчатые.

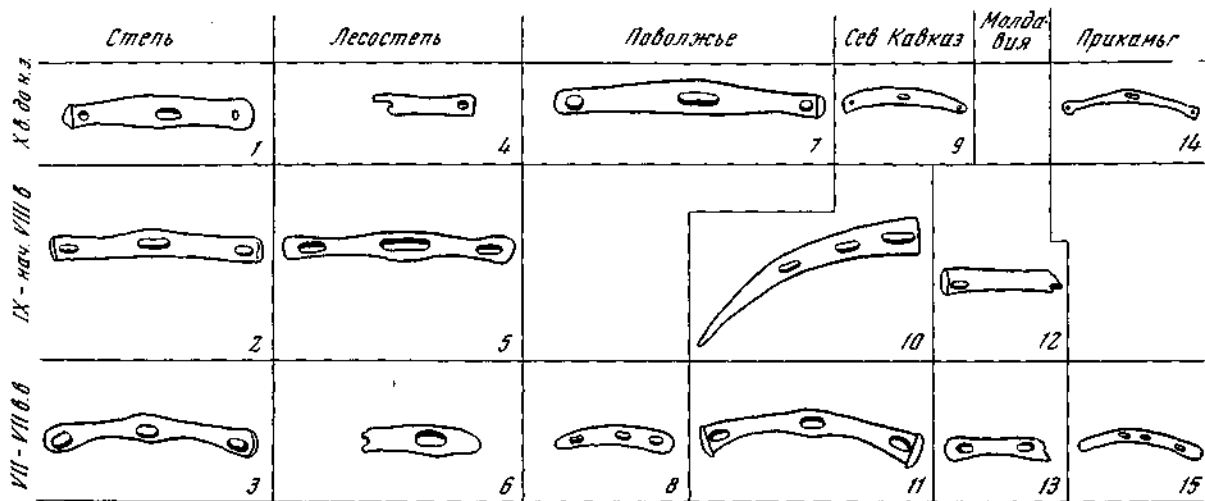
Браслеты также представлены двумя видами: свернутые из проволоки со сходящимися или несходящимися концами и литые, появившиеся в переходное время. Булавки зафиксированы трех типов: 1) с кольцевидной головкой; 2) со свернутой головкой; 3) с гвоздевидной или шаровидной головкой и сквозным отверстием в ней. Первые два типа булавок известны на сабастиновском этапе, а третий появляется в переходное время.

В белозерских памятниках значительно реже встречаются кремневые и каменные изделия. Из камня в это время изготовляли терочники, точильные и прашные камни, а также сверленные топоры-молотки, из кремня — разные вкладыши для серпов.

Резко сокращается и количество костяных изделий. В белозерское время кость главным образом используется для изготовления украшений (бусы, пронизи, подвески), деталей костюма (булавки, ременные бляхи) и конской сбруи (псалии), а также наконечников стрел. Псалии — стержневидные трехдырчатые, различаются между собой главным образом формой отверстий: у одних два крайних отверстия сравнительно маленькие, круглые, а центральное большое прямоугольной формы; у других все отверстия почти одинаковые прямоугольной формы. Наконечники стрел представлены двумя типами — черешковыми и втульчатыми¹⁸. Черешковые наконечники стрел появляются лишь на белозерском этапе¹⁹. Втульчатые наконечники стрел делятся на две группы: 1) с обрезанной втулкой и 2) с выступающей втулкой. В белозерских памятниках наконечники стрел с обрезанной втулкой представлены пулевидными, пирамидальными, овальными и трехгранными в сечении.

¹⁸ Ср. А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. ДІ-4, 1964, стр. 10.

¹⁹ А. М. Лесков. Наконечники стрел предскифского периода из причерноморских степей (в печати).

Р и с. 4.

Псалли начала I тысячелетия до н. э.

1 — Деревка; 2 — Усатово; 3 — Черногоровка; 4 — Пиковцы; 5 — Субботово (нижний слой); 6 — Субботово (верхний слой); 7 — Кайбелы; 8 — Жирноклеево; 9 — Дагбашский могильник; 10, 11 — Кобань; 12 — Кишиневское поселение; 13 — Сахнауцы; 14 — II Полянский могильник; 15 — Сорочьи Горы

Наконечники стрел с выступающей втулкой имеют ромбическое или трехгранное сечение. Последние имеют выделенный ложок, доходящий до трети высоты наконечника или почти до острия. Типологическое сходство этих наконечников с бронзовыми скифскими бесспорно.

В итоге изучения массового археологического материала белозерского этапа, его систематизации и сравнения с находками, происходящими из сабастиновских памятников, удается выделить не только переходные типы вещей (например, кельты, где сочетаются арковидный рельеф на широкой плоскости с лавролистными рельефами по бокам, сосуды переходного типа), но и целые комплексы (Ново-Александровская литейная мастерская, керамика средних штыков Кировского поселения), сочетающие сабастиновские и белозерские черты. Существование таких переходных памятников прежде всего доказывает этнокультурное единство племен, оставивших нам сабастиновские и белозерские памятники²⁰, и, кроме того, необходимость дополнительного хронологического членения позднебронзового века причерноморских степей. Учитывая хронологию сабастиновского этапа, переходные памятники можно датировать не ранее XI в.

²⁰ Ср. Д. Я. Телегин. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. «Археологія», т. XII, Київ, 1961, стр. 14.

до н. э. К этому же времени относится группа памятников в лесостепной Молдавии и в Среднем Поднестровье, занимающая промежуточное положение между памятниками культуры ноа, синхронной сабастиновскому этапу, и ранним фракийским гальштатом, одновременным белозерскому²¹.

Наиболее важными датирующими находками собственно белозерского этапа являются бронзовые смычковые фибулы, найденные в Лукьяновском кургане и в Широцанском могильнике. Близкие по типу фибулы из субмикенских могильников Сицилии II и III ступеней Панталича (XI—IX в. до н. э.) позволили А. И. Тереножкину датировать белозерский этап тем же временем, оговорив, впрочем, что эта датировка должна быть уточнена²². Прежде всего следует отметить, что сицилийские фибулы отличаются от лукьяновской и широцанской вогнутостью спинки. Подобные фибулы также известны в причерноморских степях²³, но это случайные находки. Что же касается интересующих нас фибул,

²¹ Подробнее об этом см.: А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге..., стр. 151 и сл.

²² А. И. Тереножкин. Основы хронологии..., стр. 75.

²³ А. М. Лесков. Несколько бронзовых изделий с Керченского полуострова в собрании Одесского археологического музея. КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, стр. 86, рис. 1; А. И. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 77, рис. 1, 4.

происходящих из белозерских памятников и Лукашевского поселения раннего фракийского гальштатта, то ближайшие аналогии им известны на Переднем Востоке. В Хаме они встречаются в могилах IV и XII, которые К. Шеффер относит к началу железа²⁴, в Абу-Хаваме — в слое III, который Гамильтон датирует 1100—952 гг. до н. э.²⁵, а также в Кхан Хенкуме в слое X—VIII вв. до н. э.²⁶

Проведенные аналогии позволяют датировать белозерский этап в целом в пределах X—IX вв. до н. э. Что же касается возраста конкретных памятников, где встречены смычковые фибулы, то, как будет показано дальше, это наиболее поздние среди собственно белозерских памятников.

В результате типологического изучения белозерской керамики в сравнении с сабастиновской и сосудами переходного типа удалось установить характер изменения валиковой орнаментации во времени (изменение формы валиков от более массивного к менее массивному, смена пальцевых вдавлений насечками или отпечатками штампа, растущее количество сосудов, украшенных гладким валиком, и, наконец, исчезновение орнаментального валика). Такие изменения хорошо прослеживаются в ряде белозерских памятников. Так, сравнивая керамику из слоя белозерского поселения (4—6 шт.) и землянки, спущенной с уровня 3-го штыка²⁷, легко заметить, что материал из землянки более поздний. Здесь найдено лишь 5 обломков архаической керамики: 3 фрагмента банок 1-го и 2-го типов и 2 фрагмента сосудов переходного типа — и совсем не оказалось керамики, украшенной валиком с пальцевыми вдавлениями, изредка встречающейся в слое, в частности на банках третьего типа и сосудах переходного типа.

Еще более интересно сравнение керамики из слоя и из землянки и ям поселения Бабино IV. Оказалось, что в землянке и ямах нет ни одного обломка горшка с валиком, хотя последние достаточно часто встречаются в культурном слое этого поселения²⁸. Вместе с тем лощеная керамика из Бабино IV очень близка находкам в Широчанском могильнике.

²⁴ С. Schaeffer. *Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale (IIIe et IIe millénaires)*. London, 1948, p. 112.

²⁵ Там же, стр. 113.

²⁶ P. Riis. *Nama (1931—1938). Les cimetières a cremation*. Kobenhavn, 1948, p. 132.

²⁷ Материалы хранятся в ГИМ. Обработка керамики велась совместно с Д. В. Деопиком.

²⁸ Материал хранится в фондах ИА АН УССР.

При раскопках последнего найдено 10 простых горшков, но ни один экземпляр не имеет орнаментального валика.

Таким образом, сравнение керамики белозерского этапа из разных памятников показало, что они не одновременны. Более архаичными выглядят Анатолевское и Змеевское поселения, наиболее поздними — поселения Бабино IV и Широчанский могильник, где исчезают горшки, орнаментированные валиком. Возможность деления собственно белозерских памятников на две хронологические группы лучше всего подтверждают костяные псалии, давно вошедшие в науку как надежно датирующий материал.

Как уже отмечалось, в белозерских памятниках встречены костяные трехдырчатые псалии, различающиеся между собой формой и размерами крайних отверстий. Сравнение этих псалий с аналогичными, найденными на других территориях (рис. 4), показало, что отмеченные различия в типах псалий являются датирующим признаком. Здесь особенно важны псалии, найденные в лесостепных культурах днепровского Правобережья (белогрудовская и чернолесская). Так, псалий белогрудовской культуры имеет на сохранившемся конце малое круглое отверстие, а в центре, судя по излому, было более крупное, прямоугольной формы (рис. 4, 4). Псалий такого типа найден в белозерском слое Деревинского поселения (рис. 4, 1). В раннечернолесском комплексе Суботовского городища найдены псалии с тремя прямоугольными отверстиями (рис. 4, 5). Такой псалий имеется среди белозерского материала Усатовского поселения (рис. 4, 2). Для чернолесских памятников второй ступени (VIII — первая половина VII в. до н. э.) характерны псалии с отверстиями овальной формы (рис. 4, 6). В степи бронзовый псалий такого типа происходит из Черногоровского кургана (рис. 4, 3). Та же закономерность в типологическом развитии псалий прослеживается в памятниках Северного Кавказа. В самом раннем, по мнению исследователя²⁹, погребении Дагбашского могильника X—VIII вв. до н. э. найден трехдырчатый псалий с двумя круглыми маленькими отверстиями по краям (рис. 4, 9). В раннекобанских памятниках, предшествующих комплексам типа Каменно-могильника и Новочеркасского клада, известны роговые псалии с тремя прямоугольными отверстиями (рис. 4, 10).

²⁹ М. И. Пиккуль. Дагбашский могильник. «Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР», т. IX. Махачкала, 1961, стр. 317—319.

В эпоху раннего железа (VIII — первая половина VII в. до н.э.) вновь изменяются типы псалий — все они имеют уже три овальных отверстия равного размера (рис. 4, 11).

Судя по находкам в Поволжье³⁰ и Прикамье³¹, здесь прослеживается та же закономерность в развитии типов псалий, хотя псалии усатовского или раннечернолесского типа здесь пока не встречены (рис. 4, 7—8, 14—15). Особое значение для нашей темы имеют находки в Молдавии (рис. 4, 12—13). Псалий из Кишиневского поселения (рис. 4, 12) культуры раннего фракийского гальштатта позволяет синхронизировать ее не с белозерским этапом в целом, а лишь с наиболее поздней группой белозерских памятников, одновременной в свою очередь с раннечернолесскими древностями. В этой связи особенно важна находка смычковой фибулы лукьяновского типа в раннем гальштаттском слое на Лукашевском городище. Эта находка показывает сравнительно поздний возраст белозерских памятников, где встречены такие фибулы. Напомним, что типология кухонной керамики Широчанского могильника также определяет его позднебелозерскую принадлежность. Одновременность Лукьяновского кургана и Широчанского могильника кроме общности фибул подтверждается лукьяновским кубком, стеклянными и янтарными бусами, имеющими прямые аналогии в материалах Широкого. Обряд погребения Лукьяновского кургана и Широчанского могильника также служит показателем позднего времени этих памятников. Вместо традиционного срубного положения скелета скорченно головой на восток в Лукьяновском кургане погребенный лежал в вытунутом положении, а в Широчанском могильнике все костяки были ориентированы головой на юг. Интересно, что в наиболее поздних срубных могильниках Поволжья в качестве их признака Н. Я. Мерперт также отмечает исчезновение строгого постоянства в обряде погребения³².

³⁰ Благодарю Н. Я. Мерперта за любезное разрешение опубликовать псалий из Кайбельского кургана № 20, погр. № 32, раскопки 1954 г. Значение этой находки трудно переоценить. Благодаря ей появляется возможность выделить в Поволжье культурный комплекс, синхронный белозерскому этапу в Поднепровье.

³¹ Псалии, аналогичные белогрудовскому, дереивскому и дагбашскому, позволяют, по-видимому, уточнить датировку некоторых погребений или I Маклашевского и II Полянского могильников в целом (см. А. Х. Халиков. Приказанская культура. СА, 1968, № 2, стр. 39—40, рис. 1, 163).

³² Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 146.

Для определения абсолютной хронологии двух групп памятников собственно белозерского этапа наиболее важны материалы днепровского лесостепного Правобережья. Общность дереивского и белогрудовского псалиев позволяет старшую группу белозерских памятников считать одновременной белогрудовской культуре и, учитывая хронологию последней³³, датировать их X в. до н. э., понимая некоторую условность такого членения.

Если учесть, что в VIII в. до н. э. начинается железный век, когда на юге Восточной Европы распространяются комплексы вещей типа Новочеркасского клада и Черноговского кургана, то позднебелозерские памятники, как и раннечернолесские в лесостепи, должны датироваться в основном IX в. до н. э.

Вместе с тем сейчас накоплено много материала, позволяющего считать, что белозерские памятники существуют еще и в VIII в. до н. э.

Прежде всего выяснилось, что в белозерских памятниках имеются вещи, хорошо известные по комплексам VIII—VII вв. до н. э. Так, на Бериславском поселении найдено бронзовое звено стремявидных удил³⁴, в Широчанском могильнике обнаружена костяная овальная пуговица с зашлифованной поверхностью и парой сквозных отверстий на обороте, тождественная пуговицам развитой чернолесской культуры³⁵, которую А. И. Тереножкин надежно датирует VIII — первой половиной VII в. до н. э. В этой связи очень важна находка на Оскольском поселении бондарихинской культуры вместе с керамикой развитого чернолесья бронзового кинжала с параллельными лезвиями — типичным орудием белозерского этапа³⁶. Очень интересны бронзовые пластины-ножи с обоюдоострыми краями, найденные в слое Суботовского городища, которые А. И. Тереножкин справедливо сравнил с таким же орудием с белозерского поселения Бабино IV³⁷. Аналогичную бронзовую пластину нашла А. И. Мелюкова на Кишиневском поселении, откуда, напомним, происходит псалий усатовского позднебелозерского типа. Это поселение А. И. Мелюкова датирует «второй половиной или концом IX — первой половиной

³³ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 194—195.

³⁴ Материалы хранятся в фондах ИА АН УССР.

³⁵ А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 101, рис. 67, 7—10.

³⁶ В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, № 1, рис. 3, 14—16, рис. 6, 2.

³⁷ Л. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 151.

VIII в. до н. э.»³⁸ Приведенные примеры дают возможность не только считать, что позднебелозерские памятники наряду с бондарихинскими³⁹ существуют в начале первой половины VIII в. до н. э. и тем самым в какой-то мере синхронны второй ступени чернолесской культуры, но и показывают их хронологическое смыкание с памятниками типа Новочеркасского клада — Черногоровки, нижнюю дату которых большинство исследователей определяют с середины VIII в. до н. э.⁴⁰

Такой хронологический стык памятников, известных в причерноморских степях на рубеже бронзового и железного веков, позволяет ставить вопрос об истоках культуры середины VIII — первой половины VII в. до н. э. — времени, когда киммерийцы и скифы становятся известны в ассирийских письменных источниках. Такая постановка вопроса тем более необходима, что сейчас уже накоплен значительный материал X—IX и в меньшей мере VIII—VII вв. до н. э., которого так не хватало А. А. Иессену двадцать лет назад⁴¹.

Приступая к рассмотрению вопроса об этнокультурной принадлежности тех или других памятников, каждый автор неизбежно сталкивается с вопросом о том, какие компоненты материальной и духовной культуры считать главными, ведущими в определении археологической культуры, ее этнической принадлежности. Наиболее обоснованной нам представляется точка зрения А. П. Смирнова, выраженная в известной работе «К вопросу об археологической культуре»⁴². Считая, что в выде-

лении культур, в определении этнического состава населения нельзя в первую очередь учитывать орудия труда и предметы вооружения,⁴³ А. П. Смирнов основное внимание уделяет керамике, ее формам и орнаментации, а также погребальному обряду. Подводя итоги своему исследованию, А. П. Смирнов обобщает: «Для времени, начиная с эпохи поздней бронзы и раннего железа, в определении культуры можно опираться на погребальный обряд, керамику и ее орнаментацию и украшения, имеющие узкий ареал... этот материал является основой в определении культурной принадлежности»⁴⁴.

Сопоставим же погребальный обряд и керамику поднебелозерского времени с соответствующими материалами середины VIII — первой половины VII в. до н. э.

Для интересующих нас групп памятников обычны впускные погребения в курганах в простых грунтовых ямах (в отличие от белозерской поры грунтовые могильники с погребениями середины VIII — первой половины VII в. до н. э. пока не найдены). Судя по находкам, наиболее богатые погребения обеих групп совершались в гробницах, в устройстве которых широко использовалось дерево (пол, перекрытия на столбах, обшивка стен). Это белозерские погребения в Широком⁴⁵ и Лукьяновском курганах⁴⁶, могила с золотыми пронизками и субмикенской фибулой Широчанского могильника⁴⁷.

Среди памятников VIII—VII вв. до н. э. назовем Ростовский⁴⁸ и Носачевский⁴⁹ курганы, погребение близ Симферополя⁵⁰. Положение умерших и ориентировка их неустойчивы. Продолжает бытовать чисто срубная традиция — скорченное на боку труположение головой на восток или северо-восток. Такие белозерские погребения известны от Приазовья⁵¹ и до Поднепровья⁵². Такой же обряд в Черно-

³⁸ А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96, 1961, стр. 44.

³⁹ Ср. А. И. Тереножкин. Основы хронологии..., стр. 73, 84.

⁴⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э..., стр. 107; А. И. Шепинский. Погребение начала железного века у Симферополя, стр. 64; Е. И. Крупное. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. УЗКНИИ, т. V, стр. 245—252, рис. 50; стр. 264—268. Важнейшей датирующей находкой является Носачевский комплекс, в составе которого оказались бронзовые украшения конской сбруи, известные по дворцовым рельефам ассирийских царей Саргона II (722—705) и Ашурбанипала (668—624) (Г. Т. Ковпаненко. Носачівський курган VIII—VII ст. до н. э. «Археологія», т. XX. Київ, 1966, стр. 177—178).

В указанные хронологические рамки следует помещать также погребения у Черногоровки, Камышевахи и Малой Цымбалки, возраст которых по бронзовым псалям фракко-киммерийского периода, известным в Подунавье, определяется концом гальштатта В (по П. Рейнке), т. е. серединой VIII в. до н. э.

⁴¹ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, стр. 131.

⁴² А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. СА, 1964, № 4, стр. 3—10.

⁴³ Там же, стр. 4—5.

⁴⁴ Там же, стр. 7.

⁴⁵ В. В. Латышев. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. СГАИМК, вып. I. Л., 1926, стр. 200 и сл.

⁴⁶ ESA, VI, стр. 175—176. См. также: «Літопис Херсонського музею. Червоні роки, 1917—1927», стр. 8—9.

⁴⁷ Раскопки автора в 1961—1963 гг. Материал хранится в ИА АН УССР.

⁴⁸ Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938 и 1939 гг. «Памятники древности на Дону». Ростов-на-Дону, 1940, стр. 14—16.

⁴⁹ Г. Т. Ковпаненко. Указ. соч., стр. 174.

⁵⁰ А. А. Шепинский. Указ. соч., стр. 57—58.

⁵¹ М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Е. Ф. Покровська и др. Кургани біля с. Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень». АП УРСР, т. VIII, Київ, 1960, стр. 115.

ровском⁵³ и Жирноклеевском⁵⁴ курганах VIII—VII вв. до н. э. Вместе с тем в поздне-белозерское время получает распространение южная ориентация погребенных, положенных на боку в скорченном положении. Кроме Широ-чанского могильника, этот обряд известен в курганах Херсонщины (Первомаевка⁵⁵, Калан-чак⁵⁶), в Молдавии⁵⁷.

Среди погребений VIII—VII вв. до н. э. нам известен пока лишь один случай, когда ко-стяк лежит в скорченном положении головой на юг⁵⁸. Датировка этой могилы определяет-ся бронзовым двухлопастным наконечником стрелы с шипом. Наконечник имеет ромбиче-скую форму, основание втулки выделено обод-ком. Точно такой наконечник входит в ком-плекс вещей из известного погребения в курга-не Малая Цымбалка. Кроме того, по-видимо-му, отражая общую тенденцию изменения тру-поположения от скорченного в белозерское время к вытянутому в VIII—VII вв. до н. э., к последнему периоду относятся еще несколь-ко погребений на нижнем Дону⁵⁹ и на Ти-распольщине⁶⁰, ориентированных головой на юг, но лежащих уже в вытянутом положе-нии. Вместе с тем уже в белозерское время появляются погребения, где умерших клали в вытянутом положении на спине головой в разные стороны. Так, в Лукьяновском курга-не погребенный лежал в вытянутом положе-нии головой на восток⁶¹, в погребении 17 кур-гана 2 у г. Кривого Рога⁶² — на северо-восток. Особенно интересны позднебелозерские погре-бения, совершенные в вытянутом положении головой на запад. Несколько таких погребе-ний обнаружено в Каланчакском районе на Херсонщине. В одной из могил был найден ци-линдрошейный кубок, аналогичный широчан-ским, а в другой — бронзовый кинжал с упо-

ром и параллельными лезвиями⁶³. Есть такое погребение в первомаевских курганах⁶⁴, откуда происходит круглодонный кубок с налепом в виде буквы «л» — копия одного из широчан-ских кубков. Назовем также погребение 7 из кургана 1 у с. Луговое на Керченском полу-острове, где оказалась типичная банка 1-го типа⁶⁵. К этой группе относится и погребение из Северо-Западного Крыма, где при вытяну-том костяке, ориентированном головой на юго-запад, оказалась вместе с железным острием широко распространенная в позднесрубных могилах овальная костяная бляха с круглым большим отверстием в центре и двумя ма-ленькими рядом расположенными отверстия-ми сбоку⁶⁶. Значение этих погребений трудно переоценить — ведь хорошо известно, что вы-тянутое положение костяка головой на запад (иногда с небольшими отклонениями) являет-ся наиболее распространенным обрядом по-гребения в могилах VIII—VII вв. до н. э. (Симферополь, Носачево, Никополь⁶⁷, Аста-нино⁶⁸, Тираспольщина⁶⁹, Верхне-Подполь-ный⁷⁰). К этой же группе относится известное Ставропольское погребение, где костяк лежал головой на запад, но в скорченном положе-нии⁷¹.

Приведенные примеры достаточно убедит-ельно показывают близость погребального обряда позднебелозерских племен и населения причерноморских степей середины VIII — пер-вой половины VII в. до н. э.

Не менее показательны и сравнение кера-мики из комплексов этого времени с поздне-белозерской. Простая керамика VIII—VII вв.

⁵² А. И. Мелюкова. Курганы эпохи бронзы у села Олонешты. КСИИМК, вып. 89, 1962, стр. 30 и сл.

⁵³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследо-ваний в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. «Труды АС», т. I, стр. 242.

⁵⁴ «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.» М.—Л., 1941, стр. 184.

⁵⁵ В. А. Іллінська, Г. Т. Ковпаненко, Е. О. Петровська. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Перво-маївки. АП УРСР, т. IX, Київ, 1960, стр. 129 и сл.

⁵⁶ Раскопки И. Д. Ратнера в 1962—1964 гг.

⁵⁷ А. И. Мелюкова. Курганы эпохи бронзы..., стр. 33.

⁵⁸ А. А. Шепинский. Марьянские курганы эпохи бронзы. ЗОАО, т. I, 1960, стр. 257.

⁵⁹ А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. 53, 1964, стр. 74 и сл.

⁶⁰ А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины. МИА, № 115, стр. 116, табл. 1, 2.

⁶¹ ESA, VI, стр. 175.

⁶² Любезное сообщение автора раскопок Л. П. Крыловой.

⁶³ А. А. Шепинский. Отчет о раскопках курганов в 1962 г. Архив ИА АН УССР.

⁶⁴ В. А. Іллінська, Г. Т. Ковпаненко, Е. А. Петровська. Указ. соч., стр. 132—133.

⁶⁵ С. С. Бессонова. Отчет об охранных раскопках Кер-ченского музея в 1966 г. Архив ИА АН УССР.

⁶⁶ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937, стр. 252—253. Бляха хранится в Евпа-торийском музее. На это погребение любезно обратил мое внимание А. А. Шепинский.

⁶⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. МИА, № 115, 1962, стр. 18, 30.

⁶⁸ Л. М. Лесков, Э. В. Яковенко, В. Н. Корпусова, Е. В. Черненко. Отчет о раскопках курганных могиль-ников у с. Астанино 1966—1967 гг., стр. 41—42, Архив ИА АН УССР, инв. № 1965—67/32.

⁶⁹ А. И. Мелюкова. Скифские курганы..., стр. 117, табл. 1, 5; стр. 153.

⁷⁰ В. Я. Кияшко, В. Е. Максименко. Погребение ранне-железного века у хутора Верхне-Подпольный. «Архе-ологические открытия 1967 г.» М., 1968, стр. 77—79.

⁷¹ Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи. КСИИМК, вып. 16, 1947, стр. 131—333. Датировку этого погре-бения уточнил А. И. Тереножкин. См. А. И. Теренож-кин. Предскифский период..., стр. 190.

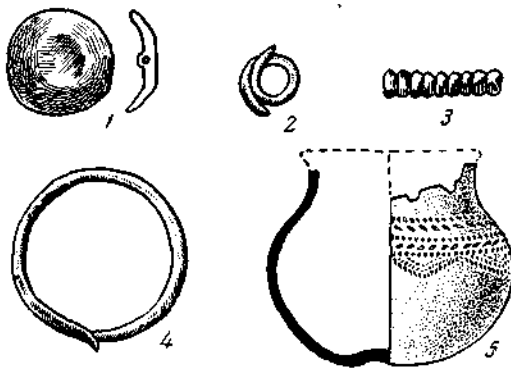

рис. 5.
Материалы из погребения у с. Волошское (по А. В. Бодянскому)

до н. э. представлена горшками, совершенно не отличающимися от белозерских горшков того типа без валиков. Такие сосуды встречаются во впускных погребениях курганов, где костяки лежат в вытянутом положении головой на ЗСЗ близ Кривого Рога⁷² и Никополя⁷³. Лощеная или хорошо заглаженная посуда в могилах VIII—VII вв. до н. э. представлена круглотелыми горшками (Астанино, курган 9, погребение 1⁷⁴), корчагами (Петролю-Свистуново⁷⁵), кубками с конусовидным высоким горлом (М. Цымбалка⁷⁶) и круглодонными кубками (Днепрорудный, курган 7, погребение 1⁷⁷). Все сосуды названных форм известны в белозерских комплексах. Также обшей является и орнаментация лощеной керамики — это налепы, резные заштрихованные треугольники, отпечатки зубчатого штампа. Такая общность погребального обряда и керамики приводит к тому, что часто трудно определить, к какой из интересующих нас групп отнести то или иное погребение. Так, в упоминавшемся уже погребении 1 кургана 7 у г. Днепрорудного обнаружен костяк, лежавший в скорченном положении на боку головой на восток. При нем найден лощеный круглодонный кубок, украшенный зубчатым

⁷² Пользуюсь случаем поблагодарить Л. П. Крылову за любезное сообщение.

⁷³ О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века..., рис. 15, 5.

⁷⁴ А. М. Лесков, Э. В. Яковенко и др. Отчет..., стр. 42. Материалы хранятся в фондах ИА АН УССР.

⁷⁵ Раскопки А. В. Бодянского в 1951 г. у с. Петрово-Свистуново Запорожской области. Материалы хранятся в фондах ИА АН УССР.

⁷⁶ ОАК за 1869 г., стр. XVI. Материал хранится в Эрмитаже.

⁷⁷ Я. Г. Елагина. Отчет Скифской степной экспедиции исторического факультета МГУ. 1963 г., стр. 48—49. Архив ИА АН УССР, инв. № 1963/27.

чеканом, и бронзовый однолезвийный нож, аналогичный камышевахскому, что позволило Н. Г. Елагиной датировать это погребение VIII — первой половиной VII в. до н. э. А в с. Волошское А. В. Бодянский доследовал могилу, где костяк лежал головой на юг или юго-запад (об обряде больше ничего не известно) и при нем оказались бронзовые проволочные браслет, колечко, пронизь, пуговица и кубок⁷⁸ (рис. 5, 1—5), абсолютно тождественный днепрорудненскому. Судя по ориентировке костяка и набору бронзовых украшений, хорошо известному по Широчанскому могильнику, Волошское погребение следует считать белозерским, а между тем общность сосудов, по-видимому, не позволяет относить описанные погребения к разным хронологическим группам.

Список подобных примеров можно продолжить. Это лучшее свидетельство хронологического и культурного единства позднейших памятников срубной культуры, представленных позднебелозерскими комплексами, и памятников середины VIII — первой половины VII в. до н. э. Это единство проявляется также в общности орудий труда (клиновидные каменные топоры, бронзовые и железные однолезвийные ножи), типологическом родстве предметов вооружения (бронзовые и костяные втульчатые наконечники стрел, бронзовые и железные наконечники копий) и конского убора (костяные и бронзовые трехдырчатые псалии, бронзовые стремявидные удила, костяные и бронзовые бляхи и пуговицы от сбруи). К сожалению, в причерноморских комплексах середины VIII — первой половины VII в. до н. э. неизвестны украшения и поэтому они не могут быть использованы для решения вопросов этнокультурных связей. Однако весь имеющийся материал, рассмотренный выше, убеждает, что он принадлежит носителям одного этноса, одной археологической культуры и отражает лишь разные хронологические этапы ее развития, значительно осложненные переходом от бронзового века к железному, который происходит именно в интересующий нас период. Этот переход сыграл огромную роль в жизни древних народов. В частности, в причерноморских степях где-то около середины VIII в. до н. э., по-видимому, основная часть населения переходит на кочевые формы быта. Уже белозерский этап характеризуется усилением связей населения степей со своими соседями (Молдавия, Среднее Подне-

⁷⁸ О. В. Бодянский. Археологічні досліді в Надпоріжжі в 1951 г. Архив ИА АН УССР.

провье, Северный Кавказ)⁷⁹ и народами дальних стран (вспомним находки в причерноморских степях передневосточных и италийских фибул, малоазийского топора (Керчь), бус из пасты, янтаря, сопропеля, агата, сердолика (Широчанский могильник) и т. д.). А в эпоху раннего железа благодаря киммерийским и скифским походам, нашедшим отражение в письменных источниках, эти связи, особенно с северокавказскими племенами, еще более усиливаются. Ярче всего это проявилось в таких комплексах, как Носачевский, Обрывский, Симферопольский. Действительно, найденные в них предметы вооружения и конского убора в основном не связаны с предшествующими белозерскими памятниками, но, как уже говорилось, не эти вещи, столь важные при решении вопросов хронологии, служат критерием при определении этнокультурной принадлежности комплексов, откуда они происходят.

Резкое социальное различие общества, хорошо зафиксированное в позднебелозерских памятниках (вспомним почти 10-метровой высоты ограбленный Широкий курган, находки золотых украшений в Широчанском могильнике и наличие здесь же целого ряда ограбленных погребений), находит свое дальнейшее развитие в выделении всадничества (именно так Б. Н. Граков рассматривает появление богатых могил конных воинов типа Черноговорки) — главной военной силы в эпоху раннего железа.

Таким образом, отличия богатых комплексов конных воинов середины VIII — первой половины VII в. до н. э. от позднебелозерских должны рассматриваться не как результат появления в степях Причерноморья нового этнокультурного элемента, а как итог социально-экономических изменений в обществе, позволивших древним насельникам причерноморских степей совершать успешные походы в страны древнейших цивилизаций и войти во всемирную историю под названием киммерийцев и скифов.

Вопрос о происхождении скифов самым непосредственным образом связан с памятниками позднерубной культуры и особенно с комплексами типа Новочеркасского клада — Черноговорки. Все исследователи отмечали (и каждый по-своему оценивал) общие черты раннескифской культуры второй половины VII—VI в. до н. э. с позднерубной куль-

турой⁸⁰ и памятниками VIII — первой половины VII в. до н. э.⁸¹ При этом все исследователи основывались на сходстве, а иногда и общности предметов материальной культуры, не касаясь или почти не касаясь погребального обряда. Обратимся же к этому, на наш взгляд, важнейшему источнику при решении вопросов этнической истории.

В настоящее время нам известно в причерноморских степях 17 погребений второй половины VII—VI в. до н. э. Из них только в 12 известен погребальный обряд. 11 могил оказались впущены в более древние курганы и лишь одно погребение было основным (Темир-Гора)⁸². В одном погребении встречен обряд трупосожжения (р. Калитва)⁸³, в остальных — обряд трупоположения. В десяти могилах, из них две подбойные⁸⁴, скелеты лежали головой на запад, а в одной — на юго-восток⁸⁵. Та же картина наблюдается в предгорном Крыму, где известно 19 раннескифских погребений⁸⁶; 14 из них ориентированы головой на запад (из них в 12 случаях костяки лежали в вытянутом положении, в двух — со следами скорченности), 4 — на восток, в одном случае обряд погребения остался невыясненным. Как видим, вытянутое трупоположение головой на за-

⁸⁰ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА. М., 1954, стр. 66.

⁸¹ В. А. Глліньска. Про походження та етнічні зв'язки племен скіфської культури посульсько-донецького лісостепу. «Археологія», т. XX, 1966, стр. 61.

⁸² Данные о погребениях кургана Темир-Гора мне любезно сообщила Э. В. Яковенко, изучившая архивы П. И. Хицунова и А. Е. Люценко.

⁸³ А. П. Манцевич. Голова быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитва. СА, 1958, № 2, стр. 196 и сл.

⁸⁴ 1) Курган 19, погр. 5. Аккермень (АП УРСР, т. VIII, 1960, стр. 103, рис. 81); 2) Константиновка (КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 141); 3) Нижние Серогозы (ИАК, вып. 19. СПб., 1906, стр. 85); 4) Курган 5 «Серко», погр. 12. Никополь (МИА, № 115, 1962, стр. 80—81); 5) Темир-Гора, погр. 81 (по А. Е. Люценко) (Журнал раскопок Л. И. Хицунова, 1869 г. Архив ЛОИА, ф. I, 4/1869, стр. 27—30; журнал раскопок А. Е. Люценко с 9 февраля 1870 г. по 1 января 1871 г., архив ЛОИА, ф. I, 23/1870); 6) с. Терновка Николаевской обл. (раскопки Л. М. Славина; 7—8) Одессина (раскопки И. Т. Чернякова); 9) курган 97. Парканы (МИА, № 115, 1962, стр. 116, 153); 10) курган 3, погр. 1, с. Райское (Труды XIII АС, т. I, стр. 354. Дата погребения определяется двуплостным бронзовым наконечником стрелы с длинной втулкой, расширяющейся к основанию, и ромбической головкой).

⁸⁵ Курган 385. Тирасполь (МИА, № 115, 1962, стр. 116—153).

⁸⁶ А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965, стр. 174 и сл.

⁷⁹ А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге..., стр. 176 и сл.

пад является господствующим во второй половине VII—VI в. до н. э.

Обращаясь к скифской архаической керамике, прежде всего необходимо подчеркнуть, что комплекс левого берега Днепра отличается от правобережного. Так, скифская лепная керамика VI—V вв. до н. э., выделенная нами в Крыму, оказалась типологически единой с керамикой Елисаветовского (V—III вв. до н. э.) и Каменского (IV—III вв. до н. э.) городищ⁸⁷. Это горшки с выпуклым туловом и отогнутым венчиком или с прямой невысокой горловиной, резко переходящей в округлое тулово. Горшки украшаются пальцевыми вдавлениями по отогнутому краю или насечками по плечикам сосуда⁸⁸. Эта керамика с одной стороны типологически восходит к горшкам белозерского этапа и середины VIII — первой половины VII в. до н. э., с другой — показывает культурную близость скифских племен, обитавших в степях Крыма и между Доном и Днепром.

Керамика правого берега Днепра известна главным образом по памятникам Буго-Днестровского междуречья и представлена двумя группами посуды — простой и лошенной.

Простая керамика известна прежде всего по селению Широкая Балка и представлена горшками, аналогичными левобережным, и слабопрофилированными сосудами, украшенными массивными налепными валиками с пальцевыми вдавлениями, расположенными под краем.

Лошенная керамика представлена круглотельными горшками (Парканы, курган № 97)⁸⁹ и кубками (Пивденное⁹⁰, Терновка⁹¹, Кут⁹²), богато украшенными резным геометрическим орнаментом, нередко инкрустированными белой пастой.

Как видим, второй тип простых горшков и лошенные сосуды имеют много общего с керамикой раннескифского времени лесостепных районов днепровского Правобережья⁹³ и Мол-

давии⁹⁴ и типологически не связаны с белозерской, а значит, и с керамикой середины VIII — первой половины VII в. до н. э.

Такие различия керамических комплексов у степных племен во второй половине VII—VI в. до н. э. являются хорошей иллюстрацией к геродотовой карте расселения скифских племен и, по-видимому, объясняются локальными особенностями. Ведь сопоставление других материалов из комплексов середины VIII — первой половины VII и второй половины VII—VI в. до н. э. показывает значительное сходство между ними.

Общность вооружения, конского убора, орудий труда, некоторых культовых изделий⁹⁵ в свете единства погребального обряда и типологической близости керамики (всей на Левобережье и части на Правобережье) не позволяет переоценивать значение появления скифского звериного стиля и главным образом на этом основании считать памятники типа Новочеркасского клада — Черногоровки этнически отличными от раннескифских⁹⁶.

Вместе с тем, учитывая ведущую роль позднесрубного этнокультурного компонента в сложении культуры типа Новочеркасского клада — Черногоровки и тесную связь последней с собственно раннескифской культурой, делается особенно понятной осторожность А. А. Иессена, считавшего, что памятники группы Новочеркасского клада — Черногоровки одинаково принадлежат киммерийцам и скифам⁹⁷.

VII—VI в. до н. э. (Л. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 80—81).

⁸⁷ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 76 и сл. Изучая керамику Широкой Балки и других степных поселений днепровского Правобережья раннескифского времени, И. В. Яценко обратила внимание на тот факт, что здесь крайне редко попадаются горшки с налепным валиком и проколами под венчиком, «которые являются чрезвычайно характерными для посуды лесостепной полосы» (И. В. Яценко. Скифия..., стр. 28). Такая же картина, как и в степи, наблюдается и в лесостепных памятниках Молдавии типа Сахарны-Солончены (А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 79). Кроме того, находки в Широкой Балке лошенной миски с утолщенным венчиком, направленным вверх (И. В. Яценко. Скифия..., стр. 28), и обломков лошенной керамики с каннелюрованным орнаментом (любезное сообщение К. И. Марченко) позволяют предполагать значительную роль лесостепных племен Молдавии в сложении раннескифской культуры в степях Буго-Днестровского междуречья, где скорее всего следует искать отмеченные Б. Н. Граковым фракийские элементы среди племен Геродотовой Скифии.

⁹⁵ В. А. Ілліньська. Про походження..., стр. 61.

⁹⁶ А. И. Тереножкин. Киммерийцы, стр. 4 и сл.

⁹⁷ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках..., стр. 109; он же. Некоторые памятники..., стр. 130.

⁸⁷ А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове. СА, 1961, № 1, стр. 265.

⁸⁸ Там же, стр. 261, рис. 2.

⁸⁹ А. И. Мелюкова. Скифские курганы..., стр. 117, табл. 1, 1.

⁹⁰ Материал хранится в Одесском археологическом музее.

⁹¹ Материал хранится в фондах Киевского государственного университета.

⁹² Д. Т. Березовець. Розкопки курганного могильника эпохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. АП УРСР, т. 9, 1960, стр. 58, рис. 15, 6.

⁹³ И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до нашей эры. М., 1959, стр. 28 и сл.; А. И. Тереножкин отметил, в частности, влияние населения лесостепного Правобережья на своих южных соседей во второй половине

III. СКИФЫ И ИХ СЕВЕРНЫЕ СОСЕДИ

Б. А. Шрамко К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ

Новые материалы и исследования, появившиеся за последнее время, несмотря на различие точек зрения при оценке некоторых явлений, показывают правильность разделения лесостепной и степной Скифии как особых историко-этнографических областей, имеющих существенные отличия. Оформлению этой точки зрения, которая в том или ином виде высказывалась и ранее в работах А. А. Спицына¹ и М. И. Ростовцева², способствовала, как известно, дискуссия, развернувшаяся на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР в 1952 г. после доклада Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой³.

Лесостепная историко-этнографическая область охватывает широкую полосу от верхнего течения Днестра до среднего Дона. Здесь жило в VII—III вв. до н. э. оседлое земледельческо-скотоводческое население, в котором следует видеть различные нескифские племена Геродота. Часть этих племен, живших в правобережной лесостепи, как полагают М. И. Артамонов⁴, А. И. Тереножкин⁵, В. Г. Петренко⁶, П. Н. Третьяков⁷ и другие современные исследователи, относится к протославянам, а этническая принадлежность остальных пока не установлена. К сожалению, при нынешнем состоянии источников и разра-

ботке отдельных вопросов мы еще далеко не всегда можем бесспорно отождествлять отдельные археологические культуры лесостепи с конкретными племенами неуров, андрофатов, гелонов, будинов, меланхленов и так называемых «скифов-пахарей», о которых пишут Геродот и другие античные авторы. В этой проблеме еще много неясностей и спорных положений. Для нас в данном случае важно подчеркнуть тот бесспорный факт, что между культурами племен скифского времени, живших в степной и лесостепной зоне Восточной Европы (которые входят в Скифию в широком географическом смысле этого слова), имеется настолько существенное различие, что территорию лесостепных племен следует выделить в особую безусловно нескифскую историко-этнографическую область. Нужно согласиться также с А. П. Смирновым в том, что население лесостепной периферии Скифии по крайней мере по V—IV вв. до н. э. сохраняло свою самостоятельность и не входило в скифское государство⁸.

На юго-западе область распространения рассматриваемых нами племен соприкасается с молдавской группой памятников, которые, как показали исследования А. И. Мелюковой, связаны с северофракийской этнической группой и, возможно, принадлежат агафирсам⁹. В степи Днестр был границей расселения гетских племен¹⁰, по соседству с которыми жили алазоны и каллипиды¹¹. Далее к востоку вплоть до дельты Дона степи были заняты ираноязычными скифскими племенами. Границы их земель не оставались неизменными.

¹ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65. Пг., 1918, стр. 87 и сл.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 309.

³ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА. М., 1954, стр. 39 и сл.

⁴ М. И. Артамонов. Венеды, негры и будины в славянском этногенезе. «Вестник ЛГУ», № 2, 1946; *он же*. Этногеография Скифии. УЗ ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 171.

⁵ А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955, стр. 28.

⁶ В. Г. Петренко. Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. МИА, №96, 1961, стр. 102.

⁷ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 219.

⁸ А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 108—109.

⁹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 101—102.

¹⁰ А. И. Мелюкова. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 64—72.

¹¹ А. И. Мелюкова. Раскопки на могильнике и поселении IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 204—205.

Одно время на западе они доходили до Дуная. Местами в IV в. до н. э. собственно скифы вклиниваются в более северные лесостепные районы¹², но общую картину это существенно не меняет. В степях к востоку от Дона распространены памятники сарматской культуры¹³. Так же четко сейчас можно очертить пределы лесостепной культуры скифской эпохи на севере, где она граничит с милоградской¹⁴, юхновской¹⁵ и городецкой¹⁶ культурами.

Таким образом, племена, занимавшие в VII—III вв. до н. э. основную часть лесостепи Восточной Европы, образуют четкую историко-этнографическую область, роль которой в историческом процессе заслуживает внимательного всестороннего изучения. Четкое различие собственно скифских и нескифских элементов в культуре населения юга Восточной Европы в раннем железном веке имеет большое значение и для решения вопросов этногенеза, и для правильного представления о взаимоотношениях с соседними племенами, в том числе и с населением Центральной Европы. Еще недавно находки тех или иных вещей восточноевропейского типа в Центральной Европе рассматривали обычно как результат «скифской экспансии»¹⁷, хотя часто основные аналогии вели исследователи не к скифам, а к памятникам лесостепных племен. Сейчас под влиянием работ советских археологов этот вопрос пересматривается и начинает решаться в русле выяснения экономических связей и взаимного культурного влияния¹⁸. При этом возникает вопрос о том, какая

именно часть населения Скифии играла ведущую роль в этих экономических и культурных связях.

Во второй половине VII в. до н. э. на юге Восточной Европы происходят существенные изменения, связанные прежде всего с дальнейшим развитием хозяйства и культуры местного населения, а также с появлением в степном Причерноморье скифских племен. Однако не следует преувеличивать роль собственно скифов в этих изменениях, и в частности даже в оформлении основных элементов «скифской триады»: вооружения, конской сбруи и звериного стиля. При изучении местного оружия и конской сбруи, а также предметов, оформленных в зверином стиле, исследователи еще сейчас иногда рассматривают как скифские изделия вещи, изготовленные и найденные в самых различных областях юга Восточной Европы¹⁹, не задумываясь над тем, кто является создателем этих оригинальных вещей и действительно ли они отражают особенности производства и культуры собственно скифских, а не других племен Восточной Европы. Таким путем все местные элементы культуры, которые непосредственно не связаны с греческим, переднеазиатским, фракийским или иным влиянием, безоговорочно рассматриваются как скифские, хотя сами скифы либо вовсе не имели к ним никакого отношения, либо в лучшем случае лишь использовали их.

В данной статье делается попытка на основе сопоставления некоторых культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии выяснить роль различных групп местного населения в создании той своеобразной культуры, которую мы называем скифской.

В раннем железном веке успешное развитие всех основных отраслей хозяйства местного населения зависело от успехов металлургии и металлообработки, и прежде всего от развития местной добычи и обработки железа. Поэтому для того чтобы получить правильное представление об уровне развития хозяйства местного населения скифской эпохи и о его вкладе в общее развитие культуры, следует прежде всего рассмотреть основные факты, связанные с проблемой появления и освоения железа в Восточной Европе. Изучение этой проблемы показывает, что на территории Восточной Европы первые следы местной добычи железа относятся к периоду от середины

¹² В. А. Ильинская. Скифские курганы около г. Борисполя. СА, 1966, № 3, стр. 152 и сл.

¹³ К. Ф. Смирнов. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

¹⁴ О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

¹⁵ В. Л. Левенок. Городища юхновской культуры. КСИИ, вып. 7, Киев, 1957, стр. 49—53.

¹⁶ А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, вып. ДІ-14, 1965.

¹⁷ А. И. Мелюкова. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. СА, XXII, 1955, стр. 239 и сл. Прежняя тенденция еще сохраняется в некоторых работах. См. М. Parducz. Le cimetière hallstattien de Scentes-Vekerzug. «Acta Archaeologica», Budapest, II, 1952; IV, 1954; V, 1955; *idem*. Graves from the Scythian age at Artand. «Acta Archaeologica», 17. Budapest, 1965; M. Chmielewska. Lużyckie i scytyjskie zabytki znalezione w schronisku skalnym w miejsc. Rzedkowiec, WA, t. XXIII, 1, Warszawa, 1956, s. 81—89.

¹⁸ М. Dušek. Die thrako-skythische Periode in der Slowakei. «Slovenska Archeologia», IX, 1—2, 1961; *idem*. Waren Skythen in Mitteleuropa und Deutschland. PZ, Bd. 42. Berlin, 1964.

¹⁹ См. В. А. Ілліньська. Про походження та етнічні зв'язки племен скіфської культури Посульсько-Донецького лісостепу. «Археологія», т. XX, Київ, 1966, стр. 58—91.

до конца II тысячелетия до н. э.²⁰ Это подтверждается целым рядом находок на поселениях первого периода срубной культуры, абашевской культуры Западного Урала и белогрудовской культуры на украинском Правобережье²¹. В начале I тысячелетия до н. э. железо проникает уже далеко на север, и вскоре его научились самостоятельно добывать даже менее развитые северные племена. На стоянке Ольский Мыс на берегу озера Лача около Каргополя найдены железные шлаки и остатки сыродутного горна, который датируется первой половиной I тысячелетия до н. э.²²

Но кроме умения добывать металл, нужно было научиться так его обрабатывать, чтобы проявились его основные полезные свойства. До VIII—начала VII в. до н. э. у племен Восточной Европы шел процесс освоения технологии добычи и обработки железа²³. Вопреки мнению некоторых авторов этот процесс был длительным, так как добыча железа из руд, а тем более его обработка требовали совсем иных технологических приемов, связанных с преодолением традиций, сложившихся в процессе работы с уже известными цветными и благородными металлами, и с выработкой новых технологических приемов, не известных ранее. Ко времени установления господства скифов в степях Северного Причерноморья местные племена уже накопили опыт в деле добычи и обработки железа. Решительный перелом в освоении железа произошел, по-видимому, еще в доскифский период, в VIII—VII вв. до н. э., когда в лесостепи особенно выделяется приднепровский металлургический центр чернолесской культуры²⁴, а на юге появляются

связанные, видимо, с киммерийцами погребения конных воинов типа симферопольского, содержащие различные железные вещи²⁵. Даже в Среднем Поволжье довольно много железных изделий в ранних комплексах дают такие Предананьинские памятники, как Старший Ахмыловский могильник (VIII—V вв. до н. э.)²⁶.

Таким образом, основы быстрого технического прогресса местного населения Восточной Европы были заложены еще в доскифское время. Все основные виды металлических орудий и оружия даже в архаический период в Скифии делаются уже не только из простого железа, но и из стали²⁷. Последнее обстоятельство стоит подчеркнуть особо, так как подлинное освоение железа начинается именно с открытия и применения стали²⁸. Исследования показывают, что в раннескифское время, до конца V в. до н. э., основные центры добычи и обработки железа находились в лесостепи, а не в степной Скифии, причем развитие металлургии в степных и лесостепных областях связано с разными традициями²⁹.

В степной части Северного Причерноморья остатки железоделательного производства зафиксированы, помимо античных поселений, лишь в двух местах: у с. Городище в Ворошиловградской области и на Каменском городище. У с. Городище был найден весьма примитивный горн ямного типа с нижним дутьем³⁰, который может быть датирован временем не ранее конца V—начала IV в. до н. э. Остатки горна III в. до н. э. на Каменском городище³¹ сохранились гораздо хуже и о типе его говорить трудно.

На лесостепных и лесных поселениях южной части Восточной Европы остатки местно-

²⁰ *Прим. ред.* Этот вывод автора носит спорный характер. См., например: А. П. Смирнов (в МИА, № 28, 1952, стр. 39, 195) относит время появления железа в Восточной Европе к IX в. до н. э.

²¹ Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР. СА, № 4, 1958, стр. 3—9; Б. А. Шрамко. Появление и освоение железа в Восточной Европе. «Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР», вып. 4. Харьков, 1965, стр. 219—227.

²² О. В. Овсянников, Г. В. Григорьев. Железоплавильный горн на стоянке Ольский Мыс. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 22—23.

²³ Б. А. Шрамко. Указ. соч., стр. 224.

²⁴ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.

²⁵ А. А. Шепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА, вып. 12, Киев, 1962, стр. 57—65; А. А. Иссен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, М., 1954, стр. 122—125; Г. Т. Ковпаненко. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне Ворсклы. КСИА, вып. 12.

Киев, 1962, стр. 66—72; она же. Носачівський курган VIII—VII ст. до н. э. «Археологія», т. XX, Київ, 1966, стр. 174—178.

²⁶ А. Х. Халиков. Старший Ахмыловский могильник VIII—V вв. до н. э. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 г.» М., 1966.

²⁷ Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин. Металл скифов — железо и сталь. «Методы естеств. и техн. наук в археологии». М., 1963, стр. 34—36.

²⁸ L. Aitchison. A History of Metals, vol. I. London, 1960, p. 111—112; Б. А. Колчин. Археология и естественные науки. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 16.

²⁹ Б. А. Шрамко. Появление и освоение железа в Восточной Европе, стр. 224.

³⁰ Б. А. Шрамко. Новые данные о добыче железа в Скифии. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 74, рис. 27; И. А. Гзелишвили. Классификация сыродутных печей. «Сб. трудов Гос. историко-этнографич. музея Тбилиси», т. I. Тбилиси, 1966, стр. 180—187.

³¹ 5. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 187.

го металлургического производства уже с архаической эпохи встречаются гораздо чаще, причем способы добычи железа здесь были иными. После малопродуктивного тигельного способа добычи железа³² местные ремесленники перешли к использованию не ямных, а более совершенных наземных горнов. Остатки таких горнов найдены на Шарповском городище VI в. до н. э.³³ и в слое IV—III вв. до н. э. на селище у с. Новая Покровка³⁴. Ясно выраженные остатки, связанные с сыродутным способом добычи железа, имеются в хорошо датированных VI в. до н. э. комплексах Вельского³⁵ и Люботинского³⁶ городищ. На многих других лесостепных поселениях VII—III вв. до н. э. найдены остатки железных шлаков, руды, обломки стенок горнов и обломки керамических сопел для дутья воздуха³⁷. Конечно, нет ничего удивительного в том, что металлургия железа появилась здесь рано и получила широкое распространение. Для развития этого вида производства было весьма важно, что в лесостепи, кроме обилия сырья в виде бурых железняков разного типа, имелось достаточно леса для получения древесного угля, без которого нельзя было восстанавливать железо методами той эпохи. Важное значение имели и другие обстоятельства. В отличие от степной Скифии, где жили в основном кочевники-скотоводы, в лесостепи издавна обитали оседлые племена, причем большее количество населения было сосредоточено на городищах, которые были не только родоплеменными политическими центрами и военными крепостями, но обычно и важными производственными центрами. Среди прочего населения на таких городищах

жило немало ремесленников. Речь идет не только о таких гигантах, как Вельское городище. Даже сравнительно небольшое Люботинское городище дало такое обилие остатков ремесленного производства, начиная от различных инструментов и кончая специальной печью для цементации железа³⁸, что по своему производственному значению оно, пожалуй, не уступает степному Каменскому городищу, а хронологически охватывает и более раннее время, с конца VII в. до н. э.

Если учесть все эти факты, то становится ясно, что основная масса изделий из железа и стали, в том числе оружие и другие местные изделия так называемых «скифских типов», распространенные в Скифии, производились не скифами³⁹, а ремесленниками лесостепных поселений.

Очень интересную в этом отношении картину дает исследование мечей. В лесостепных комплексах скифской эпохи мы можем найти все основные типы мечей, которые известны в степной Скифии⁴⁰. Вместе с тем в лесостепи имеются и такие типы мечей, которые не встречаются за пределами этой территории. К ним относятся мечи с сегментовидным перекрестием, мечи, очень своеобразно украшенные чеканным геометрическим орнаментом, и некоторые типы мечей с ажурными рукоятками (рис. 1). Другие мечи общераспространенных в Скифии форм по своей технологии также являются очень своеобразными изделиями лесостепных мастеров. Примером такого рода может служить меч конца VI — начала V в. до н. э., найденный на Западном Вельском городище. По внешним данным он изготовлен так, как делались обычно и многие другие мечи «скифского типа»; сначала был выкован клинок вместе с рукояткой, затем приварено сердцевидное перекрестие и брусковидное навершие, сделанное из согнутой вдвое пластинки. Однако металлографическое исследование показало применение местным мастером весьма своеобразной и технически совершенной технологии изготовления клинка меча. Для придания клинку из малоуглеродистой стали большей твердости меч послековки подвергался цементации, которую хорошо освоили лесостепные мастера. В данном случае эта операция была проделана

³² М. Е. Фосс. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 63; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 37.

³³ /. В. Фабриціус. Тясминська експедиція. АП УРСР, т. II. Київ, 1949, стр. 90.

³⁴ Б. А. Шрамко. Новые данные о добыче железа в Скифии, стр. 75—76.

³⁵ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. «Труды XIV АС», т. III. М., 1911, стр. 108 и др.; Б. А. Шрамко. Новые данные о добыче железа в Скифии, стр. 76—77.

³⁶ Б. А. Шрамко. Нові дані про господарство скіфської епохи. «Вісник Харківського ун-ту», № 17, іст. серія, вып. I. Харків, 1966, стр. 73—82.

³⁷ Городища у сел Городное, Циркуны, Караван, Бараново, у с. Городище в Харьковской обл., Каратуйское и Басовское городища, селища у сел Ли* хачевки, Островерховки, у Куряжа, у ст. Шелковая и др.

³⁸ Б. А. Шрамко. Нові дані про господарство..., стр. 77, рис. 5.

³⁹ Слабое развитие ремесла у собственно скифов отмечает и А. И. Тереножкин. См. А. И. Тереножкин. Об общественном строе скифов. СА, 1966, № 2, стр. 43.

⁴⁰ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. ДІ-4. М., 1964, стр. 46 и сл.

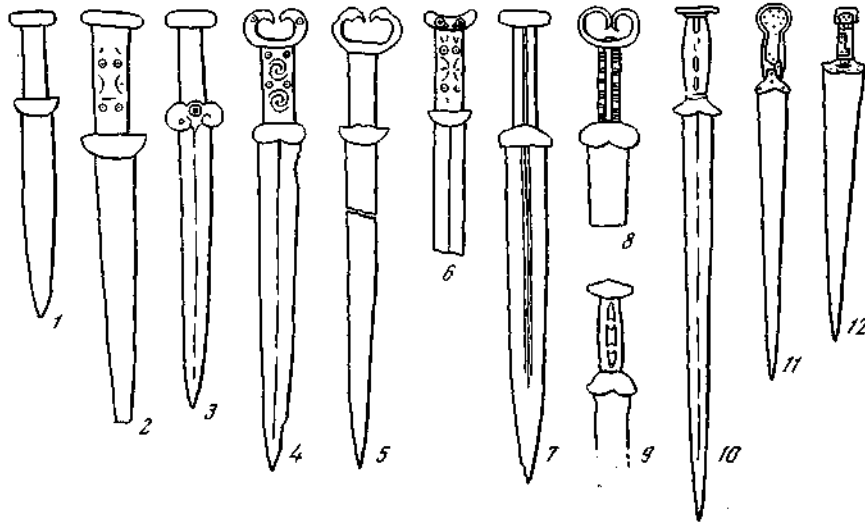

Рис. 1.
Образцы мечей лесостепного типа

1 — Днепровское правобережье, дар Терещенко; 2 — с. Таганча; 3 — находка в быв. Каневском у. Киевской губ.; 4 — с. Журавка; 5 — с. Гамарня; 6 — с. Волковцы; 7 — с. Б. Букрин (Тростянец); 8 — окрестности Смелы; 9 — с. Сухин; 10 — с. Ковали; 11 — с. Макеевка; курган 489; 12 — с. Русская Тростянка, курган 17

особенно искусно. Цементировался не весь меч или клинок, а только его лезвие с двух сторон⁴¹.

Наконец, очень интересные факты дал спектральный анализ изделий из черных металлов⁴². Он позволил уже сейчас выделить в Скифии по крайней мере четыре группы металла, отличающиеся своеобразной гаммой микропримесей, свидетельствующих о существовании самостоятельных центров производства. В лесостепи удалось выделить пока три такие группы (центра), причем хронологически они дают материал значительно более ранний (VII—III вв. до н. э.), чем материал степного центра. Один лесостепной центр намечается в районе Среднего Приднепровья на правом берегу Днепра. Здесь в гамме микропримесей железа, кроме обычных кремния и марганца, почти всегда имеется небольшое количество ванадия и следы или небольшое количество молибдена. Два других производственных центра мы можем указать более определенно — это Вельское и Люботинское городища. Ремесленники Вельского городища ис-

пользовали два типа руды, которые несколько отличаются друг от друга. В обеих рудах гамма микропримесей содержит никель, молибден, хром и титан. Но в одной из руд содержание титана и хрома значительно выше и, кроме того, содержится кобальт, которого нет в первой. Металл, который использовали ремесленники Люботинского городища, отличается тем, что марганца и кремния здесь больше, чем в металле Среднего Приднепровья, и весьма часто встречается примесь титана.

В степной Скифии известна только одна каменная группа металла, которая относится к IV—III вв. до н. э. Металл степного Каменского городища отличается тем, что в гамме микропримесей здесь всегда имеется небольшое количество или следы ванадия, иногда встречаются цинк и хром. Кремния и марганца здесь гораздо больше, чем в металле Среднего Приднепровья.

Таким образом, самые разнообразные факты позволяют уверенно говорить, что на территории лесостепи в раннем железном веке существовал ряд самостоятельных и более ранних, чем в степной Скифии, центров по добыче и обработке черных металлов. Ремесленники лесостепных племен уже в раннескифское время достигли больших успехов в обработке черных металлов, применяя кузнечную сварку и цементацию изделий. Для изделий, рабочие части которых должны были

⁴¹ Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин, Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. СА, 1963, № 4, стр. 48, рис. 2, 8; 4, 10.

⁴² Б. А. Шрамко. Новые данные о добыче железа в Скифии, стр. 72; Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев, Р. Б. Степанская. К вопросу об уровне развития железообрабатывающего ремесла у степных скифов (в печати).

иметь достаточную твердость, использовали сталь, иногда закаленную. Деятельность кузнецов лесостепных центров имела большое значение для развития хозяйства населения юга Восточной Европы. В этих центрах изготавливались и своеобразные местные вещи и общераспространенные вещи так называемого «скифского типа».

Также было развито и сохраняло своеобразные черты бронзолитейное ремесло лесостепных племен. Существовало и местное производство изделий из благородных металлов. Как цветные, так и благородные металлы были здесь привозными, но находки слитков металла, различных остатков литейного производства и связанных с ним орудий убедительно свидетельствуют о довольно широком распространении местной обработки этих металлов. Помимо мест, где имеются лишь отдельные находки этого рода, известно уже несколько довольно важных лесостепных центров производства вещей из цветных и благородных металлов. К ним относятся комплекс Вельских городищ⁴³, селище у с. Лихачевки⁴⁴, Шарповское городище⁴⁵, Люботинское городище⁴⁶, селище у ст. Шелковая⁴⁷, селище у с. Грищенцы⁴⁸.

Наиболее яркий материал найден, пожалуй, на Вельских городищах и на Люботинском городище. На Вельских городищах даже в комплексах VI—V вв. до н. э. имеются отчетливые следы бронзолитейного производства. На этих городищах найдены слитки бронзы, олова, золота, обломки плавильных тиглей, льячки, бронзовые полуфабрикаты и бракованные вещи, воронкообразный литник, напильник для обработки цветных металлов, бронзовый шпатель, а в 1965 г.— даже остатки мастерской бронзолитейщика с бронзоплавильной печкой⁴⁹. На

Люботинском городище в слоях VI—IV вв. до н. э. обнаружены слитки бронзы, обломки глиняных и каменных плавильных тиглей с остатками меди, льячка, ювелирное зубильце, бронзовые полуфабрикаты, а также литейные формы разных типов⁵⁰. Известняковая литейная форма для отливки наносника обнаружена в кургане № 2 у с. Аксютинцы при раскопках С. А. Мазараки⁵¹. Для массового производства наконечников стрел применялись и более прочные медные литейные формы⁵².

Определенную часть штампованных и тисненых золотых украшений из привозного сырья также несомненно делали местные ремесленники. В пользу этого свидетельствуют находки бронзового штампа для изготовления бусин в с. Стайки⁵³ и штампа для изготовления блях на селище у с. Б. Даниловка⁵⁴. Однако значительная часть изделий из благородных металлов ввозилась, видимо, из античных городов, среди которых первое место занимали греческие города Северного Причерноморья и особенно Боспора⁵⁵. Это подтверждается и находками орудий, и стилистическим анализом предметов торевтики, и технологическими приемами, которые не применяли туземные мастера, но которые были хорошо известны античным ремесленникам.

При изготовлении различных видов изделий из цветных металлов лесостепные мастера, как показывают анализы⁵⁶, применяли преимущественно оловянистые или свинцово-оловянистые бронзы, количество олова в которых обычно превышает 10%. Такие бронзы не

⁴³ Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 42.

⁴⁴ И. А. Зарецкий. Заметки о древностях Харьковской губ. Богодуховского у. слабоды Лихачевки. «Харьковский сборник», вып. 2. Харьков, 1888. До сих пор эти находки иногда ошибочно связывают с городищем Раскопана Могила, которое не существует. Наши разведки 1951 г. показали, что Раскопана Могила — это типичный майдан.

⁴⁵ / . В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 80 и сл.

⁴⁶ Б. А. Шрамко. Нові дані про господарство..., стр. 79.

⁴⁷ Б. А. Шрамко. Поселения скифского часу біля ст. Шовкова. «Археологія», т. XVI, Київ, 1964, стр. 181—190.

⁴⁸ В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднестровья в V—III вв. до н. э. САИ, вып. ДІ-4. М., 1967, стр. 11.

⁴⁹ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований..., стр. ПО и сл.; Б. А. Шрамко. Исследования лесостепной полосы УССР. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 199.

⁵⁰ Б. А. Шрамко. Нові дані про господарство..., стр. 78—80.

⁵¹ В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне р Сулы. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 40.

⁵² Ф. М. Штительман. Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки Київського історичного музею. «Археологія», т. I. Київ, 1947, стр. 161—162.

⁵³ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднестровья, вып. III. Киев, 1900, приложение, стр. 7.

⁵⁴ Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 209.

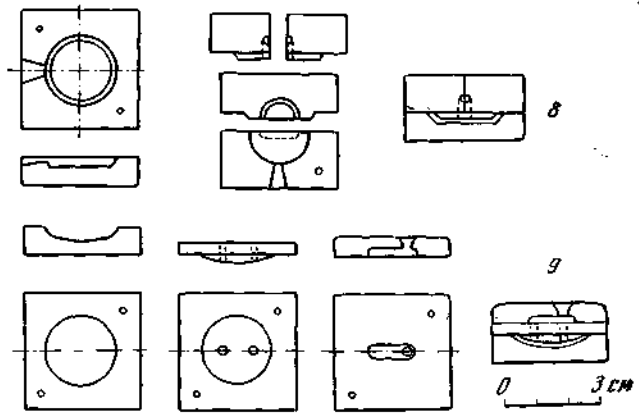
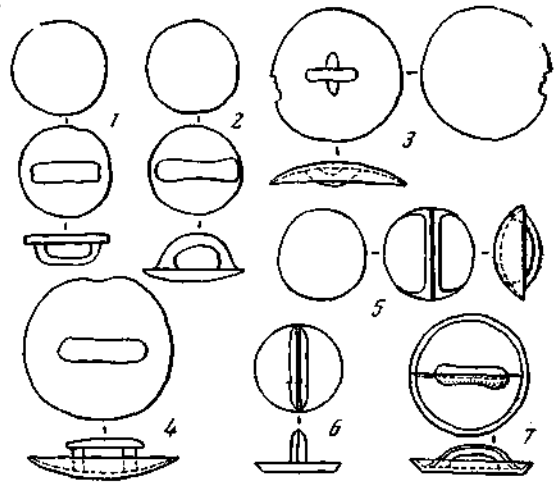
⁵⁵ Б. М. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини с Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи. «Археологія», т. I. Київ, 1947, стр. 23 и сл.; С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, 1956; Л. П. Харко. К вопросу о производстве золотых бляшек в Черноморье. МИА, № 96, 1961, стр. 223; Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. САИ, вып. ДІ-27, 1966; Н. А. Онайко. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднестровье. КАМ, М., 1966, стр. 159 и сл.

⁵⁶ Б. А. Шрамко. Господарство лісостепових племен на території України (VII—III ст. до н. е.). «Український історичний журнал», № 1. Київ, 1971, стр. 58—59.

поддаются ковке или штамповке, но литейные качества их высоки. Это и предопределило основную технологию изготовления вещей из цветных металлов — они преимущественно литые. Ковку, чеканку, штамповку и тиснение местные лесостепные ремесленники применяли редко. Совсем не характерна для местного производства техника орнаментации при помощи зерни, скани и инкрустации. Настоящая зернь и скань встречаются в лесостепных памятниках скифской эпохи лишь на импортных вещах. Никогда не применяется в местном производстве соединение деталей металлических изделий при помощи паяния.

У степных скифов обработка цветных и благородных металлов, особенно в архаический период, была развита гораздо слабее. И. В. Яценко прямо говорит об упадке этого производства в VII—V вв. до н. э. по сравнению с предшествующим периодом⁵⁷. Производственные остатки, связанные с этим ремеслом, на территории степной Скифии встречаются, но их очень мало. Характерно, что наиболее ранние находки связаны с территорией, примыкающей к Ольвии. Слабые следы местного производства в виде бракованных наколочников стрел имеются на поселении VI в. до н. э. на берегу Днепровского лимана⁵⁸. К V в. до н. э. относится находка гипсовой литейной формы для отливки бляшки в виде головки льва в одном из курганов Аджигольского могильника на берегу Бугского лимана⁵⁹. Со времени возникновения Каменского городища на Днепре какая-то часть изделий из цветных и благородных металлов стала производиться и здесь, но все же и в IV—III вв. до н. э. в комплексах степных скифских курганов преобладают привозные металлические изделия из цветных и благородных металлов.

В данном случае не стоит говорить о явно античной технологии многих роскошных ювелирных изделий, которые уже неоднократно привлекали внимание ряда исследователей. Мы рассмотрим технику изготовления лишь нескольких очень широко распространенных типов вещей, которые могли производиться и действительно производились в различных местах. Очень характерны в этом отношении простые круглые бляшки для конской сбруи, обычно лишённые всякого орнамента. Каза-

Р и с. 2.
Бронзовые бляшки лесостепного типа для конской сбруи 1—7) и литейные формы для отливки их (8, 9)

1 — с. Вел. Будки, курган 477; 2 — Пастырское городище; 3 — с. Лихачевка, сборы И. А. Зарецкого; 4 — из раскопок А. Бобринского в Чигиринском у.; 5 — курган у с. Кошеватое; 6 — с. Журовка, курган 414; 7 — с. Волковцы, курган 1; 8, 9 — реконструкция двух типов жестких разъемных литейных форм

лось бы, эти очень несложные предметы могли делать и местные мастера-литейщики, работавшие для своих общин или для продажи вещей на местном рынке. В лесостепи дело, видимо, так и обстояло. На Люботинском городище найдена литейная форма для изготовления именно таких бляшек⁶⁰. В других случаях технологические особенности также помогают выяснить, что мы имеем дело с изделиями лесостепных ремесленников.

На первый взгляд все эти круглые, слегка выпуклые или плоские бляшки очень похожи

⁵⁷ И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, стр. 89.

⁵⁸ Там же, стр. 88.

⁵⁹ М. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouw. Cherson. «Prachistorische Zeitschrift», В. IV, Н. 1-2, 1913, S. 9, Abb. 6 (Grabhüg. IU).

⁶⁰ Б. А. Шрамко. Нові дані про господарство..., стр. 79, рис. 6, 17.

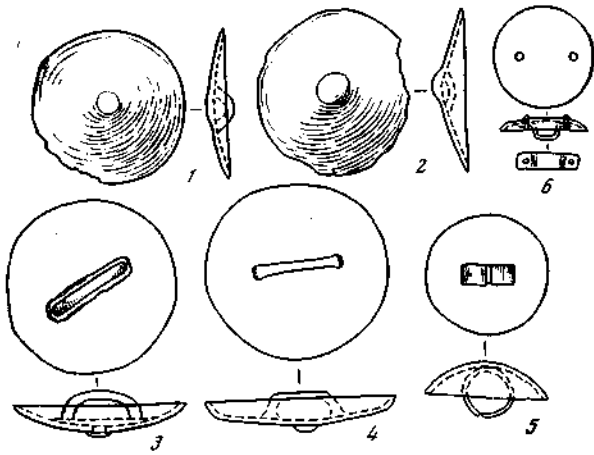

Рис. 3.
Бляшки от конской сбруи из степной Скифии
1, 2 — находки А. Чумаченко в быв. Екатеринославской губ., ГИМ; 3, 4 — курган «Козел»; 5 — Краснокутский курган; 5 — курган у с. Покровка; 4 — серебро и электр; 5, 6 — серебро; остальные — бронза

друг на друга (рис. 2, 1—7). Но некоторые мелкие детали, видимые на оборотной стороне бляшек, показывают, что технология изготовления их различна, причем мастера разных производственных центров имели свои излюбленные приемы. В ранних лесостепных комплексах VI—V вв. до н. э. встречаются бляшки этого типа, отлитые по восковой модели (рис. 2, 1—3), иногда с применением отдельного глиняного стержня для получения отверстия в ушке⁶¹. Это очень древняя технология. На рассматриваемой территории бляшки, отлитые таким способом, имеются еще в комплексах предскифской эпохи, например среди вещей погребения из с. Носачево⁶². Однако такой способ изготовления бляшек был малопродуктивным. Поэтому уже с VI в. до н. э. в лесостепи появляются и получают широкое распространение бляшки, отлитые в жесткой разъемной форме. Такая форма, состоящая из трех частей (рис. 2, 8), позволяла отливать целые серии однотипных бляшек⁶³. Встречается и другой тип жесткой формы, в которой отливались бляшки с уш-

ком, имеющим основание в виде двух столбиков⁶⁴ (рис. 2, 9).

В степных комплексах наблюдается иная картина, свидетельствующая о слабом развитии местного производства и о большом удельном весе импорта. В архаическую эпоху в степи также встречаются круглые бляшки для сбруи, отлитые по восковой модели⁶⁵, но формы их несколько отличаются от лесостепных (рис. 3, 1—2) и очень близки к северокавказским⁶⁶. Круглые бляшки, отлитые целиком в жестких формах по лесостепной технологии, в степных комплексах встречаются, но не являются для них характерными. Зато в степных скифских комплексах получают широкое распространение круглые бляшки для конской сбруи, сделанные по различным вариантам особой технологии, резко отличающейся от технологии лесостепных мастеров. Характерным для этой серии бляшек⁶⁷ (рис. 3, 3—6), сделанных из бронзы, серебра, электра и золота, является раздельное изготовление ушек и щитка. При этом для прикрепления ушек применяются различные способы: литые, заклепки и паяние. Такая технология целесообразна только в хорошо организованных мастерских, где работали по крайней мере несколько человек и существовало определенное разделение труда при массовом изготовлении однотипных вещей для широкого рынка. Эта технология, а также характер материала свидетельствуют о том, мы имеем дело с импортными изделиями античных мастерских.

Таким образом, изучение важнейших видов местного производства, связанных с добычей и обработкой черных и цветных металлов, показывает, что уровень развития этого производства у лесостепных племен был несравненно выше, чем у степных кочевников-скифов. Основная часть местных металлических изделий для племен Скифии делалась руками лесостепных ремесленников, производство которых в течение всей эпохи раннего железного века сохраняет местные традиции. Благодаря своим походам в Переднюю Азию, а позже бла-

⁶¹ В. Будки, курган 477, Эрмитаж, № Дн. 1932, 17/5; Пастырское, КИМ, № Б. 293; Лихачевка, ГИМ, № 18779.

⁶² Г. Т. Ковпаненко. Носачівський курган VIII—VII ст. до н. е., стр. 175, рис. 1.

⁶³ Журовка, курган 414, КИМ, № Б. 1579; Волковцы, курган 1, КИМ, № Б. 22271; курган у с. Пруссы, КИМ, № Б. 34-125; курган у с. Кошеватое, КИМ, № Б. 4555 и др.

⁶⁴ Раскопки А. Бобринского в Чигиринском у., КИМ, № Б. 43-266; Басовка, курган 482, Эрмитаж, № Дн. 1932, 8/2.

⁶⁵ Находки в быв. Екатеринославской губ., ГИМ, № 44887, 44888.

⁶⁶ С. Кедабек, могила 56, раскопки А. А. Ивановского. ГИМ, № 47733; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. 2. Paris—Lyon, 1886 Atlas, Pl. XXX, 7—10.

⁶⁷ Курган «Козел», раскопки И. Е. Забелина, ГИМ, № 1712; курган у с. Покровка, ГИМ, № 43933; Краснокутский курган, Эрмитаж, № Дн. 1860, 1/97 и др.

годаря тесным торговым связям с античными городами Северного Причерноморья и Фракийской скифские степные племена являлись распространителями восточного и античного культурного влияния на местное население юга Восточной Европы. Но подлинными создателями той культуры, которую мы называем скифской, являлись экономические более высокоразвитые лесостепные племена местного происхождения. Заимствовав у степных скифов некоторые типы вещей и некоторые художественные мотивы восточного и греческого происхождения, местные лесостепные племена по-своему переработали эти типы и мотивы, приспособили их к местной идеологии и создали оригинальные образцы звериного стиля. Развитое ремесло и домашние промыслы способствовали широкому распространению в Восточной Европе изделий так называемого «скифского типа»*. Именно благодаря тесным контактам с лесостепными племенами изделия «скифского типа» и различные подражания им появляются у более седаерных лесных племен милоградской, юхновской, дяковской и городецкой культур⁶⁸ и в Центральной Европе⁶⁹. Слаборазвитое, особенно в архаическую эпоху, металлургическое и металлообрабатывающее ремесло собственно скифских скотоводческих племен, у которых даже во времена Геродота еще не было «ни городов, ни укреплений»⁷⁰, не могло обеспечить такого мощного культурного влияния.

И после появления в степях Северного Причерноморья ираноязычных скотоводов скифов в лесостепи сохранилась местная этническая основа и продолжали развиваться местные традиции. У этих издревле оседлых земледельческих племен в раннем железном веке

* Прим. ред. Высказанное положение отражает личную точку зрения автора и редакторами ни в коей мере не разделяется.

⁶⁸ В. А. Городилов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 40; Н. В. Трубинова. Племена городецкой культуры. «Труды ГИМ», вып. XXII. М., 1953, стр. 83 и сл.; 5. Н. Граков. Бронзовая рукоять меча из Муром. СА, № 4, 1961, стр. 140; В. И. Гуляев. Мечи скифского типа с территории городецкой культуры. СА, № 4, 1961, стр. 263; О. Н. Мельниковская. Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии. КСИД, вып. 94, 1963, стр. 9; Р. Л. Розенфельд. Бронзовая рукоять меча из Пьяного Бора. НВСА. М., 1965, стр. 236; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории..., стр. 55.

⁶⁹ А. И. Мелюкова. К вопросу о памятниках скифской культуры..., стр. 239; М. Düsek. Regiunile Carpato-Dunarene și sudul Slovaciei în etapa Hallsstattana tirzie. «Arheologia Modlovei», 2-3, 1964.

⁷⁰ Геродот, IV, 46.

продолжает совершенствоваться пашенное земледелие и оседлое скотоводство, тесно связанное с земледелием⁷¹. В хозяйстве лесостепных племен очень большую роль играли также домашние промыслы, связанные с обработкой таких материалов, как камень, дерево, кость, рог, кожа, различные волокнистые материалы и глина⁷². О металлургическом и металлообрабатывающем ремесле мы уже говорили выше.

При изучении различных видов домашнего производства удается выделить ряд специфических элементов, отличающих степную культуру от лесостепной и указывающих на местную основу последней, не связанную со скифами. Остановимся на некоторых изделиях из кости и рога. Эти материалы широко использовались в лесостепи для изготовления не менее 45 видов изделий. Изучение их особенно важно для понимания происхождения и развития восточноевропейского звериного стиля, который называют скифским, для выявления тех его самобытных черт, которые не связаны с восточным и греческим искусством, или тех заимствованных образов, которые оказываются своеобразно переработанными местными мастерами. Очень интересный анализ жаботинских костяных вещей конца VII в. до н. э. и других архаических вещей звериного стиля проделала недавно М. И. Вязьмитина. В ее статье вполне убедительно обоснован вывод о том, что жаботинские пластинки с изображением лосей были выполнены местным лесостепным мастером и отражают местное мифологическое мировоззрение, связанное с культом плодородия⁷³.

Обширную группу орнаментированных в зверином стиле костяных изделий VI в. до н. э. составляют псалии, которые очень характерны для лесостепных племен. В лесостепи их несравненно больше, чем в других местах Скифии, и они дают очень оригинальные образы местного происхождения, но эти образы

⁷¹ Я. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа. «Материалы и исследования по земледелию», т. I. М., 1952; он же. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, 1960; В. И. Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. МИА, № 135, 1966; Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени. СА, № 1, 1961; он же. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, № 4, 1964.

⁷² Б. А. Шрамко. Господарство лесостепных племен..., стр. 53—61.

⁷³ М. И. Вязьмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, № 2, стр. 158 и сл.

не всегда правильно трактуются. Исследователи уже отмечали⁷⁴ странное на первый взгляд явление: изображения коня занимают весьма скромное место в искусстве скифов, основой хозяйства которых было скотоводство, и в частности коневодство. В. А. Ильинская в одной из своих статей пересматривает этот вопрос и на основе анализа лесостепных псалий показывает, что «образ коня является одним из наиболее характерных для раннескифского искусства»⁷⁵. Она выделяет две группы псалий, на которых якобы имеются изображения лошадей: «Первую составляют головки, передающие бегущее животное с вытянутой вперед мордой и прижатыми к затылку ушами. На второй изображены головки коней в спокойном состоянии, с опущенной мордой и торчащими вперед или вверх ушами»⁷⁶. Нам кажется, что разделение здесь не очень четкое, а объяснение его не совсем убедительно. Прежде всего, в первой группе изображений объединены не совсем однородные типы: здесь мы видим животных не только с вытянутой вперед, но и с опущенной мордой (рис. 1, 10—13 в статье В. <И. Ильинской); уши животных также изображены различно: то очень длинными, то короткими, «сердцевидными», т. е. такими же, как у ряда животных второй группы. Во второй группе есть животные и с длинной и с короткой мордой. Во-вторых, откуда вообще видно, что здесь изображены именно лошади, а не какие-либо другие животные? В. А. Ильинская не приводит никаких доказательств и лишь отмечает, что «детали конской головы переданы условно», что «наблюдается гиперболизация некоторых деталей» и т. п. Непонятно также, почему автор считает, что у лошади резко меняются размеры морды и длина ушей в зависимости от того, бежит лошадь или стоит. Лошадь может изменить положение головы и ушей, но размеры их, конечно, остаются при этом прежними.

По-видимому образы, зафиксированные на костяных псалиях, нуждаются еще в детальном изучении. Во всяком случае, на наш взгляд, и в первой и во второй группе псалий, выделенных В. А. Ильинской, нет изображений лошадей или, по крайней мере, в большинстве случаев изображены не лошади. В первой группе обращают на себя внимание животные с мощными челюстями, с опущен-

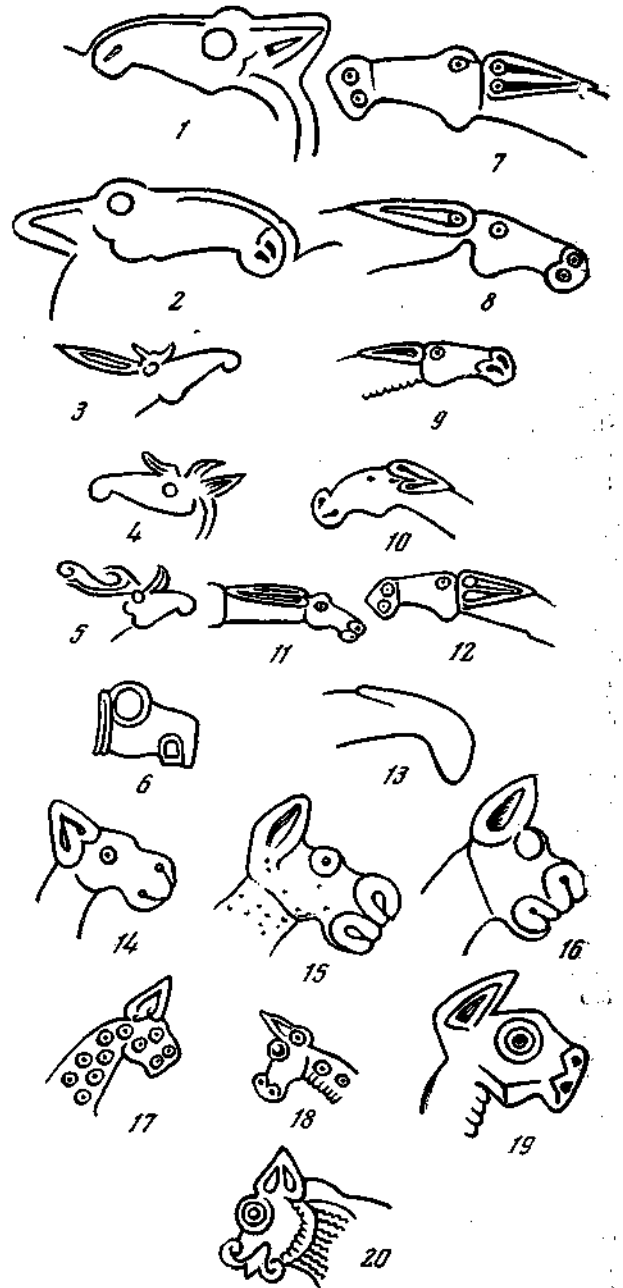

Рис. 4. Изображения лосей (1—13) и хищников семейства кошачьих 1—5 — Жаботин; 6 — курган 505 у с. Броварки; 7, 8 — курган у с. Будки; 9, 11, 12 — курган у хут. Шумейко; 10, 13 — у с. Волковцы; 16, 17 — курган у хут. Шумейко; 14, 15, 18 — курган 2 у с. Волковцы; 19, 20 — клад из Зивийе

ным вниз концом морды и часто с весьма длинным ухом. Это — лоси или, точнее, лосихи⁷⁷ (рис. 4, 7—13). В этом нетрудно убе-

⁷⁴ С. И. и Н. М. Руденко. Искусство скифов Алтая. М., 1949, стр. 85.

⁷⁵ В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, № 1, стр. 89.

⁷⁶ В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 89.

⁷⁷ Кстати, сильно горбатая морда характерна только для старых лосей-самцов. У молодых лосей и лосих

даться, если сравнить контуры головок псалий данного типа с контурами головок бесспорно лосей на жаботинских пластинках (рис. 4, 1—5). Получается поразительное совпадение основных линий. Неизбежные расхождения имеются только в мелких деталях. О том, что это — лоси, свидетельствует и такая деталь, как длинное ухо, характерное вообще для многих парнокопытных⁷⁸.

Что касается второй группы головок, то, на наш взгляд, здесь в большинстве случаев изображены не лошади, а хищники кошачьей породы (рис. 4, 14—19). Об этом свидетельствуют и очень характерные короткие морды с закругленными контурами и формы торчащих ушей⁷⁹, которые очень напоминают морду хищника золотого нагрудника из клада Зивийе (рис. 4, 20), морду хищника на резном клыкке, найденном в одном из курганов бывш. Роменского уезда⁸⁰, и ряд других изображений хищников кошачьей породы. На некоторых псалиях кружками показаны даже пятна, которые имеются на шкуре у пантеры и гепарда. Наконец, на нижнем конце псалия из кургана № 2 у с. Аксютинцы, который В. А. Ильинская приводит как изображение лошади, ясно видна лапа хищника с когтями.

Таким образом, оказывается, действительно правы те исследователи, которые отмечают странную для скифского искусства особенность — очень незначительное количество изображений лошади на местных изделиях. Обилие же изображений лосей вполне объяснимо тем, что в создании звериного стиля большую роль играли лесостепные племена Восточной Европы. Вклад же собственно скифских мастеров заметен очень слабо. В таком случае возникает вопрос: достаточно ли удачен по от-

изгиб меньше. Это хорошо подметили в ряде случаев древние резчики. Ср. также: *Брем. Жизнь животных*. СПб., 1904, стр. 716.

⁷⁸ См., например, головы оленей на рукоятке келермесской секиры и на ножнах меча из того же кургана, на серебряном поясе из Зивийе и пр.

⁷⁹ Не у всех хищников семейства кошачьих уши закруглены, как у льва, пантеры и тигра. У охотничьего леопарда или гепарда, который хорошо известен на Востоке, уши сверху заострены.

⁸⁰ Б. Н. и В. И. Ханенко, ДП, вып. 11. Киев, 1899, табл. XXXI, 512.

ношению к таким вещам термин «скифский звериный стиль»? Он достался нам в наследство от той первоначальной стадии археологического изучения культуры народов юга Восточной Европы, когда исследователи не умели еще выделять собственно скифские памятники из массы памятников других племен раннего железного века в степной и лесостепной полосе, когда не была еще ясна местная, не скифская основа культуры земледельческих племен лесостепи и Прикубанья. М. И. Ростовцев⁸¹, Э. Минз⁸², Г. Боровка⁸³ и другие исследователи говорили о том, что самобытные черты скифского искусства будут ясны тогда, когда мы выделим наносные элементы, связанные с греческим и восточным влиянием, но при ЭТОМ искали местные элементы в памятниках лесостепи и Прикубанья, где основная масса населения в раннем железном веке была нескифской. Сейчас, когда перед археологами стала задача более конкретного изучения особенностей культуры отдельных племен и племенных объединений, когда уже ясно, что на огромных пространствах степной и лесостепной Скифии жили отнюдь не только ираноязычные скифы, когда оказывается, что роль последних в развитии местного производства и культуры слишком преувеличивалась, следует, видимо, пересмотреть и нашу терминологию. Название «восточноевропейский звериный стиль» будет, очевидно, более соответствовать действительности, чем термин «скифский звериный стиль». Как мы пытались показать на ряде примеров, многое из того, что считается вещественным олицетворением скифской культуры, на самом деле создано не скифами, не связано с собственно скифами или является общим для большого круга самых различных племен Восточной Европы в раннем железном веке. Необходимо также четко различать скифское влияние от наличия собственно скифского населения на той или иной территории.

⁸¹ M. Rostovtzeff. *The Animal Style in South Russia and China*. Leipzig — London, 1929, p. 23.

⁸² E. Minns. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 261.

⁸³ G. Borovka. *Scythian Art*. London, 1928, p. 5.

П. Д. Либеров ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА
В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Вопрос об этнической принадлежности населения среднего Дона в эпоху железного века вплоть до последнего времени относился к наиболее трудным и сложным проблемам древней истории в силу слабой изученности археологических, антропологических, языковых и других материалов. Основным источником в решении этой проблемы до сих пор были сообщения Геродота и других авторов позднеантичного и римского времени. Однако из-за их неполноты и неясности по поводу локализации будинов вопрос об этнической принадлежности последних оставался не раскрытым. Проблема локализации будинов и их этнической принадлежности была камнем преткновения в существующей обширной историографической литературе. Большинство современных исследователей занимались главным образом поисками территории расселения будинов, и только немногие из них касались этнической проблемы. К последним можно отнести Ф. А. Брауна¹, высказавшего гипотезу о финно-угорской принадлежности будинов, и И. Е. Забелина, помещавшего будинов на широких пространствах Подонья, Среднего и Верхнего Поволжья, включая и Волго-Окское междуречье². Сюда же можно отнести и В. Н. Семенковича, видевшего в будинах предков мордвы³. Большинство исследователей, касавшихся этого вопроса, относили будинов к славянам (П. Шаффарики, Г. Эйхвальд, Н. Надеждин, Л. Нидерле, М. И. Артамонов и др.)⁴, исходя из локализации их в Среднем Поднепровье.

Поэтому важно было прежде всего организовать широкие исследования археологических памятников и использовать новые

данные антропологии и языкознания. Подобные исследования на широких пространствах Среднего Поволжья и Подонья были осуществлены главным образом в послевоенный период. Раскопки курганов, открытых и укрепленных поселений эпохи бронзы и раннего железного века на среднем Дону существенно дополнили археологические коллекции довоенного времени и привели к накоплению большого археологического материала.

Изучение и систематизация памятников позволили установить хронологическую последовательность бытования культур на среднем Дону. Катакомбная культура на среднем Дону представляется наиболее ранней по сравнению со срубной и абашевской культурами. Она бытовала здесь уже с первой половины II тысячелетия до н. э., хотя в настоящее время нет сколько-нибудь достаточных оснований для более точной ее датировки. Являясь вариантом катакомбной культуры более южных областей, она не выглядит от нее сколько-нибудь обособленной. Срубная культура, на наш взгляд, появилась на среднем Дону не раньше третьей четверти II тысячелетия до н. э. По мнению некоторых исследователей (О. А. Кривцова-Гракова), срубная культура среднего Дона обладает специфическими чертами, которые несколько выделяют ее из срубной культуры Поволжья⁵. Этому не противоречат и наши наблюдения⁶. Однако причину возникновения этих различий в настоящее время трудно объяснить.

Заслуживает внимания тот факт, что срубная керамика второго этапа с характерными налепными валиками представлена на среднем Дону весьма скромно и появилась не ранее конца II тысячелетия до н. э. Поэтому можно считать, что эта культура не только на первом, но и на втором этапе не могла занимать господствующего положения и тем более стать «единой культурой» на широких пространствах Подонья⁷. Маловероятность этого утверждения подтверждается и существованием здесь в это же время на-

¹ Ф. А. Браун. Разыскания в области готто-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 71—73

² И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, ч. I. М., 1908.

³ В. Н. Семенкович. Гелоны и мордва. Вып. 1. Гелоны. М., 1913.

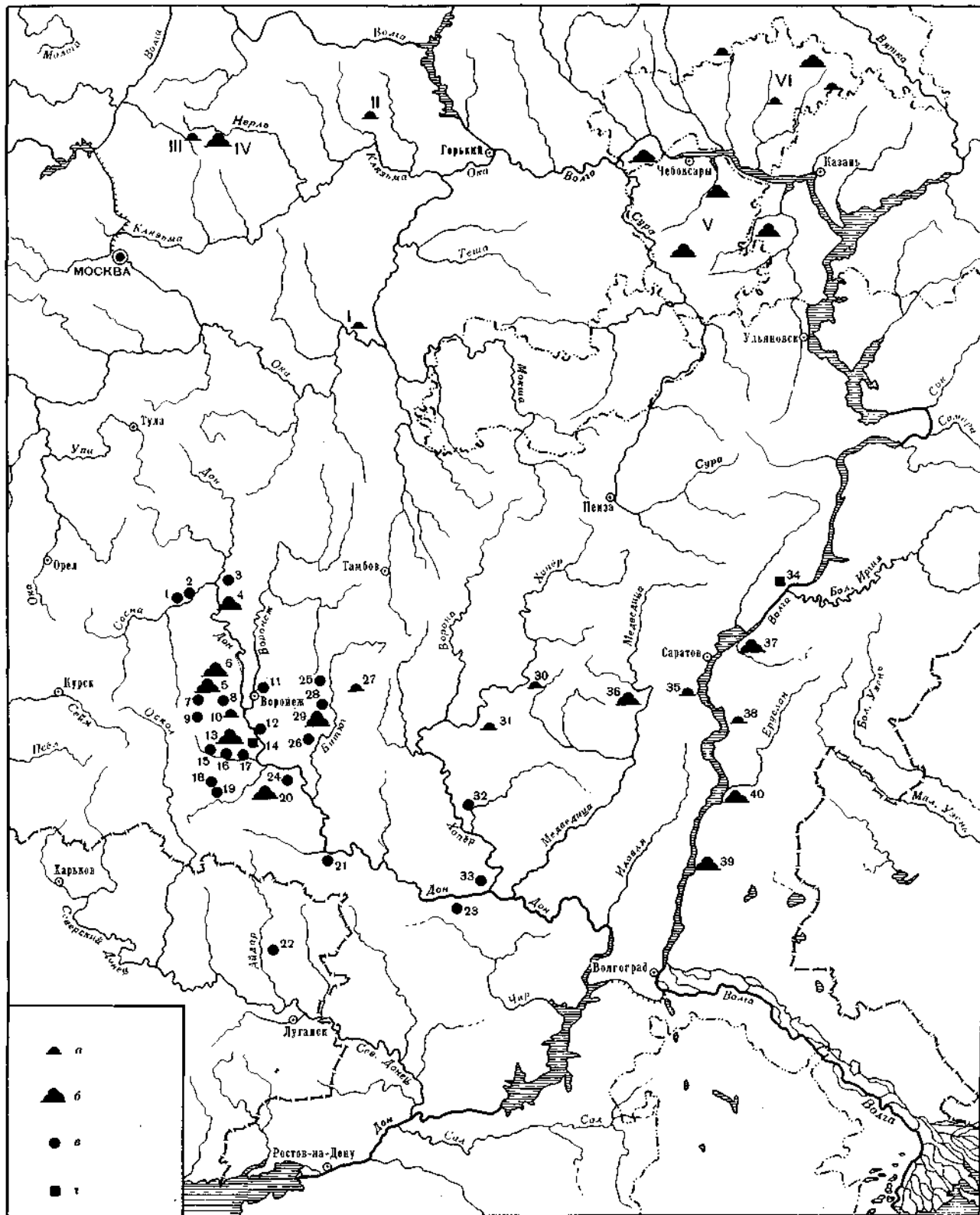
⁴ П. Н. Шаффарики. Славянские древности, т. I, кн. 1. Перев. Бодянского. М., 1847, стр. 304; Г. Эйхвальд. О древнейших обитателях племен. БЧ, т. XXVIII, отд. III. СПб., 1838; Н. Надеждин. Геродотова Скифия. Объяснение через сличение с местностями. ЗООИД, т. I. Одесса, 1844; Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956; М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. УЗ ЛГУ, серия ист. наук, вып. 13, 1949; он же. Этнический состав населения Скифии. «Доклады на VI научной конференции Института археологии УССР». Киев, 1959.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 92.

⁶ П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 92; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. «Труды ГИМ», 1955, вып. 24, стр. 33.

селения абашёвской культуры. Появившись на среднем Дону в последней четверти II тысячелетия до н. э., абашевская культура заняла огромную территорию. Однако в предшествующее время довольно выразительные элементы абашевской культуры нередко выдавались за срубные, что затрудняло решение вопроса о времени продвижения абашевского населения на юг из Среднего Поволжья, о его территории и роли в сложении культуры скифского времени на среднем Дону.

Следовательно, сейчас невозможно решать вопросы этнической принадлежности населения среднего Дона в эпоху поздней бронзы и раннего железного века без выяснения роли абашевской культуры в этом процессе. Кроме того, за послевоенные годы широкое развитие получили и такие разделы науки, как финно-угорские языковедение и антропология, которые являются важнейшим дополнительным источником для решения этой проблемы. Таким образом, если наши предшественники исходили прежде всего из сообщений Геродота и других древних авторов, то ныне исследователи находятся в более благоприятных условиях. Это и позволяет вновь вернуться к проблеме об этнической принадлежности населения среднего Дона в скифское время.

При постановке данной темы мы исходили прежде всего из анализа памятников абашевской культуры, которая, на наш взгляд, сыграла ведущую роль в сложении культуры, а следовательно, и этноса в эпоху раннего железного века. Почему? Прежде всего потому, что, придя на средний Дон из Среднего Поволжья в конце II тысячелетия до н. э., абашевцы принесли с собой сложившуюся в течение веков культуру, занятия, экономику и вытекающие из нее общественные отношения. В это время они уже не были только охотниками, ибо вели оседлый образ жизни с сопутствовавшими ему земледелием, скотоводством, были опытными металлургами.

Список памятников абашевской культуры в Подонье по сравнению с тем, что нам было

известно к 1963 г., за последние годы увеличился более чем в три раза ⁸.

Иногда они известны только по подъемному керамическому материалу или в виде отдельных погребений с абашевской керамикой в курганных могильниках, относящихся в основном к катакомбной или срубной культуре. Однако в любом случае присутствие элементов абашевской культуры не вызывает сомнений (рис. 1) ⁹.

Подобное положение мы встречали не только на среднем Дону и в междуречье Дона и нижней Волги, но и по обоим берегам последней. Таковы, например, Покровская группа курганов, курган у ст. Карамыш, курганы у сел Скатовка, Бережновка I, Быково и на Вольском городище (рис. 1, 34—40).

Картографирование памятников абашевской культуры показывает, что они встречаются не только на территории Чувашии, Марийской АССР и в междуречье Оки и Волги, но и в Подонье, и на нижнем течении Волги. Однако до сих пор нет еще сколько-нибудь выразительных данных о наличии абашевских памятников в верховьях рек Цны, Мокши, Суры, а также в Тамбовской, Пензенской областях и в Мордовской АССР. Вероятно, это объясняется либо недостаточной прирочностью в выделении абашевских памятников, либо, скорее всего, малой изученностью в настоящее время памятников городецкой культуры, сложение которой уходит еще в эпоху поздней бронзы. Последний факт привлекает особое

⁸ П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы, стр. III и сл., рис. 54 (карта); *он же*. Савроматы ли сирматы? «Население Среднего Дона в скифское время». М., 1968; А. Д. Прякин. Масловское поселение эпохи бронзы в черте г. Воронежа. КСИА, вып. 112, стр. 49 и сл.; *он же*. Отчеты о разведках и раскопках за 1963—1966 гг. Архив ИА АН СССР, р. 1, 2672; р. 1, 2896; р. 1, 3051; В. Л. Левенко. Отчеты о разведках и раскопках за 1958—1965 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, 1709; р. 1, 1898; р. 1, 2225; р. 1, 2552; р. 1, 2943; р. 1, 3173.

⁹ На карту нанесено не более половины этих памятников, расположенных в Подонье.

Р и с. 1.

Памятники абашевской культуры

Условные обозначения: *а* — отдельные курганы; *б* — курганные группы; *в* — поселения; *г* — городища; 1 — у с. Нижний Воргол; 2 — у г. Елец; 3 — у с. Никольское; 4 — у с. Тютино; 5 — у с. Нижняя Ведуга; 6 — у с. Кондрашовка; 7 — у с. Вознесенка; 8—10 — в урочище «Частые Курганы»; // — Воронеж, у моста «Отрожки»; 12 — у с. Костенки; 13 — у с. Мастюгино; 14 — у с. Большое Сторожевое; 15, 16 — у хут. Сасовки II; 17 — у с. Копанице; 18, 19 — у с. Русская Тростянка; 20 — у с. Марки; 21 — Первая Белая Горка; 22 — у с. Шульгинка на р. Айдар; 23 —

у станицы Белогорка; 24 — у с. Переезжее; 25 — у с. Левашовка; 26, 28, 29 — у с. Старая Тойда; 27 — у с. Новый Курлак; 30 — между городами Балашовым и Сердобском; 31 — у с. Мазурки; 32 — у хут. Угольное; 33 — у с. Букановка; 34 — у г. Вольска; 35 — у с. Карамыш; 36 — у с. Сидоры; 37 — у ст. Покровска; 38 — у с. Скатовки; 39 — у с. Быково; 40 — у с. Бережновка

I—VI — Средняя Волга

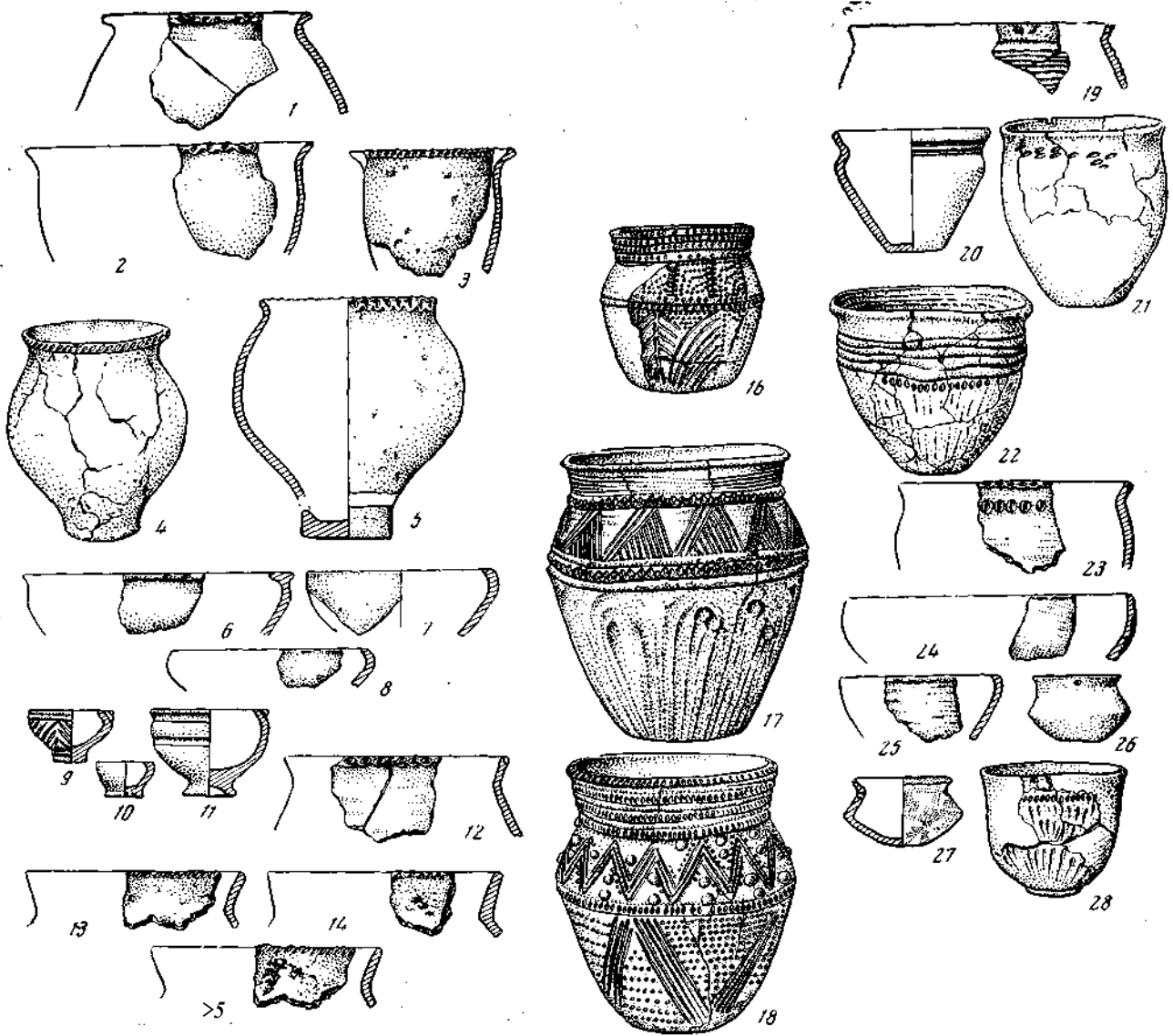

Рис. 2.
Керамика эпохи бронзы и раннего железного века с территории Среднего Дона

внимание потому, что в эпоху раннего железного века на огромной территории Восточной Европы, расположенной между Окой, Доном и Волгой, известны пока только две основные культуры: на севере — городецкая культура, на юге — среднедонская, принадлежащая, на наш взгляд, будинам Геродота.

Мы сейчас еще не можем сказать, что абашевская культура с появлением на среднем Дону, особенно в своем начальном периоде, заняла господствующее положение в отношении культур срубной и катакомбной. Наоборот, есть больше оснований говорить об их сосуществовании. В этом нас убеждают рас-

копки курганов на р. Битюг (с. Ст. Тойда, на поселениях у с. Вознесенки, у хут. Сасовка II, у с. Подгорного и др.). Даже на таком поселении, как Монастырщина (раскопки Г. В. Подгаецкого), срубная принадлежность которого не оспаривается, в керамике есть элементы абашевской культуры¹⁰. Это сосуществование проявляется в типах керамики, в примеси ракушки в тесте и в погребальном

¹⁰ Г. В. Подгаецкий. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 156—160; П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы, стр. 70—81, рис. 33—34.

обряде (скорченность костяков на левом боку). Существуют трудности и в определении верхней границы этих культур. Сложность решения данной проблемы связана, по-видимому, с быстрым переходным периодом от эпохи бронзы к эпохе раннего железа и вытекающими из этого коренными изменениями в обществе. Отсюда при недостаточном исследовании археологических памятников очень слабо улавливаются и хронология, и преемственная связь древностей, находящихся на стыке двух эпох. Однако некоторые косвенные данные облегчают решение и этого вопроса. Во-первых, сопоставление типов глиняной посуды и ряда других ее особенностей (круглодонность и профилировка, примесь ракушки в тесте) не только сближает керамику эпохи бронзы со средним Доном с абашевской керамикой Среднего Поволжья, но и позволяет вывести первую из второй благодаря своим новым характерным чертам, возникшим на более позднем этапе развития абашевской керамики (плоскодонность, уменьшение примеси ракушки и т. д.). Во-вторых, наличие острорезерных сосудов с парными отверстиями, которые известны лишь на стерлитамакском и магнитогорском этапе, но отсутствуют в Среднем Поволжье даже в более поздней левобережной марийской группе, тоже говорит о позднем времени (рис. 2, 19—28). В-третьих, о верхней хронологической границе абашевских памятников на среднем Дону позволяют судить привозные изделия с Северного Кавказа. Речь идет о находке двух ромбических блюшек из сурьмы в кургане 1, погребение 2 у с. Ст. Тойда¹¹, известных в археологических комплексах Северного Кавказа (могильник Каякент — Дагестан; Кадебек — Азербайджан; Редькин лагерь — Чечня и др.), которые датируются самым концом эпохи бронзы, до 900 г. до н. э.¹² Поэтому датировка абашевских памятников на среднем Дону эпохой поздней бронзы и даже началом I тысячелетия до н. э. приобретает реальную основу.

При анализе типов керамики раннего железного века обращает на себя внимание их

¹¹ Г. И. Корнюшин. Отчет за 1965 г. Архив АН СССР, р. 1, 3126, стр. 90; альбом, р. 1, 3126а, табл. LXVI, рис. 4, 5.

¹² Е. И. Крупное. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Труды ГИМ», вып. XI, 1940, стр. 5, табл. I, рис. 4—8; В. И. Долбежев. Раскопки могильника у с. Каякент. ОАК за 1898 г., стр. 142 и др.; А. А. Ивановский. Исследования в Закавказье. «Материалы по археологии Кавказа», вып. VI. М., 1911, табл. VI, рис. 7, 9; А. П. Круглое. Северо-Восточный Кавказ в II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 72, рис. 25, 17.

многообразие, возникшее не только в результате заимствования или перехода их из эпохи бронзы уже в заметно измененной форме, но и в результате проявления новых типов.

1. Таковы, например, кухонные горшки бочковидной формы с узким горлом, широкогорлые сосуды с низкими плечиками или совсем без них, а также широкогорлые сосуды с узким дном, происходящие, на наш взгляд, от круглодонной или с уплощенным дном абашевской керамики. Эта керамика теряет орнаментацию эпохи бронзы, но часто сохраняет защипы на венчике или на шейке, обычные для катакомбной керамики (рис. 2, 1—5, 12—15).

2. Миски и чашки, широко распространенные в эпоху раннего железного века, известны в большом количестве и на поселениях абашевской культуры среднего Дона. Последние нередко идентичны посуде этого типа в эпоху раннего железного века. Они становятся более изящными по форме и лучшей отделки (лощение, рис. 2, 6—8). Но такая керамика абсолютно не характерна для катакомбной и срубной культур среднего Дона.

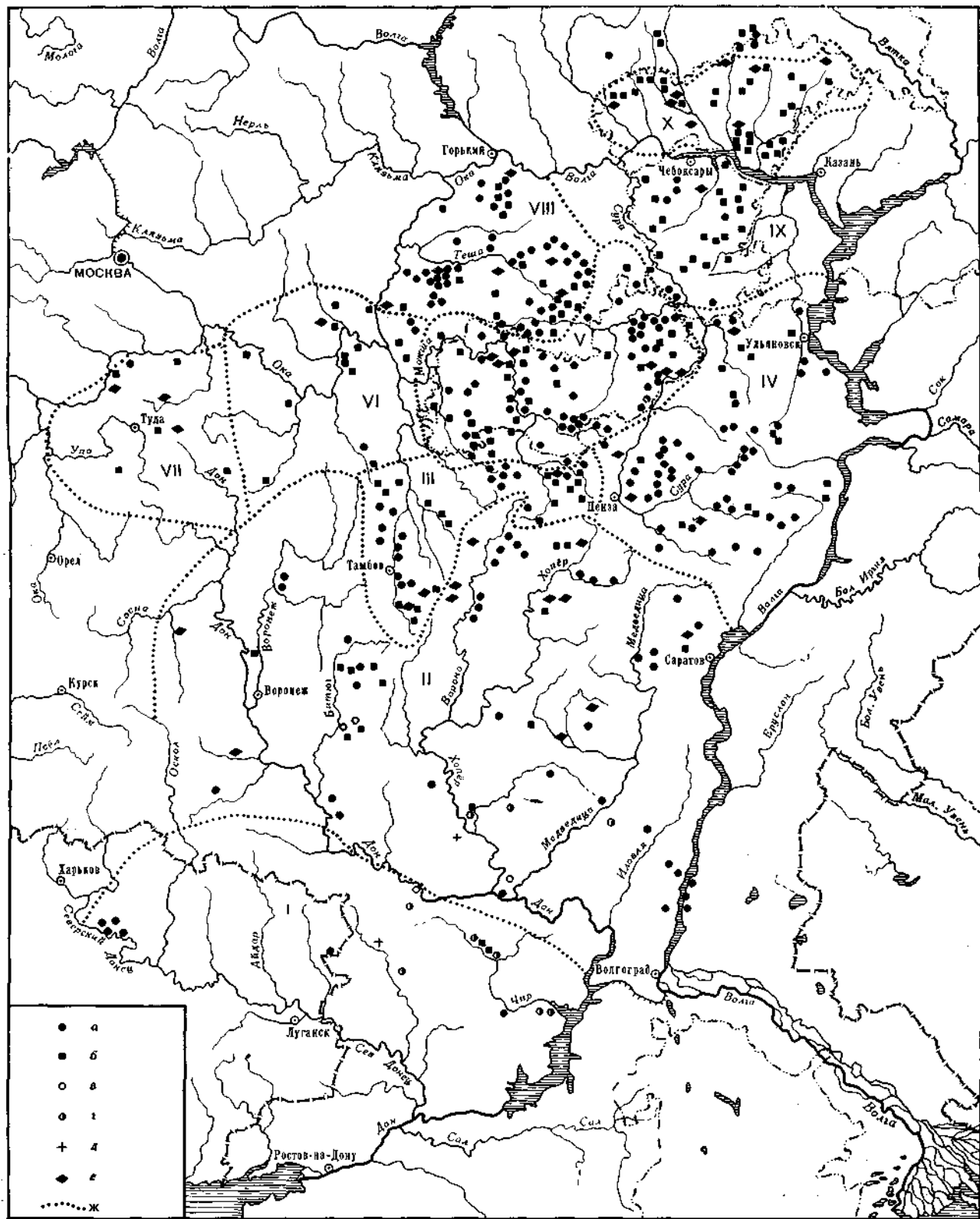
3. Большой интерес представляют и чашечки «ритуального типа» с парными отверстиями под венчиком. Присущая эпохе бронзы острорезерность этих сосудов позднее исчезает, и в эпоху раннего железного века появляются чашечки с мягким профилем, но с теми же парными отверстиями. Изменение формы этих сосудов, по-видимому, столь же закономерно, сколь закономерно исчезновение острорезерной керамики срубной культуры в эпоху поздней бронзы и установление господства профилированной керамики (рис. 2, 9—11).

4. Керамика катакомбной культуры с цилиндрическим или несколько отогнутым наружу венчиком сохраняется и в эпоху раннего железного века. В это время на нее переносятся и защипы по венчику (рис. 2, 16—18).

Керамика срубного типа в острорезерной и баночной формах не отражена в наших таблицах, поскольку в эпоху раннего железного века она не сохранилась в сколько-нибудь выразительной форме. Однако это не означает, что в сложении керамики эпохи раннего железного века она не принимала участия.

Определенный интерес представляют и псережитки в погребальных сооружениях и в погребальном обряде.

В частности, подстилка под погребениями из камня (погребение в кургане 3 близ г. Задонска, раскопки Л. Б. Вейнберга в 1888 г.), бересты, «столы» из глины для жертвенной

пищи и т. д. в абашевских памятниках повторяются и в погребениях эпохи раннего железного века в виде глиняной подмазки или грунтовых возвышений из глины (курган у с. Мастогино) и специальных «столов» из черноземной земли в могильной яме (курган 1 у с. Левашовка, раскопки 1964 г.). Ритуальные ямки («бофры») на дне могильной ямы, нередко встречающиеся в могилах катакомбной культуры (курганы у сел Н. Ведуга и Кондрашовка), были обнаружены и в могилах эпохи раннего железного века (урочище «Частые курганы» и др.).

Рассмотрим культурные связи населения среднего Дона в эпоху раннего железного века с областями, расположенными к северу и северо-востоку от Подонья. Эти связи с культурами Среднего Поволжья, Прикамья и Зауралья проявляются в близких типах поясных крючков, в сходстве некоторых форм звериного стиля и т. д. Таковы, например, крючки из погребения в могильнике у с. Чурачки Чувашской АССР, крючок с городища Грохань, случайная находка в Тетюшском районе Татарской АССР, в Ананьинском могильнике и др.

Изображение хищной птицы, терзающей голову животного, на бляхе из Воронежских курганов имеет свои аналогии в усть-полуйской культуре (низовье р. Оби).

Из всего вышесказанного можно заключить, что население эпохи бронзы, и в том числе население абашевской культуры как главный составной элемент среди других этнокультурных элементов, внесло определенный вклад в культуру эпохи раннего железного века и, по-видимому, повлияло на состав населения среднего Дона.

К этому следует добавить, что территория распространения абашевских памятников в эпоху бронзы в Подонье в основном совпадает с территорией памятников среднедонской культуры в эпоху раннего железного века. В связи с этим встает вопрос и о топонимике и гидронимии на указанной территории. Исходные данные в постановке этого вопроса сводятся к следующему.

Р и с. 3.

Карта топонимов и гидронимов

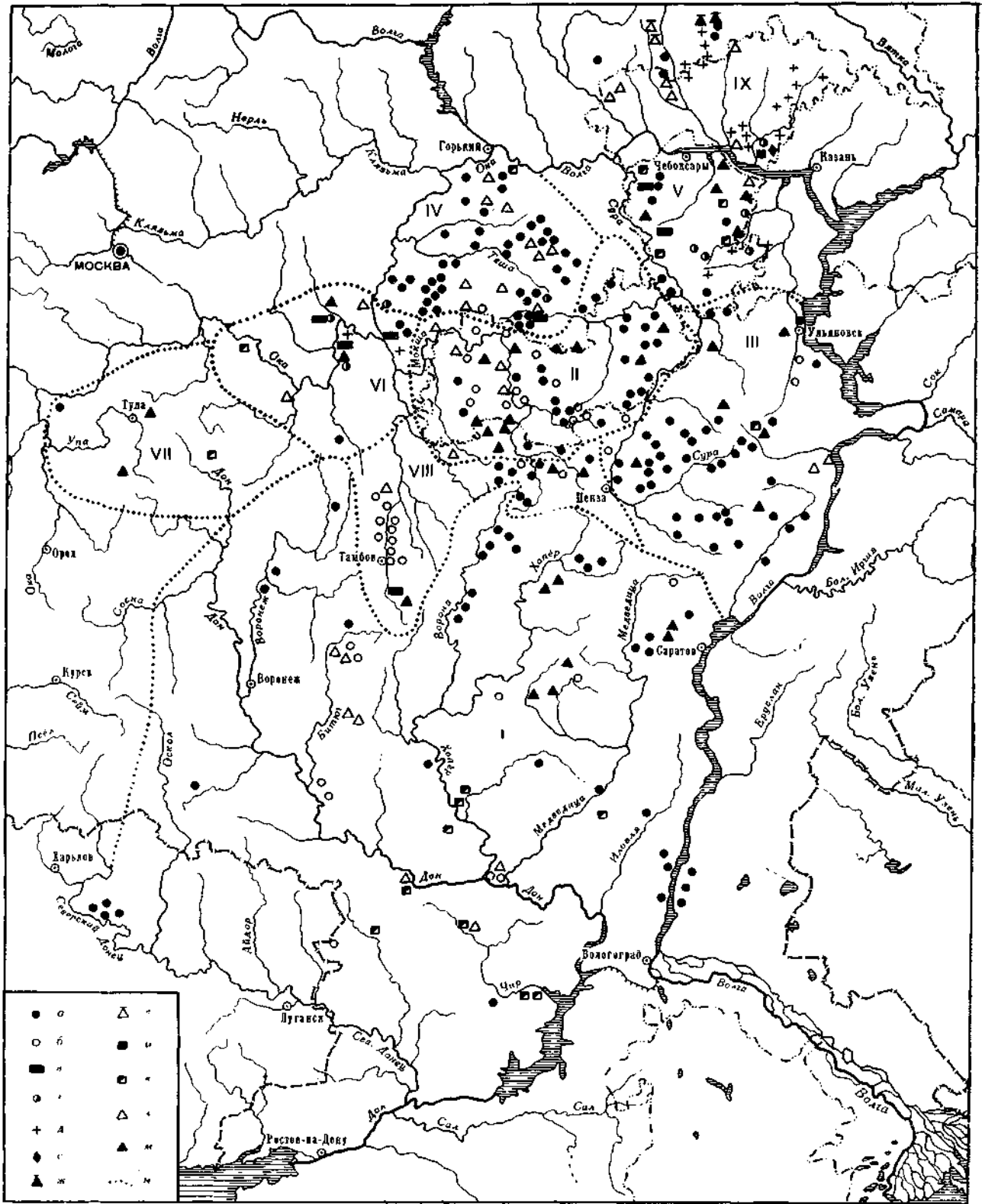
Условные обозначения: а — названия с суффиксом «лей» (188) — «ляй» (43); б — названия населенных пунктов без суффикса «лей» — «ляй» (153); в — названия озер — 4 (I и II); г — названия болот — 9 (I и II); д — названия оврагов — 2 (I и II); е — названия рек и оврагов без суффиксов «лей» и «ляй» (42); ж — границы районов обследования (I — междуречье Дона и

В первоначальном варианте абашевская культура сформировалась в течение нескольких веков пребывания на правом берегу Среднего Поволжья. Находясь среди финно-угорских племен, в силу неизбежных и, вероятно, постоянных контактов с ними абашевское население могло многое воспринять от их культуры, обычаев и языка, а при известном смешении этноса — изменить отчасти и свой внешний облик в смысле антропологической характеристики. Придя на территорию Подонья, абашевское население принесло сюда многое из того, что было приобретено от финно-угров за долгие годы сосуществования с ними. Приход абашевского населения в Подонье не мог не сказаться на местной топонимике и гидронимии. Иначе трудно объяснить столь большое совпадение финно-угорской топонимии и гидронимии Подонья с финно-угорской, в данном случае мордовской топонимикой и гидронимией, которая очень широко распространена на территории Среднего Поволжья.

Финно-угорско-мордовская топонимика охватывает территорию междуречья Дона и Северского Донца — с юга, правобережье среднего Дона, восточную часть Тульской и Рязанской областей — с запада, Среднее Поволжье — с севера и, наконец, почти все правобережье средней и нижней Волги вплоть до Волгограда — на востоке. К западу от этой территории, в областях Орловской, Курской, Сумской, Полтавской и в западной части Харьковской области и к югу от р. Северский Донец подобные топонимика и гидронимия в сколько-нибудь выразительной форме не обнаружены.

В результате изучения административных и отчасти специальных карт Генштаба в масштабе 3—5 км в см, нам удалось выявить на этой территории свыше 400 топонимов и гидронимов, которые имеют непосредственное отношение к финно-угорскому — мордовскому языку (рис. 3). Из указанной топонимии и гидронимии добрая половина названий имеет суффикс «лей» (морд.-эрзянское) и «ляй»

Северского Донца; II — поволжско-донская группа; III — тамбовско-пензенская группа; IV — пензенско-ульяновская группа; V — Мордовская АССР; VI — рязанская группа; VII — тульская группа; VIII — горьковская группа; IX — Чувашская АССР; X — Марийская АССР)

(морд.-мокшанское) — "речка, овраг". По мнению лингвистов, топонимика и гидронимия с суффиксом «лей» и «ляй», указывающие на диалектные различия мордовского народа, являются наиболее типичными для мордовского языка (Б. А. Серебрянников, В. А. Никонов, С. К. Кузнецов, А. Н. Попов и др.)¹³.

В Подонье, охватывающем междуречье Дона и Северского Донца и правобережье и левобережье Дона с его притоками, нам известно до 90 названий, из которых 45 — с суффиксом «лей» и «ляй»: Балыклей (тат. *балык* — 'рыба' морд.-эрз. *лей* — 'речка' — "рыбная речка"), Черталейка, Грамлейка, Верюхлейка, Шелалейка, Колышлей, Малей, Каналейка, Верюхляйка, Кисляй, Росляй, Вихляйка и др.

Топонимы и гидронимы Балыклей известны в Нижнем Поволжье (4), на среднем Северском Донце (4) и в верховьях р. Ворона, находящихся уже в Тамбовской области, в гуще мордовской топонимики (3). Эти топонимы и гидронимы являются признаком не только связи мордовско-татарской топонимики, но, вероятно, и наслоения татарской топонимики на мордовскую.

К другой части топонимов и гидронимов относятся такие названия, как хут. Кужной, с. Кужное (морд.-эрз. *кужо*, *гуша* — 'поляна'), хут. Кудинов и др. (морд.-эрз. *кудо* — 'дом', марийск. — 'усадыба', 'двор', 'шалаш'), хут. Пичугино, с. Пичаево (морд.-эрз. *пиче* — 'сосна'), р. Чир (морд. *чире* — 'край', *чирь* — 'наклонный', 'покатый'), Потьяма (морд. — 'нутро', 'внутренность'), панда (гора), Пекшево (морд.-эрз. *пекше* — 'липа') и ряд других названий, многократно встречающихся не только на территории Мордовской АССР, но и на

большей части Среднего Поволжья. Название р. Кшень, правого притока р. Быстрая Сосна (правый приток Дона), многократно повторяется в ряде других областей в виде основы слова *кша*: р. Кша (Морд. АССР), р. Рыкша (Чувашек. АССР), реки Ирыкша, Йкша, Кок, шага, Чукша и др. (Марийск. АССР), р. Акша, дер. Якшень (Горьк. обл.) — морд.-эрз. *кшнн* — 'железо', морд. *кши* — 'хлеб'. Происходит ли слово *кшнн* (железо) от ираноязычного слова *hesin* (по В. А. Никонову, от курдского слова, а не от иранского или осетинского) или является финно-угорским, лингвисты окончательно еще не решили. Однако широкое его использование в финно-угорской топонимике должно быть учтено при решении вопроса о его происхождении.

Название р. Потудань, правого притока р. Дон, в «Книге большому чертежу» известно под названием Потудон. А. В. Никонов предположительно считает это название мордовским¹⁴. Действительно, в Горьковской области среди мордовской топонимики можно встретить такие названия, как Кужадон (морд.-эрз. *кужа* — 'поляна' + *дон* — 'устье' = "полянское устье"), Сарадон (морд.-мокш. *сар* — 'курица' + *дон* — 'устье' = "куриное устье"). Исходя из этого, можно прочесть и слово Потудон как "топкое место" (*потьямо* — 'засасывать' + *дон* — 'устье') или нечто подобное, что в общем-то не противоречит весьма низкой пойме этой реки. Однако не исключено, что слово *дон* (устье) в финно-угорско-мордовском языке могло быть заимствовано предками мордвы из иранского языка в период близкого их соприкосновения в эпоху раннего железного века. Так, в осетинском языке слово *дон* читается как "вода, река, сок". Не противоречит такому предположению и совершенно иное — мордовское название речки «Лей» и «Ляй».

¹³ В. А. Серебрянников. История мордовского народа по данным языка. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965, стр. 247 и сл.; В. А. Никонов. Этногенез мордовского народа и топонимика. Там же, стр. 281 и сл.; С. К. Кузнецов. Мордва. Курс лекций, читаемых в 1908—1909 гг. в Московском археологическом институте; А. Н. Попов. К вопросу о мордовской топонимике. «Доклады на конференции по вопросам финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г.», т. II. Саранск, 1948, стр. 203—230.

¹⁴ При ознакомлении с текстом настоящей работы чл.-корреспондент АН СССР Б. А. Серебрянников счел возможным отнести термин «потудон» к иранскому языку.

Р и с. 4.

Карта сравнительных данных топонимов и гидронимов

Условные обозначения: а — названия с суффиксом «лей» (160); б — названия с суффиксом «ляй» (38); в — названия с «нар» (7); г — названия с «нор» (9); д — названия с «нур» (21); е — *солянур* (1); ж — *колянур* (2); з — *кулянур* (2); и — *нежнур* (1); к — *кудо* (17); л — *кужа* (34); л — с префиксом и суффиксом «ур»

(34); я — границы районов обследования (I — поволжско-донская группа; II — тамбовско-пензенская группа; III — пензенско-ульяновская группа; IV — Мордовская АССР; V — рязанская группа; VI — тульская группа; VII — горьковская группа; VIII — Чувашская АССР, IX — Марийская АССР)

Весьма любопытным представляется соотношение топонимов и гидронимов Подонья с точки зрения диалектных особенностей мордовского языка. Так, например, из 45 топонимов с суффиксом «лей» (морд.-эрз) известно 35, а с суффиксом «ляй» (морд.-мокш.) только 10. Большинство названий с суффиксом «ляй» расположено по течению р. Битюг (4), остальные разбросаны в междуречье Хопра и Медведицы и только одно — в междуречье Дона и Северского Донца. Кроме того, большая часть и других топонимов и гидронимов по своему происхождению может быть отнесена к мордвэ-эрзе. К этой диалектной группе относятся, например, почти все названия междуречья Дона и Северского Донца (17 из 18) и не менее двух третей, если не больше, на среднем и верхнем Дону и его притоках. Этот факт указывает на преобладающую роль в топонимии мордовско-эрзянской группы над мордовско-мокшанской (рис. 4).

Многие топонимы, имеющие отношение к финно-угорско-мордовскому языку, такие, как *кудо*, *кужа* и ряд других названий, распространены на широкой территории Подонья, Среднего и отчасти Нижнего Поволжья, доказывая тем самым общий источник их происхождения (рис. 4).

Таким образом, археологические и топонимические данные, на наш взгляд, доказывают связь абашевской культуры Подонья с той же культурой Поволжья эпохи поздней бронзы, а на позднем ее этапе — с культурой раннего железного века.

Однако если вопрос о культурной связи населения среднего Дона в эпоху раннего железного века с населением эпохи поздней бронзы решается на вещественном материале с известной достоверностью, то с топонимикой и гидронимией дело обстоит значительно сложнее. Эти трудности возникают прежде всего при установлении хронологии топонимики, поскольку современное финно-угорское языкознание не решило еще этот вопрос. Признание развития диалектных различий в мордовском языке в раннем средневековье, но не ранее, чем 1500 лет назад¹⁵, как бы исключает возможность связи мордовской мокшанско-эрзянской топонимики с интересующей нас эпохой раннего железного века.² Более того, сложные процессы исторического развития в эпоху средневековья на территории Восточной Европы сильно затрудняют выделение ранних и поздних элементов мордовской топонимики и гидронимии на среднем Дону. Поэтому в данных

условиях нельзя исключать появление этой топонимики и гидронимии в эпоху раннего железного века, но, с другой стороны, нет оснований и отрицать ее возникновение в эпоху средневековья. Решение этого вопроса, по-видимому, следует искать в анализе тех данных, которые указывали бы на связи местного населения с южным ираноязычным населением в эпоху раннего железного века, с одной стороны, и на диалектные различия уже у древних предков мордовского народа — с другой.

Особенно важно в этом случае замечание языковедов о том, что граница леса и степи была естественной преградой, отделяющей иранцев от финно-угорских племен¹⁶. Именно здесь происходило заимствование иранских слов в мордовском языке, а, может быть, и проникновение иранских этнических элементов в финно-угорскую среду.

Вряд ли можно оспаривать появление в мордовском языке слова *кшнн* (железо) на заре появления железа (начало I тысячелетия до н. э.). Или, например, название золота (сырне) от авестийского *Zaganua*. Золото в финно-угорской среде нигде так богато не представлено в эпоху раннего железного века, как на среднем Дону. Это же можно сказать и о названиях, относящихся к земледелию: морд.-мокш. *юв* — 'мякина', морд.-эрз. *юв* — 'ость от зерна', от авест. *уава*; морд.-эрз. *таp-ваз* — 'серп', от предполагаемого иранского *darvas*. Эти названия могли появиться в финно-угорском языке, в том числе у предков мордвы, еще раньше, чем названия золота и железа. У нас нет оснований считать, что названия железа и золота проникли в финно-угорскую среду с продвижением на север племен срубной культуры, так как данные племена железа и золота в столь раннее время не знали. Эти названия скорее всего были усвоены предками мордвы в то время, когда они появились в области лесостепи и степи, точнее в предскифское время.

Не ранее и не позднее эпохи раннего железного века в мордовский язык, надо полагать, проникло греческое название лягушки — *ватракиш* (греч. *vatrachos*)¹⁷. Свидетельство Геродота о том, что некоторая часть населения в будинской земле (гелоны) говорила по-гре-

¹⁶ Б. А. Серебрянников. Указ. соч., стр. 243.

¹⁷ С. К. Кузнецов. Указ. соч., стр. 4. Б. А. Серебрянников считает такое совпадение случайным звукоподражанием. Мы не настаиваем на заимствовании этого термина у греков, но считаем возможным оставить его в тексте в интересах накопления указанных совпадений.

¹⁵ В. А. Серебрянников. Указ. соч., стр. 255.

чески, не противоречит этому факту, как и обилие предметов греческого производства на среднем Дону. Поэтому не будет ничего удивительного, если дальнейшие исследования мордовского языка позволят обнаружить ряд других слов и, может быть, элементов культуры греческого происхождения.

Сложный процесс развития населения Среднего Поволжья и среднего Дона, по-видимому, особенно сильно сказался и на сложении физического типа человека. Изучение краниологического материала из погребений эпохи раннего железного века на правобережье среднего Дона позволило Г. Ф. Дебецу установить наличие там брахикранного типа населения¹⁸. Согласно этим данным, средний поперечно-продольный указатель на 12 черепах достигает $83,2 \pm 1,1$. Это очень высокий указатель брахикрании. Данный вывод представляется особенно интересным потому, что, во-первых, брахикрания населения среднего Дона перекликается с брахикранией населения Мордовской АССР; во-вторых, долихокрания населения Скифии и Савроматии препятствует установлению этнической близости их с населением среднего Дона. Следовательно, в эпоху раннего железного века население среднего Дона в антропологическом отношении стояло ближе к северному — финно-угорскому населению, чем к южному — ираноязычному.

Чем это объясняется? Вот что говорят по этому поводу сами антропологи. «Основной антропологический тип абашевской культуры, — говорит М. М. Герасимов, — европеоидный, юго-восточного, средиземноморского происхождения, в большей или меньшей степени подвергшийся изменению в результате примеси местных типов древнего населения... Уместно сказать, что среди современного чувашского населения, у народа мокши, чаще замечаются черты основного типа древнего абашевца, а среди народа эрзи встречаются нередко черты, очень близкие к черепу из катергина бишева»¹⁹.

Изучение черепов из Пепкинского кургана, произведенное сотрудниками лаборатории пластической реконструкции ИЭ АН СССР Г. В. Лебединской и М. М. Герасимовой, дало не только долихокранию, но и брахикранию (череп № 8) и мезокранию (№ 4, 13б, 14 и

15)²⁰. Один из двух абашевских черепов из кургана № 42/25 у с. Мастюгино (средний Дон), изученных Г. Ф. Дебецом, дал поперечно-продольный указатель 86,3, т. е. весьма сильную степень брахикрании²¹.

Таким образом, автор допускает, с одной стороны, изменение абашевского долихокранного антропологического типа в результате примеси местных типов, являвшихся в основе своей брахикранными, с другой — наличие черт абашевцев у современной мордвы, мокши и эрзи, а следовательно, в какой-то степени и этническую их преемственность. Исследование черепов из Пепкинского кургана и из кургана у с. Мастюгино на среднем Дону не противоречит выводам М. М. Герасимова.

Это позволило О. Н. Бадеру прийти к выводу о том, что «на протяжении бронзовой эпохи этнические сдвиги и скрещения древнейших волго-окских, финно-угорских, индоевропейских и индоиранских групп в конечном счете привели к победе финно-угорских языков, первыми носителями которых были здесь племена с культурой волосоского типа»²².

Не менее интересным является и сообщение П. Н. Третьякова относительно пережитков абашевской культуры у современного средне-волжского населения. «Абашевские формы металлических украшений, — говорит он, — обильно покрывавших женскую одежду, получили дальнейшее развитие в ананьинской культуре, а позднее у племен Прикамья и Поволжья в I—II тысячелетиях н. э. Их элементы... дожили до современности в национальной одежде марийского, чувашского и мордовского народов»²³.

Таким образом, процесс скрещения долихокранного абашевского населения с местным брахикранным населением уже на раннем этапе абашевской культуры содействовал не только изменению антропологического типа, но и заимствованию финно-угорского языка. Установливаемый антропологами процесс эпохальной изменчивости при скрещивании оказался тем рычагом, благодаря которому происходил ускоренный процесс превращения долихокранного абашевского населения в брахикранный. Однако, судя по сохранившимся абашевским чертам у современных мокши и эрзи, про-

¹⁸ Г. Ф. Дебец. Черепа из курганов Среднего Подонья. МИА, № 151, 1968.

¹⁹ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955, стр. 529.

²⁰ А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966, стр. 39 и сл., табл. Б.

²¹ Г. Ф. Дебец. Черепа из курганов Среднего Подонья.

²² О. Н. Бадер. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе. СА, 1966, № 3, стр. 37.

²³ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 101.

цесс нивелировки антропологических различий между абашевцами и неолитическим финно-угорским населением, по всей вероятности, не завершился вплоть до последнего времени. Это положение, вероятно, касается отчасти и населения среднего Дона в эпоху раннего железного века.

Абашевское население на среднем Дону встретилось с населением катакомбной и срубной культур. По свидетельству антропологов, катакомбные черепа Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья (р. Ахтуба) отличались от срубных черепов своей брахикранией²⁴. По-видимому, катакомбная культура Среднего Подонья, являющаяся вариантом катакомбной культуры Северного Причерноморья, была близка последней и этнически. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, придя на средний Дон, абашевские племена в процессе сосуществования с катакомбным населением усиливали свое развитие по пути брахикрании, определившемуся ранее.

Не избежало этой судьбы и население срубной культуры, пришедшее на средний Дон несколько ранее абашевских племен. Как устанавливает антропология, население Нижнего Поволжья было долихокранным со времени ямной культуры до хвалынского этапа эпохи бронзы²⁵. В эпоху раннего железного века савроматские племена, являвшиеся, как считают, потомками срубных племен, не изменили сколько-нибудь существенно своих антропологических черт. Но срубные племена, поселившиеся на среднем Дону, оказались, видимо, в другой антропологической среде. Сосуществовая с местным населением, они должны были испытывать его влияние, которое ускорило процессы, связанные с эпохальной изменчивостью. И этот процесс еще более усилился с приходом на средний Дон населения абашевской культуры, испытавшего уже ранее влияние финно-угорской среды. Поэтому мы далеко не уверены в том, что можно говорить

о господствующей роли здесь населения срубной культуры в антропологическом отношении.

Таким образом, и антропологические исследования приводят нас к установлению северных финно-угорских черт у населения среднего Дона в эпоху раннего железа.

Нельзя не упомянуть и еще один факт, который если и не доказывает прямой связи предков мордовского населения с будинами Геродота, то является важным дополнением к рассмотренным выше данным. Мы имеем в виду этнографические особенности современного мордовского населения, ставшие известными в результате широких антропологических и этнографических исследований в послевоенное время²⁶.

Своими исследованиями К. Ю. Марк устанавливает в современном мордовском населении несколько антрополого-этнографических групп.

Первая, мокшанская, группа представлена населением северо-западной части Мордовии, она выделена по признакам монголоидной примеси и названа автором субуральским типом, возникшим в результате слияния протолапоноидного типа с темным узколицим европеоидным типом.

Вторая группа, европеоидная, представлена мордовско-эрзянским населением, она охватывает все эрзянские группы на востоке Мордовии, все эрзянские и мокшанские группы Пензенской, Ульяновской областей, а также терюхан. Эта группа населения отличается более высоким ростом, брахикранией, массивностью, широким лицом и светлыми глазами.

Третья группа представлена населением юго-западной и центральной частей Мордовии. Она в антропологическом отношении занимает промежуточное положение между двумя первыми группами. Это темнопигментированный грациальный узколициный европеоидный тип, преобладающий особенно среди мокшанского населения на юго-западе Мордовии.

Особый интерес в этой характеристике для нас заключается в том, что, во-первых, расселению эрзянского антропологического типа соответствует основная масса его топонимики и гидронимии как на территории Среднего Поволжья (в пределах и за пределами Мордовии), так и на территории Подонья; во-вторых, этнографическая характеристика насе-

²⁴ М. М. Герасимов. Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье. КСИА, вып. 71, 1958, стр. 72 и сл.; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 101. Любопытно, что в Александропольском кургане два черепа основных погребений катакомбы IV были мезокранными, а два черепа из галереи, являющиеся подчиненными,— долихокранными. Кроме того, один (пятый) череп из северо-восточной катакомбы IX оказался брахикранным (см. Б. В. Фирштейн. Черепа из Александропольского скифского кургана «Вопросы антропологии», вып. 22, 1966, стр. 62—76).

²⁵ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 104—106.

²⁶ К. Ю. Марк. Этническая антропология мордвы. «Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции», вып. 1. М., 1960; М. С. Акимова. Краниологическая характеристика мордвы-эрзи. Там же, стр. 83 и сл.

ления эрзи с его светлой пигментацией пере-кликается с характеристикой будинов, данной Геродотом.

Суммируя все сказанное, мы можем заключить, что археологические, лингвистические (топонимические), антропологические и этнографические источники позволяют рассматри-вать население Подонья в эпоху поздней брон-

зы и раннего железного века в этническом отношении как финно-угорское, говорящее, по Геродоту, на особом языке как по сравнению с гелонами, выходцами из эллинских горо-дов, так и скифами²⁷.

²⁷ Геродот, IV, стр. 352, § 108.

Г. Т. Ковпаненко ПАМЯТНИКИ РАНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ КАНЕВЩИНЫ

Памятники VII и VI вв. до н. э. Каневщины, куда мы включаем среднее и нижнее течение р. Рось, изучены значительно хуже бассейна р. Тясмин. До недавнего времени здесь были известны лишь погребения, раскопанные еще в дореволюционное время. Исследованиями последних лет выявлены и частично изучены поселения, которые значительно пополнили наши сведения о культуре данной территории, а вместе с тем и всего лесостепного Правобережья в раннескифское время.

В предскифский период (VIII — первая половина VII в. до н. э.) Каневщина была заселена племенами чернолесской культуры, памятники которой на данной территории еще недостаточно изучены. В настоящее время здесь известно 6 чернолесских поселений¹. Из них раскопки производились только на селище у с. Хрещатик Черкасской области. Это поселение пока является единственным среди исследованных в лесостепном Правобережье, жизнь на котором продолжалась и в ранне-скифское время. Находится оно в нижнем течении р. Рось и, как и большинство селищ этого времени Каневщины, расположено в пойме, на песчаной возвышенности.

Открыто и частично исследовано поселение в 1956 и 1957 г. В. Г. Петренко. В 1958 г. раскопки были продолжены Е. Ф. Покровской и автором.

Поселение небольшое, площадью 4,5 га. К чернолесскому времени принадлежат остатки древнего рва, два наземных жилища и ряд хозяйственных ям². Ров, глубиной от 2 до

3 м и шириной 3—4 м, ограничивал небольшо-ую ровную площадку размерами 40 X 35 м, расположенную на краю, в средней, самой вы-сокой части поселения. Ров, по-видимому, су-ществовал недолго, в верхних его слоях обна-ружены обломки сосудов VII—VI вв. до н. э. Выделенную на исследуемом поселении пло-щадку, по-видимому, можно сопоставить с ма-лыми круглыми чернолесскими городищами южной части лесостепного Правобережья, раз-меры многих из них равны нашему³. Два на-земных жилища этого времени с деревянными каркасными стенами, обмазанными глиной, и каменным очагом внутри открыты за преде-лами рва.

Найденные при раскопках материалы: горш-ки с валиком или пальцевыми ямками по пле-чу, миски, черпаки, кубки, украшенные зуб-чатым штампом, костяной гарпун и бронзовая височная подвеска — хорошо известны по чер-нолесским комплексам из бассейна р. Тясмин* (рис. 1, 1—12).

Погребений предскифского времени извест-но мало. Однако находки бронзовых брасле-тов суботовского типа в погребениях с сож-жением⁵ свидетельствуют о распространении здесь трупосожжения. Наряду с ними изве-стны и трупоположения в насыпи курганов, где при разрушенных скелетах найдены горш-ки с валиком и пальцевыми ямками по пле-чу и черпак (Ковали, курган 55; Шандра, кур-ган 49⁶; рис. 1, 13—15).

Ко второму периоду чернолесской культуры принадлежит еще ряд случайных находок, вы-

¹ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепр-овском Правобережье. Киев, 1961, стр. 33; В. Г. Пе-тренко. Отчет о работах Поросского отряда. Архив ИА АН УССР, № 1965/55, стр. 10—12.

² Е. Ф. Покровська, В. Г. Петренко, Г. Т. Ковпаненко. Поселення VIII—VI ст. до н. е. біля с. Хрещатик на

Канівщині. «Археологія», вып. 2 (в печати).

³ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 15.

⁴ Там же, стр. 60—68, рис. 36, 39—42, 68, 1; 104, 1, 4.

⁵ Там же, стр. 43—44.

⁶ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологи-ческие находки близ м. Смелы. СПб., 1901, стр. 120.

Рис. 1.
Керамика, предметы из кости и металла VIII—VII вв. до н. э.
1—12 — поселение у с. Крещатик; 13—14 — Ковали, курган 55; 15 — Шандра, курган 49

деленных и описанных А. И. Тереножкиным: два горшка, украшенные зубчатым штампом из Канева и быв. Каневского уезда, бронзовый кинжал из с. Степанцы, восемь бронзовых одноушковых кельтов с елочным орнаментом, два бронзовых наконечника копий с длинной втулкой и две бронзовые булавки с боковыми петлями из с. Гришенцы быв. Каневского уезда, бронзовые браслеты суботовского типа⁷. К чернолесскому или раннескифскому времени принадлежат еще бронзовые удила кобанского типа и псалий с тремя боковыми петлями, найденные у сел Зеленки, Яблоновка, Бровахи, Канева и из кургана 11 у с. Степанцы⁸.

Таким образом, приведенные нами материалы показывают, что Каневщина в предскифское время была важным центром культуры в Среднем Поднепровье.

Памятники раннескифского времени представлены 24 поселениями. Почти все они неукреплены. Расположены на пологих склонах надпойменной террасы, на песчаных мысах или

останцах среди заболоченной поймы. Раскопками на селище у с. Крещатик открыты остатки полуземлянок, прямоугольных в плане, площадью до 20 м², с каменным очагом внутри; печи с каркасным сводом и предпочажными ямами; много хозяйственных ям. Найденная при раскопках керамика: горшки с валиком под венчиком и по тулову, черпаки с резным орнаментом, миски с выступами, обломки корчаг — находят аналогии в слое VII—VI вв. до н. э. поселения у с. Жаботин на Тясмине⁹. Этой дате не противоречат бронзовые наконечники стрел, двух- и трехлопастные, с шипом на втулке, гвоздевидные булавки и другие предметы, встреченные при раскопках¹⁰.

К началу VI в. относится появление Трахтемировского городища. По времени оно следует непосредственно за памятниками раннего периода жаботинского этапа. Жизнь на нем прекращается где-то в конце VI — начале V в. до н. э.

Городище, площадью до 500 га, расположено на высоких холмах, идущих вдоль право-

⁷ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 126—128, 141, 169.

⁸ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 69—70; Смела, III, стр. 102.

⁹ Е. Ф. Покровская. Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин Черкасской обл. КСИИ, вып. 4. Киев, 1955, стр. 88 и сл.

¹⁰ Е. Ф. Покровская, В. Г. Петренко и Г. Т. Ковпаненко. Указ. соч.

го берега Днепра, к востоку от с. Трахтемирова Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. С напольной стороны оно укреплено земляным валом высотой до 6 м и рвом глубиной 3,5 м. Все городище называется Большими Валками, а его небольшая северо-западная часть (своего рода акрополь) — Малыми Валками.

Малые Валки, где с 1964 по 1967 г. велись раскопки¹¹, занимают отдельную возвышенность размером 340 X 450 м. В ходе раскопок здесь открыто 35 построек наземных и полуземлянок, размерами от 4,5 до 7 м в поперечнике, с каменными очагами внутри. Среди жилищ выделяется постройка с жертвенником. Это была полуземлянка размерами 6,6 X 3 м и глубиной 0,8 м от поверхности, в юго-восточной стороне которой находились остатки жертвенника. Последний представлял собой глиняный обожженный круг с ямкой посередине. В юго-западном секторе его сохранилась часть орнамента в виде спирали, сделанных рельефом. На жертвеннике лежала миска с загнутыми внутрь краями и родосский расписной килик в обломках. Близ жертвенника у стены находился раздавленный зооморфный сосуд, а поодаль кучка костей животных.

Кроме жилищ, на городище открыты хозяйственные ямы, каменные печи с предпечными ямами. Особое внимание обращает частично выявленная каменная ограда шириной до 50 см, протяженностью 160 м, протянувшаяся вдоль восточного края холма, к которой примыкали жилища и хозяйственные постройки. При раскопках получен значительный материал и большой комплекс керамики, имеющий важное значение для исследования памятников VI в. до н. э. Время городища определяется находками античной посуды VI в. до н. э.¹² Эту дату подтверждают изделия из металла и кости, а также комплекс лепной керамики, хорошо известный в VI в. до н. э. в Среднем Поднепровье.

Погребения в раннескифское время совершались в курганах, которые входят в состав групп с захоронениями более поздней скифской поры (V—III вв. до н. э.) или находятся среди курганов эпохи бронзы. Из 150

раскопанных на Каневщине курганов к VII и VI вв. до н. э. принадлежат 86 с 90 погребениями. Значительное число таких захоронений открыто в курганах у сел Бобрица, Берестняги, Куриловка.

Наиболее ранние погребения (вторая половина VII в. до н. э.) являются впускными в насыпи курганов эпохи бронзы (Зеленки, Кагарлык)¹³. Наряду с ними широкое распространение получают курганные захоронения, находящиеся на уровне грунта¹⁴, в грунтовых ямах, перекрытых иногда бревенчатым накатом (Медвин¹⁵, Бобрица, Куриловка, Берестняги, Лазурцы и др.¹⁶), в склепах с горизонтальной облицовкой стен деревом (Пищальники)¹⁷, усложненные иногда четырьмя столбами по углам и имеющие дромос. Курганы со столбовыми склепами и дромосом чаще всего относятся к середине и второй половине VI в. до н. э.¹⁸

Основным захоронением является труположение на спине с ориентацией головы преимущественно на запад. Кроме одиночных, в небольшом числе встречаются и коллективные погребения. В могилах с парными захоронениями скелеты лежат рядом, головой в одну сторону; только в курганах № 100 у с. Синявка и № 35 у с. Бобрица сопровождающие лица лежали перпендикулярно к основному.

В шести курганах зафиксирован обряд трупосожжения, при котором вместе с покойником сжигались вещи и гробница (Бобрица, № 35, Берестняги, № 7). В отдельных случаях встречено сожжение умершего на стороне, а прах его ссыпался в яму (Берестняги, № 6).

Остатки напутственной пищи отмечены исследователями в кургане 279 у с. Бурты (раскопки Н. Е. Бранденбурга) и в кургане 35 у с. Бобрица (раскопки Е. А. Зноско-Боровского).

Основная маска могил Каневщины сопровождалась небогатым инвентарем. Наибольшей простотой отличаются самые ранние могилы, раскопанные Н. Е. Бранденбургом у сел Кагарлык и Зеленки и Д. Я. Самоквасовым у с. Россавы¹⁹. В их инвентаре встре-

¹³ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок. 1888—1902. СПб., 1908, стр. 10, 19, 24, 34, 35.

¹⁴ Смела III, стр. 101, 103, 104.

¹⁵ Архив Д. М. Щербаковского, хранящийся в ИА АН УССР, ф. 9, № 3.

¹⁶ Смела III, стр. 100, 101, 106, 116, 117, 119, 120, 133, 138.

¹⁷ Пищальники. И. Фундуклей. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев, 1948, стр. 19—20.

¹⁸ Смела III, стр. 112—114, 118—119.

¹⁹ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок, стр. 50, 117; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 11.

¹¹ Г. Т. Ковпаненко. Раскопки Трахтемировского городища. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.», вып. 1. Киев, 1967, стр. 103—106; она же. Раскопки Трахтемировского городища. «Археологические исследования на Украине 1967 г.», вып. 2. Киев, 1968, стр. 108—111.

¹² Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—VI вв. до н. э. САИ, вып. Д-1-27, 1966, стр. 12, 24.

чаем главным образом керамику, представленную черпаками, кубками. Лепные горшки, впрочем, ставились в могилы на протяжении всего VI в. до н.э. Начиная с рубежа VII—VI вв. до н. э. инвентарь могил становится более разнообразным. Впервые появляются предметы скифского вооружения, конской узды и украшения. С середины VI в. до н. э. в могилах встречаются украшения из золота и серебра (Берестняги, № 8, Бобрица, № 35, Емчиха)²⁰. К числу наиболее богатых захоронений принадлежат хорошо известные курганы № 100 у с. Синявки и № 35 у с. Бобрица, где найдены головные уборы, украшенные золотыми бляшками, несколько ожерелий из драгоценных камней, наборы посуды, а в Бобрицком кургане — колчан со стрелами²¹.

Погребения Каневщины по сооружению, обряду и инвентарю аналогичны тясминским.

Однако здесь в отличие от последних мы пока не знаем погребений с шатровыми крышами, не характерна вертикальная облицовка стен деревом и большие сложные погребальные сооружения с 8—9 столбами. На Каневщине долгие сохраняются местные традиции, чем в бассейне Тясмина.

Древнейшая посуда скифского времени на изучаемой территории ведет свое происхождение от чернолесской. На самых ранних кухонных горшках налепной валик расположен не по плечу, а ниже, на корпусе и, кроме того, по венчику. С конца VII в. до н. э. широкое распространение получают горшки с слабо развитым профилем, украшенные валиком только под венчиком, в сочетании с наколами и резе с проколами (рис. 2, 1, 3, 5). Горшки без валика представлены небольшим числом. Столовая посуда от кухонной отличается лучшей выделкой и хорошо заглаженной или подложенной поверхностью. В состав ее входят разнообразной формы черпаки, кубки, миски с загнутым внутрь или отогнутым наружу краем, украшенные чаще всего наколами с горошинами. Характерная особенность мисок Каневщины — наличие больших отверстий, расположенных симметрично с двух сторон, чуть ниже венчика. К мискам мы еще условно причисляем миски-вазы — широко открытые сосуды, украшенные часто под венчиком валиком. Встречаются здесь и различной формы корчаги, в том числе типа Вилланова, орнаментированные

выступами на плечиках, каннелюрами, резе валиками и резным орнаментом (рис. 2, 4, 6—13).

Описанные сосуды находят ближайшие аналогии в памятниках бассейна р. Тясмина. Вместе с тем керамика Каневщины имеет и свои особенности, проявляющиеся в более стройных формах кухонных горшков, наличии четко выраженного ребра при переходе шейки в тулово на кубках и черпаках, в более длительном бытовании некоторых сосудов (с валиком по тулову). Интересны большой двуручный лощеный сосуд и биноклевидный сосуд, украшенный резным орнаментом из кургана 100 у с. Синявка (рис. 2, 2, 14), аналогии которым в памятниках Среднего Поднепровья нам не известны.

Для памятников раннескифского времени Каневщины, как и для соседних территорий Правобережья, характерно распространение мелких изделий из глины: миниатюрных сосудов, блоков, катушек, прясел и др. (рис. 2, 15—18).

С конца VII в. до н. э. в культуре населения Каневщины получают распространение предметы скифского типа. Раньше всего появляются бронзовые кобанские удила и псалии, затем бронзовые и железные стремеvidные и железные кольчатые удила, псалии железные с тремя петлями и костяные трехдырчатые, бронзовые крестовидные бляхи (курганы 375 у с. Емчиха и 45 у с. Берестняги; рис. 2, 19—25). Известны здесь железные наконечники копий и железные мечи с брусковидным навершием, различные типы бронзовых и единичные экземпляры железных наконечников стрел (Трахтемиров) (рис. 2, 26—33). Редки для раннего времени находки железной секиры-клевца из Трахтемировского городища (рис. 2, 41) и короткого наконечника дротика из кургана 6 у с. Берестняги. Прекрасным образцом звериного стиля могут служить золотые бляшки, украшавшие головной убор из курганов 100 у с. Синявка и 35 у с. Бобрица (рис. 2, 47, 48, 52, 54).

Значительную группу находок составляют орудия труда и украшения, не характерные для собственно скифской культуры. К ним принадлежат железные ножи, железные серпы (Крещатик, Трахтемиров), шилья, железные и бронзовые долота, костяные лошила, скребла, проколки, обломки зернотерок, терочки (рис. 2, 34, 35, 37—40, 42). Интересны два железных проушных топора и костяной молоток из Трахтемировского городища (рис. 2, 36, 42). Среди украшений назовем прежде всего различного типа булавки (рис. 2,

²⁰ «Археологические известия и заметки Московского археологического общества», т. I. М., 1893, стр. 19.

²¹ Смела III, стр. 112—114, 138—141.

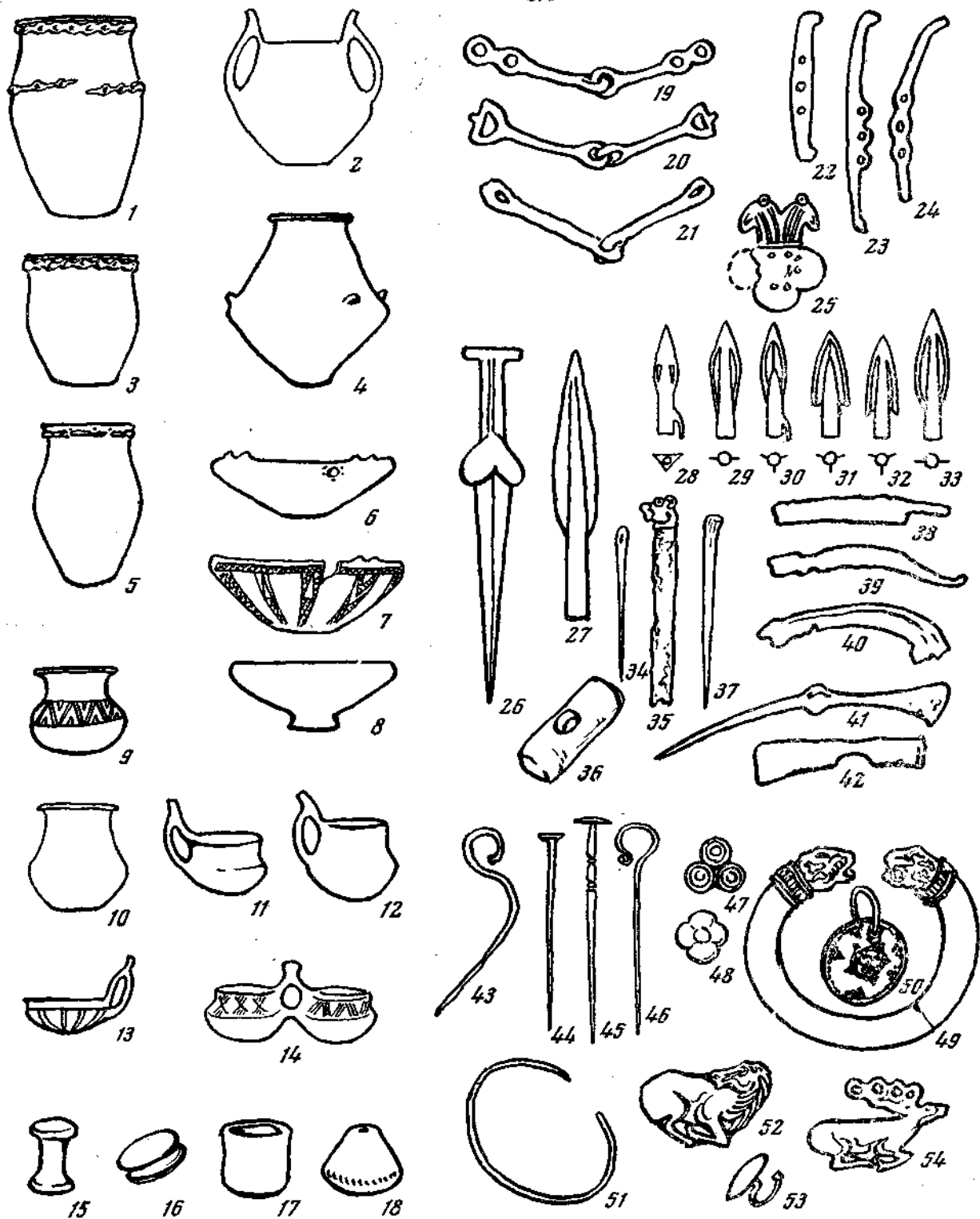

Рис. 2.

Керамика, предметы из кости и металла VII—VI вв. до н. э.

1, 3, 6, 37, 39, 40, 45 — поселение у с. Крещатки; 2, 14, 48, 53, 54 — Синявка, 100; 4, 13, 27, 35 — Берестяги; 6; 5, 15—18, 22, 34, 36, 38, 41, 42, 51 — Трахтемиров; 7 — Гадомка, 405; 8 — Бобрица, 90; 9 — Бобрица, 94; 10 — Куриловка, 69; 11 — Бобрица, 41; 12, 28—30 — Берестяги, 82; 19 — Степанцы, 11; 20 — Емчиха, 373; 21 — Пищальники; 23 — Бобрица, 40; 24 — Емчиха, 375; 25 — Берестяги, 45; 26 — Ковали, 50; 31, 32 — Куриловка, 68; 33 — Ромашки, 421; 43 — Пешки, 362; 44 — Берестяги, 8; 46 — Лазурцы, 2; 47, 52 — Бобрица, 35; 49, 50 — Емчиха

43—46), гвоздевидные серьги, бусы, изготовленные из самого разнообразного материала: халцедона, янтаря, горного хрусталя, стеклянной пасты (рис. 2, 51, 53).

С начала VI в. до н. э. на Каневщине появляется греческий импорт, представленный в первую очередь керамикой, хорошо известной по раскопкам Трахтемировского городища, и в меньшей мере другими предметами. Прекрасным образцом греческого импорта являются золотые серьги и серебряные браслеты из кургана у с. Емчиха (рис. 2, 49, 50).

Значительное количество поселений со следами домашних ремесел и наличие в погребениях многочисленной керамики; свидетельствуют о том, что на Каневщине жило оседлое население.

По своему происхождению памятники Каневщины генетически связаны с чернолесской культурой. В предскифский период население жило в неукрепленных поселениях. До них, очевидно, слабо доходили удары воинственных степняков. Может быть, каким-то отражением этих событий служит строительство укрепления на Крещатинском поселении. Где-то в VII в. до н. э. жизнь на чернолесских поселениях прекращается, но ненадолго. Уже во второй половине или конце VII в. до н. э. она снова возобновляется на некоторых из них; кроме того, возникают и новые памятники.

По способу жизни это население фактически ничем не отличается от своих предшественников. Поселения располагаются в одинаковых топографических условиях. Погребения сохраняют черты предшествующего периода. Лишь появление в курганах предметов вооружения и строительство городища свидетельствуют об увеличении опасности и об изменениях в жизни населения.

Рост производства, расширение связей, обмена способствовали развитию имущественного, а вслед за ним и социального неравенства. Разница между погребениями по инвентарю особенно проявляется с середины VI в. до н. э., когда в отдельных могилах мы находим золотые вещи. К этому же времени принадлежат захоронения в курганах 35 у с. Бобрица и 100 у с. Синявка, принадлежавшие представителям местной родо-племенной знати.

Памятники Каневщины по своему историческому и культурному развитию аналогичны тясминским и правильно включены исследователями в одну Киевскую локальную группу.

Однако, находясь несколько севернее последней, эта территория подвергалась меньшему воздействию со стороны скифских племен, и поэтому здесь оказались более стойкими местные традиции.

Л. И. Крушельницкая ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

В период поздней бронзы и раннего железа Верхнее Поднестровье было местом стыка разных этнокультурных групп, районом, через который осуществлялись взаимоотношения древнего населения Восточной Европы с племенами Центральной Европы и Балканского полуострова. Это вызывало частые смены древних культур, а также формирование смешанных культурных комплексов¹.

На археологической карте Верхнего Поднестровья начала раннего железного века намечается ряд локальных культурных групп. В южных районах продолжает существовать культура фракийского гальштатта (голиград-

ская группа)², там же встречаются отдельные памятники распространенной в Закарпатье куштановицкой культуры³. Область северных районов до VI в. до н. э. была занята высоцкой культурой⁴. В это же время происходит проникновение новых культурных элементов вследствие продвижения в северо-западном направлении лесостепных земледельческих племен. Во второй половине VII в. до н. э. памятники этой культуры появляются на территории Западной Подолии, вытесняя бытовавшую там ранее культуру фракийского

¹ Например, смешанный характер имеет высоцкая культура, возникшая на рубеже I тысячелетия до н. э.

² / К. Свешніков. Пам'ятки голіградського типу на Західному Поділлі. Карта. МДПВ, вип. 5. Киев, 1964, стр. 43.

³ Курганы 33, 44 в Комарове. В. И. Канивец. Вопросы хронологии высоцкой культуры. КСИА, вып. 4. Киев, 1955, стр. 95.

⁴ T. Sulimirski. Kultura wysocka. Lwów, 1931.

галыштатта⁵. В сфере активного воздействия лесостепных среднеднепровских племен оказалась также территория Верхнего Поднестровья, и это, наверное, явилось непосредственной причиной исчезновения в указанном районе памятников висоцкой культуры.

Памятники культуры, сменившей висоцкую, до недавнего времени почти не изучались. Наличие таковых зафиксировано лишь в нескольких пунктах современной Львовской области — в селах Хильчицы⁶ и Княже⁷ Золочевского района, Плиснеско Бродовского района⁸, Кульчицы Самборского района⁹ и Черепин Пустомытовского района¹⁰. С целью получения новых археологических материалов раннежелезного времени, и в частности памятников VII—V вв. до н. э., отрядами Верхнеднепровской археологической экспедиции Львовского института общественных наук начиная с 1962 г. велись широкие полевые исследования. Раскопкам подвергались поселения у сел Бовшев Галицкого района Ивано-Франковской области, Звенигород, Черепин Пустомытовского района и Лагодов Перемышлянского района Львовской области. Разведывательными экспедициями исследованы районы Гологорской и Воронякской возвышенностей, а также частично бассейны северных притоков Днестра: Золотой Липы, Гнилой Липы и Зубры.

Поселения, как правило, открытого типа и небольшие по площади, расположены на невысоких склонах, вблизи воды. Исключение составляет поселение у с. Звенигород, открытое на торфянике. В некоторых случаях они располагались на местах, заселенных в предшествующее время (в Бовшеве на месте поселения культуры фракийского галыштатта, в Черепине, Лагодове — на поселении висоцкой культуры).

На поселениях прослежены остатки жилищ четырех типов: землянки (до 1,5 м глубины от древней поверхности), полуземлянки (0,6—1 м), столбовые жилища с несколько углубленной в материк основой (20—25 см) и на-

земные постройки. Преобладающим типом жилищ была полуземлянка.

Землянки и полуземлянки — это небольшие (в среднем 10 м²) овальные, круглые или неправильной формы ямы. Нередки случаи, когда на земляных стенках ям остались отпечатки сгоревших прутьев. По-видимому, каркасные плетеные из прутьев и обмазанные глиной стены поднимались от пола вдоль краев землянок. Внутри обнаружены лавки-лежанки и в некоторых случаях — ступенчатые входы, направленные в сторону источников воды.

Жилища столбовой конструкции (наземные и углубленные) — постройки преимущественно однокамерные, прямоугольных очертаний, площадью 3 X 4 м. Следы столбов обнаружены около стен и в центре построек.

В отдельных случаях (в Черепине) в жилищах отмечены следы глинобитных печей. Однако чаще всего встречались следы очагов, расположенных непосредственно на полу жилищ или в примыкающих к ним ямах. Иногда очаги были вымощены камнями.

Большие, с толстыми стенами глиняные печи, как правило, находились вне построек на уровне древней поверхности.

Самыми многочисленными объектами на поселениях были хозяйственные ямы: подвальные и очажные, разных форм и размеров. По типу разрезов они делятся на пять основных групп: цилиндрические, полукруглые, бочкообразные, конусообразные и грушевидные. В плане ямы круглые, овальные, реже неправильной формы. Некоторые из них имели ступенчатые входы.

Чаще всего группы строений на поселениях были объединены в отдельные жилищные комплексы, состоящие из одного или двух жилищ и нескольких хозяйственных ям (рис. 1; иногда, видимо, перекрытых одной общей кровлей).

Неясной для нас осталась форма постройки на поселении в с. Звенигороде. На глубине 0,5 м были обнаружены остатки деревянной конструкции, состоящей из бревен, переплетенных тонкими прутьями. Этот плетень находился на плотном слое обвала обожженной глины, мелких камней, древесного тлена, обломков керамики, а залегавший ниже жирный торфянистый слой был насыщен культурными остатками. На серой залитой водой глине, подстилавшей торф, обнаружено большое скопление находок, в состав которых входили: обломки керамики, кости и куски деревянных балок.

К сожалению, маловыразительные следы этой конструкции не позволяют судить о ха-

⁵ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 49.

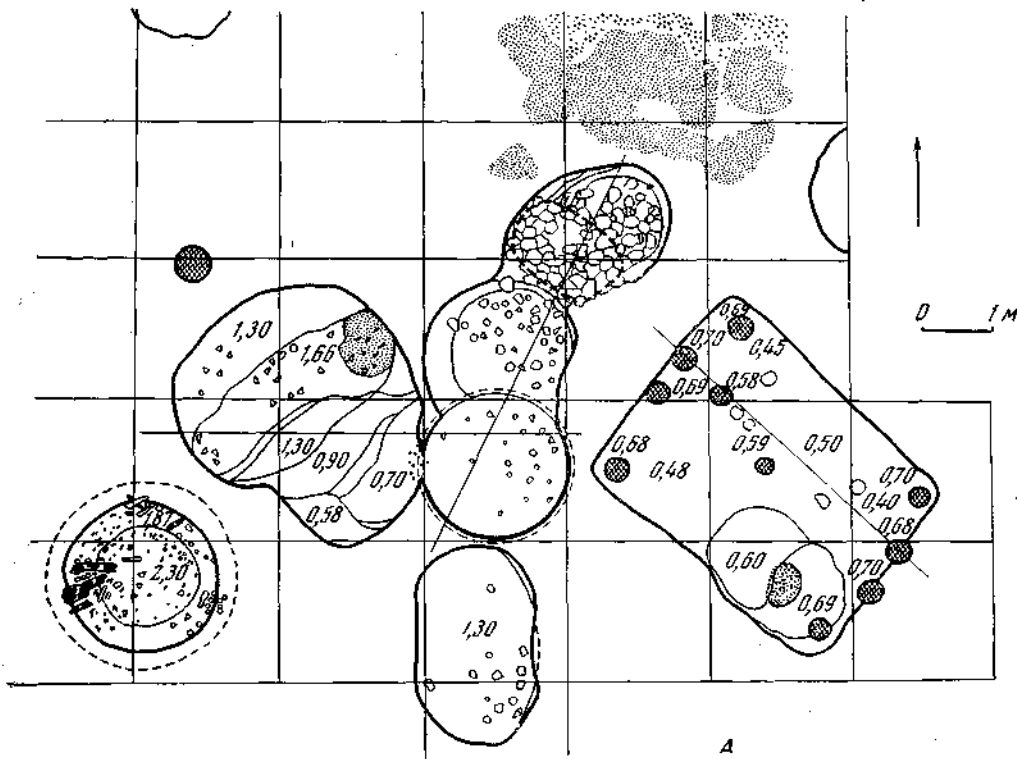
⁶ Я. Пастернак. Археологія України. Торонто, 1961, стр. 423.

⁷ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 229.

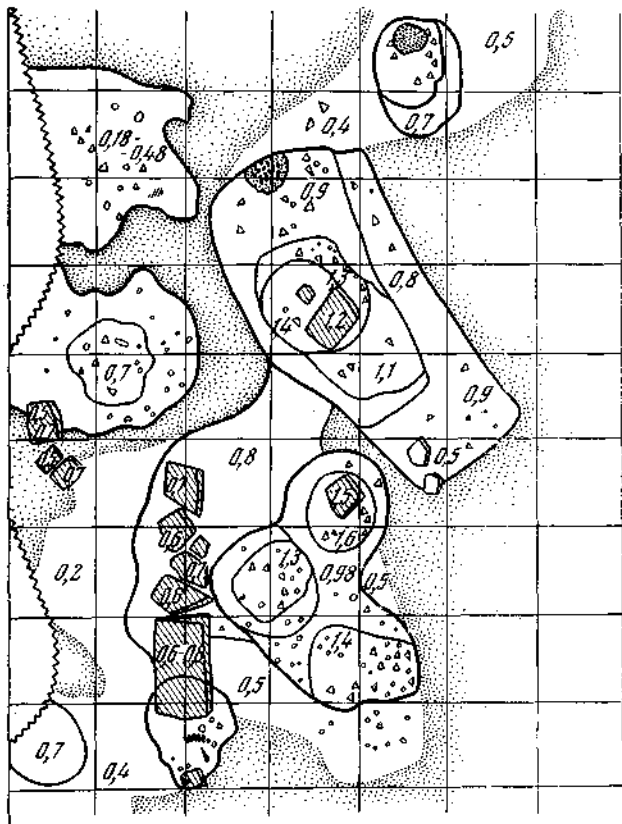
⁸ / . Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеско в 1947—1948 рр. АП УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 385.

⁹ В. Кабільник. Відкриття доісторичних землянок в Кульчицях. «Літопись Бойківщини», № 3. Самбір, 1934, стр. 12—19.

¹⁰ В. Д. Баран. Поселения перших століть н. е. біля с. Черепин. Київ, 1961, стр. 8.

A

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

B

рактуре сооружения, остатками которого они были. Не исключено, однако, что они являлись остатками свайной постройки.

Собранные на поселениях вещи представлены преимущественно обломками керамики. Другие находки (орудия труда, украшения, оружие) встречались реже.

В керамических комплексах преобладают фрагменты кухонной посуды: толстостенные тюльпановидные горшки, широкогорлые баночные горшки, сосуды с выпуклым телом, часть мисок, дуршлаги и плоские круглые крышки (рис. 2, 1—5). Глина кухонной керамики включает примеси шамота (иногда в очень крупных зернах), реже — песка. Поверхность сосудов бурого цвета, в большинстве случаев гладкая; встречаются горшки шероховатые с полосчатым сглаживанием пальцами стенок. Горшки украшены проколами и расчлененными валиками. Валики расположены на расстоянии 1—4 см от края венчика; в тех случаях, когда они находятся сразу под венчиком, проколы расположены на валике или под ним. На баночных горшках валики бывают помещены на тулове. Встречаются гладкие неорнаментированные горшки или только с проколами (рис. 2, 6, 7).

Крышки — это круглые глиняные диски грубой выделки, сглажены обычно только с одной стороны. Некоторые экземпляры украшены пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 8, 9). Они распространены на значительной территории и не являются поэтому признаком культурной принадлежности¹¹. Польский исследователь М. Гедль высказал мнение, что поскольку эти крышки встречаются в могильниках и иногда имеют символические изображения полумесяца, их можно считать предметами куль-

та¹². На наших поселениях, как и на поселениях Западной Подолии, крышки обнаружены в комплексах кухонной керамики. Сделаны они из такого же теста, а размеры их соответствуют размерам венчиков большинства горшков. И если даже в могильниках они приобретали символическое значение, то на поселениях, видимо, использовались как обыкновенные крышки.

Собранные на поселениях миски по своим формам делятся на три группы: 1) с краями слегка загнутыми внутрь; 2) с полукруглыми боками; 3) конической формы (рис. 2, 10, 11; 4). Эти формы характерны и для больших толстых мисок, и для маленьких мисочек с тонкими стенками.

Миски имеют гладкую, иногда лощеную поверхность, цвет их с внешней стороны серый, разных оттенков, внутри — черный. Некоторые украшены по краям выступами, каннелюрами или валиками (рис. 3, 1—3).

Указанные формы мисок имеют еще более широкое распространение, чем крышки. Крышки в Поднестровье бытуют в комплексах раннескифского времени, а миски описанных форм на этой территории существуют значительно дольше¹³ и поэтому не являются датированным признаком.

Тонкостенные сосуды изготовлены из глины с мелкими примесями. Их поверхность гладкая, обычно светлых тонов, однако встречаются и совсем черные лощеные сосудики. Среди собранных обломков имеются: тюльпановидные горшки, горшки с выпуклыми стенками без орнамента или только с проколами; мисочки указанных выше форм и черпаки (рис. 3, 4, 5). Черпаки небольшие, с шаровидным или яйцевидным телом и петельчатыми ручками. Иногда край венчика утолщен (рис. 3, 6, 7).

¹¹ Обнаружены они в комплексах всех локальных групп лужицкой культуры (W. Chmielewski, K. Jażdżewski, L. Kozłowski. Pradzieje Polski. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1956, s. 183, 184, fig. 59, 4; 71, 14; etc); на поселениях Западной Подолии (J. K. Свешников. Поселения раннескифского часу біля с. Сухостав. «Археологія», XI. Київ, 1957, стр. 109); на Южном Буге (Г. И. Смирнова. Севериновское городище. «Археологический сборник», № 2, 1961. Изд. Госэрмитаж, стр. 94).

¹² M. Gedl. Kultura łużycka na Górnym Śląsku, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, s. 53.

¹³ Они широко известны на всех памятниках высокой культуры (Г. Sulimirski. Kultura wysoka, tabl. XVI, 18, 23, 24, 35, 36 и др.) и культуры фракийского гальштатта (J. K. Свешников. Памятки голіградського типу на Західному Поділлі, стр. 47, табл. 1—4), на памятниках скифского времени (T. Sulimirski. Scytowie na Zachodnim Podolu. Lwów, 1936, tabl. XVI).

Рис. 1.
Жилищный комплекс на поселении у с. Чезепин (А) и постройки на поселении у с. Лагодов (Б)

/ — контуры объектов; 2 — очаги; 3 — зола; 4 — глиняная обмазка; 5 — следы столбов; 6 — камни (остатки каменной ограды); 7 — обломки керамики; 8 — древесный уголь; 9 — кости

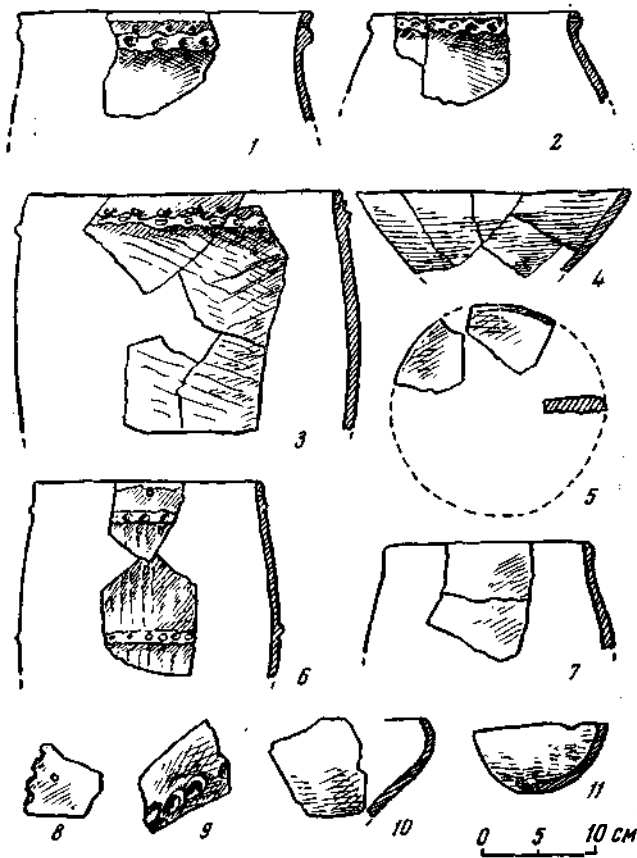

Рис. 2.
Керамика из поселений раннескифского времени Верхнего Поднестровья

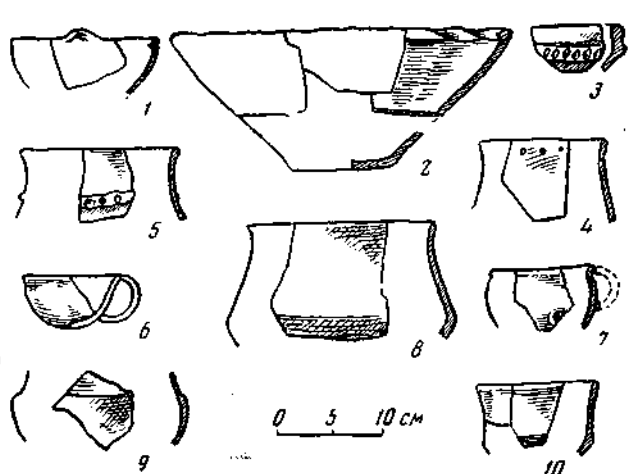

Рис. 3.
Керамика из поселений

Формы и состав керамики из поселений Верхнего Поднестровья в основном напоминают керамику из поселений раннескифского времени Западной Подолии. Им находим также аналогии в комплексах памятников лесостепной полосы Украины. К более ранним формам относятся: тюльпановидные горшки с проколами или валиком, расположенным немного ниже линии проколов, и баночные горшки с валиком на тулове. Они известны на поселениях Западной Подолии у сел Сухостав¹⁴, Меришевка¹⁵, Лука Врублевецкая¹⁶ и др., датированных исследователями второй половиной VII—началом VI в. до н. э.¹⁷

Миски с венчиками, украшенными каннелюрами, которые распространены на гальштатских памятниках¹⁸.

Во вторую группу выделяются толстостенные горшки, украшенные проколами и высоко расположенными валиками, наиболее характерные для памятников VI—начала V в. до н. э., например для поселений у сел Януцы¹⁹, Иване Пусте²⁰, а также Севериновского городища²¹.

Кроме описанной керамики, на поселениях встречаются сосуды, сохраняющие форму керамики предыдущих культур. Так, на поселении у с. Лагодов обнаружены обломки широких ваз с невысокой шейкой и биконическим туловом, сосудов с уступом на переходе от шейки к телу и широкогорлых кубков (рис. 3, 8—10). Подобные по форме сосуды встречаются в высочких и лужицких комплексах. В частности, в керамике Тарнобжежской группы есть аналогии некоторым баночным горшкам с полосчатой или шероховатой поверхностью²².

¹⁴ / К. Свешников. Поселения раннескифского часу біля с. Сухостав, стр. 109, табл. 1, 4, 6, 10, 21.

¹⁵ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., рис. 6, 18.

¹⁶ Г. Г. Шовкопляс. Поселения раннескифского часу на середньому Дністрі. «Археологія», т. IX, Київ, 1954, табл. 1, 2—5, 4, 8.

¹⁷ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 35.

¹⁸ Г. И. Смирнова. Гальштатские городища в Закарпатье. «Slovenska Archeologia», XIV, № 2, 1966, стр. 401, рис. 5, 6, 8.

¹⁹ А. И. Мелюкова. Указ соч., стр. 38.

²⁰ О. Д. Ганіна. Поселения скифського часу в Іване-Пусте. «Археологія», т. XIX, Київ, 1965, стр. 115.

²¹ Г. И. Смирнова. Севериновское городище, стр. 99, рис. 10, 4.

²² M. Gedl. Kultura łuzyska..., tabl. XXX, 4; XXXIV, 3; T. Sulimirski. Kultura wysocka, tabl. XIV, 30; XVII, 3; XXIII, 5; W. Chmielewski, K. Jazdzewski, L. Kozłowski. Pradzieje Polski, rys. 75, 7, 8.

Собранные на поселениях орудия труда представлены глиняными пряслицами, каменными топорами, зернотерками, терочниками, кремневыми вкладышами серпов, железными ножами. В Звенигороде обнаружено большое скопление костяных изделий (проколки, долотца, ложила), много заготовок и отбросов. Всего собрано около 150 костей, в том числе более 30 орудий. В Черепине найден небольшой обломок литейной формы из мергеля (рис. 4, 1—4, 14—23).

Из предметов вооружения имеются железное копье и бронзовые наконечники стрел, двухлопастные с втулкой или трехлопастные остролистные скифского типа (рис. 4, 5—7).

Из предметов украшений найдены: железные и бронзовые булавки, спиральные кольца, гвоздевидные серьги и подвеска-бубенчик (рис. 4, 8—12). Имеются также два роговых псаля (рис. 4, 13).

Всем этим вещам известны аналогии из ряда памятников раннескифского времени. Подобное оружие, серьги, бубенчик найдены на поселениях и могильниках VI—начала V в. до н. э. в Западной Подолии²³.

Можно предположить, что население исследованных нами поселений было оседлым и что здесь, как у всех племен предскифского и скифского периодов лесостепной части Украины, основой хозяйства было земледелие. Это предположение подтверждают вкладыши серпов, зернотерки и терочники. Об этом говорит и собранная недавно в с. Иване Пусте богатая коллекция зерен и семян культурных растений²⁴.

Анализ остеологического материала указывает, что немаловажную роль в хозяйстве имело разведение домашних животных: быков, овец, свиней и коней. Население занималось также охотой. Особенно много костей диких животных собрано на поселении в Лагодове: диких кабанов, медведей, туров, оленей, козуль, лисиц, волков, зайцев, тетеревов и др.

Приведенные выше датировки материала укладываются в хронологические рамки второй половины VII—начала V в. до н. э.

В северных районах Верхнего Поднестровья исследованные памятники сменяют высококую культуру. Однако, учитывая длитель-

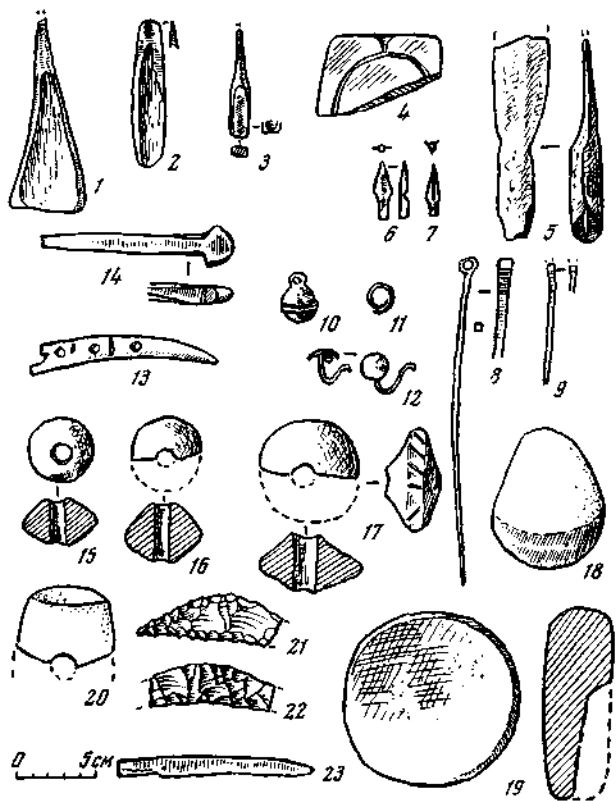

Рис. 4.
Вещи из поселений

ное бытование высококих элементов в культуре пришельцев, появление на высококих могильниках скифских вещей²⁵, а также наличие высококих захоронений с курганными насыпями²⁶, можно говорить о том, что смена высококой культуры культурой племен скифского времени не произошла внезапно. Иначе обстояло дело в Среднем Поднестровье²⁷. Обитавшее там до VII в. до н. э. фракийское население исчезает довольно быстро и почти бесследно.

Заселение территории Верхнего Поднестровья было, вероятно, более длительным процессом. Видимо, уже в VII в. до н. э. сюда проникали группы племен, обосновавшиеся бок о бок с местными жителями, а в некоторых случаях даже пользовавшиеся

²³ T. Sulimirski. Scytowie na Zachodniem Podolu, tabl. VIII, XI. Аналогичная подвеска-бубенчик найдена в кургане V в Братишове (там же, табл. IV, d).

²⁴ О. Д. Ганина. Зерна та насіння рослин з поселення в с. Івані-Пусті. «Археологія», т. XXI, Київ, 1968, стр. 187.

²⁵ Булавки, наконечники стрел, а также некоторые сосуды (T. Sulimirski. Kultura wysocka, s. 154—155, tabl. XX, 17; XXIV, 3, 17).

²⁶ Могильник у с. Красное (Г. Sulimirski. Kultura wysocka, s. 98).

²⁷ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 49—50.

их могильниками. Возможно также, что вместе с новыми поселенцами приходили сюда вытесненные из южных районов небольшие группы фракийцев. На это указывает наличие в керамическом комплексе поселения у С. Звенигород значительного количества «фракийской» керамики. Племена высоцкой культуры не были сразу оттеснены, а сосущество-

вали с пришельцами и со временем были ассимилированы²⁸. Завершение этого процесса относится, видимо, к концу VI— началу V в. до н. э.

²⁸ Подобное предположение было высказано А. И. Тереножкиным. См. *А. И. Тереножкин Предскифский период на днепровском Правобережье*. Киев, 1961. стр. 226.

IV. СКИФЫ КРЫМА

П. Н. Шульц ПОЗДНЕСКИФСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ВАРИАНТЫ НА ДНЕПРЕ И В КРЫМУ (Постановка проблемы)¹

Культура поздних скифов в Крыму и на нижнем Днепре завершает многовековой процесс развития скифской культуры. Поэтому мы вправе ее рассматривать как закономерный заключительный этап культурно-исторического развития Скифии. Именно на этом позднем этапе скифская культура особенно тесно сближается с цивилизациями античного мира, в особенности греческой, а затем испытывает сильнейшее воздействие сарматской культуры.

Многие исследователи до настоящего времени искусственно обрывают развитие скифской культуры III в. до н. э. В книге М. И. Артамонова «Сокровища скифских курганов» написано: «Общим именем скифы условно называется население евразийских степей от Дуная до Енисея VII—III вв. до н. э.»² О скифах за рамками указанных пяти веков в данной работе, ограниченной курганными материалами, ничего не сказано. В книге А. П. Смирнова «Скифы» именем этого народа «назван период, охватывающий около пяти веков»³. Эти положения требуют уточнений и оговорок. На нижнем Днепре и в Крыму на суженной территории Малой Скифии⁴, судя по досто-

верному эпиграфическому⁵ и археологическому материалу, скифы продолжали жить и после III в. до н. э., но уже в хронологических рамках сарматской эпохи⁶.

По времени позднескифская культура связана с государственным периодом истории Скифии. Этот этап культуры начал формироваться на широкой территории степной Скифии еще во времена Атея. Расцвела она позже, в условиях Малой Скифии. Ее конец тонет в начальной поре Великого переселения народов.

Другими словами, позднескифская культура, так же как и скифская государственность, просуществовала около семи столетий — с IV в. до н. э. до III в. н. э., дольше, чем Скифия догосударственного периода времен военной демократии, которая насчитывает всего три века (VII—V вв.). История Скифии в целом охватывает, таким образом, более тысячелетия⁷.

Формирование позднескифской культуры происходило в степной полосе Скифии в условиях оседания кочевников на землю⁸. Этот

¹ В данной статье проблема позднескифской культуры не столько решается, сколько ставится. В этих рамках дать исчерпывающую аргументацию каждого положения невозможно. Материалы и доказательства по отдельным вопросам приведены в привлекаемой литературе. Выдвигая вопрос о позднескифской культуре как культуре археологической, мы вместе с тем пытаемся подвести некоторые итоги изучения этого вопроса.

² М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. Прага, 1966, стр. 10.

³ А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 5.

⁴ Имеется в виду Малая Скифия Страбона (VII, 4, 5), которую не следует смешивать с Малой Скифией Добруджи.

Вопрос о характере культуры поздних скифов на территории Добруджи, где в III в. до н. э. было создано небольшое самостоятельное скифское государство и чеканились монеты местных скифских царей, остается открытым и требует дополнительных археологических материалов. Пока главным источником сведений о скифском государстве в этих рай-

онах, помимо свидетельства Страбона (VII, 4, 5), является нумизматический материал (Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 143—147; D. M. Pippidi, D. Berciu. Din Istoria Dobrogei, vol. 1. Bucureşti, 1965, p. 214, 215, 232 f, tabl. V, 9—10; X. Данов. Древна Тракия. София, 1969, стр. 433, и сл.).

⁵ Б. Н. Граков. Термин «Скифы» и его производные в надписях Северного Причерноморья. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

⁶ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. ИАН, серия истории и философии, т. IV, вып. 3, 1947, стр. 275 и сл.

⁷ П. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 276. По Б. Н. Гракову, «степная Скифия... прожила в виде самостоятельного царства около 800 лет» (Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 31).

⁸ М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ, № 8, 1948, стр. 60, 65—69; Б. Н. Граков, как мне думается, без достаточных оснований сомневается в процессах частичного оседания кочевых скифов на землю (стр. 169). Вместе с тем он правильно подчеркивает наличие на Нижнем Днепре засвидетельствованного Геродотом скифского исконного

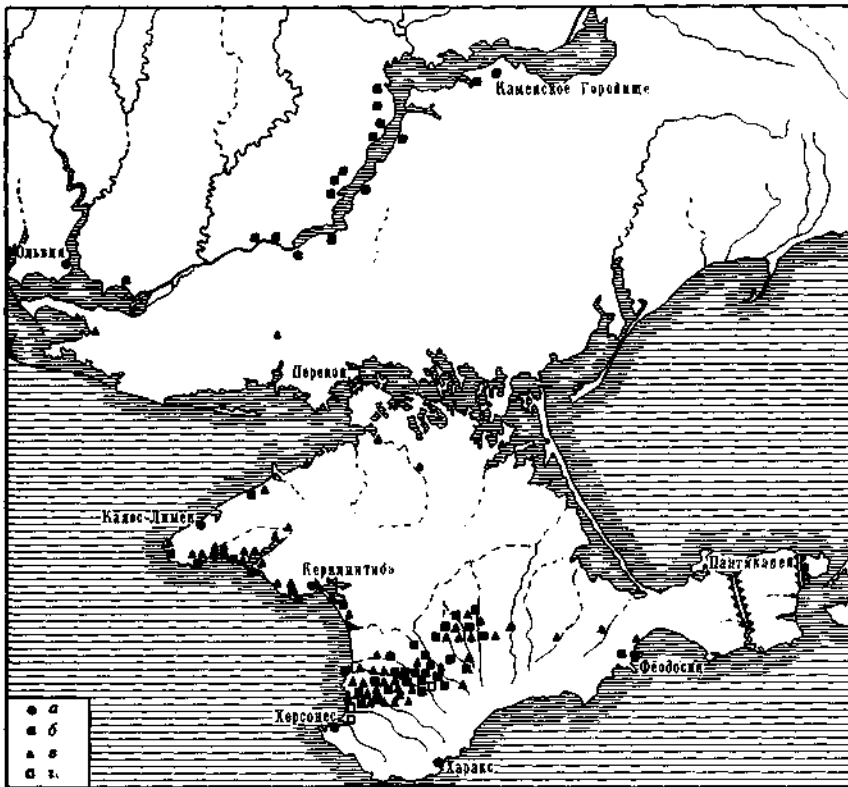

Рис. 1.
Расположение позднескифских городищ и селищ на нижнем Днепре и в Крыму
Условные обозначения: а — античные города и укрепления; б — скифские городища; в — селища;
г — городища, отмеченные Н. Л. Эрнстом, но дополнительно не обследованные

процесс определялся внутренними причинами развития скифского общества, но стимулировался также соседством с греческими городами и продажей им хлеба, спрос на который резко возрос с конца V в. и в особенности в IV в. до н. э.⁹ Оседание кочевников сопровождалось возникновением и развитием на Днепре и в Крыму позднескифских открытых и укрепленных поселений, сельскохозяйственных усадеб, убежищ и городов (рис. 1)¹⁰. Позднескифская культура и ее характер в зна-

чительной мере определялись процессами возникновения и развития скифского города.

Самый значительный памятник позднескифской культуры на Днепре — это Каменское городище, наибольший по размерам и самый ранний степной скифский город¹¹. Он возникает на рубеже V и IV вв. при Атее и является не только царской ставкой и средоточием дружинной знати на акрополе (в пределах Знаменского городища), но и «городом кузнецов и литейщиков», как его характеризует Б. Н. Граков¹². На рубеже III и II вв. территория города сузилась до акрополя (34 га).

В Крыму самый яркий памятник позднескифской культуры — это Неаполь (20 га), возникший как поселение, а затем на рубеже

земледельческого населения (γεωργοί), обитавшего здесь наряду с осевшими кочевниками и позже.

⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 23; В. Д. Блаватский. Земледельцы в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

¹⁰ П. Н. Шульц. Некоторые итоги изучения Неаполя Скифского. Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета ИА АН СССР 4 февраля 1960 г. Архив Крымского отдела ИА АН УССР в Симферополе; Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Автореферат канд. дисс. Киев, 1967; она же. Позднескифские городища и селища Юго-Западного Крыма. СА, 1968, № 1, стр. 185 и сл.

¹¹ Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 6 сл.; Н. Н. Погребова. Поздние скифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 108 сл.

¹² Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XV, стр. 108 сл.

III—II вв. превратившийся в город-крепость—резиденцию скифских царей¹³.

Культура поздних скифов неразрывно связана с историей скифских городских и полугородских центров. Именно в этом и заключается главное ее отличие от степной культуры скифов ранней (VII—VI вв.) и средней поры (V в. до н. э.), порожденной в значительной мере кочевым бытом.

Характернейшими элементами скифской культуры догосударственного периода были: особый погребальный ритуал курганных захоронений, оружие, конский убор, звериный стиль и лепная керамика устойчивых форм, генетически связанная с керамическими формами срубной культуры¹⁴.

Ядро культуры, как и у других ранних кочевников Евразии, составляла знаменитая скифская триада. В отличие от «курганной культуры» степной Скифии ранней и средней поры с ее военно-демократическим строем, культура поздней Скифии принадлежит уже классовому обществу, хотя и длительно сохраняет свой общенародный характер. Она пронизана еще традициями и пережитками, унаследованными от родового строя, но ее классовая сущность и качественные отличия от культуры предшествующего периода сказываются достаточно явственно. Это культура с ярко выраженными чертами городского характера, превращающаяся в цивилизацию¹⁵.

Территория распространения позднескифской культуры четко определена Страбоном: «Вся эта страна (имеется в виду Таврический полуостров. — П. Ш.), а также почти вся область за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией» (VII, 3,5). Сюда входят: предгорный и степной Крым, его западное и северо-западное побережья, степи Таврии и низовой Днепр, включая Нижнее Побужье. На Днепре резко выделяется единственный большой город — Каменское городище, кроме того, 14 укрепленных поселений, некоторые из них

(Гавриловское, Казацкое и др.) пол угородского типа, и несколько селищ¹⁶. В Крышу известно уже 4 города: Неаполь, его ближайший сосед Кермен-Кыр, Булганакское и Усть-Альминское городища. Все три первых города находятся в середине Таврического полуострова и лишь четвертый (Усть-Альминское городище) — на берегу моря. Кроме городов, в Крыму известно около 20 укрепленных поселений, 10 убежищ, по-видимому, две сельскохозяйственные усадьбы, 50 селищ (рис. 1)¹⁷.

Между Крымом и нижним Днепром, этими двумя главными зонами поздней Скифии, пролегало море степей Таврии без городищ и лишь с двумя селищами. Когда-то я мечтал найти в степях и на побережье Таврии скифские городища и сомкнуть территории Малой Скифии (Крым, Таврию, Днепр) в единое целое. Этого не получилось. Две большие зоны оседлости были разделены в древности кочевым миром, который служил вместе с тем благодаря сухопутным путям и торговле связующим звеном между этими зонами.

Позднескифская культура в конкретной исторической обстановке Малой Скифии, и на Днепре, и в Крыму, где скифы соприкасались с приморскими греческими городами и Боспорским царством, сближалась с цивилизациями античного мира, преимущественно с греческой, но позже отчасти и с римской.

Проблемы романизации позднескифской культуры в первые века н. э. в литературе пока еще не освещались. В Крыму к этой проблеме подводят материалы городища Заветное, на котором одно время стояли римские легионеры¹⁸. На Днепре и Буге, мо-

¹³ П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.). ИАДК, Киев, 1957, стр. 62 сл., стр. 72; он же. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, стр. 50 сл.

¹⁴ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА. М., 1954, стр. 66 сл. Генетическая связь основных форм скифской керамики степной полосы с керамикой поздних этапов срубной культуры (горшок, миска) не может, однако, служить доказательством этнического тождества носителей срубной культуры и скифов.

¹⁵ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, стр. 50—51.

¹⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище, гл. IX, стр. 151—175; Н. Г. Елагина. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э.—IV в. н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1958; Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 103 и сл.; рис. 1; М. I. Вязьмитина. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 219 и сл., рис. 88; она же. Культура населения нижнего Днепра после распада единой Скифии. СА, 1969, № 4; Ф. М. Штительман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, № 50, 1956, стр. 255—272.

¹⁷ Почти каждый новый год археологических исследований пополняет число позднескифских селищ, а в отдельных случаях и городищ Крыма. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить археологическую карту, публикуемую в настоящей статье (рис. 1), и предшествующую карту 1957 г. в моей статье в сб. ИАДК (стр. 63, рис. 1). См. также: П. Н. Шульц. Новый скифский город на реке Булганак. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг.» Киев, 1967, стр. 114—119.

¹⁸ Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму, стр. 5 и сл.; она же. Про виробництво скла в пізньоантичному Криму. «Археологія», т. XVI, 1964; она же. Раскопки городища Алма-Кермен. «Археологія», т. XVI, 1964.

жет быть в связи с временной оккупацией Ольвии, римские влияния сказываются сильнее¹⁹. Но вопрос о том, можно ли эти влияния и проникновение римских монет и других изделий на Днепр рассматривать как «романизацию», — остается открытым. Степень воздействия форм римской посуды на формы местной керамики низового Днепра первых веков н. э. также еще недостаточно выяснена. Гораздо яснее обстоит дело с влияниями греков на культуру скифов.

Роль греческой цивилизации в развитии позднескифской культуры особенно отчетливо проявилась в Крыму, где центры Малой Скифии территориально близки к греческим городам. Эта роль сказалась в градостроительстве с элементами регулярности в планировке, в оборонительных сооружениях, домостроительстве, разбивке земельных наделов, отдаленно напоминающих клеры, появлении виноградарства и виноделия²⁰. Сказывается она и в технике. На смену зернотеркам приходят ступы, жернова-толкачи и ручные круглые жернова. Появляются тарапаны, винодельни и другие мастерские, работающие на сбыт. Начинает местами применяться гончарный круг и специализированные гончарные печи. Влияние античного ремесла на ремесло поздних скифов повышало производительность и способствовало росту элементов товарности в производстве²¹. Но денежное обращение у поздних скифов было еще слабо развито и натуральный обмен преобладал²². Использова-

лись греческие монеты. В Ольвии и западном побережье Понта одно время чеканились монеты с изображениями скифских царей²³, в официальных надписях Неаполя применялись греческий язык и письменность²⁴.

Греческое, а позже римское влияние, особенно сильно сказалось в позднескифском искусстве, в частности в надгробных рельефах, в росписях, а также в скульптурных портретах скифских царей²⁵. Сказалось оно и в военном деле, например в применении скифами стенобитных машин²⁶, греческого и римского защитного вооружения. Эти влияния прослеживаются почти во всех сферах материального производства и духовной жизни поздних скифов.

Наряду с взаимосвязями с греческими городами поздние скифы в Крыму соприкасались с таврами²⁷, а на Днепре — с кельтским и гето-дакийским, фракийским миром²⁸.

5. Н. Траков. Каменское городище, стр. 145—148; П. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 80—82.

²³ А. В. Орешников. О монетах скифских царей с именем г. Ольвии. «Зап. Русск. археол. об-ва», новая серия, т. IV, 1890, стр. 14—24; он же. Монеты царей гетов и царей скифов. «Нумизматический сборник», т. I, стр. 1 и сл.; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, гл. IX, 3, стр. 137—139; Я. М. Розанова. Монеты царя Фардзоя. МИА, № 50, 1956, стр. 197—207; П. О. Каршиковский. 3 истории греко-скифских отношений у північно-західному Причорномор'ю. АП УРСР, т. XI, Київ, 1962, стр. 119—121; А. Т. Сальников. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии. ЗОАО, т. 1, 1960, стр. 85—95; В. А. Анохин. Монеты скифского царя Атея. НИС, № 2, Киев, 1965, стр. 3—15.

²⁴ JOSPE, I, № 668; Э. И. Соломоник. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского. «Нумизматика и эпиграфика», 1962, вып. III, стр. 32 и сл.

²⁵ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, вып. XII, 1946; он же. Надгробный рельеф из с. Марьино. СХМ, вып. 3. Симферополь, 1963, стр. 3—10.

²⁶ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 26—27. Следы ударов таранов на херсонесских стенах эллинистической эпохи, очевидно, связаны с осадой Херсонеса скифами. Об этой осаде мы знаем и по эпиграфическим материалам (JOSPE, I, № 352), и по свидетельству Страбона (VII, 4, 7).

²⁷ П. Н. Шульц. О некоторых вопросах истории тавров. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 246—247, 249—252, 256—257, 269—271.

²⁸ Взаимосвязи поздних скифов на нижнем Днепре с кельтами, гетами и даками хорошо выяснены в работах Н. Н. Погребовой (указ. соч., стр. 136, 140—141, 151, 207, 211—215, 223, 232, 243—247) и М. И. Вязмитиной (указ. соч., стр. 128—137, 142—145, 211—213, 230—231); Я. Г. Елагина. Нижнее Поднепровье в эпоху позднескифского царства. ВМГУ, историко-филол. серия, 1958, № 4, стр. 47; К. А. Бредэ. Розкопки Гавридовского городища рубежу н. э. АП УРСР, т. IX, Київ, 1960.

логические исследования на Украине в 1965—1966 гг.» Киев, 1967, стр. 119—121.

¹⁹ Б. Я. Траков. Каменское городище, стр. 145—148; М. И. Вязмитина. Золота Балка, стр. 164, 203, рис. 85; стр. 225, прим. 3; Л. Д. Дмитров, В. Л. Зуц, Ф. Б. Копалов. Любимівське городище рубежу нашої ери. АП, т. X, 1961, стр. 99, рис. 12; В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, 24—4, 1961; Э. А. Симонович. Две геммы из Николаевского могильника на нижнем Днепре. ВДИ, 1967, № 2, стр. 198 и сл., рис. 1.

²⁰ П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.), стр. 78; Е. В. Веймарн. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму. КСИА, вып. 10, Киев, 1960, стр. 111 сл.; Г. Н. Высотская. Некоторые данные о сельском хозяйстве позднескифского городища Алма-Кермен. КСИА, вып. 11, Киев, 1961; В. М. Маликов. Дикорастущий виноград на древних и средневековых поселениях Крыма. Автореферат канд. дисс. Кишинев, 1968, стр. 4—5.

²¹ П. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 79—80; О. И. Домбровский. Керамическая печь на скифском городище «Красное». ИАДК, Киев, 1957, стр. 191—209.

²² Л. П. Харко. Монетные находки Тавро-скифской экспедиции. МИА, № 96, 1961, стр. 214—222; Э. А. Симонович, К. В. Голенко. Монеты из некрополя Неаполя Скифского. СА, 1960, № 1, стр. 265—268;

Позднейший этап развития скифской культуры протекает в условиях сарматской эпохи, когда волны сарматов одна за другой проникают на нижний Днепр и Таврический полуостров²⁹. Это способствовало сарматизации позднескифской культуры. Военно-политические столкновения позднескифского государства с сарматами (новелла об Амаге), а затем союз с роксаланами во время Диофантовых войн³⁰, борьба с Херсонесом, римлянами и Боспором способствовали смешению в Малой Скифии разнородного населения. Это усиливало черты синкретизма в позднескифской культуре³¹. Последняя испытывала двойное воздействие: во-первых, со стороны античных цивилизаций, и, во-вторых, со стороны варварских племен, с которыми соприкасались скифы (таврами, сарматами и аланами), а также со стороны культур кельтов и фракийцев, в свою очередь находившихся под прямым воздействием античных цивилизаций.

На нижнем Днепре во II—I вв. до н. э. появляется лепная керамика, близкая по формам зарубинецкой³². Однако ни поселений, ни могильников этой культуры здесь не обнаружено. Позже, в III—IV вв. н. э. в этих районах распространяется керамика, а затем и могильники, а в IV в.— и отдельные поселения черняховской культуры и культуры с каменным строительством типов Береславского поселения³³. Вопрос о том, откуда и как про-

никала сюда посуда зарубинецких форм, а также и население черняховской культуры, а также и культуры с каменным строительством, остается открытым.

Перекрестные влияния античных цивилизаций и варварских культур, в том числе и сарматской, на культуру поздних скифов не только не уничтожали, но в какой-то степени и усиливали самобытные начала позднескифской культуры, хотя элементы синкретизма в ней имели место. Своими корнями она уходила в собственно скифскую культуру степных территорий предшествующего периода³⁴.

Первый, кто в культуре поздних скифов подметил неповторимое своеобразие,— это Н. Л. Эрнст³⁵. Однако исследователь, изучавший позднескифские городища Крыма изолированно, не сопоставил их с нижнеднепровскими. Это сделала в своем исследовании о позднескифских городищах на нижнем Днепре Н. Н. Погребова. Она пишет: «... в эпоху страбоновской Малой Скифии на торгово-земледельческих поселениях Нижнего Приднепровья создалась своеобразная позднескифская культура, существовавшая с рубежа III—II вв. до н. э. до начала III в. н. э. Археологически изучение этой культуры только началось. Для того чтобы ее правильно понять, необходимо, наряду с дальнейшим углубленным изучением ее памятников, продолжать исследование культурных и других связей с сарматскими, зарубинецкими и карпато-дунайскими племенами, а также со скиф-

²⁹ К. Ф. Смирнов. О начале проникновения сарматов в Скифию. «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии». М., 1967, стр. 46—48; *он же*. О погребениях роксолан на территории УССР. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213 и сл.; М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВИА, 1954, стр. 220 и сл.; *она же*. Сарматские похоронки в долине р. Молочной АП УРСР, VIII, Київ, 1960, стр. 17 и сл.; И. И. Лобова. Сарматы в Крыму. Автореферат канд. дисс. М., 1956; И. И. Гущина. О сарматах в Юго-Западном Крыму. СА, 1957, № 1, стр. 40—51. Там же дальнейшая литература. О сарматах в Неаполе см. статью Д. С. Раевского в настоящем сборнике.

³⁰ Полиэн, VIII, 56; JOSPE, I², № 352; Страбон. VII, 3, 17.

³¹ М. И. Вязьмитина. Культура населения нижнего Днепра после распада Большой Скифии, стр. 70, 75.

³² Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 98—99, табл. IX; Н. Г. Елагина. Указ. соч., стр. 58; Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 139, рис. 12, 4 и рис. 15, 12—15; М. И. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 138—140, рис. 138, стр. 232; П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, стр. 80, табл. XX, 6.

³³ Б. Н. Граков отметил отдельные фрагменты гончарных лошених сосудов черняховского облика на Знаменском городище (Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 99, табл. IX, 12). Об этой группе керамики, найденной на Гавриловском городище, писала

Н. Н. Погребова (указ. соч., стр. 222—223, рис. 34, 12). Встречается эта керамика и на Золотой Балке (М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 197, рис. 81). М. Б. Шукин в статье «К истории нижнего Поднепровья в первые века нашей эры» (АСГЭ, вып. 12, Л., 1970), касаясь проблемы хронологии городищ, высказал предположение, что фрагменты черняховской посуды попали на позднескифские городища нижнего Днепра после их гибели в III в. н. э. О могильниках и городищах данной культуры в этих районах писал Э. А. Симонович (Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 282—318; *он же*. Итоги исследования памятников Черняховской культуры в Северном Причерноморье. МИА, № 139, 1967, стр. 205—238). М. А. Тиханова городища с каменным строительством на Ингульце выделяет в особую культурную группу (М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 178). Этой же точки зрения держится и А. Т. Брайчевская (А. Т. Брайчевская. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі. «Археологія», XI Київ, 1957, стр. 3—13).

³⁴ С. Н. Граков. Каменское городище, стр. 173.

³⁵ Н. Л. Эрнст. Неаполь Скифский. «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе». Симферополь, 1927, стр. 24.

ским Крымом»³⁶. Б. Н. Граков, как уже указывалось, подчеркнул генетическую связь и непрерывность культурной традиции между скифской культурой Каменского городища конца V—III в. до н. э. и культурой «малых» городищ низового Днепра (II в. до н. э.—II в. н. э.)³⁷. В своих работах я рассматриваю позднескифскую культуру как культуру археологическую с двумя ее вариантами на Днестре и в Крыму³⁸.

Каковы же основные характерные признаки позднескифской культуры? Попробуем их наметить в главных штрихах. Но сначала вспомним определяющие признаки культуры степной Скифии предшествующего периода — ранней и средней поры. Она характеризуется, как уже упоминалось, пятью признаками: своеобразными погребальными обрядами, оружием, конским снаряжением, звериным стилем и особой лепной керамикой³⁹. Для культуры же Малой Скифии характерны другие признаки: 1) появление градостроительства и домостроительства с применением примитивных иррегулярных каменных кладок; 2) переход от курганных захоронений к грунтовым могильникам; 3) преобладание в местной керамике лепной посуды, простой и лощенной, генетически в значительной мере связанной с посудой степной Скифии предшествующего периода; 4) ведущая роль в искусстве антропоморфных мотивов и монументальных форм (антропоморфные стелы, надгробия и т. д.).

Отличия культур догосударственного и государственного периодов истории Скифии, как это нетрудно заметить, в значительной мере определялись тем, что в исконной степной Скифии Геродота, которую он называл ἀρχαία Σκυθία...⁴⁰, кочевой быт преобладал над оседлым земледельческим бытом, а в Малой Скифии Страбона, наоборот, оседлое земледелие доминировало над кочевым скотоводством и превратилось в ведущую форму хозяйства. Это не могло не наложить своего отпечатка и на культуру.

³⁶ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 247.

³⁷ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 173.

³⁸ П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.), стр. 62; № Н. Погребова. Указ. соч., стр. 237 сл.; стр. 247; Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Автореферат канд. дисс., стр. 15.

³⁹ А. И. Тереножкин. Скифская культура. «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифско-сарматской археологии». М., 1967, стр. 4—6. См. его же статью в настоящем сборнике.

⁴⁰ Геродот под этим термином подразумевает древнюю степную Скифию, простиравшуюся к востоку от нижнего Дуная (IV, II, 99).

Мы уже говорили, что в позднескифской археологической культуре и на Днестре и в Крыму явственно проступают черты городского характера. Они сказываются в планировке поселений⁴¹, в характере оборонительных стен⁴², в распространении каменного домостроительства и развитии городских ремесел, в проявлении новых городских и сельских грунтовых могильников⁴³. Однако пережитки родовых отношений и форм домашнего ремесла долго сохранялись в позднескифском быту. Так, например, лепная посуда, простая и лощенная, являлась одним из звеньев, связывающих скифскую культуру ранней и средней поры с позднескифской⁴⁴. Помимо лепной керамики черты возможной преемственности с предшествующим периодом, но уже не степных, а лесостепных территорий, прослеживаются в широком распространении зольников на селищах и городищах Малой Скифии⁴⁵.

⁴¹ П. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 68 сл., рис. 4; М. I. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 23 сл., 31, рис. 2; И. В. Яценко. Раскопки скифских строительных остатков на городище «Чайка» в Евпатории. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968, стр. 212—213; она же. Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка». КСИА, вып. 124, 1970, стр. 31—38, рис. 10.

⁴² В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днестра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 117—145, рис. 2 на стр. 119, рис. 11 и 13, табл. I; Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 51; Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 109 сл.; Н. Л. Эрнст. Указ. соч., стр. 24 сл.; П. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 68, рис. 4; А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г. ВДИ 1950, № 4, стр. 179 сл.

⁴³ М. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjerg. PZ, 1913, N. 1-2, S. 80—98; Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 174; А. В. Добровольский. Розкопки дляянок А і Г та могильника золото-тобальківського поселення рубежу нашої ери в 1951 та 1952 роках. АП УРСР, т. IX, Київ, 1960, стр. 19 сл.; М. I. Вязьмитина. Могильник рубежу нашої ери біля с. Золота Балка. АП УРСР, т. X, Київ, 1961, стр. 101—113; В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. ВДИ, № 1, 1949, стр. 111—119 сл.; он же. Некрополь Неаполя Скифского. ИАДК, Киев, 1957, стр. 94—145. Переход от курганных могильников к грунтовым освещен в работах: Т. Н. Трошкая. Скифские погребения в курганах Крыма. Автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 12 сл.; Э. А. Сымонович. Фибулы Неаполя Скифского, СА, 1963, № 1; Н. О. Богданова. Могильник I в. до н. э.—III в. н. э. біля с. Завітне Бахчисарайського району. «Археологія», XV, Київ, 1963; Н. А. Богданова, И. И. Гущина. Раскопки могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960—1961 гг. СА, 1964, № 1, стр. 324 сл.

⁴⁴ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 68—81; О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, № 64, 1958, стр. 248—271.

⁴⁵ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция, стр. 280; Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 64, 153—154; Л. Д. Дмитров, В. Л. Зуц, Ф. Б. Копилов. Любимівське городище рубежу нової ери. АП УРСР, т. X, Київ, 1961, стр. 79 сл., рис. 5.

В позднескифском быту сохраняются юрты-зимники⁴⁶, большие, округлые в плане земляные склепы⁴⁷, обычно их называют катакомбами, каменные закладки в колодцах могил⁴⁸ и многие другие признаки, унаследованные от скифского кочевого быта. Традиционные обычаи старых скифских царских захоронений сохранились в мавзолее Неаполя⁴⁹, в новой по типу городской наземной каменной усыпальнице (захоронение рядом с царем коней и конюха, западная ориентация царского погребения, захоронение собак и пр.)⁵⁰.

На городищах Днепра и Крыма долго живет старый обычай ставить около жертвенников и очагов глиняные фигурки богинь, животных⁵¹ и миниатюрные сосуды, частью связанные с культом, частью, может быть, игрушки. Долго держались в быту поздних скифов традиционные формы скифского мужского костюма.

Словом, в позднескифский период скифская культура продолжает поступательное развитие, сохраняя множество старых традиций. Но она испытывает вместе с тем серьезные качественные изменения, связанные с переходом значительной части позднескифского населения на оседлую жизнь, с формированием городов, классов и государства. Изменения материальной жизни и общественного бытия видоизменяли облик культуры.

В позднескифской археологической культуре на Днепре и в Крыму черты общности преобладают над локальными различиями. Единство и общность культуры сказываются в хозяйственных, общественных и идеологических ее основах. Процесс оседания кочевников на землю и возрастающая роль земледелия наблюдается и там, и здесь. Хронологически этот процесс на Днепре несколько опережает. И там, и здесь формируются города, сначала на Днепре, а потом в Крыму. Но пути формирования города шли в этих двух зонах Скифии несколько различно. Каменское городище возникает на кучугурах как «город кузнецов и ремесленников», внутри которого находилась царская ставка — Знаменское городище, впоследствии огражденное каменной стеной⁵² Неаполь как город возникает на месте открытого поселения, превращаясь на рубеже III—II вв. до н. э. в *Βασιλεύς*, как он назван позже в декрете в честь Диофанта⁵³, т. е. в царскую крепость, резиденцию скифских царей. Судя по тому, что в Неаполе в пределах стен ремесленных мастерских еще не встречено, а за пределами города они есть, данный центр является не столько средоточием ремесленников, сколько царской ставкой, средоточием дружинной знати, сборщиков податей, владельцев земли и стад, торгового люда и т. д.⁵⁴ Здесь базировался аппарат насилия, без которого государство, в данном случае рабовладельческое, немислимо.

Словом, в Малой Скифии намечаются два пути формирования городов. Один путь — это создание центров ремесла и торговли, второй — центра государственной власти, царской крепости. Иногда эти пути совмещались, как например в Каменском городище, где наряду с городом ремесленников возник акрополь — царская ставка⁵⁵. Возможно, что в дальнейшем на окраинах Неаполя будут обнаружены ремесленные мастерские.

Одновременно с формированием городов и на Днепре и в Крыму шел параллельный процесс возникновения открытых поселений сельского типа. Частью они лепились около укрепленных поселений и городов, примыкая к ним, частью возникали от них независимо. Около

⁴⁶ П. Н. Шульц. Евпаторийский район. АИ в РСФСР. М.—Л., 1941, стр. 273 сл., рис. 74—75; *он же*. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937, стр. 252—254; О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донувского городища в 1963—1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 69 сл., рис. 20.

⁴⁷ О. А. Махнева. Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя Скифского. ЗОАО, стр. 191—196, рис. 1; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 102 сл., рис. 3; Б. Н. Граков. Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, 1939, № 1, стр. 271—276, рис. 1; *он же*. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, № 115, 1962, стр. 56—113.

⁴⁸ В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского, стр. 111 сл., рис. 2; *он же*. Некрополь Неаполя Скифского, стр. 120; Т. Н. Троицкая. Указ. соч., стр. 1—16; М. И. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 105 сл.

⁴⁹ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, стр. 48 сл.

⁵⁰ Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА, № 96 стр. 179 сл.

⁵¹ Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. СА, 1957, № 1, стр. 178, рис. 2, 19; 11, 7, 20; В. М. Маликов. Жертвенник из пригородного здания Неаполя Скифского. КСИА, вып. П. Киев, 1961, стр. 64—69; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 131, рис. 65, 49—59; стр. 208 сл., рис. 86, 4—6, 11, 13.

⁵² Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на нижнем Днепре. стр. 108—115, рис. 2—3.

⁵³ JOSPE, 1², N 352.

⁵⁴ П. Н. Шульц. Исследование Неаполя Скифского (1945—1950 гг.), стр. 63, 78.

⁵⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 63 сл.; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища..., стр. 108 сл. По мнению Н. Н. Погребовой, на Знаменском городище «... можно предполагать наличие зданий дворцового характера» (стр. 124).

сельских поселений в Крыму, правда, далеко не везде, позже, главным образом в II—III вв. н. э., стали появляться убежища, позднескифские *refugium*'ы, служившие защитой окрестного населения во время военной опасности⁵⁶.

Вокруг городов, укрепленных поселений, убежищ и сельскохозяйственных усадеб⁵⁷ возникали загоны для скота и земледельческие наделы, нечто вроде античных клеров, но в смысле планировки менее регулярные⁵⁸. Такие наделы зафиксированы в Крыму и на Днепре⁵⁹.

Сформировалась ли у поздних скифов территориальная сельская община или нет, мы еще не знаем, но формирование убежищ, окруженных сельскими поселениями, как будто говорит за это. Может быть, эти поселения сельского типа со своими убежищами в III в. н. э. начали противостоять слабейшим силам позднескифского государства⁶⁰.

Наиболее распространена и характерна для поздних скифов и на Днепре, и в Крыму форма укрепленного поселения со значительным культурным слоем, с каменной оборонительной стеной⁶¹.

Общность позднескифской культуры хорошо прослеживается не только на типах поселений, но и на орудиях производства. По ним мы можем проследить сдвиги, происходившие в позднескифской технике. Они заключались,

в частности, в переходе от преимущественного применения простых и составных орудий ко все большему использованию орудий сложных⁶². Мы уже упоминали, что в мукомольном деле на смену зернотеркам приходит жернов-толкач прямоугольных форм, сложное орудие, приводившееся в поступательное движение при помощи рычага-рукоятки. Это орудие, типичное для эллинистической эпохи, было воспринято поздними скифами в греческих городах. Но в позднескифском быту оно нередко видоизменяет формы, теряет геометрическую правильность и приобретает аморфный, менее регулярный, а бы сказал, варварский облик⁶³. А затем, в первые века н. э., в поздней Скифии распространяются круглые ручные жернова⁶⁴. От античности поздние скифы восприняли каменные давилки для винограда, так называемые тарапаны, рассчитанные на применение рычажного пресса⁶⁵. В позднескифских гончарных мастерских спорадически начал применяться круг⁶⁶.

Применение сложных орудий способствовало появлению у поздних скифов мастерских, работающих на сбыт, и развитию элементов товарности в производстве⁶⁷.

В значительной мере совпадают по характеру на Днепре и в Крыму оборонительные сооружения, стены и башни⁶⁸. Стены суживают-

⁵⁶ В. С. Драчук. Скифское городище Джалман в Крыму. КСИА, вып. 9. Киев, 1960, стр. 77—79; Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму, стр. 8, 24; она же. Позднескифские городища и селища Юго-Западного Крыма. СА, 1968, № 1, стр. 186.

⁵⁷ Л. Н. Шульц. Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1958 г. Архив ИА АН УССР; О. И. Домбровский. Пещеры и урочища Кизил-Кобы в позднеантичный период. «Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР», 1. Киев, 1963, стр. 152—163; Л. Н. Шульц. Исследование Неаполя Скифского, (1945—1950 гг.), стр. 84, прим. 2.

⁵⁸ Т. Н. Высотская. Позднескифские городища, стр. 189, рис. 2, 3 на стр. 187; она же. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму, стр. 19.

⁵⁹ К. В. Шишкин. Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников. СА, 1966, № 3, стр. 116—121, № 2. О земельных наделах на стр. 118.

⁶⁰ Т. Н. Высотская. Позднескифские городища, стр. 192.

⁶¹ Позднескифские укрепленные поселения на нижнем Днепре в отдельных случаях приобретают характер поселений полугородского типа, например, Гавриловское городище (13 га) с выделившимся акрополем (Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на нижнем Днепре, стр. 164 сл., рис. 24). Образцом миниатюрного укрепленного поселения на северо-западном побережье Крыма может служить городище Тарпанчи (А. Н. Шеглов. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. СХМ, III, 1963, стр. 67—75).

⁶² Л. Н. Шульц. Техника античного рабовладельческого общества. «Очерки истории техники докапиталистических формаций». М.—Л., 1936, стр. 127—130.

⁶³ Л. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.), стр. 78 сл., рис. 11.

⁶⁴ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на нижнем Днепре, стр. 154 сл., рис. 22; Б. Н. Граков. Каменное городище, стр. 140 сл., рис. 15; Т. Н. Высотская. Некоторые данные о сельском хозяйстве позднескифского городища Алма-Кермен; КСИА, вып. 11. Киев, 1961; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 114 сл.

⁶⁵ Е. В. Веймарн. Указ. соч., стр. 111 сл.; Т. Н. Высотская. Указ. соч., стр. 75—79, рис. 6.

⁶⁶ Л. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.), стр. 79 сл.; О. И. Домбровский. Керамическая печь на скифском городище «Красное». ИАДК, стр. 191 сл.; Т. Н. Троицкая. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее. ИАДК, стр. 189. О. Д. Дашевская склонна отрицать применение круга у поздних скифов (О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма, стр. 248 сл.). Однако этому противоречат гончарные «стружки», найденные в Неаполе в 1955 г. Следует отметить, что находки местных гончарных изделий в позднескифских городищах и некрополях единичны.

⁶⁷ Л. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 80.

⁶⁸ Для того чтобы убедиться в поразительной близости позднескифских оборонительных сооружений на Днепре и в Крыму, целесообразно сопоставить стены Казацкого городища, исследованного В. И. Гошквичем (указ. соч., стр. 125—132, рис. 2, 11, 13,

ся сверху, панцири не вертикальны, но имеют наклоны, сложены не из квадров, а из рваного камня, не насухо, но на глиняном растворе или на грязи. Между панцирями — забутовка из небольших камней или щебня. Часто к основному поясу пристраиваются дополнительные пояса, утолщающие стену. Для позднескифской фортификации характерна иррегулярность кладок; в отличие от греческой она имеет еще варварский облик. Отдельные пряслы стен нередко отличаются от соседних прясел⁶⁹. Возможно, что они выкладывались различными артелями мастеров. Обычного для греческих городов единства в приемах кладки стен здесь нет.

Тот же иррегулярный характер имеет и домостроительство и на Днестре, и в Крыму⁷⁰. Планировка лишь местами, подражая греческой, более или менее правильна. Обычно улицы кривятся, углы зданий, как правило, закруглены, ориентация домов чаще разнообразна. В кладках применяется почти исключительно бутовый камень, стены возводятся на глиняном растворе или на грязи, крыши и полы чаще всего земляные, для поддержки кровли обычно применяются деревянные столбы. Встречаются навесы на деревянных столбах, вставленных в каменные базы-«башмаки»⁷¹. Очень часто стены домов сложены из сырца на каменном доколе⁷². Дома небольшие, почти всегда одноэтажные с одним, двумя или тремя помещениями. В постройках легкого типа широко используется прутьяной каркас, обмазанный глиной⁷³. Дома отапливаются печами и жаровнями различных форм⁷⁴.

табл. 1), и стены Неаполя Скифского, исследованные А. Н. Карасевым (указ. соч., стр. 180 сл., рис. 1) и Т. Н. Высотской (77. *Н. Шульц*. Отчеты о раскопках Неаполя Скифского в 1956 и 1957 гг. Архив ИА АН УССР).

⁶⁹ А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г., стр. 179 сл.; *он же*. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. КСИА, вып. ЮЗ, 1965, стр. 131—139, рис. 47а; И. В. Яценко. Указ. соч., стр. 31 сл.

⁷⁰ Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму, стр. 4; И. В. Яценко. Указ. соч., стр. 33, рис. 10.

⁷¹ М. И. Вязьмитина. Злата Балка, стр. 58 сл., рис. 36.

⁷² А. Н. Карасев. Указ. соч., стр. 186.

⁷³ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 60—62; Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 122, 124, 189, 197, 242; М. И. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 61 сл., стр. 109.

⁷⁴ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 64; Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 126—127, 189, 197; Н. Л. Эрст. Неаполь Скифский, стр. 24; П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция, стр. 281; А. Н. Карасев. Указ. соч., стр. 187; *он же*. Раскопки Неаполя Скифского (1950). КСИИМЖ, вып. XLIX, 1953, стр. 83; А. Н. Шеглов. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 146.

Глиняные жаровни прямоугольные, круглые и овальные обычно имели невысокие бортики.

Для Днестра и Крыма особенно характерен особый тип здания с сенями. Часть из них имела, по всей видимости, общественное, культовое назначение. Например, в Неаполе здание с фресками и круглым глинобитным жертвенником в центре⁷⁵ или же пригородное здание с прямоугольным жертвенником в центре, окруженным четырьмя столбами, очевидно поддерживавшими кровлю со светодымовым отверстием⁷⁶. Часть небольших зданий с сенями, например на Золотой Балке, могла быть и жилыми⁷⁷. По своим планам эти здания тождественны мегаронам микенской эпохи, и мы их поэтому условно называем «зданиями типа мегаронов». Навесы сеней обычно поддерживались двумя столбами⁷⁸. Центральные очаги-жертвенники иногда расписаны. Пока известно 9 зданий этого типа: 7 — в Крыму и 2 — в Приднепровье (рис. 2).

Генезис зданий этого типа еще не ясен. Толчком к их оформлению могли послужить храмы в антах греческих городов, например типа святилища Деметры на Майской горе, исследованного И. Д. Марченко⁷⁹. Могли возникнуть они и независимо, из потребностей позднескифской среды, нуждавшейся в молитвенных домах или домах для мужских собраний городских и полугородских общин. Для нас важно то, что и Днестр, и Крым дают идентичные типы зданий, не характерные для греческих полисов, но совпадающие по плану и деталям с мегаронами микенской культуры. Последние возникали в условиях начальной фазы формирования на территории Греции рабовладельческого общества, по-видимому, особого типа, отличного от будущего античного рабовладения. В связи с этим возникает вопрос: нет ли каких-то элементов общности в уровне социально-экономического развития раннерабовладельческого скифского общества с Обществом Микен и Трои, несмотря на более чем тысячелетний хронологический разрыв? В свое время оборонительные стены Неаполя по некоторым структурным особенно-

⁷⁵ И. В. Яценко. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе Скифском. СА, 1960, № 4, стр. 99; О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском. СА, 1962, № 1, стр. 173 сл.

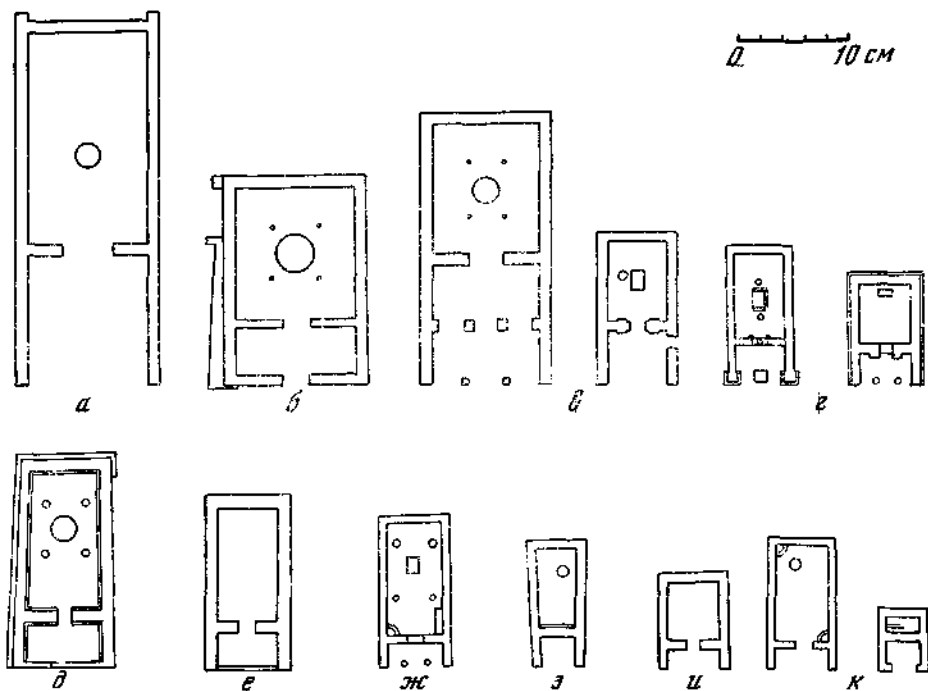
⁷⁶ П. Н. Шульц. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского, СА, 1969, № 1, стр. 120 сл., рис. 2.

⁷⁷ М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 33, рис. 9; стр. 72, рис. 38; стр. 107.

⁷⁸ П. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 122, рис. 2.

⁷⁹ И. Д. Марченко. Некоторые итоги раскопок на Майской горе. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 80—88, рис. 32.

Р и с. 2.

Позднескифские здания типа мегарон на Днестре и в Крыму

а — Троя; б — Микены; в — Тиринф; г — Привия (о-в Крит); Неаполь Скифский; д — здание с фресками, е — раскоп Д, ж — пригородное здание, з — раскоп З, и — раскоп В; к — Золотая Балка

стям я сопоставлял с оборонительными стенами Микен, Тиринфа и Трои с их циклопической кладкой и характерным сужением стен в верхней части⁸⁰. Такого рода сопоставления можно было бы провести и на другом материале: на общественных и домашних жертвенниках, связанных с культом верховной богини⁸¹. Они встречаются и в микенском быту, и в обиходе поздних скифов, в котором есть черты, родственные ранним героическим этапам античных цивилизаций.

Что касается черт общности в двух вариантах позднескифской культуры на Днестре и в Крыму, то здесь, помимо перечисленного, необходимо сказать и о зольниках. Зольники большие, средние и малые встречаются на городищах: Неаполе, Булганакском, Усть-Альминском, Любимовском и др. Зольничные холмы — характерная особенность не только многих позднескифских городищ, но и селищ. Вероятно, традиционная ссыпка очажной золы в одно

место обуславливалась не только хозяйственными задачами, но и культом очага и огня⁸².

С этим же культом, очевидно, связаны и многочисленные глиняные обожженные подставки с головами баранов, а иногда и кожей по сторонам этих подставок, которые были особенно распространены на Днестре⁸³, но представлены и в Крыму⁸⁴ и встречаются обычно около очагов. Эти подставки с головами баранов из глины и камня — возможно, кельтский вклад в культуру поздних ски-

⁸² В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники — эсхары. КСИИМК, вып. 103, 1965, стр. 28—37; Л. Л. Шульц. Тавро-скифская экспедиция, стр. 280; Б. Л. Граков. Каменское городище, стр. 153—154; Н. Н. Логрובה. Позднескифские городища на нижнем Днестре, стр. 184, 196, 200; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 65; Д. Д. Дмитров, В. Л. Зуц, Ф. Б. Копилов. Указ. соч., стр. 78 сл., рис. 5.

⁸³ Н. Н. Логрובה. Указ. соч., стр. 229—232, 245, рис. 37, 1—5; рис. 40, 22; рис. 49, 1—4; М. И. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 28 сл., 81—83, 87—89, 94, 97, 208—242, рис. 6, 2, 5; рис. 44, 2, рис. 46, 4; рис. 48, 1—2; рис. 86, 1, 3—5, 9—10.

⁸⁴ Л. Л. Шульц. Тавро-скифская экспедиция (1947 г.). КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 61—62, рис. 26; А. Л. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1950 г., стр. 85.

⁸⁰ П. Л. Шульц. Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946). «Памятники искусства». 2. М., 1947, стр. 23.

⁸¹ В. М. Маликов. Указ. соч., стр. 64—69.

фов⁸⁵; они были особенно распространены в кругу кельтских племен, их довольно много, в частности, в Румынии на гетских поселениях⁸⁶. Подставки же с конскими головами для кельтов не характерны и являются позднескифским вариантом обычных подставок с головами баранов⁸⁷. Такого рода подставки часто сопоставляют с так называемыми рогами кирпичами, которые бытовали очень широко, в частности и в микенском быту⁸⁸.

В культовых помещениях, в жертвенниках и у очагов в жилых домах в Крыму и на Днепре изредка встречаются вылепленные из глины, а в одном случае — из сырой земли, статуэтки богини⁸⁹. Такого рода статуэтки, весьма примитивные, найдены в Неаполе, на городище Гарпанчи, в Белозерском городище в устье Днепра и на Золотой Балке⁹⁰. Как уже говорилось, возможно, что эти статуэтки связаны с культом Табиты, покровительницы очага и животных. Судя по изображению, Табита была связана с жертвенным огнем⁹¹ и, вероятно, олицетворяла одновременно плодоносящие силы земли. Около статуэток иногда находились миниатюрные фигурки животных: баранов, бычков и коней⁹². Сходные комплексы встречаются и на более равнинных городищах лесостепной Скифии⁹³. Этот культ, оче-

видно, имел глубокие древние корни и стойко сохранялся в поздней Скифии.

Наряду с женской богиней, вылепленной из земли и глины, в Малой Скифии, обычно в погребениях, встречаются бронзовые амулеты-фигурки с изображениями мужского божества⁹⁴. Культ мужских и женских божеств был, очевидно, для Скифии общим. Культ животных отходил уже на второй план. Из животных особо почитались конь, баран и собака. Многочисленные соляные изображения говорят о культе солнца⁹⁵. Из фетишей отметим культ стрелы и копья⁹⁶.

Примеры общности культуры поздних скифов в Крыму и на Днепре можно было бы значительно увеличить. Принимая во внимание сходство погребальных обрядов и почти полное тождество антропологического материала, исследованного Т. С. Кондукторовой⁹⁷, можно выдвинуть тезис, не противоречащий свидетельствам древних авторов и эпиграфическим материалам, об этнокультурной общности основных контингентов населения двух главных территорий Малой Скифии: нижнего Днепра и Крыма.

При наличии преобладающих общих черт мы имеем все основания говорить о локальном своеобразии, об особенностях этой общей позднескифской археологической культуры в двух ее указанных главных зонах. Эти особенности наиболее отчетливо прослеживаются на массовом материале лепной керамики (рис. 3). На отличия в лепной посуде нижнего Днепра и Крыма в позднескифское время было обращено внимание Б. Н. Граковым и А. И. Мелюковой⁹⁸. Отмечалось это в статьях О. Д. Дашевской и Н. Н. Погребовой⁹⁹.

⁸⁵ Т. Герасимов. Кельтски селища по гороното теченне на р. Тополница. «Известия на археологическия институт», ХХІХ. София, 1966, стр. 133—164, рис. 4, 27, 29, 30.

⁸⁶ R. et E. Vulpe. Les fouilles de Poiana. Campagne de 1927. «Dacia», III—IV, 1927—1932, I-re partie, p. 317, fig. 97, 1, 3; p. 318, fig. 99, 3; p. 321, fig. 102, 11—12; p. 350, fig. 129, 6.

⁸⁷ М. И. Вязьмитина. Золота Балка, рис. 6, 2, 5; рис. 46, 1.

⁸⁸ F. Schachermeyer. Ägäis und Orient. Wien, 1967, Taf. III, 10.

⁸⁹ В. М. Маликов. Указ. соч., стр. 64—69, рис. 2—3.

⁹⁰ Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости. «Труды VIII АС», т. III. М., 1897, стр. 84; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 63, 208—209, 213—214; рис. 86, 11—13.

⁹¹ Связь Табиты с культом очага, а следовательно, и огня подчеркнул С. А. Жебелев (С. А. Жебелев. Геродот и скифские божества. ИТОИАЭ, т. I. Симферополь, 1927, стр. 87—88). На электровых бляшках из Чертомлыка богиня, очевидно Табита, изображена сидящей около жертвенника с огнем (М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, стр. 47, 51, 97, рис. 97).

⁹² В. М. Маликов. Указ. соч., стр. 66, рис. 4; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 63. В Золотой Балке в яме № 17 была найдена и женская статуэтка, и «коник».

⁹³ Б. А. Шрамко. Указ. соч., стр. 184—188, рис. 2, 19; рис. 7, 20. Имеется ли между культурами богини земли и вместе с тем покровительницы животных в лесостепной и степной Скифии генетическая связь или же эти культы возникли в различной этнической среде этих двух территорий Восточной Европы и развивались независимо, пока еще судить трудно, но общие черты в этих культурах несомненны.

⁹⁴ Х. Н. Ящуржинский. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе. ИТУАК, № 7. Симферополь, 1889, стр. 53—54, табл. I; Э. А. Симонович. Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, № 4, стр. 139—151, рис. 3; В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. ИАДК. Киев, 1957, стр. 127—128, табл. VI, 4.

⁹⁵ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, стр. 32—34, рис. 16, табл. XXI; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 210, рис. 44.

⁹⁶ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 16—21, рис. на стр. 21.

⁹⁷ Т. С. Кондукторова. Населения Неаполя Скифского за антропологическими данными. «Материалы з антропологии України», вып. 3. Київ, 1964, стр. 32—71.

⁹⁸ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время, стр. 75—76; они же. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953, стр. 120.

⁹⁹ О. Д. Дашевская. Указ. соч., стр. 269; Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 237—238.

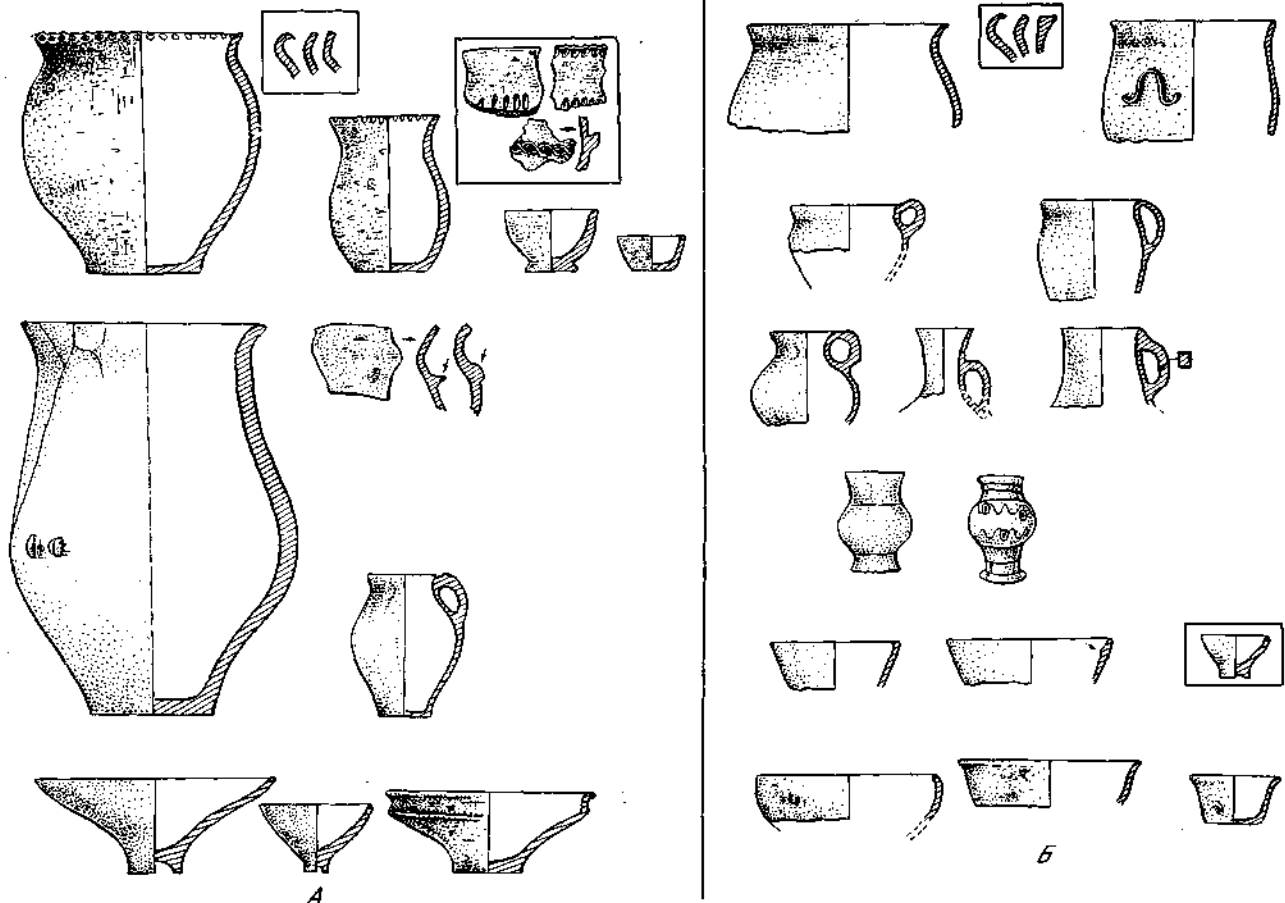

Рис. 3.
Лепная керамика поздних скифов на Днестре (А) и в Крыму (Б)

Для крымской лепной посуды характерно широко развитое лошение¹⁰⁰. На нижнем Днестре лошение в отношении к простой нелошеной керамике представлено в значительно меньшей степени. Вторая особенность крымской позднескифской посуды — почти полное отсутствие орнамента. В Центральном и Юго-Западном Крыму орнамент — редкое исключение¹⁰¹. На Днестре и нижнем Дону (Каменское и Елизаветовское городища), напротив, старый скифский обычай орнаментировать сосуды по венчикам и плечам пальчатым и ногтевым орнаментами, иногда с зашипами и насечками, держался гораздо более стойко¹⁰². Уже отмечалось, что на Керчен-

ском полуострове, а также на западном и северо-западном побережье орнаментация встречается чаще, чем в остальных районах позднескифского Крыма. Связи с Приднепровьем в керамике здесь выражены сильнее¹⁰³.

Лошение черное, серое и реже красно-коричневое и желтое было особенно распростра-

¹⁰⁰ О. Д. Дашевская. Указ. соч., стр. 249, 255, 259, 269.

¹⁰¹ Там же, стр. 269; Т. Н. Высотская. Керамика городища Алма-Кермен. «Археология», т. XX. Київ, 1966, стр. 196—201, табл. I—II.

¹⁰² Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 81; Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у

станции Елизаветовской. ИГАИМК, вып. 104. Л., 1934, стр. 159—175, рис. 45—49; В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 1, стр. 150 сл. Отнесение Б. Н. Граковым Елизаветовского городища к зоне «нижнедонских меотов» (Б. Н. Граков. Скифы. Київ, 1947, стр. 7—12, карта на рис. 1) археологическим материалом не подтверждается.

¹⁰³ О. Д. Дашевская. Раскопки южного Донузлавского городища в 1960 г. КСОГАМ, 1961, стр. 56; Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритак. МИА, № 25, 1952, стр. 249—258, 287, 288, рис. 5, 1—6; И. Т. Кругликова. О местной лепной керамике Пантикапея. МИА, № 33, 1951, стр. 78—114, табл. I, 1, 2.

нено в предгорьях Крыма, что может быть вызвано влияниями таврской посуды на скифскую¹⁰⁴. Есть сходство и в формах, главным образом на ранних этапах развития позднескифской керамики.

Характер и формы лепной посуды в Крыму и на Днепре, при наличии локальных особенностей, восходят, тем не менее, в основной массе к скифским типам горшка и миски, хорошо представленным на Каменском городище, и наглядно свидетельствуют об относительной стойкости основных керамических форм Малой Скифии на протяжении шести веков¹⁰⁵. Это говорит о преобладании здесь скифского населения, сохранившего в домашней лепной посуде старые традиционные формы.

Лепные сосуды сарматского облика, например сарматские кувшины, цилиндрические курильницы с горизонтальными ребрами и т. д., встречаются не так уж часто¹⁰⁶. Они есть, например, в могильниках у с. Заветное¹⁰⁷ и в Золотой Балке¹⁰⁸. Может быть, значительное возрастание в первые века н. э. кувшинов с высоким цилиндрическим горлом, не характерных для более ранней скифской посуды, вызвано сарматскими влияниями, проявившимися и в керамике¹⁰⁹.

Во II—I вв. до н. э. на нижнем Днепре, как уже отмечалось, появляется керамика, близкая по облику зарубинецкой¹¹⁰. Она лишь

вкрапливается в общую массу позднескифской керамики. Могильников и поселений зарубинецкой культуры в низовьях Днепра не встречено. Возможно, что данная керамика проникла сюда из западных прикарпатских районов вместе с племенами гетов и бастарнов, продвинувшихся в это время к Бугу и Днепру¹¹¹. Геты, как известно, в I в. до н. э. разгромили Ольвию и некоторое время держались на нижнем Буге.

В конце II—III в. н. э. на нижнем Днепре, а позже отдельными экземплярами и в Крыму, появляется керамика Черняховской культуры¹¹². Последняя могла быть связана с частичным проникновением носителей этой культуры на юг, очевидно, по Днепру и его притокам, или же с запада из Приднестровья. В III в. н. э. в Нижнем Поднепровье появляются могильники черняховской культуры, а в IV в. н. э. на Ингульце — и поселения так называемой «культуры с каменным строительством», воспринявшие в строительной технике немало черт позднескифской культуры¹¹³.

Но вернемся к вопросу о главных локальных отличиях позднескифской культуры на Днепре и в Крыму. На крымской почве, в условиях более тесного соприкосновения с греческими городами, степень античных влияний проявилась сильнее, чем на Днепре. Позднескифских городов в Крыму больше, элементы регулярности в планировке проявились ярче (например, в Неаполе у главных ворот),

¹⁰⁴ П. Я. Шульц. О некоторых вопросах истории тавров. ПИСП, М., 1959, стр. 270; Т. Н. Высотская. Указ. соч., стр. 193—194.

¹⁰⁵ Б. Я. Граков. Каменское городище, гл. IV, стр. 68—81; Н. Я. Погребова. Указ. соч., стр. 131—142, рис. 15—17; О. Д. Дашевская. Указ. соч., стр. 248—271, рис. 1, 3—8; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 121—138, рис. 65; П. Петров. До питання про лшну кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н. е. — II ст. н. е. АН УРСР, т. X. Кшв, 1961, стр. 154—174; П. Я. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.), стр. 83, рис. 13.

¹⁰⁶ М. И. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 53; Т. Н. Высотская. Керамика городища Алма-Кермен, стр. 188, рис. II, об этом на Стр. 194—195.

¹⁰⁷ Я. О. Богданова. Могильник I ст. до н. е.—III ст. н. е. біля с. Завітное Бахчисарайського району. «Археологія», т. XV, Кшв, 1963, стр. 95 сл., рис. 4, 21—22.

¹⁰⁸ М. И. Вязьмитина. Золота Балка, рис. 28, /.

¹⁰⁹ О. Д. Дашевская. Указ. соч., стр. 255, 259 сл., рис. 3, 11—13, рис. 4, 27; рис. 5, 13.

¹¹⁰ Б. Я. Граков. Каменское городище, стр. 99, 154; Н. Я. Погребова. Указ. соч., стр. 123—139, рис. 12, 4; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 138 сл., рис. 68; П. Петров. Указ. соч., стр. 152 сл., табл. II, 2—10; табл. III, 1—11; табл. IV, 11—12. Отдельные сосуды, по формам внешне напоминающие зарубинецкие, встречаются и в Крыму (Л. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, стр. 80, табл. XX, 6).

¹¹¹ Я. Я. Погребова. Указ. соч., стр. 219; М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 137 сл. О бастарнах и принадлежавшей им керамике см.: R. Vulpe. Le problème des Bastarnes à la lumière de découvertes archéologiques en Moldavie. Bucarest, 1955, p. 1—17, fig. 1—2.

¹¹² Б. Я. Граков. Указ. соч., стр. 99, табл. IX, 12; Я. Я. Погребова. Указ. соч., стр. 223, рис. 34, 12; М. И. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 197, рис. 81; Е. В. Веймарн. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. ИАДК, Киев, 1957, стр. 221 сл.; рис. 4; он же. Археологичні роботи в районі Інкермана. АП УРСР, XIII, Київ, 1963, стр. 15 сл., рис. 4; В. П. Бабенчиков. Черноріченський могильник. АП УРСР, т. XIII. Київ, 1963, стр. 90 сл., табл. XII, 2; Ebert. Указ. соч., стр. 86 сл., рис. 95, 1с; рис. 96, в; Э. А. Сымонович. Поселения культуры полей погребений в районе г. Никополь. МИА, № 139, 1967, стр. 62—77; он же. Культура поздних скифов и Черняховские памятники в Нижнем Поволжье. «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии». М. 1967, стр. 48—51; он же. Перший черняхівський могильник в Північному Причорномор'ї «Археологія», XX, Кшв, 1966, стр. 190—201.

¹¹³ Е. В. Махно, В. А. Мізін. Бериславсько поселение та могильник перших століть нашої ери. АП УРСР, Київ, 1961, стр. 114—131; А. В. Добровольский. Земледельческое поселение первых веков н. э. на р. Ингульце. «Археологія», III, Кшв, 1950, стр. 175 сл.

соприкосновение с греками особенно сильно чувствуется в искусстве (фрески в Неаполе, надгробные рельефы¹¹⁴, появление портретных изображений)¹¹⁵.

Напротив, на Днепре отчетливее, чем в Крыму, прослеживаются кельтское и гето-дакийское влияние¹¹⁶. Глиняные подставки с головами баранов здесь больше, больше и западных форм в посуде и ее орнаментации с характерными налестками гето-дакийского облика¹¹⁷. Значительно больше здесь и керамики зарубинецкого и Черняховского типа¹¹⁸, представленных в Крыму лишь единичными экземплярами¹¹⁹. Черняховская керамика на нижнем Днепре, как предполагает М. Б. Шуккин, возможно, появляется уже после гибели позднескифских городищ в этих районах.

Общей чертой для крымского и днепровского вариантов позднескифской культуры являлись процессы ее сарматизации, в особенности в первые три века нашей эры¹²⁰.

На первых порах развития позднескифской культуры, в III—II вв. до н. э., в ней преобладало греческое влияние. В первые века н. э. усиливается сарматское влияние. В основе этого влияния лежал процесс сарматского

проникновения в Приднепровье и в Крым¹²¹.

В свое время я выдвинул предположение о трех этапах проникновения сарматов на Гаврический полуостров¹²². В настоящее время это положение можно подкрепить новыми материалами¹²³. Ранний этап относится к II—I вв. до н. э. и отражен в легенде о сарматской царице Амаге, в договоре Фарнака, в котором фигурирует сарматский царь Гатал (Полибий, XXV, 2). В декрете в честь Диофанта¹²⁴ и свидетельствах Страбона¹²⁵ говорится о совместной борьбе роксолан со скифами против Херсонеса и понтийского вторжения в Крым. Именно в этот период в Крыму появляются сарматские погребения, впускные в курганы¹²⁶. В ранних погребениях некрополя Неаполя и мавзолея изредка встречаются бронзовые зеркала прохоровского типа, сарматские мечи с кольцевыми навершиями и железные наконечники стрел¹²⁷.

Средний этап сарматского проникновения относится к I и в особенности к II в. н. э. О сарматах в Крыму для этого времени косвенно свидетельствуют отдельные надписи Боспора¹²⁸ и одна херсонесская надпись. Проник-

¹¹⁴ А. И. Маркевич. К памятникам г. Неаполя. ИТУАК, № 12, Симферополь. 1891, стр. 87—89, табл. I. Фотография в АДЖ, Альбом, табл. LXXXV, 1.

¹¹⁵ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей..., стр. 44 сл.

¹¹⁶ Н. Н. Логрובה. Указ. соч., стр. 232, 244—246; М. I. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 128, 130, 230 сл.

¹¹⁷ Н. Н. Логрובה. Указ. соч., стр. 208 сл.; М. I. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 125—128, рис. 64; П. Петров. Указ. соч., стр. 165 сл., табл. VII. Для сравнения привлечем керамику культуры Пояна из районов Молдавии и Румынии (*R. et E. Vulpe. Les fouilles de Poiana*, fig. 30, 8, 31, 3; 38, 3; 49, 8 и др.). Особую группу образуют миски типа Поянешти—Лукашевка, изредка встречающиеся на нижнем Днепре (П. Петров. Указ. соч., стр. 162 сл.; Г. Б. Федоров. Лукашевский могильник. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 56 сл.; Д. А. Мачинский. К вопросу о датировке и этнической принадлежности памятников типа Поянешти—Лукашевка. «Археология Старого и Нового Света», М., 1966, стр. 82—96).

¹¹⁸ С. Н. Граков. Указ. соч., стр. 99; Н. Н. Логрובה. Указ. соч., стр. 139, стр. 152, рис. 12, 4; рис. 15, 12—15, рис. 14, 6—8; М. I. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 138 сл., рис. 68; стр. 197, рис. 81; П. Петров. Указ. соч., стр. 159—164, табл. III—VI.

¹¹⁹ Е. В. Веймарн. Указ. соч., стр. 221 сл., рис. 4. Следует отметить, что данный сосуд Черняховского типа обнаружен в подбойной могиле воина с длинным мечом сарматского типа и монетой Константина I (306—337 гг.).

¹²⁰ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, стр. 7, стр. 44—45; он же. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.), стр. 76, 88; М. I. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 221, 225—229.

¹²¹ И. И. Лобова. Сарматы в Крыму, стр. 1—16; И. И. Гущина. О сарматах в юго-западном Крыму, стр. 40 сл. М. П. Абрамова. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских городищ нижнего Днепра. МИА, № 115, 1962, стр. 272—284. Вопрос о населении нижнего Днепра в связи с проблемой вторжения в эти места готов затронут в одной из статей Э. А. Сымоновича (Э. А. Сымонович. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала н. э. ЗОАО, т. 1, Одесса, 1960, стр. 154—162).

¹²² П. Н. Шульц. Некоторые итоги изучения Неаполя Скифского, стр. 4, § 16; он же. Неаполь Скифский. Доклад, прочитанный на пленарном заседании Объединенной сессии АН СССР и АН УССР по итогам археологических исследований в СССР 6 мая 1960 г. Архив Крымского отдела ИА АН УССР, стр. 16—17.

¹²³ Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму, стр. 13 сл.; См. статью Д. С. Раевского в настоящем сборнике.

¹²⁴ JOSPE, I², № 352.

¹²⁵ Страбон, VII, 3, 17.

¹²⁶ Н. М. Печенкин. Раскопки могильника I—V вв. н. э. в окрестностях Севастополя. ИТУАК, 38. Симферополь, 1905, стр. 32 сл.; Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму, стр. 9—10.

¹²⁷ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, стр. 44—46, табл. V, табл. X, табл. XVII, 4.

¹²⁸ JOSPE, II, № 38, 401, 446; КБН, № 970, 42, 43, 45, 1021, 1254. Нельзя не обратить внимания, что с конца I в. н. э. среди имен боспорских царей появляется новое имя Савромат. Этот факт отражает познание роли сарматов в среде боспорской знати (В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, гл. X, стр. 319 сл.). На рубеже II—III вв. н. э. одно из укреплений около Узунларского вала получает название Савроматий (А. И. Доватур. Опыт восстановления надписи. ИАК, 3, 1902, стр. 50, № 16;

новению сарматов в Центральный Крым способствовали победы Боспора над скифами¹²⁹. В некрополях Неаполя и Заветного появляются деревянные колоды, встречающиеся у сарматов на нижней Волге¹³⁰. Распространяется характерный для смешанного сармато-меотского населения обычай скрещивания ног у погребенных¹³¹. На похоронах разбивают миниатюрные зеркала-подвески, нередко украшенные сарматскими знаками¹³²; обломки зеркал кладут в могилы. Распространяются сарматское вооружение, сарматские знаки¹³³, лепные курильницы сарматского типа¹³⁴. С обликом сарматов этого времени мы знакомимся по заветнинским надгробным стелам¹³⁵.

Третий, поздний этап проникновения начинается на рубеже II—III вв. и связан, веро-

ятно, с появлением алан на Керченском полуострове и победами Савромата II и Рескуприда III над скифами¹³⁶.

У главных ворот Неаполя в черте города найдено богатое погребение позднесарматского или аланского воина с конским набором¹³⁷. Сарматское конское снаряжение III в. н. э. встречено в Красногорском могильнике у бывшего села Нейзац¹³⁸. Распространяются деформированные черепа, обычные в сарматской и аланской среде. В Инкерманском могильнике найдены длинные мечи для рубки с коня III—IV вв. сармато-боспорского облика¹³⁹. На Заветнинском городище значительно возрастает число сарматских лепных сосудов¹⁴⁰.

Сарматское проникновение на Днепр и в Крым и смешение сарматов с местным населением не могли не отразиться на позднескифской культуре. Одновременно шел и другой процесс: общее огрубение и нивелировка позднеантичной культуры в условиях глубокого кризиса античного рабовладельческого общества в III—IV вв. н. э. Деградация античной культуры далеко не всегда была результатом воздействия тех или иных варварских культур. Она была вызвана не столько внешними влияниями, сколько внутренними процессами упадка античной культуры, протекавшими не только на периферии, но и в самих Греции и Италии.

Позднескифская культура в силу непрерывного роста в ней черт городского характера находилась на пути к превращению в цивили-

ВДИ, 1961, № 1, стр. 114—120; КБН, № 970). В ряде надписей упоминаются сираки — одно из сарматских племен и их земли (КБН, № 142, 1237). Свидетельства авторов подтверждают данные надписей и монет о повышении роли сарматов, а затем и алан на Боспоре (*Страбон*, XI, 4, 8; *Тацит*, *Анналы*, XII, 17; *Аммиан Марцелин*, 31, 12). Но особенно убедительный материал об этом дают курганы, некрополи и городища Боспора (*М. И. Ростовцев*. *Скифия и Боспор*, стр. 240 сл.; *В. Ф. Гайдукевич*. *Указ. соч.*, гл. XI, стр. 408 сл.; *И. И. Лобова*. *Сарматы в Крыму*, стр. 4 сл.; *Г. А. Цветаева*. *Грунтовый могильник Пантикапея*, МИА, № 19, 1951, стр. 74 сл.).

¹²⁹ JOSPE, II, № 26, 27, 423; КБН, № 32, 33, 1237; *П. Н. Шульц*. *Исследования Неаполя Скифского*, стр. 76.

¹³⁰ *П. Н. Шульц*. *Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1957 г.* Рукопись. Архив ИА АН УССР; *Д. С. Раевский*. *Указ. соч.*, стр. 148; *Н. О. Богданова*. *Указ. соч.*, стр. 109; *И. И. Гущина*. *Указ. соч.*, стр. 44; *И. В. Симицын*. *Древние памятники в низовьях Еруслана*. МИА, № 78, 1960, стр. 157; *К. Ф. Смирнов*. *Быковские курганы*. МИА, № 78, 1960, стр. 200.

¹³¹ *П. Н. Шульц*. *Мавзолей Неаполя Скифского*, стр. 45; *Н. Н. Погребова*. *Погребения в мавзолее Неаполя Скифского*, стр. 181; *И. И. Гущина*. *Указ. соч.*, стр. 44; *В. Б. Виноградов*. *Сарматы северо-восточного Кавказа*. «Труды ЧИНИИ», VII. Грозный, 1963, стр. 81.

¹³² *Э. И. Соломоник*. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*, стр. 17, 36—38, 140—151, рис. 93—128, табл. на стр. 37; *И. В. Симицын*. *Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья*. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XVII, стр. 17; *К. Ф. Смирнов*. *Сарматские курганные погребения в странах Поволжья и Южного Приуралья*. «Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ», вып. 5, 1947.

¹³³ *Э. И. Соломоник*. *Указ. соч.*, стр. 15, рис. 1.

¹³⁴ *Н. О. Богданова*. *Указ. соч.*, стр. 102, рис. 4, 21—22; *М. I. Вязьмитина*. *Указ. соч.*, стр. 53, рис. 28; *И. И. Гущина*. *Указ. соч.*, стр. 46—47, рис. 2, 9, 10.

¹³⁵ *Н. А. Богданова*. *Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму*. СА, 1961, № 2, стр. 249—252, рис. 1, 2, 4; *она же*. *Новые стелы из могильников у с. Заветное* СА, 1965, № 3, стр. 233—237, рис. 2; *П. Н. Шульц*. *Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке*. ЗОАО, т. II. Одесса, 1967, стр. 196—201, рис. 4, 8.

¹³⁶ JOSPE, II, № 423; КБН, № 1053, 1237; *В. В. Шкорпил*. *Новонайденные боспорские надписи*. ИАК, вып. 63, стр. 112; КБН, № 1008.

¹³⁷ *П. Н. Шульц*. *Мавзолей Неаполя Скифского*, стр. 7, 42, прим. 62 на стр. 65; *он же*. *Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.)*, стр. 76, 92; рис. 8—9, 16а; *П. Н. Шульц*, *В. А. Головкина*. *Указ. соч.*, стр. 166, рис. на стр. 163—164; *А. Н. Карасев*. *Раскопки Неаполя Скифского (1959)*; КСИИМК, вып. XXXVI, стр. 170 сл., рис. 55—56; *П. Н. Шульц*. *Об одной группе сарматских погребений с конским набором на Боспоре и в Неаполе Скифском*. Тезисы доклада. Сб. «Пленум ИА АН СССР». Секция «Ранний железный век». М., 1966, стр. 18—20.

¹³⁸ *Н. Л. Эрст*. *Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930 гг.)*. ИТОИАЭ, IV. Симферополь, 1931, стр. 84; *П. Н. Шульц*. *Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.)*, стр. 85 сл., рис. 14, в, е; *Э. И. Соломоник*. *Указ. соч.*, стр. 140, рис. 92.

¹³⁹ *Е. В. Веймарн*. *Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г.*, стр. 222 сл., рис. 3; стр. 225, рис. 6; стр. 237; *он же*. *Археологичні роботи в район Інкермана*. АП УРСР, XIII, Київ, 1963, стр. 19, рис. 8, 4—9; *И. И. Гущина*. *Указ. соч.*, стр. 47 сл.

¹⁴⁰ *Т. Н. Высотская*. *Керамика городища Алма-Кермен*, стр. 194—195, табл. II.

зацию. Однако варварские элементы в ней сохранялись очень стойко. Это усиливало в культуре черты переходного характера. В городах и укреплениях сооружаются каменные стены и башни, но еще местами сохраняются рвы и валы, унаследованные от родового строя. Появляются каменные здания, крытые черепицей, но рядом держатся круглые землянки, полуземлянки и юрты-зимники, оставшиеся от кочевого быта. Культура находилась в движении, и это сказывалось буквально во всем. Социальные и имущественные контрасты, поляризация богатства и бедности, особенно в городах, непрерывно усиливались. Это отражается в жилищах и погребениях. В Неаполе наряду с царским мавзолеем у стен города и расположенными в некотором отдалении от него каменными склепами с росписью на далекой окраине некрополя было немало рядовых погребений в подбоях и небольших земляных склепах с бедным инвентарем. При этом мужчин на этом отдаленном участке хоронили уже, как правило, без оружия¹⁴¹. Последнее стало принадлежностью правящих слоев общества.

Еще одна черта отличает культуру поздних скифов от скифской культуры предшествующих периодов. Позднескифская культура сложна. Курганы, юрты, кибитки, изделия звериного стиля предшествующей поры невольно привлекают внимание целостностью и органичностью своих форм. Этого нельзя сказать про архитектурные сооружения, надгробия и росписи поздних скифов. Они многограннее, сложнее и принадлежат более высокой ступени общественного развития. Широкие связи поздних скифов с греческим и варварским миром, сопровождавшиеся этническим смешением, усиливали сложный, а в некоторых проявлениях и синкретический характер культуры. В отдельных позднескифских рельефах греческие, сарматские, фракийские а иногда и римские элементы настолько сливаются между собой, что отделить один элемент от другого невозможно¹⁴². Слияние разнородных этнокультурных черт в одном памятнике иногда приводило к эклектизму, но нередко имело органический характер. Происходил своеобразный синтез античного и варварского. Один из ярких примеров подобного

синтеза — это росписи склепа № 9 в Неаполе Скифском¹⁴³.

Сложность культуры поздних скифов получила, пожалуй, наиболее полное воплощение в их искусстве. Памятники позднескифской художественной культуры богаты и разнообразны. Антропоморфные мотивы в искусстве в ранней Скифии едва намечались, доминировал звериный стиль. В Малой Скифии антропоморфные представления побеждают. В Неаполе и на западном побережье Крыма изображение человека, в особенности всадника, становится ведущей темой¹⁴⁴. Художественное ремесло начинает отходить на второй план. Главное место в Неаполе уже занимают монументальные формы искусства: памятники архитектуры, скульптурные надгробия, стенные росписи. Появляется, не без влияния греческого искусства, скульптурный портрет. В надгробном рельефе образ вооруженного всадника оттеснил на задний план все остальные мотивы¹⁴⁵. Это было связано, очевидно, с тем, что в позднескифской среде конная дружинная знать заняла господствующее положение¹⁴⁶.

Непрерывный рост значения антропоморфных мотивов и монументальных форм отличает искусство поздних скифов от искусства предшествующего периода, когда в художественном ремесле еще господствовал звериный стиль. Надо заметить, что на нижнем Днепре развитие позднескифского искусства отставало от Крыма. Там продолжали преобладать традиционные формы художественного ремесла¹⁴⁷. Надгробия и антропоморфные стелы единичны, да и то по преимуществу они встречаются на нижнем Буге¹⁴⁸. В этом заключа-

¹⁴³ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского, стр. 21, рис. 7а, В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского, стр. 103 сл., рис. 6—7, 12—14; стр. 117—118.

¹⁴⁴ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей..., стр. 56 сл.; он же. Надгробный рельеф из с. Марьино, стр. 3 сл.; он же. Надгробный рельеф сарматского круга, стр. 186—278.

¹⁴⁵ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей..., стр. 44—57.

¹⁴⁶ Там же, стр. 56.

¹⁴⁷ М. И. Вязьмитина. Золота Балка, стр. 208—217, рис. 86—87; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища..., стр. 163, 229—233.

¹⁴⁸ Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии. ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913, отд. 1, стр. 100, сл., рис. 146; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1954, стр. 72, рис. 24; Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 81 сл., рис. 36; В. И. Гошкевич. Перевозка в Херсон памятников Ольвии. «Летопись Херсонского музея за 1912 г.» Херсон, 1914, стр. 11—13, рис. 6—7; М. Ebert. Указ. соч., стр. 34, рис. 39; А. П. Манцевич. Рельеф у городища Скелька близ Ольвии. КСИА, вып. II,

¹⁴¹ В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. ВДИ, 1949, № 1; стр. 111—119.

¹⁴² П. Н. Шульц. Надгробный рельеф из с. Марьино. СХМ, вып. III. Симферополь, 1963, стр. 4 и сл., рис. 1—2; он же. Надгробный рельеф сарматского круга. КАМ, М., 1966, стр. 278 сл., рис. 1—2.

новению сарматов в Центральный Крым способствовали победы Боспора над скифами¹²⁹. В некрополях Неаполя и Заветного появляются деревянные колоды, встречающиеся у сарматов на нижней Волге¹³⁰. Распространяется характерный для смешанного сармато-меотского населения обычной скрещивания ног у погребенных¹³¹. На похоронах разбивают миниатюрные зеркала-подвески, нередко украшенные сарматскими знаками¹³²; обломки зеркал кладут в могилы. Распространяются сарматское вооружение, сарматские знаки¹³³, лепные курильницы сарматского типа¹³⁴. С обликом сарматов этого времени мы знакомимся по заветнинским надгробным стелам¹³⁵.

Третий, поздний этап проникновения начинается на рубеже II—III вв. и связан, веро-

ятно, с появлением алан на Керченском полуострове и победами Савромата II и Рескупорида III над скифами¹³⁶.

У главных ворот Неаполя в черте города найдено богатое погребение позднесарматского или аланского воина с конским набором¹³⁷. Сарматское конское снаряжение III в. н. э. встречено в Красногорском могильнике у бывшего села Нейзац¹³⁸. Распространяются деформированные черепа, обычные в сарматской и аланской среде. В Инкерманском могильнике найдены длинные мечи для рубки с коня III—IV вв. сармато-боспорского облика¹³⁹. На Заветнинском городище значительно возрастает число сарматских лепных сосудов.

Сарматское проникновение на Днепр и в Крым и смешение сарматов с местным населением не могли не отразиться на позднескифской культуре. Одновременно шел и другой процесс: общее огрубение и нивелировка позднеантичной культуры в условиях глубокого кризиса античного рабовладельческого общества в III—IV вв. н. э. Деградация античной культуры далеко не всегда была результатом воздействия тех или иных варварских культур. Она была вызвана не столько внешними влияниями, сколько внутренними процессами упадка античной культуры, протекавшими не только на периферии, но и в самих Греции и Италии.

Позднескифская культура в силу непрерывного роста в ней черт городского характера находилась на пути к превращению в цивили-

ВДИ, 1961, № 1, стр. 114—120; КБН, № 970). В ряде надписей упоминаются сираки — одно из сарматских племен и их земли (КБН, № 142, 1237). Свидетельства авторов подтверждают данные надписей и монет о повышении роли сарматов, а затем и алан на Боспоре (*Страбон*, XI, 4, 8; *Тацит*, *Анналы*, XII, 17; *Аммиан Марцелин*, 31, 12). Но особенно убедительный материал об этом дают курганы, некрополи и городища Боспора (*М. И. Ростовцев*. *Скифия и Боспор*, стр. 240 сл.; *В. Ф. Гайдукевич*. *Указ. соч.*, гл. XI, стр. 408 сл.; *И. И. Лобова*. *Сарматы в Крыму*, стр. 4 сл.; *Г. А. Цветаева*. *Грунтовый могильник Пантикапея*. МИА, № 19, 1951, стр. 74 сл.).

¹²⁹ JOSPE, II, № 26, 27, 423; КБН, № 32, 33, 1237; *П. Я. Шульц*. *Исследования Неаполя Скифского*, стр. 76.

¹³⁰ *П. Я. Шульц*. *Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1957 г.* Рукопись. Архив ИА АН УССР; *Д. С. Раевский*. *Указ. соч.*, стр. 148; *Н. О. Богданова*. *Указ. соч.*, стр. 109; *И. И. Гущина*. *Указ. соч.*, стр. 44; *И. В. Сеницын*. *Древние памятники в низовьях Еруслана*. МИА, № 78, 1960, стр. 157; *К. Ф. Смирнов*. *Быковские курганы*. МИА, № 78, 1960, стр. 200.

¹³¹ *П. Н. Шульц*. *Мавзолей Неаполя Скифского*, стр. 45; *Я. Я. Погребова*. *Погребения в мавзолее Неаполя Скифского*, стр. 181; *И. И. Гущина*. *Указ. соч.*, стр. 44; *В. Б. Виноградов*. *Сарматы северо-восточного Кавказа*. «Труды ЧИНИИ», VII. Грозный, 1963, стр. 81.

¹³² *Э. И. Соломоник*. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*, стр. 17, 36—38, 140—151, рис. 93—128, табл. на стр. 37; *И. В. Сеницын*. *Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья*. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XVII, стр. 17; *К. Ф. Смирнов*. *Сарматские курганные погребения в странах Поволжья и Южного Приуралья*. «Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ», вып. 5, 1947.

¹³³ *Э. И. Соломоник*. *Указ. соч.*, стр. 15, рис. 1.

¹³⁴ *Я. О. Богданова*. *Указ. соч.*, стр. 102, рис. 4, 21—22; *М. Г. Вязьмитина*. *Указ. соч.*, стр. 53, рис. 28; *И. И. Гущина*. *Указ. соч.*, стр. 46—47, рис. 2, 9, 10.

¹³⁵ *Я. А. Богданова*. *Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму*. СА, 1961, № 2, стр. 249—252, рис. 1, 2, 4; *она же*. *Новые стелы из могильников у с. Заветное СА*, 1965, № 3, стр. 233—237, рис. 2; *П. Н. Шульц*. *Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке*. ЗОАО, т. II, Одесса, 1967, стр. 196—201, рис. 4, 8.

¹³⁶ JOSPE, II, № 423; КБН, № 1053, 1237; *В. В. Шкорпил*. *Новонайденные боспорские надписи*. ИАК, вып. 63, стр. 112; КБН, № 1008.

¹³⁷ *П. Я. Шульц*. *Мавзолей Неаполя Скифского*, стр. 7, 42, прим. 62 на стр. 65; *он же*. *Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.)*, стр. 76, 92; рис. 8—9, 16а; *Я. Я. Шульц*, *В. А. Головкина*. *Указ. соч.*, стр. 16б, рис. на стр. 163—164; *А. Н. Карасев*. *Раскопки Неаполя Скифского (1959)*; КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 170 сл., рис. 55—56; *П. Я. Шульц*. *Об одной группе сарматских погребений с конским набором на Боспоре и в Неполе Скифском*. Тезисы доклада. Сб. «Пленум ИА АН СССР». Секция «Ранний железный век». М., 1966, стр. 18—20.

¹³⁸ *Я. Л. Эрст*. *Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930 гг.)*. ИТОИАЭ, IV. Симферополь, 1931, стр. 84; *П. Я. Шульц*. *Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.)*, стр. 85 сл., рис. 14, в, е; *Э. И. Соломоник*. *Указ. соч.*, стр. 140, рис. 92.

¹³⁹ *Е. В. Веймарн*. *Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г.*, стр. 222 сл., рис. 3; стр. 225, рис. 6; стр. 237; *он же*. *Археологічні роботи в район Інкермана*. АП УРСР, XIII, Київ, 1963, стр. 19, рис. 8, 4—9; *И. И. Гущина*. *Указ. соч.*, стр. 47 сл.

¹⁴⁰ *Т. Я. Высотская*. *Керамика городища Алма-Кермен*, стр. 194—195, табл. II.

зацию. Однако варварские элементы в ней сохранялись очень стойко. Это усиливало в культуре черты переходного характера. В городах и укреплениях сооружаются каменные стены и башни, но еще местами сохраняются рвы и валы, унаследованные от родового строя. Появляются каменные здания, крытые черепицей, но рядом держатся круглые землянки, полуземлянки и юрты-зимники, оставшиеся от кочевого быта. Культура находилась в движении, и это сказывалось буквально во всем. Социальные и имущественные контрасты, поляризация богатства и бедности, особенно в городах, непрерывно усиливались. Это отражается в жилищах и погребениях. В Неаполе наряду с царским мавзолеем у стен города и расположенными в некотором отдалении от него каменными склепами с росписью на далекой окраине некрополя было немало рядовых погребений в подбоях и небольших земляных склепах с бедным инвентарем. При этом мужчин на этом отдаленном участке хоронили уже, как правило, без оружия¹⁴¹. Последнее стало принадлежностью правящих слоев общества.

Еще одна черта отличает культуру поздних скифов от скифской культуры предшествующих периодов. Позднескифская культура сложна. Курганы, юрты, кибитки, изделия звериного стиля предшествующей поры невольно привлекают внимание целостностью и органичностью своих форм. Этого нельзя сказать про архитектурные сооружения, надгробия и росписи поздних скифов. Они многограннее, сложнее и принадлежат более высокой ступени общественного развития. Широкие связи поздних скифов с греческим и варварским миром, сопровождавшиеся этническим смешением, усиливали сложный, а в некоторых проявлениях и синкретический характер культуры. В отдельных позднескифских рельефах греческие, сарматские, фракийские а иногда и римские элементы настолько сливаются между собой, что отделить один элемент от другого невозможно¹⁴². Слияние различных этнокультурных черт в одном памятнике иногда приводило к эклектизму, но нередко имело органический характер. Происходил своеобразный синтез античного и варварского. Один из ярких примеров подобного

синтеза — это росписи склепа № 9 в Неаполе Скифском¹⁴³.

Сложность культуры поздних скифов получила, пожалуй, наиболее полное воплощение в их искусстве. Памятники позднескифской художественной культуры богаты и разнообразны. Антропоморфные мотивы в искусстве в ранней Скифии едва намечались, доминировал звериный стиль. В Малой Скифии антропоморфные представления побеждают. В Неаполе и на западном побережье Крыма изображение человека, в особенности всадника, становится ведущей темой¹⁴⁴. Художественное ремесло начинает отходить на второй план. Главное место в Неаполе уже занимают монументальные формы искусства: памятники архитектуры, скульптурные надгробия, стенные росписи. Появляется, не без влияния греческого искусства, скульптурный портрет. В надгробном рельефе образ вооруженного всадника оттеснил на задний план все остальные мотивы¹⁴⁵. Это было связано, очевидно, с тем, что в позднескифской среде конная дружинная знать заняла господствующее положение¹⁴⁶.

Непрерывный рост значения антропоморфных мотивов и монументальных форм отличает искусство поздних скифов от искусства предшествующего периода, когда в художественном ремесле еще господствовал звериный стиль. Надо заметить, что на нижнем Днепре развитие позднескифского искусства отставало от Крыма. Там продолжали преобладать традиционные формы художественного ремесла¹⁴⁷. Надгробия и антропоморфные стелы единичны, да и то по преимуществу они встречаются на нижнем Буге¹⁴⁸. В этом заключа-

¹⁴¹ В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. ВДИ, 1949, № 1; стр. 111—119.

¹⁴² П. Н. Шульц. Надгробный рельеф из с. Марьино. СХМ, вып. III. Симферополь, 1963, стр. 4 и сл., рис. 1—2; он же. Надгробный рельеф сарматского круга. ҚАМ, М., 1966, стр. 278 сл., рис. 1—2.

¹⁴³ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского, стр. 21, рис. 7а, В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского, стр. 103 сл., рис. 6—7, 12—14; стр. 117—118.

¹⁴⁴ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей..., стр. 56 сл.; он же. Надгробный рельеф из с. Марьино, стр. 3 сл.; он же. Надгробный рельеф сарматского круга, стр. 186—278.

¹⁴⁵ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей..., стр. 44—57.

¹⁴⁶ Там же, стр. 56.

¹⁴⁷ М. І. Вязьмігіна. Золота Балка, стр. 208—217, рис. 86—87; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища..., стр. 163, 229—233.

¹⁴⁸ Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии. ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913, отд. 1, стр. 100, сл. рис. 146; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1954, стр. 72, рис. 24; Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 81 сл., рис. 36; В. И. Гошкевич. Перевозка в Херсон памятников Ольвии. «Летопись Херсонского музея за 1912 г.» Херсон, 1914, стр. 11—13, рис. 6—7; М. Ebert. Указ. соч., стр. 34, рис. 39; А. П. Манюевич. Рельеф у городища Скелька близ Ольвии. КСИА, вып. II,

ется одно из локальных отличий днепровского варианта позднескифской культуры от крымского.

Характерные черты и особенности позднескифской культуры заметно стираются в III в. н. э. Это время ее упадка. Происходит все большая и большая нивелировка культуры. Черты синкретизма возрастают. Процессы сарматизации усиливаются. Культура меркнет вместе с гибелью позднескифского общества и государства. Удары готов, а затем и гуннов оборвали развитие скифской народности и ее культуры. В это позднее время происходит окончательная ассимиляция скифов другими народностями и племенами. Термины «Σκίθαι»¹⁴⁹ и «Ταυροσκιθαι»¹⁵⁰ на рубеже II и в начале III в. н. э. в боспорских надписях встречаются последний раз, а затем исчезают вовсе. Они держатся по инерции у позднеантичных и средневековых авторов¹⁵¹.

Но отдельные элементы и мотивы скифской культуры, в частности и искусства, были унаследованы последующими поколениями многих

Киев, 1961, стр. 10—19, рис. 1—3; А. П. Манцевич справедливо отмечает, что отдельные мотивы местных рельефов Нижнего Побужья заимствованы из круга фракийских изображений.

¹⁴⁹ Б. Н. Граков. Термин «Σκίθαι» и его производные в надписях Северного Причерноморья, стр. 86 и сл.

¹⁵⁰ Данный термин фигурирует в боспорской надписи Рескупорида III (211—227 гг.); В. В. Шкорпил. Указ. соч., стр. 112; КБН, № 1008.

¹⁵¹ Э. Е. Соломоник. По значения термина «Ταυροσκιθαι». АП УРСР, т. XI, Київ, 1962, стр. 153—158.

племен и народностей. Скифские черты вместе с сарматскими мотивами долго держались в позднем полихромно-инкрустационном стиле эпохи Великого переселения народов¹⁵². Скифское наследие несомненно присутствует в круге каменных изваяний, которые обычно связывают с Черняховской культурой¹⁵³. От четырехгранных истуканов поздней Скифии к ним идет прямой путь.

¹⁵² А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских-катакомб. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 115—126, рис. 4 и 31; А. Л. Яковсон. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, стр. 13—15; Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.—Л., 1934, стр. III, рис. 25; Мотив хищной птицы в полихромно-инкрустационном стиле заимствован из репертуара скифских и сарматских изображений. Ср. изображения голов хищных птиц из Мельгуновского, Туровского и Золотого курганов (М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, стр. 11, рис. 5; стр. 25, рис. 38, табл. 74) и из погребений в Копенцах и в Керчи на Госпитальной улице (Л. А. Мацулевич. Указ. соч., стр. 101—103; он же. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, рис. 18, стр. 111, рис. 25; стр. 44—46, табл. III, 3).

¹⁵³ В. И. Довженко. Древнеславянские идолы из с. Ивановцы в Поднестровье. КСИИМК, вып. XLVIII, 1953, стр. 136—142, рис. 43—44; Л. Ю. Брайчевский. Древнеславянские святилища в с. Ивановны на Днестре. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 45, стр. 52—53; Н. С. Винокур. Языческие изваяния Среднего Поднестровья. «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967, стр. 136—143, рис. 1—2, рис. 5. О четырехгранных изваяниях Скифии, послуживших прототипами более поздних идолов Поднестровья,— в работе: П. Н. Шульц. Скифские изваяния Причерноморья. Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 235—237, рис. И.

Д. С. Раевский СКИФЫ И САРМАТЫ В НЕАПОЛЕ (по материалам некрополя)

В общем круге проблем, связанных с историей Скифии, к настоящему времени назрела необходимость постановки вопроса об этническом составе населения позднескифского царства. Время его существования было для Северного Причерноморья временем бурных политических событий, активных миграций разных народов, взаимодействия разноэтнических элементов. В этих условиях скифы не могли сохранить этническую чистоту. Задача состоит в том, чтобы выяснить, какие компоненты составили культуру, обобщенно называемую позднескифской. Имеющийся на данный момент в нашем распоряжении материал можно

считать достаточным для разработки одного из аспектов данной проблемы — вопроса об этническом составе населения позднескифской столицы, отождествляемой обычно с Неаполем, упомянутым в источниках. Общее знакомство с материалом позволяет полагать, что в среде населения города удастся выделить собственно скифский, сарматский, таврский, греческий и, вероятно, западный, кельтский и фракийский компоненты.

В настоящей работе речь пойдет о наличии в Неаполе лишь двух компонентов — скифского и сарматского. Выбор продиктован прежде всего тем, что они являются в городе-

основными: скифский как фундамент, на котором складывалась культура позднескифского царства, и сарматский в силу огромной роли сарматов в жизни Северного Причерноморья в период существования Неаполя. Решение поставленной проблемы может уточнить также наше представление о путях и характере сарматизации Северного Причерноморья в последние века до н. э.— первые века н. э. Эта сарматизация могла проявляться в различных формах: в виде унификации разнотнических культур под влиянием сарматской культуры, в виде постепенной инфильтрации сарматов в среду других народов, наконец, в виде хронологически определенных волн сарматской иммиграции, связанных с конкретными историческими событиями. В связи с этим мы вправе ожидать, что решение поставленного вопроса расширит и наши знания о политической истории позднескифского царства.

В работе использован материал некрополя как наиболее показательный в отношении этнической принадлежности.

Некрополь Неаполя неоднократно служил объектом археологических исследований. Если исключить как не имеющий необходимой документации многочисленный материал, полученный в результате хищнических раскопок местных жителей в XIX в., скупленный членами Таврической ученой архивной комиссии и поступивший в музей ТУАК¹, то можно выделить три основных этапа в истории изучения неапольского некрополя.

В 1889 г. 11 могил на склонах Петровской балки были раскопаны Н. И. Веселовским. Материал, к сожалению, не разделенный по комплексам, поступил в Исторический музей в Москве и в Музей ТУАК. Из документации этих раскопок мы располагаем не слишком подробным описанием могил и общим перечнем инвентаря². В 1895 г. одна подбойная могила была вскрыта Ю. А. Кулаковским на западном склоне плато городища³.

Широкие работы развернула на некрополе Неаполя в 1945—1949 гг. Тавро-скифская экс-

¹ В настоящее время хранится в Крымском областном краеведческом музее (см., например, коллекции Стевена и Пашковского). Из документов до нас дошло лишь описание нескольких могил, вскрытых при наблюдении членов ТУАК (см. ИТУАК, вып. 4. Симферополь, 1897, стр. 75—77, вып. 7, 1889, стр. 91—92, 95—96).

² ОАК за 1889 г., стр. 20—27. См. также рукописный отчет Н. И. Веселовского (Архив ЛОИА АН СССР, д. 1889/17).

³ ОАК за 1895 г., стр. 19.

педиция ИИМК АН СССР и ГМИИ им. А. С. Пушкина. Отрядом этой экспедиции были обследованы ограбленные «каменные» (вырубленные в скале) склепы на обоих склонах городища, раскопан курган у подножья восточного склона («курган 1949 г.») и 29 могил грунтового некрополя⁴. Эта же экспедиция исследовала и знаменитый неапольский мавзолей у городской оборонительной стены⁵. Один грунтовой склеп был вскрыт в 1949 г. О. Д. Дашевской⁶.

В 1956—1958 гг. раскопки грунтового некрополя Неаполя были возобновлены Э. А. Сымоновичем и И. Д. Марченко. К сожалению, материал этих обширных раскопок еще полностью не опубликован.

В печати появилась лишь суммарная информация об итогах работ⁷, опубликованы в виде сводной таблицы некоторые погребальные комплексы⁸, а также отдельные категории инвентаря⁹. Материал этих раскопок представляет большой интерес как потому, что исследован был целый изолированный могильник, так и потому, что он проясняет характер ранее вскрытых могил, не сохранивших необходимой документации.

Сведенный воедино весь материал из неапольского некрополя можно считать достаточным для выяснения этнической истории позднескифской столицы.

Решение проблемы усложняется значительной близостью скифской и сарматской культур, что часто затрудняет отнесение той или иной черты культуры Неаполя к одному из этих двух народов. Эта трудность может быть преодолена только одним путем—тщательным определением времени появления той или иной черты обряда или категории инвентаря в неапольском некрополе.

⁴ В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. ВДИ, 1949, № 1, стр. 111 сл.; *он же*. Некрополь Неаполя Скифского. ИАДК, Киев, 1957, стр. 94—141.

⁵ Л. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953; Я. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА, № 96, 1961, стр. 103—213.

⁶ О. Д. Дашевская. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского. ВДИ, 1951, № 2, стр. 131—135.

⁷ Э. А. Сымонович. Итоги новых работ на могильнике Неаполя Скифского в Крыму. КСОГАМ за 1961 г. Одесса, 1963, стр. 32—40.

⁸ Э. А. Сымонович. Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, № 4, стр. 146—147, рис. 3.

⁹ Э. А. Сымонович. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского. СА, 1961, № 1, стр. 270—273; Э. А. Сымонович, К. В. Голенко. Монеты из некрополя Неаполя Скифского. СА, 1960, № 1, стр. 265—268.

Поэтому особое внимание должно быть уделено хронологической классификации погребений. Датировка погребений мавзолея тщательно проведена Н. Н. Погребовой¹⁰, и в настоящей работе я полностью следую предложенной ею хронологии. Значительную трудность представляет датировка погребений грунтового некрополя Неаполя, так как мы почти не имеем хорошо датированных предметов, принадлежащих собственно позднескифской культуре, и основываться при датировках приходится прежде всего на предметах античного импорта, а они содержатся далеко не во всех могилах. Датировка затруднена также тем, что многие могилы некрополя использовались длительное время для повторных захоронений, причем инвентарь ранних и поздних погребений часто перемешан. В этих условиях особое значение для хронологической классификации погребений представляет выяснение типичного для различных периодов жизни города набора инвентаря могил в целом.

Наиболее результативным оказывается следующая принцип датировки могил.

Погребальные сооружения Неаполя в основном представлены двумя типами: склепами с многочисленными захоронениями и подбойными могилами, содержащими, как правило, по одному костяку. Датировка последних не представляет большого труда. Материал (фибулы, краснолаковая керамика, украшения) показывает, что они относятся к периоду со второй трети I в. н. э. по начало III в. н. э. (рис. 1, 14—20). Для них характерен определенный ассортимент инвентаря.

Грунтовые склепы делятся на содержащие предметы, характерные для подбойных могил, и совершенно не содержащие таковых. Среди последних имеется целый ряд склепов, где встречены хорошо датированные ранние (II—I вв. до н. э.) вещи (группа I). Датировочными здесь являются железные трехгранные втульчатые наконечники стрел¹¹, веретенообразные флаконы с широким туловом¹², фи-

булы среднелатенской схемы¹³ (рис. 1, 1—4). Для этой группы могил также характерен совершенно определенный ассортимент инвентаря. Затем была выделена группа склепов, не содержащих вещей, характерных для позднего периода, но и не давших хорошо датированных ранних предметов. Тем не менее по ассортименту находок они могут быть отнесены к раннему периоду использования некрополя (II—I вв. до н. э., может быть, самое начало I в. н. э.) (группа II). Для могил этой группы типичны поясные пряжки с широким щитком, железные кольцевые пряжки с неподвижным язычком¹⁴, бронзовые трапециевидные наконечники пояса (рис. 1, 6—10), т. е. вещи, не известные в могилах первых веков н. э. как неапольского, так и других некрополей Северного Причерноморья, но частые в памятниках последних веков до н. э.

Таким образом, недатированной осталась лишь группа склепов, содержащих предметы, характерные и для раннего периода, и для позднего. Некоторые из них, судя по находкам хорошо датированных вещей, бесспорно были сооружены в ранний период. Во многих склепах на то же указывают косвенные данные (прежде всего ассортимент находок). Наличие в этих склепах вещей, типичных для позднего периода, объясняется длительностью их использования (группа III). Абсолютное большинство склепов неапольского некрополя, таким образом, сооружено до появления здесь подбойных могил. И лишь несколько склепов, видимо, одновременны подбойным могилам (группа IV)¹⁵. Эта хронологическая схема применима ко всем раскопанным участкам неапольского некрополя, т. е. к восточным мо-

¹⁰ Я. Я. Погребова. Указ. соч.

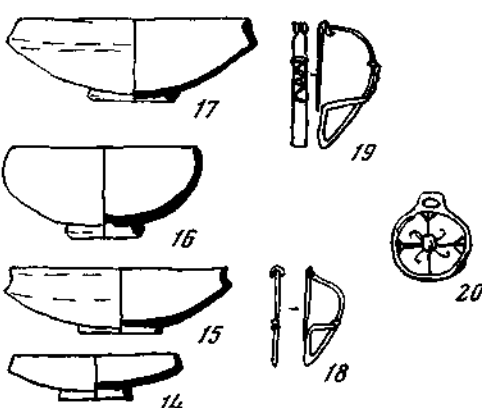
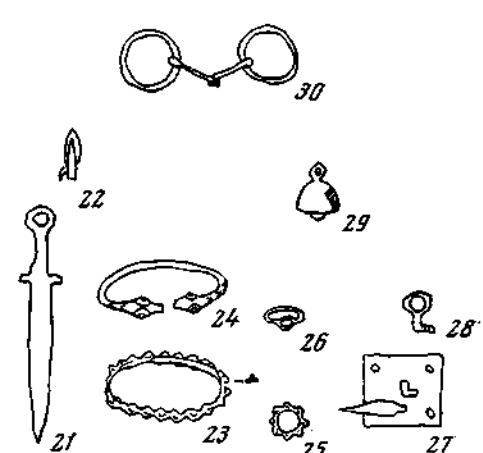
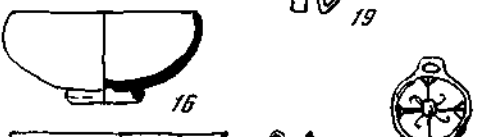
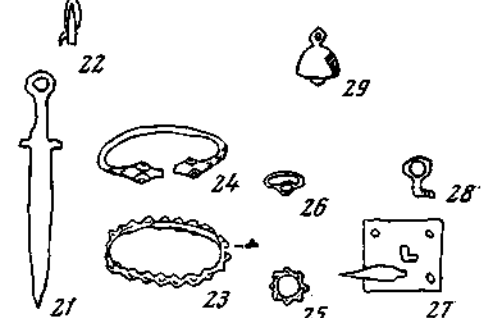

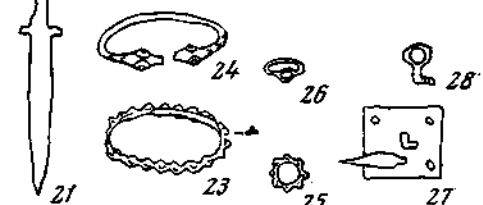
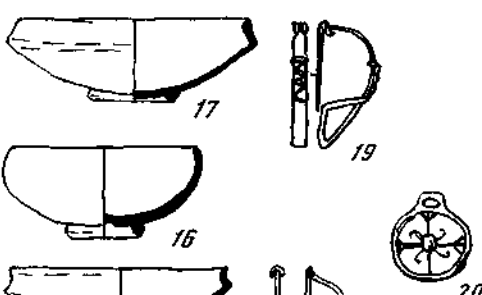
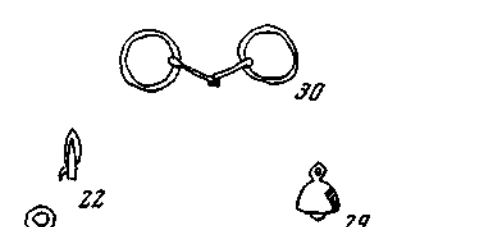
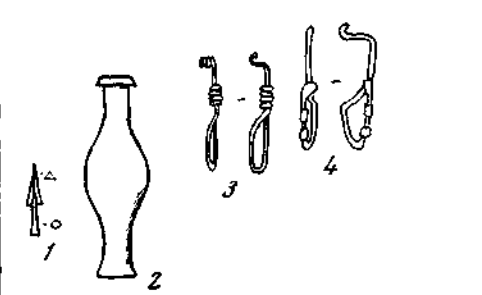
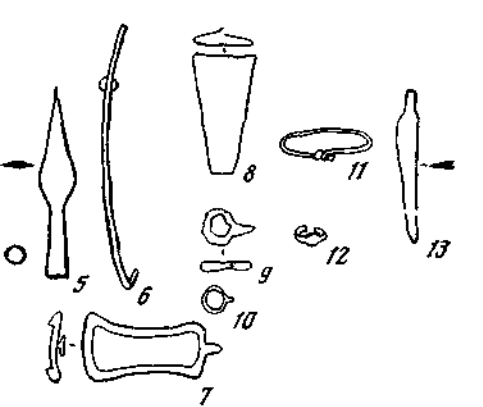
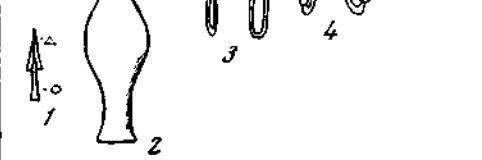
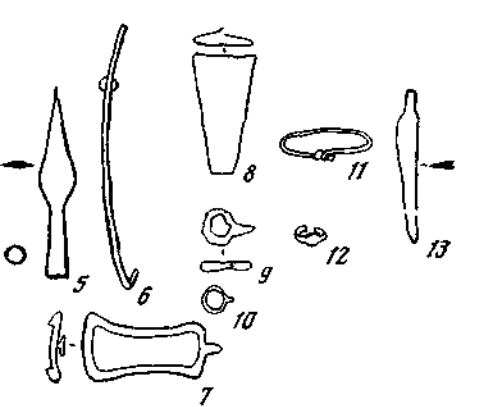
¹¹ Стрелы этого типа в памятниках Северного Причерноморья датируются временем не позднее конца II—начала I в. до н. э. (см. Я. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 182; Я. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 116—118; М. Г. Мошкова. О раннесарматских втульчатых стрелах. КСИИ, вып. 89, 1962, стр. 79, тип IX, а).

¹² О датировке подобных флаконов подробно см.: Я. Я. Погребова. Указ. соч., стр. 111—112.

¹³ А. К. Амброз. Фибулы Юга Европейской части СССР. М., 1966, стр. 21—22; Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, № 1, стр. 32—34; Э. А. Сымонович. Фибулы Неаполя Скифского, стр. 140.

¹⁴ Подобные пряжки широко представлены в сарматских памятниках Поволжья в III—II вв. до н. э. Несколько позднее сохраняются они на Северном Кавказе (см. М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА, № 78, 1960, стр. 297—299) и, видимо, в Неаполе, не выходя за пределы начала нашей эры.

¹⁵ Следует отметить, что полученные даты неапольских могил в некоторых случаях расходятся с датами, предложенными Э. А. Сымоновичем (см. «Фибулы Неаполя Скифского...», рис. 3). Так, находка в склепе № 1 втульчатой железной стрелы заставляет считать нижней датой этой могилы конец II в. до н. э., а не конец I в. до н. э. Поздние погребения склепа № 37, судя по краснолаковой керамике, относятся к концу I или, скорее, ко II в. н. э., а не к рубежу н. э.

		Датирующий материал	Типичный сопутствующий материал
III в. н.э.	II период		
II в. н.э.			
I в. н.э.			
II в. до н.э.			
I в. до н.э.	I период		
II в. до н.э.			

гильникам В. П. Бабенчикова и Э. А. Симоновича и к западному могильнику, исследованному Н. И. Веселовским¹⁶.

Итак, погребения неапольского некрополя четко распадаются на две разновременные группы с преобладанием различных погребальных сооружений и с существенным различием в наборе инвентаря, что наводит на мысль о появлении на стыке этих двух перио-

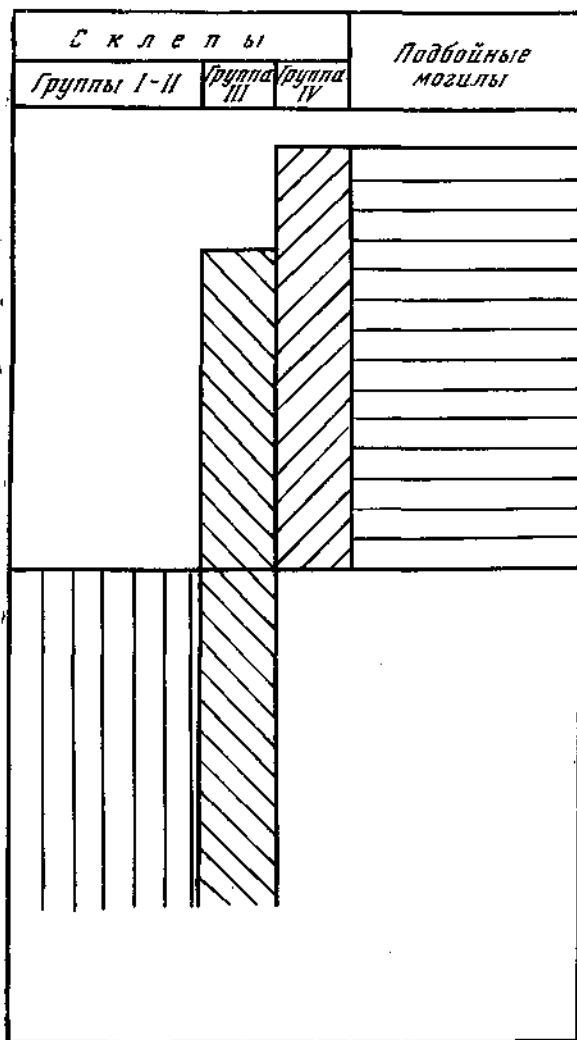
дов в населении Неаполя нового этнического элемента. Рассмотрим теперь каждый из периодов в отдельности.

Грунтовые склепы первого периода, которые лучше было бы называть предложенным Н. В. Анфимовым термином «камерные могилы»¹⁷, состоят из входной ямы и камеры под одной из ее стенок. Конструктивно они отличаются от античных склепов Северного Причерноморья и, безусловно, генетически близки классическим нижнеднепровским катакомбам предшествующего периода¹⁸. Эти катакомбы появляются в Крыму, по данным Т. Н. Тро-

¹⁶ В настоящее время нельзя сказать ничего определенного о хронологии склепов, вырубленных в скале, так как все они ограблены. Традиционное отнесение их к первым векам н. э. (В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского, стр. 97—99) базируется на находке в них поздних вещей, которые не могут дать ответа на вопрос о времени сооружения этих могил. Находка Н. И. Веселовским в одном из этих склепов железного наконечника стрелы средневекового типа (хранится в ГИМ) показывает их долговременное использование.

¹⁷ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 191, прим. 2.

¹⁸ Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, № 115, 1962, стр. 83—85; Э. А. Симонович. Итоги новых работ..., стр. 35.

Р и с. 1.
Датировка и инвентарь погребений

1—10, 12, 13, 18—20, 22, 27, 28 — по Э. А. Сымоновичу (см. его статью в СА, 1963, № 4, стр. 146-147); 11, 14—17, 21, 23—26, 29, 30 — по В. П. Бабенчикову

гии в скифских курганах Крыма, равно как и заполнение входной ямы камнями²¹.

Продолжением исконно скифской традиции можно, по-видимому, считать и сооружение в некрополе Неаполя нескольких курганов с коллективными захоронениями²².

В ориентировке костяков некрополя наблюдается такое разнообразие (рис. 2, 1), что большинство исследователей считает ее выбор случайным. Однако распределение погребений по хронологическим периодам выявляет определенные закономерности. В ранний период здесь безусловно преобладают три направления: западное, южное и юго-западное (рис. 2, 2). К южной ориентировке мы вернемся ниже, западная же является типичнейшей для скифских погребений предшествующего периода как в Крыму, так и на Днепре²³.

Как и в нижнеднепровских скифских могильниках, в Неаполе в этот период жертвенная пища с ножом кладется в могилу непосредственно на землю, а не в керамический сосуд.

Весьма ощутимы типично скифские черты в инвентаре ранних погребений некрополя: копья, почти не встречающиеся в сарматских погребениях этого времени, поясные пряжки с широким щитком²⁴, крупные бронзовые и железные поясные крючки, аналогичные извест-

ишкой, в IV—III вв. до н. э.¹⁹ Но неапольские склепы приспособлены к типичному для крымских скифов обряду коллективных погребений и не имеют столь строгого, как на Днепре, подчинения ориентировки погребального сооружения ориентировке костяка²⁰. Входное отверстие в камеру закладывается каменной плитой, что также находит анало-

¹⁹ Т. Н. Троицкая. Скифские погребения в курганах Крыма. Автореферат канд. дисс. Симферополь, 1954, стр. 10.

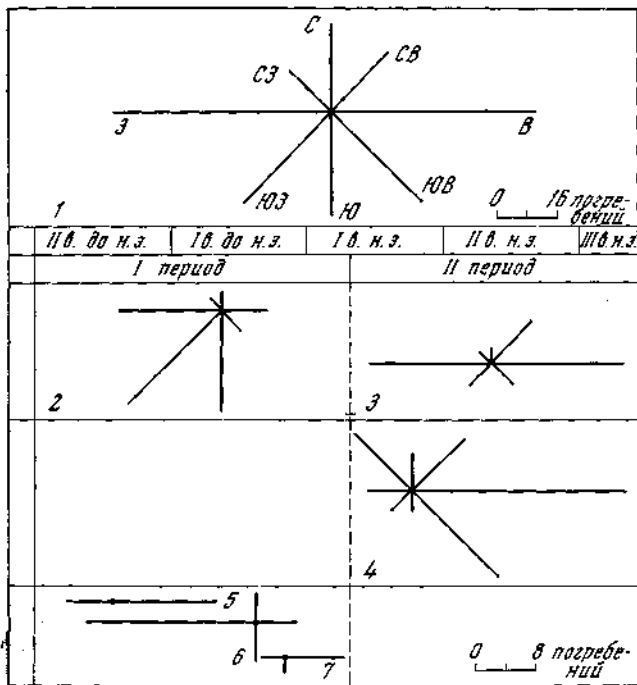
²⁰ То, под какой из стенок входной ямы располагалась камера склепа, зависело в основном от расположения склепов на склонах плато. Так, в раскопанном Н. И. Веселовским на западном склоне плато могильнике все камеры склепов располагались к востоку от входной ямы, т. е. под более высокой частью склона.

²¹ Т. Н. Троицкая. Указ. соч., стр. 10. Не исключено, что устойчивость этой последней черты в крымских скифских могилах объясняется тем, что заполнение входной ямы камнями облегчает многократное вскрытие могилы при повторных захоронениях.

²² Dubois de Montpereux. Voyage autour de Caucase et en Crimée, vol. VI. Paris, 1843, p. 382—387. См. также атлас (Serie IV, pl. 31a); В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского, стр. 132 сл. Т. Н. Троицкая полагает, что раскопанный В. П. Бабенчиковым «курган 1949 г.» представляет два кургана со слившимися полами.

²³ Что касается юго-западной ориентировки, то она, как и другие промежуточные, видимо, не имела в неапольском некрополе самостоятельного значения, как, например, в диагональных сарматских погребениях, а была лишь отклонением от основных направлений по странам света. На это указывает неапольский мавзолей, где строгая ориентировка самого здания по странам света повлекла за собой полное отсутствие промежуточных ориентировок.

²⁴ См. А. И. Мелокова. Вооружение скифов, М., 1964, табл. 3, 15.

Р и с. 2.
Ориентировка погребений

ным в скифских погребениях Крыма²⁵, бронзовые наконечники поясов, подобные найденным на Знаменском городище²⁶, перстни типично скифских форм²⁷, браслеты и серьги с напущенными бусинами, зеркала, ножи и т.д. (рис. 1, 5—8, 12).

Таким образом, культура Неаполя в этот период представляет собой культуру скифских племен на поздних ступенях ее развития. Скифский элемент в населении города в этот период доминирует.

Но вернемся к таблице ориентировок. Количество костяков с южной ориентацией не меньше, чем количество погребений, ориентированных на запад (рис. 2, 2). Южная ориентировка типична, как известно, для сарматской культуры прохоровского этапа. Встреча-

ются в Неаполе в ранний период и другие сарматские черты обряда (реальгар, два случая употребления кошмы, один случай употребления мела). С большей осторожностью, чем это принято в литературе, следует, видимо, рассматривать как сарматскую черту обряда перекрещивания ног покойника в голених и положения рук (одной или двух) на таз, так как эти черты известны и в более ранних, чем неапольские, скифских погребениях (Кутской могильник)²⁸. Следует отметить, что в этот период сарматские черты в некрополе Неаполя, за исключением южной ориентировки, как правило, сочетаются по несколько в одной могиле (кошма и колода в меридионально ориентированной узкой яме, вырытой в полу склепа № 39²⁹, кошма в нетипичной для Неаполя узкой грунтовой яме № 21 с южной ориентировкой костяка³⁰).

В инвентаре ранних погребений сарматские черты представлены типично сарматскими зеркалами³¹, железными и бронзовыми пряжками с неподвижным язычком³², ножам

Таким образом, наличие сарматов в составе населения Неаполя во II—I вв. до н. э. археологически прослеживается достаточно четко, но типично сарматские погребения здесь немногочисленны. Значительно чаще встречаются погребения со смешанными чертами. Следовательно, проникнув в Неаполь во II в. до н. э. и оказав влияние на культуру его жителей, сарматы в этот период растворились в массе скифского населения города. Более точно датировать проникновение этой первой волны сарматов в Неаполь пока не представляется возможным. Наличие большого числа погребений с южной ориентировкой в Неаполе в этот период доказывает, что

²⁸ Д. Т. Березовець. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. АП УРСР, IX, Київ, 1960, стр. 1960, стр. 41, 64.

²⁹ Э. А. Сымонович. Отчет о работах на восточном участке некрополя Неаполя Скифского в 1957 г. Архив ИА АН СССР, д. 1545. Этот склеп дает интересную комбинацию двух типов погребальных сооружений (склепа и узкой грунтовой ямы) подобно тому, как в сарматских памятниках Поволжья известны случаи сочетания квадратной могилы и узкой ямы в полу ее (см. В. Рау. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite der Deutschen Wolgagebiets in Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, S. 36, Fig. 29).

³⁰ И. Д. Марченко. Отчет о работе археологического отряда ГМПИ им. Пушкина Тавро-Скифской экспедиции в г. Симферополе, 1957 г. Архив ИА АН СССР, д. 1556.

³¹ А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр. 62.

³² См. М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки, стр. 297—298, рис. 1, 8.

²⁵ Т. Н. Троицкая. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее. ИАДК, Киев, 1957, стр. 185—186, рис. 10а, б. По непонятной причине эти крючки трактованы Т. Н. Троицкой как текстильные орудия.

²⁶ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 161, рис. 10, 8; Она же. Погребения в мавзолее..., стр. 124, рис. 19, 3; 8, 8.

²⁷ См. Б. Н. Граков. Новые находки скифского времени на Каменском городище. «Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского». М., 1962, стр. 92, рис. 4, 8, 9.

сарматы проникли сюда с севера — из Подонья и украинских степей, так как в Прикубанье в это время южная ориентировка почти неизвестна. Это вносит некоторые поправки в вывод И. И. Лобовой, считающей, что основная масса сарматов проникла в Центральный Крым через Боспор³³.

Ориентировка ранних погребений неапольского мавзолея отличается от ориентировки ранних погребений грунтовых могил Неаполя (рис. 2,5,6). Южная ориентировка в мавзолее неизвестна в конце II в. до н. э. и очень слабо представлена в I в. до н. э. В то же время в мавзолее содержится много погребений конца II в. до н. э. с восточной ориентировкой. Это различие можно объяснить тем, что сарматское влияние слабо проникло в среду неапольской знати, которая находилась в этот период (время Скилура и Палака) под сильным влиянием греческой культуры, что находит свое отражение в распространении восточной ориентировки. Это же влияние ощущимо и в инвентаре погребений мавзолея.

Обратимся к погребениям второго хронологического периода, начало которого (вторая треть I в. н. э.) ознаменовано в некрополе Неаполя появлением нового типа погребальных сооружений — подбойных могил, известных в сарматских памятниках первых веков н. э. В ориентировке этих погребений полностью преобладает не типичное для сарматов восточное с отклонениями направление (рис. 2,4). Одновременно в некрополе появляются многочисленные сарматские черты: редкая в раннее время кошма теперь встречается очень часто, в могилах помещают кусочки угля и наконечники стрел архаических типов³⁴, жертвенная пища с ножом кладется в керамическую миску³⁵. Широкое распространение получает расшивание бусами одежды погребенного, типичное для сарматов³⁶. Резко увеличиваются в это время сарматские черты и в инвентаре могил некрополя (рис. 1, 20—25). Браслеты с змееголовыми концами, пастовые фигурные привески, крупные и мелкие кольца с тремя рядами выступов, орнаментированные зеркала-подвески, оружие сарматских типов и другие категории, появляю-

щиеся в это время в могилах Неаполя, типичны для сарматских памятников этого времени на весьма широкой территории. Эти изменения в инвентаре могут являться как свидетельством новой волны сарматской иммиграции в город, так и результатом известной унификации культур различных племен Северного Причерноморья.

Но одновременность этих изменений резкой сарматизации обряда позволяет настаивать на первом толковании, причем сарматская принадлежность этих «иммигрантов» достаточно четко доказывается и археологически, и антропологически³⁷. Преобладание же в поздних могилах неапольского некрополя восточной ориентировки, не типичной для сарматских памятников этого времени, находит объяснение, если обратить внимание на значительное увеличение во второй период в могилах Неаполя предметов античного импорта (краснолаковая керамика, перстни, металлические обкладки шкатулок, ключи и т. д.—рис. 1, 14—17, 26—28). Такое сочетание сарматских и античных черт в подбойных могилах Неаполя заставляет вспомнить подбойные могилы грунтовых некрополей боспорских городов, появляющиеся с III в. до н. э. на азиатском Боспоре и несколько позднее в его европейской части³⁸. По данным И. И. Лобовой, в первые века н. э. могилы этого типа составляют 19% всех могил некрополей Боспора³⁹. Большинство исследователей связывают эти могилы с проникновением в Боспорское царство сарматов, причем для нас особенно важно, что с самого своего появления здесь эти могилы содержат погребения с преобладанием восточной ориентировки. Мы можем, таким образом, сделать вывод, что во второй трети I в. н. э. в Неаполь проникает большое количество боспорских сарматов, испытывших уже значительное эллинизирующее влияние, сказавшееся в ориентировке и в инвентаре.

В свою очередь на Боспор сарматы проникли из Прикубанья, и связь боспорских сарматов с Прикубаньем прослеживается в последующее время вполне четко. Этим и объясняется наличие в подбойных могилах Неаполя

³³ И. И. Лобова. Сарматы в Крыму. Автореферат канд. дисс. М., 1956, стр. 12.

³⁴ И. В. Симицын. Археологические исследования Заповольского отряда. МИА, № 60, 1960, стр. 198.

³⁵ См. М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 222.

³⁶ Там же, стр. 241; Н. В. Анфимов. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. Автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 10.

³⁷ Э. А. Сымонович. Итоги новых работ..., стр. 40; Т. С. Кондукторова. Населения Неаполя Скифского за антропологическими данными. МАУ, вып. 3. Київ, 1964, стр. 37.

³⁸ Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 61—62; Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 73.

³⁹ И. И. Лобова. Указ. соч., стр. 7.

чисто прикубанских черт обряда (постановка кувшина в миску) и инвентаря (сероглиняный биконический сосуд, меч прикубанского типа), причем весьма показательно, что эти прикубанские черты концентрируются в наиболее ранних подбойных могилах (середина I в. н. э.). Так как население Прикубанья в этот период является смешанным, сармато-меотским⁴⁰, то и применительно к Неаполю мы должны говорить о появлении здесь во второй трети I в. н. э. мощной волны сармато-меотов с Боспора. Это подтверждается и данными антропологии, которые свидетельствуют о появлении в населении Крыма в начале н. э. северокавказского элемента⁴¹. Косвенным подтверждением боспоро-прикубанского происхождения сарматов, проникших в Неаполь в это время, служит различный характер сарматизации некрополей Неаполя и нижнеднепровских скифских городищ в первые века н. э. На нижнем Днепре сарматские черты в скифских некрополях наиболее ярко проявляются в погребениях в узких грунтовых ямах, типичных для сарматских погребений Украины⁴². Подбои же здесь малочисленны и относятся в основном к более позднему по сравнению с неапольскими времени (III—IV вв. и. э.)⁴³.

Как уже говорилось, в этот период сооружение в некрополе Неаполя типичных для раннего времени склепов почти прекращается, но в уже сооруженных склепах захоронения продолжают совершаться. Именно здесь естественно искать следы коренного скифского элемента в населении города в поздний период. Ориентировка поздних погребений в склепах дает картину, отраженную на рис. 2, 3. Как и в подбойных могилах, здесь преобладает восточная с отклонениями ориентировка. Но в отличие от подбойных могил здесь достаточно высок и процент костяков, ориентированных на запад. В этом и в сохранении древнего типа погребальных сооружений проявляется наличие в Неаполе в этот период (вторая треть I в. н. э.—начало III в. н. э.)

исконного скифского элемента. В инвентаре могил характерные скифские вещи в это время единичны. Доминирующее положение новых пришельцев бросается в глаза.

Для выяснения дальнейшей истории сармато-неапольских взаимоотношений некрополь города материалов не дает. Здесь следует обратиться к погребениям, обнаруженным на территории самого городища⁴⁴. Они немногочисленны, но содержат ярко выраженные позднесарматские черты (северная ориентировка, раздвинутые ноги, деформация черепа, инвентарь, в том числе изделия полихромного стиля). По инвентарю и слою, в котором совершены погребения, их можно отнести к III в. н. э., скорее к его первой половине. Эти пока еще немногочисленные данные позволяют полагать, что в это время имела место третья волна проникновения сарматов в Неаполь.

Итак, три волны проникновения сарматов в Неаполь археологически засвидетельствованы достаточно четко и нуждаются в исторической интерпретации на основании данных письменных источников. Эти данные весьма скудно освещают скифо-сарматские взаимоотношения. Оставляя вне поля зрения рассказ Поллена об Амаге как выходящий за хронологические рамки привлекаемого археологического материала, обратимся к событиям конца II в. до н. э.

По вполне согласуемым между собой данным Страбона⁴⁵ и декрета в честь Диофанта⁴⁶, в войне скифов против Херсонеса и Диофанта принимали участие на стороне первых роксаланы (ревксиналы) царя Тассия. По Страбону⁴⁷, кочевья роксаланов находятся между Танаисом и Борисфеном, откуда, как говорилось выше, и проникли в Неаполь первые сарматские переселенцы. Археологические и письменные источники увязываются, таким образом, в единую картину, и мы можем теперь сказать, что участие роксаланов в этой войне есть результат их тесных взаимоотношений с позднескифским царством, выразившихся прежде всего в достаточно активном их переселении в скифскую столицу. Было ли

⁴⁰ Н. В. Анфимов. Основные этапы развития..., стр. 9, сл.

⁴¹ К. Ф. Соколова. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини, АП УРСР, XIII, Київ, 1963, стр. 134.

⁴² М. П. Абрамова. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днепра. МИА, № 115, 1962, стр. 280 сл.

⁴³ Э. А. Сымонович. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала н. э. ЗОАО, т. I. Одесса, 1960, стр. 158—159; М. Ebert. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dnyepyr. Gouv. Cherson. «Prähistorische Zeitschrift», Bd. V, H. 1-2, 1913, S. 80—113.

⁴⁴ П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.). ИАДК. Киев, 1957, стр. 76; он же. Доклад на заседании секции раннего железного века пленума ИА АН СССР, посвященного итогам полевых исследований 1965 г.; А. Н. Карасев. Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1957 г. Архив ИА АН СССР, д. 1667.

⁴⁵ Страбон, VII, 3, 17.

⁴⁶ IOSPE, I², N 352.

⁴⁷ Страбон, VII, 3, 17.

это переселение единовременным или постепенным и как точно оно датируется, мы в настоящее время сказать не можем, так как уже наиболее ранние погребения, известные нам в неапольском некрополе, содержат сарматские черты. Мы можем, следовательно, лишь утверждать, что оно имело место ранее конца II в. до н. э.

Труднее, в силу скудности источников, поддается интерпретации факт массового переселения боспорских сармато-меотов в Неаполь во второй трети I в. н. э. Можно предложить различные объяснения этому событию, но наиболее вероятным представляется то, что оно явилось результатом подчинения скифов Боспору при Аспурге⁴⁸. Использование Боспором сарматов в качестве ударной силы своей армии известно из источников, и особенно вероятно это именно во времена Аспурга, если принять предположение о сарматском происхождении самого царя⁴⁹, подтверждаемое находкой в Риме надгробия тезки боспорского

⁴⁸ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 323.

⁴⁹ Там же, стр. 316—323.

царя «Аспурга, переводчика сарматов»⁵⁰. Если принять такое объяснение, то, судя по доминирующему положению сармато-меотов в населении Неаполя в поздний период, подчинение скифов Аспургу носило весьма серьезный характер, а не было кратковременной, не имеющей серьезных последствий победой.

Что касается сарматских погребений на городище, то по времени они синхронны готскому нашествию, разрушившему многие города Северного Причерноморья, и находятся в последнем слое. Поэтому можно предполагать, что аланы были увлечены в Крым готами и вместе с ними участвовали в разрушении позднескифской столицы. Сам факт совершения захоронений на территории городища подтверждает такую версию.

Мы проследили, таким образом, три этапа в развитии взаимоотношений сарматов с населением позднескифской столицы за период, охватывающий примерно пять столетий. Изучение в этом аспекте других позднескифских некрополей позволит уточнить и расширить выводы, предложенные в настоящей работе.

⁵⁰ Willmanns, EIL, № 555. См. Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 6, прим. 3.

О. Д. Дашевская СКИФЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КРЫМА В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ

За последнее десятилетие археологическое изучение Северо-Западного Крыма впервые приобрело систематический характер и существенные масштабы. Ведущиеся здесь тремя экспедициями (Чайкинской, Донузлавской и Тарханкутской) раскопки и разведки дали яркие результаты, резко поднявшие значение этого района не только в античной археологии Северного Причерноморья, но и в археологии поздних скифов. Благодаря новым данным вопрос о скифах в Северо-Западном Крыму получает иное освещение¹.

До недавних пор общепринятой была гипотеза о том, что скифские поселения на северо-западном побережье Крыма существовали с

IV в. до н. э. вперемежку с греческими². Раскопки же теперь показали, что те городища, которые, судя по выходам оборонительных стен явно скифского характера, первоначально были определены как собственно скифские памятники (Южно-Донузлавское, Тарпанчи), имеют под скифскими напластованиями греческий слой. С особенной наглядностью такая двуслойность выступает на городище «Чайка» близ Евпатории, где вскрыта уже значительная площадь, насыщенная строительными остатками³. Ни одного поселения, которое было бы основано скифами, в Северо-Западном Крыму не обнаружено.

¹ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937, стр. 252—254; Он же. Евпаторийский район. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 265—277.

² А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, IV. Херсонес и местное население: скифы. ВДИ, 1950, № 2, стр. 49 сл.; Он же. Херсонесские этюды, VI. Херсонес и Керкинитиды. ВДИ, 1955, № 3, стр. 42 сл.

³ А. Н. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 131 сл.

На почве свидетельства Гекатея Милетского (фр. 153), упоминающего «Каркинитиду, город скифский», еще в прошлом веке возникло предположение о том, что на месте этого древнего города, локализуемого в современной Евпатории, существовало еще более раннее скифское поселение, сменившееся затем греческим⁴. В пользу этого мнения приводился такой аргумент, как якобы негреческий (скифский?) корень названия Каркинитиды — Керкинитиды. Кроме того, находки чернолощеной лепной керамики с гребенчатым орнаментом также привлекались для доказательства негреческой (скифской или таврской) основы города⁵. Новые раскопки в Северо-Западном Крыму, давшие находки подобной керамики в слоях III—II вв. до н. э., показали неубедительность последнего аргумента (см. ниже). Что касается названия города, то его греческое происхождение не вызывает сомнений⁶. Слова же «город скифский» у Гекатея по отношению к Каркинитиде могут означать то, что этот город находится в пределах Скифии или по соседству с нею. Такое определение скорее имеет значение как свидетельство пребывания скифов в Северо-Западном Крыму в конце VI в. до н. э., что подтверждается и археологическими данными.

Единственными скифскими памятниками архаического и классического периодов в Северо-Западном Крыму являются скифские курганы или скифские погребения в курганах предшествующих эпох. Принадлежность их кочевым скифам доказывается как впускным характером большинства погребений, так и полным отсутствием в изучаемом районе синхронных им скифских поселений, о чем уже говорилось. Некоторые исследователи отождествляют реку Гипакирис, судоходную и протекающую, согласно Геродоту, среди земли скифов-кочевников (IV, 55), с озером Донузлав в Северо-Западном Крыму⁷. Поскольку

близ устья Гипакириса, по сведениям Геродота, находилась Каркинитида, а озеро Донузлав в древности было рекой⁸, причем очень глубокой и судоходной, то это отождествление представляется убедительным. Таким образом, и по Геродоту Северо-Западный Крым оказывается территорией кочевых скифов.

Самым ранним городищем в Северо-Западном Крыму является греческая колония Каркинитида (Керкинитида), основанная на рубеже VI—V вв. до н. э. Одновременно с ней или немного позже, как показали недавние раскопки⁹, возникает ближайшее к ней городище «Чайка». Затем в конце IV в. до н. э. на северо-западное побережье Крыма распространяется господство Херсонеса. До последнего времени об этом факте можно было говорить лишь на основании эпитафического документа начала III в. до н. э. — Херсонесской присяги¹⁰. Новые раскопки и разведки позволяют утверждать, что по всему побережью, с интервалами в несколько километров, тянутся цепочкой укрепленные усадьбы и неукрепленные поселения, построенные выходцами из Херсонеса во второй половине IV в. до н. э.¹¹

Находки небольшого количества скифской лепной керамики в нижних слоях этих поселений указывают на то, что среди преобладающего греческого населения их были и скифы, как это имело место и в самом Херсонесе¹². (В этих же слоях (конец IV — начало II в. до н. э.) изредка встречается лепная чернолощеноя керамика с гребенчатым, реже — с резным орнаментом, принадлежность которой таврам можно считать доказанной¹³. Отражая ту же картину, какую мы видим в Херсонесе и на усадьбах Гераклеийского полуострова¹⁴, эта керамика свидетельствует о

* А. В. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, стр. 7; Я. Ф. Романченко. Материалы по археологии Евпаторийского уезда. ЗРАО, VIII, 1—2, новая серия, 1896, стр. 230—231.

⁵ М. А. Наливкина. Раскопки в Евпатории. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 64.

⁶ О. Д. Дашевская. О происхождении названия города Керкинитиды. ВДИ, 1970, № 2.

⁷ П. Н. Кречетов. О реке Гипакирисе и местоположении города Каркинита. ЗООИД, XVI, 1889, стр. 472 сл.; Я. Ф. Романченко. Раскопки в окрестностях Евпатории. ИАК, № 25, 1907, стр. 187; М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. «Уч. зап. ЛГУ», серия ист. наук, № 13, 1949, стр. 143—144; Л. С. Клейн. Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным. АСГЭ, № 2, 1961, стр. 46.

⁸ А. Ф. Слудский. Древние долины реки Салгир. ИКОГО, № 2, 1953, стр. 33—34.

⁹ А. Н. Карасев. Раскопки городища «Чайка» в Евпатории. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 215.

¹⁰ IOSPE, I², № 401.

¹¹ О. Д. Дашевская. ТЕΙΧΝ декрета в честь Диофанта. ВДИ, 1964, № 3, стр. 152 сл. Нельзя согласиться с тем, что первенство в выдвигании этого тезиса принадлежит А. Н. Щеглову (см. А. Н. Щеглов. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 338).

¹² А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, IV, стр. 51; Я. В. Пятышева. Скифы и Херсонес. ИАДК, Киев, 1957, стр. 261 сл.

¹³ О. Д. Дашевская. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом. СА, 1963, № 4.

¹⁴ С. Ф. Стржелецкий. Клery Херсонеса Таврического. ХС, VI, 1961, стр. 161—162.

таврском элементе (рабах или зависимых жителях) в составе населения, пришедшего сюда из Херсонеса¹⁵. Сопоставление находок в Северо-Западном Крыму с находками в Херсонесе приводит к заключению, что таврская чернолощенная керамика с гребенчатым орнаментом не является вообще признаком существования в тех местах, где она встречается, таврских поселений догреческого периода¹⁶. На северо-западном побережье Крыма таврских догреческих поселений не было, так же как и скифских.

Неосновательным представляется теперь и мнение, что Херсонес взял эту территорию на откуп у скифских царей и стал к ним в положение арендатора¹⁷. Открытие на Тарханкутском полуострове клеров, подобных херсонесским, с виноградными и хлебными плантациями¹⁸, доказывает полисный характер земледелия и наряду с отсутствием скифских поселений окончательно опровергает распространенную версию о скифском земледелии времени Херсонесской присяги на западно-крымской равнине, о скупке херсонесскими греками хлеба у скифов¹⁹. Сыгравшая большую роль в этой версии трактовка С. А. Жебелевым свидетельства Страбона (VII, 4, 6) о земледельцах, выше которых жили номады, и сопоставление этого текста с Херсонесской присягой²⁰ вызывает возражения. Положение на исследуемой территории не было стабильным, и такие источники, как Херсонесская присяга и текст Страбона, могут сопоставляться только в исторической последовательности. Слова же Страбона о земледельцах, живущих, соприкасаясь с морем, можно отнести

к скифам, завладевшим херсонесской хорой.

Из содержания знаменитого декрета в честь Диофанта²¹ в отношении Северо-Западного Крыма следует вывод, что находившиеся там владения Херсонеса к концу II в. до н. э. оказываются в руках скифов. Принимая во внимание также данные Херсонесской присяги, можно заключить, что захват скифами херсонесской хоры на северо-западном побережье Крыма произошел между началом III в. до н. э. и концом II в. до н. э. Еще одна надпись — договор Херсонеса с Фарнаком I Понтийским, относящийся к 179 г. до н. э.²², указывает на то, что тогда, в начале II в. до н. э., херсонесская хора находилась под угрозой нападения со стороны «соседних варваров» и, возможно, подвергалась их набегам, но захвачена еще не была. Новые археологические данные, согласно которым смена греческих слоев на городищах скифскими произошла около середины II в. до н. э.²³, позволяют считать, что в упомянутом договоре Фарнак взял на себя обязательство защищать от скифов не только ближайшие окрестности Херсонеса, но и эту отдаленную от города хору.

Изображение скифа на монетах Керкинитиды III в. до н. э. не следует объяснять, как это иногда делают²⁴, захватом Керкинитиды в то время скифами. Раскопки последних лет на ближайшем к Керкинитиде городище «Чайка» наглядно показали, что сами монеты найдены в греческом слое²⁵, несомненно предшествовавшем водворению скифов в Северо-Западном Крыму.

Таким образом, увязывая археологические источники с эпиграфическими, можно утверждать, что скифское оседлое население появилось в Северо-Западном Крыму лишь во II в. до н. э. Скифы, овладев этим районом, не-

¹⁵ Не вижу причин сомневаться, как это делает А. Н. Щеглов, в неопределенности такого вывода и допускать, что данная керамика могла принадлежать сатархам, район расселения которых якобы совпадает с ее распространением (А. Н. Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху. ВДИ, 1966, № 4, стр. 148—149, 154). В таком случае не только Северо-Западный Крым, но и округу Херсонеса, и Горный Крым пришлось бы признать областью сатархов. Но если в отношении Северо-Западного Крыма еще можно, путем толкования крайне туманных письменных источников, делать такие построения, то локализация сатархов в Юго-Западном Крыму, где известна совершенно аналогичная керамика, явно исключается.

¹⁶ О. Д. Дашевская. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом, стр. 209.

¹⁷ Л. А. Моисеев. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории. ИТУАК, 54, 1918, стр. 254; Н. В. Пятыхева. Указ. соч., стр. 250.

¹⁸ А. Н. Щеглов. Исследование сельской округи Калос Лимена. СА, 1967, № 3, стр. 242 сл.

¹⁹ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, IV, стр. 51.

²⁰ С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. СП, стр. 231—232.

²¹ IOSPE, I², № 352.

²² IOSPE, I², № 402.

²³ А. Н. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г., стр. 131; он же. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 116; И. В. Яценко. Раскопки скифских строительных остатков на городище «Чайка» в Евпатории. «Археологические открытия 1967 г.» М., 1968, стр. 212; О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 68; А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 145.

²⁴ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, IV, стр. 55; М. А. Наливкина. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма (Керкинитиды и Калос Лимен в V—II вв. до н. э.). ПИСП. М., 1959, стр. 192—193.

²⁵ А. Н. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г., стр. 138.

-основали здесь новых поселений, а разместились исключительно в тех пунктах, которые уже были освоены греками. Три скифских поселения, которые сейчас раскапываются — Чайка, Южно-Донузлавское и Тарпанчи, все построены на месте греческих (херсонесских) городищ. При раскопках Южно-Донузлавского городища неоднократно наблюдались случаи, когда в скифские постройки были включены отдельные уцелевшие стены греческих зданий. Все скифские городища обнесены оборонительными стенами, сложенными из рваного камня, иногда — поверх валов. Единого стандарта в фортификационных сооружениях не наблюдается. Площадь скифских городищ меньше, чем площадь предшествующих греческих. Именно эти скифские крепости, возведенные на месте прежних укреплений херсонеситов, а не мнимый город Стены, надо понимать под ΤΕΙΧΝ, упомянутыми наряду с Керкинитидой и Калос Лименом в декрете в честь Диофанта²⁶.

Судя по контексту декрета, где говорится об имевшем место в Северо-Западном Крыму сражении между главными силами скифов под предводительством царя Палака и войском Диофанта, скифы, завладевшие херсонесской хорой, были политически объединены со скифами Центрального Крыма.

История Северо-Западного Крыма после похода Диофанта, в результате которого Палак потерял захваченную у Херсонеса территорию, почти не освещена письменными источниками. Поэтому вопрос о том, входил ли изучаемый район в I в. до н. э. и в первые века нашей эры в состав Херсонесского государства или же принадлежал Скифскому царству, является одним из наиболее трудных, и без привлечения археологических материалов решен быть не может²⁷. Многие косвенные данные говорят за то, что победа Диофанта над скифами не была прочной. Эпитафия легата Мёзии Тиберия Плавтия Сильвана²⁸ свидетельствует о вновь возросшей активности скифов, осадивших в начале 60-х годов I в. н. э. Херсонес, что позволяет предполагать вторичный захват ими перед этим херсонесской хоры на северо-западном побережье Крыма. Заслуживает внимания тот факт, что Арриан в своем «Перипле Понта Евксинского» (§ 30), относящемся к 134 г. н. э., упоминает о «скифском» Калос Лимене. Учи-

тывая также херсонесские надписи I в. н. э., хотя и крайне фрагментированные²⁹, можно прийти к выводу, что если в I в. н. э. Северо-Западный Крым и не был постоянно в руках скифов, то, во всяком случае, подвергался неоднократным захватам с их стороны.

Изучение строительных остатков и вещественных материалов говорит в пользу трактовки слоев конца II в. до н. э. — начала II в. н. э. на городищах Северо-Западного Крыма как скифских. Здесь в это время повсеместно наблюдаются постройки из рваного камня, заметно отличающиеся от сооружений предшествующего периода. На поселении Кара-Тобе³⁰ и на Южно-Донузлавском городище³¹ обнаружены основания круглых юрт I в. н. э. На городище «Чайка» хорошо прослеживается непрерывность архитектурной традиции в течение всего позднего периода (после скифского захвата), не позволяющая говорить о смене населения в течение всего этого времени.

К такому же выводу приводит и изучение лепной керамики, составляющей в поздний период около 70% всей посуды (не считая амфор). Попутно заметим, что на материалах из Северо-Западного Крыма не подтверждается тезис о существовании у поздних крымских скифов развитого гончарного производства³². Наряду с преобладающими скифскими формами в поздней керамике городищ Северо-Западного Крыма прослеживаются и некоторые сарматские черты: зооморфные ручки (Чайка, Беляусский могильник), тамгообразные знаки на сосудах (Кара-Тобе, Тарпанчи)³³. Характерно сохранение орнаментации из насечек и вдавлений по венчику, отсутствующей в позднейшей керамике Неаполя Скифского³⁴ и свойственной на всем протяжении времени керамике скифских городищ Нижнего Приднепровья³⁵. Обращает на

²⁹ IOSPE, I², № 355 и 369.

³⁰ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции, стр. 253—254; он же. Евпаторийский район, стр. 273—275.

³¹ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг., стр. 69—70, рис. 20.

³² Т. Н. Троицкая. Скифские курганы Крыма. ИКОГО, I, 1951, стр. 92; П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950). ИАДК, Киев, 1957, стр. 79.

³³ П. Н. Шульц. Евпаторийский район, стр. 273; А. Н. Щеглов. Тархангутская экспедиция в 1962—1963 гг., рис. 51, б.

³⁴ О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, № 64, 1958.

³⁵ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, рис. 12, I; рис. 15 и 17.

²⁶ О. Д. Дашевская. ΤΕΙΧΝ декрета в честь Диофанта.

²⁷ Ср. А. Н. Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху, стр. 156.

²⁸ СІЛ, XIV, 3608.

себя внимание также значительно меньшее количество лощенной керамики, чем в Центральном Крыму. У скифов Северо-Западного Крыма развитие керамических форм происходило своим путем, отличным, в частности, от эволюции их в Неаполе Скифском. Поэтому трудно допустить мысль о вторичном приходе сюда скифов из Центрального Крыма через значительный промежуток времени; скорее можно говорить о непрерывной жизни здесь скифского населения.

Для решения этого сложного и насущного вопроса чрезвычайно важны были бы погребальные памятники. Но этого рода данными мы располагаем пока в весьма ограниченном объеме³⁶. Интересны три надгробные стелы

³⁶ Уже после того, как данный доклад был подготовлен к печати, летом 1967 г. нами был впервые в Северо-Западном Крыму открыт могильник с погребениями I в. н. э. Он относится к городищу Беляус. Раскопаны два каменных склепа, разграбленных гуннами. В дошедшем до нас инвентаре наряду с краснолаковой керамикой и украшениями, широко распространенными в погребениях Северного Причерноморья I в. н. э. (в том числе и в некрополе Неаполя Скифского), привлекает внимание значительное число лепных сосудов. См. *О. Д. Дашевская*. Два склепа Беляусского могильника. КСИИ, вып. 119, 1969. Продолжая исследование могильника в 1968 г., мы раскопали третий такой же склеп и скифскую могилу с двумя катакомбами, содержащую 50 повторных погребений III—I вв. до н. э.

из Северо-Западного Крыма. В марьинской стеле, найденной во время распахки кургана, сочетаются греческие и скифские элементы; имена в ней греческие³⁷. Две стелы, случайно обнаруженные близ Южно-Донузлавского городища, носят варварский характер³⁸ и несомненно свидетельствуют о наличии на изучаемой территории в I—II вв. н. э. скифского населения, что согласуется и с материалами городищ.

Прекращение жизни на поселениях Северо-Западного Крыма следует, вероятно, связывать с победами Боспорского царства над скифами, отразившимися в боспорских надписях I—II вв. н. э.³⁹

Это открытие, заслуживающее специального изучения, не только подтверждает высказанную выше мысль о непрерывности обитания здесь скифов, но и вносит новые данные в вопрос о времени проникновения скифов как оседлого населения в Северо-Западный Крым. См. *О. Д. Дашевская*. Археологические исследования в Северо-Западном Крыму. «Археологические открытия 1968 г.» М., 1969.

³⁷ *П. Н. Шульц*. Надгробный рельеф из с. Марьино. СХМ, III, 1963; *Э. И. Соломоник*. Надписи на стеле из с. Марьино. Там же.

³⁸ *П. Н. Шульц*. Надгробный рельеф сарматского круга. Сб. «Культура античного мира». М., 1966; *О. Д. Дашевская*. Археологические исследования близ оз. Донузлав. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 213—214.

³⁹ См. *В. Ф. Гайдукевич*. Боспор и скифы. ПИСП. М., 1959, стр. 278.

Т. Н. Высотская ПОЗДНИЕ СКИФЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

В Юго-Западном Крыму известно довольно много разнообразных памятников культуры, представляющих большой интерес для истории скифов позднего периода.

В первые века нашей эры этот район полуострова был густо населен: здесь известно 18 разнохарактерных позднескифских городищ и селищ, постепенно возникавших по долинам рек Альмы, Качи и Бельбека.

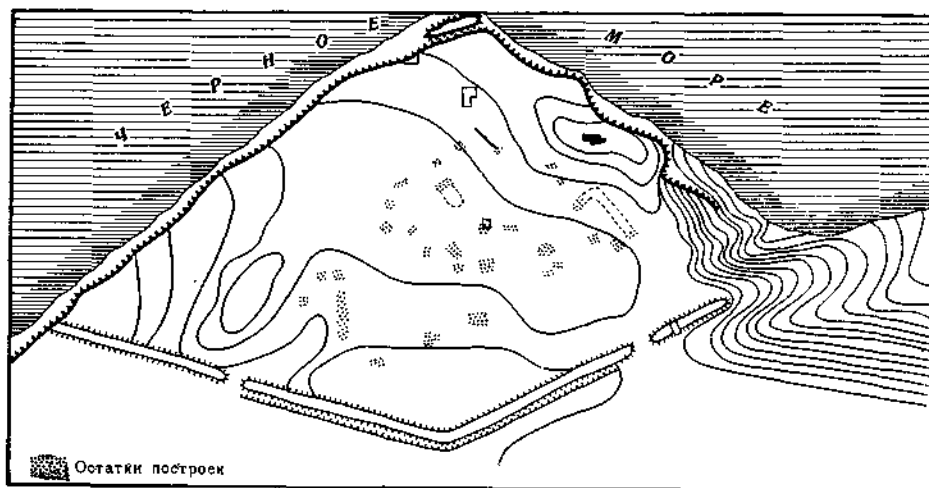
В III—II вв. до н. э., когда интересы скифов были обращены к западному берегу Крыма, появляется самое большое приморское позднескифское городище Усть-Альминское. Оно расположено на мысу, на крутом левом берегу р. Альмы, поднятом над уровнем моря на 30 м. На картах конца XVIII и начала XIX в. береговая линия в районе р. Альмы не имеет выступов в море¹. Однако в связи

¹ Симферопольский областной архив, ф. 377, оп. 7.

с интенсивным процессом абразии в этом районе картина резко меняется, и мыс, где расположено городище, мог образоваться в результате размыва берега морем. С южной юго-восточной и юго-западной сторон городище было защищено валом и рвом, за ним южнее располагалось селище, на юго-восточных склонах которого открыт некрополь.

Последнее время Усть-Альминское городище находится в поле зрения археологов, изучающих северо-западное побережье Крыма, поэтому мы остановимся на нем подробнее. А. Н. Щеглов в ряде работ высказал предположение о размещении на этом городище римского лагеря². Однако его аргументы нам

² *А. Н. Щеглов*. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма. СХМ, вып. II. Симферополь, 1961, стр. 80; *он же*. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. ВДИ, № 2, 1965, стр. 110—113.

Р и с. 1.
Усть-Альминское городище (план)

кажутся малоубедительными. Они основаны на следующих соображениях: 1) планировка городища и его оборонительные сооружения, с точки зрения А. Н. Щеглова, не характерны для позднескифских городищ Крыма и Приднепровья. Действительно, в Крыму до недавнего времени городище Усть-Альминское было единственным городищем с такой системой обороны. В настоящее время земляной вал и ров обнаружены на Южно-Донузлавском городище³, а в 1964 г. П. Н. Шульц обследовал позднескифское городище в среднем течении р. Булганак, также защищенное валом и рвом⁴. Для нижнеднепровских городищ вал и ров тоже не составляют исключения⁵.

Планировка Усть-Альминского городища была подсказана рельефом местности, а береговая линия, как мы указывали выше, изменилась за несколько столетий. Подобная форма (треугольник) не характерна для римских лагерей, которые, как правило, имели прямоугольные очертания.

2) Следующий аргумент А. Н. Щеглова в пользу существования на Усть-Альминском городище римского лагеря основан на археологическом материале, который «относится в совокупности к первым векам н. э. и иденти-

чен материалам римского укрепления на городище Алма-Кермен»⁶.

Этот довод нам кажется также неубедительным прежде всего потому, что материалы первых веков н. э. широко представлены на всех позднескифских поселениях и в могильниках Крыма. Они свидетельствуют о широком импорте амфорной и краснолаковой посуды, о торговых связях скифских городищ и селищ с античными центрами Северного Причерноморья, а не о размещении римских лагерей.

3) Находки римских монет (всего две) также не могут свидетельствовать в пользу римлян, они лишь говорят о торговых связях населения городища. Римские монеты найдены в Неаполе Скифском и на других позднескифских поселениях Крыма и нижнего Днепра⁷. В пользу того, что Усть-Альминское городище было позднескифским городищем, свидетельствует нерегулярное расположение жилых построек (отчетливо прослеженных после раскопки городища, рис. 1), что не свойственно планировке римских лагерей; об этом же говорят погребальные сооружения некрополя городища, примыкающее селище, зольники, позднескифская лепная посуда и, наконец, характер жилого дома, открытого раскопками на городище. Однако эти данные не исключают возможности временного пребывания на Усть-Альминском городище отряда римских солдат.

³ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг. КСОГАМ, Одесса, 1964, стр. 54.

⁴ П. Н. Шульц. Скифский город на р. Булганак. «Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг.», вып. 1. Киев, 1967, стр. 115 сл.

⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 46; В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК вып. 47, 1913, стр. 138—141.

⁶ А. Н. Щеглов. Заметки по древней географии..., стр. 112.

⁷ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961, стр. 54, № 343а, 403 и пр.

Во II в. до н. э. в среднем течении р. Альмы возникает городище Алма-Кермен. В настоящее время оно изучено лучше других позднескифских поселений Крыма. Раскопки на нем позволили выделить три строительных периода. К первому из них (II в. до н. э.—I в. н. э.) относятся жилые постройки из бутового камня, а также оборонительная стена толщиной 3,5 м, защищавшая акрополь, расположенный в северо-западной части плато.

Второй и третий строительные периоды (II—III вв. н. э.) связаны с пребыванием на городище отряда солдат XI Клавдиева легиона. Оборонительная стена акрополя к этому времени теряет свое значение: ее перекрывают римские постройки. Верхние слои Алма-Кермена рисуют яркую картину внезапной и трагической гибели поселения, происшедшей в III в. н. э. и связанной, по-видимому, с нашествием готов. После гибели Алма-Кермена жизнь здесь уже не возобновлялась.

В римское время, в период нависшей над скифским государством опасности, в период начавшегося упадка и раздробленности государства, когда, по-видимому, усиливается роль сельских общин, появляется новый тип укреплений — убежища. Таких убежищ в Юго-Западном Крыму в настоящее время известно пять. Они представляют собой небольшие почти без культурного слоя укрепления, где в момент опасности можно было укрыться со скарбом и скотом.

Плодородные земли речных долин, вдоль которых располагались городища, позволяли заниматься различными отраслями хозяйства. В этот период оно было дифференцированным. Развиваются также такие отрасли, как виноградарство и садоводство, об этом можно судить по находкам зерен винограда, виноградных лоз, виноградным ножам, виноградным давилням, по остаткам яблок и скорлупы грецких орехов. Однако основными отраслями продолжают оставаться земледелие и скотоводство. Высевают главным образом пшеницу и рожь. Рожь впервые засвидетельствована в Крыму как культура, ранее она была известна как сорняк. Для обработки земли использовался плуг, вспомогательными орудиями служили небольшие мотыжки. Одна такая мотыжка найдена на городище Алма-Кермен. Мололи зерно жерновами, на городищах найдены целые и многочисленные фрагменты прямоугольных и круглых жерновов. Для крупного размола зерна служили каменные ступы.

Важную роль в хозяйстве поздних скифов играло животноводство. Разводили главным образом мелкий рогатый скот.

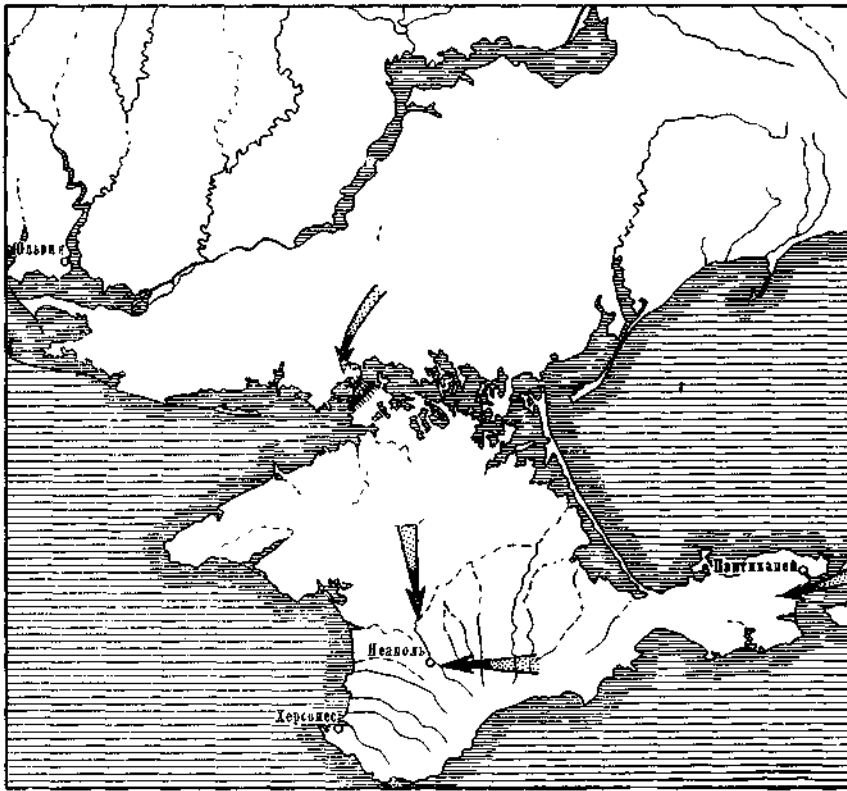
У нас пока нет сведений относительно землепользования у поздних скифов. Земельные участки, прилегающие к тому или иному городищу, сейчас распаханы или застроены. Исключение в этом отношении составляет городище Заячье: крутые склоны балки, где оно расположено, и плато селища не распахиваются. Возможно, часть почвенного покрова с древних времен размыта. На юго-запад от селища на сотни метров тянутся выложенные камнями полевые межи. По-видимому, они ограничивали земельные участки шириной от 11 до 50 м, принадлежавшие членам жившей здесь сельскохозяйственной общины. Если наше предположение верно, то перед нами впервые засвидетельствованный факт существования у скифов определенных земельных наделов, а следовательно, новая ступень развития земельных отношений внутри позднескифского общества. На некоторых городищах и селищах Крыма (Карагач, Балта-Чокрак I) заметно террасирование склонов. Это говорит о борьбе в древности с эрозией почвы, т. е. об относительно высокой культуре земледелия.

Хлеб на протяжении всей истории Скифии продолжает оставаться главным предметом торговли и источником богатства. Греки, по-видимому, покупали у скифов зерно по низкой цене и продавали его по более высокой. Недаром скифы неустанно вели борьбу за овладение северо-западным и западным побережьем полуострова и Херсонесом, стремясь к самостоятельной торговле хлебом.

За всю историю своего существования, как свидетельствуют эпиграфические источники, Херсонес неоднократно испытывал нужду в хлебе. Нуждался в хлебе и стоявший в городе римский гарнизон. Возможно, что потребность в хлебе, производимом скифами, возрастает в первые века н. э. Кроме сельского хозяйства поздние скифы занимались ремеслами, ткачеством, строительным, гончарным и ювелирным делом и т. д.

Судя по тому, что на скифских городищах нижнего Днепра и Крыма монеты встречаются крайне редко, торговля носила по преимуществу натуральный характер. Пока мы еще не можем судить о том, вели ли скифы в какой-то мере самостоятельную торговлю с материковой и островной Грецией или всегда прибегали к поаредничеству античных городов Северного Причерноморья. По-видимому, в эллинистический период Ольвия была основ-

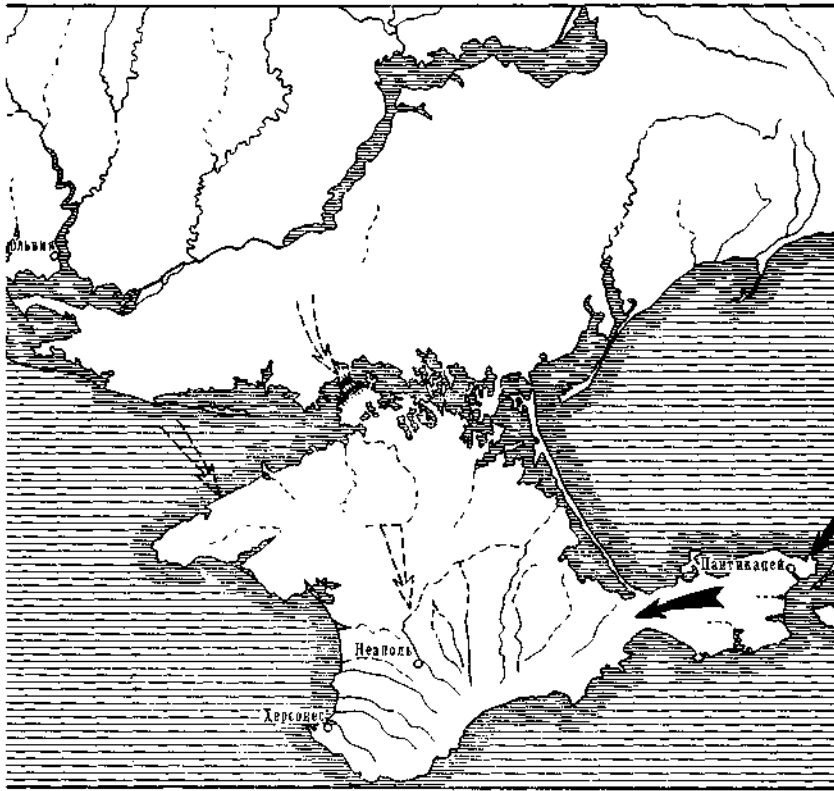
Р и с. 2.
Пути проникновения сарматов в Крым

ным транзитным рынком, снабжавшим Неаполь Скифский и другие городища Крыма товарами. Кроме того, в Скифию поступали товары через Боспор и Херсонес. В первые века н. э., как свидетельствуют эпиграфические памятники, Херсонес оживил торговые отношения с Синопой, Амисом и другими центрами. Начиная с этого времени, удельный вес Херсонеса в торговле поздних скифов, особенно Юго-Западного Крыма, возрос. Херсонес снабжал население этого района не только импортным вином, маслом, но и изделиями своих мастеров. О значении Херсонеса в торговле скифов говорят найденные на городищах в погребениях херсонесские монеты.

Этнический состав населения Юго-Западного Крыма в позднескифский период был пестрым. Об этом можно судить по разнообразному погребальному обряду и погребальным сооружениям могильников. Наряду с подкурганскими погребениями (обычно впускными в курган более раннего времени) известны грунтовые могильники с различными типами погребальных сооружений (склепы, подбойные могилы, грунтовые могилы, забитые камнями;

ямы с заплечиками; ямы, перекрытые сверху камнями; плитовые могилы). Материал некрополей свидетельствует о сильной сарматизации населения, начиная с I в. до н. э. Сарматизация усиливается во II в. н. э. С этим временем связаны многочисленные погребения в подбойных могилах и грунтовых ямах, суженных к ногам, погребения в колодах, подсыпка из угля и мела, деформация черепов. В инвентаре встречаются бронзовые зеркала-подвески, сарматские мечи с кольцевыми навершиями, большое количество бус, сарматские курьельницы и пр. Преобладает ЮЗ и ЮВ ориентация погребенных. Сарматы проникли в Крымскую Скифию, очевидно, двумя путями: через Перекопский перешеек из Приднепровья и с Дона и Северного Кавказа через Боспор (рис. 2). Это подтверждается письменными источниками и памятниками материальной культуры. Известно, что против Диофанта скифы выступили в союзе с сарматским племенем роксаланов⁸, которые кочевали во II в. до

⁸ IOSPE, I², 352.

Р и с. 3.
Пути проникновения готв в Крым

н. э. в степях Нижнего Поднепровья. Оттуда через Перекопский перешеек они могли проникнуть в Крым. Памятников материальной культуры, подтверждающих этот путь проникновения сарматов, пока немного, однако в курганах эпохи бронзы близ Перекопа встречаются единичные впускные сарматские захоронения⁹. Целый ряд подтверждений находит и второй путь продвижения сарматов — с Дона и Северного Кавказа через Боспор.

Несмотря на сильную сарматизацию, сохраняются черты скифского обряда: ямы, засыпанные камнями, круглые в плане склепы, служившие для повторных погребений.

Время погребений различно: наиболее ранние впускные захоронения и захоронения грунтовых могильников относятся к I в. до н. э. — I в. н. э. Основная масса погребений датируется II—III вв. н. э. В более позднее время, в III—IV вв. н. э., появляются могильники в верховьях рек — в местах, мало-

доступных кочевникам. Это связывается с начавшимся процессом переселения жителей из степей и предгорий в горные районы полуострова.

Различные стороны культуры поздних скифов, прослеженные на памятниках Юго-Западного Крыма, находят много общего с культурой позднескифских городищ нижнего Днепра. И это естественно, так как Крым представлял собой локальный вариант культуры Малой Скифии Страбона.

К III в. н. э. скифское государство было уже ослаблено войнами и внутренними противоречиями. Оно не могло выдержать новый натиск врагов. В III в. н. э. городища Юго-Западного Крыма, так же как и Неаполь Скифский, погибают, по-видимому, от нашествия готв. Согласно письменным источникам, готы проникли в Крым через Азовское море. Возможно также, что часть их прошла сушей через Перекопский перешеек. Не исключен и третий путь — от устья Днепра морем к западным берегам Крыма (рис. 3).

Разгромив Ольвию и ряд нижнеднепровских городищ (Знаменское, Гавриловское и др.),

⁹ И. Д. Ратнер. Послевоенные полевые археологические исследования Херсонесского музея. КСОГАМ, Одесса, 1965, стр. 37, 39.

они двинулись на Крымский полуостров. С этим тревожным временем связаны клады римских монет, найденные на территории крымской Скифии (Неаполь, Чокурча, Бий-Эли) и на Боспоре (Керчь). Причем поздние монеты неапольского клада и Чокурчи датируются 218 г., клада Бий-Эли — 222 г., поздние монеты Керченского клада (1954) относятся к периоду правления Галлиена (258—268 гг.). Поздняя монета клада из Семеновки датируется 267 г. По-видимому, та часть готов, которая двинулась через Перекопский перешеек и морем от устья Днепра, достигла полуострова прежде, чем готские дружины через Азовское море попали на европейский Боспор. И этим можно объяснить то, что в Центральном и Юго-Западном Крыму клады римских монет были зарыты раньше кладов Боспора.

Готские дружины, попавшие на европейский Боспор, разгромили многие существовавшие здесь города (Илурат, Киммерик и др.) и, по-видимому, двинулись дальше на южный берег. Часть готов осела здесь, смешавшись с местным населением, часть в союзе с другими племенами, в том числе с аланами, вторглась на территорию Римской империи.

От готского нашествия скифское государство уже не могло оправиться, но на некоторых городищах в IV в. н. э., по-видимому, еще продолжает существовать жизнь. Этим можно объяснить существование отдельных погребений III—IV вв. н. э. в некоторых могильниках, например в Усть-Альминском.

В III—IV вв. н. э. под натиском готов, а позднее гуннов земледельческое население из предгорий двинулось в горные районы полуострова, в места, малодоступные кочевникам. В это время здесь появляются поселения и связанные с ними могильники: Инкерман, Мангуш, Озерное II, Сахарная Головка, возникают такие поселения, как Бакла, Мангуп-Кале, Эски-Кермен и др.

В III—IV вв. н. э. Крымский полуостров был вовлечен в орбиту великого переселения народов, охватившего юг нашей страны. В поток варваров, обрушившихся на Римскую империю, влилась и часть населения разгромленного позднескифского государства.

Таким образом, возникшее в эпоху начавшегося упадка античных рабовладельческих государств позднескифское государство погибает в период разложения всей рабовладельческой системы, в недрах которой зрели ростки феодальных отношений.

Э. В. Яковенко СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Археологические исследования на территории Восточного Крыма ведутся уже более полутора столетия. Однако до недавнего времени археологи уделяли внимание главным образом прибрежной части полуострова, где сохранились остатки боспорских городов. Отдельные находки из степных районов были известны только из случайных раскопок¹.

Первые разведки в степной части полуострова были проведены экспедицией В. Д. Блаватского². С 1953 г. в этом же районе работает античный отряд под руководством И. Т. Кругликовой. Благодаря систематическим изысканиям ею составлена карта многочисленных степных поселений античного вре-

мени, из которых около 200 относятся к концу V—II вв. до н. э.³

Новый этап археологических исследований связан со строительством Северо-Крымского канала. С 1959 г. Керченская экспедиция ИА АН УССР под руководством А. М. Лескова проводит здесь систематические раскопки. Впервые на этой территории были раскопаны курганные могильники V—III вв. до н. э. у сел Ильичеве, Ленино, Бранное Поле, Зеленый Яр, Астанино и Кирово, исследовано 60 погребений (28 основных и 32 впускных в одно-временные курганы и в курганы эпохи бронзы).

Курганные могильники обычно располагаются на водораздельных возвышенностях. Высота насыпей различна — от 0,3 до 3 м. В основании курганов часто встречаются ка-

¹ А. А. Дирич. Мыс «Зюк» и сделанные на нем археологические находки. ЗООИД, т. XIX. Одесса, 1896.

² В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Разведки на Керченском полуострове. КСИИМК, вып. 58, 1948.

³ И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений Боспора. ВДИ, № 2, 1963.

менные кромлехи; в грунте насыпей сохранились остатки тризны в виде фрагментов амфор, обломков лепных горшков, костей животных и следов кострищ. В нескольких случаях удалось проследить специальные площадки для тризны, вымощенные камнем. Все погребения были перекрыты известняковыми плитами. Заклады из плит иногда достигали значительных размеров — до 10 м длины и 5 м ширины. В нескольких случаях обнаружены дополнительные сооружения из камня — кольцевые кладки вокруг закладов и навалы камней на плитах перекрытия.

В погребениях найдены одиночные и коллективные захоронения в грунтовых ямах и в каменных гробницах, ориентированных с запада на восток. Приведенная ниже таблица иллюстрирует отдельные детали погребально-го обряда подкурганых захоронений.

Представляет интерес грунтовая яма у с. Зеленый Яр, где было захоронено до 18 погребенных. Яма длиной 3 м была разделена на две части каменной перегородкой: в восточной части клали умерших, а в западную сбрасывали остатки погребенных ранее.

Каменные гробницы служили обычно семейными усыпальницами. Они имели находящийся с восточной стороны наклонный вход — дромос. Входное отверстие закрывалось плитой. Стенки дромоса на всю длину либо у самого входа в склеп укреплялись каменной кладкой. Обычно дромос забутован глыбами камня.

Все склепы прямоугольной формы, стенки их сложены из известняка. Различаются несколько типов кладки: 1 — кладка из горизонтальных рядов дикарных камней (рис. 1); 2 — кладка из вертикально стоящих подпрямоугольных плит, поверх которых идут горизонтальные ряды бутового камня; 3 — кладка из тщательно отесанных квадров, поставленных на ребро (рис. 2); 4 — сооружение стены из одной тесаной плиты. Щели между камнями заложены щебнем либо замазаны изнутри глиной. Кладка на растворе зафиксирована лишь в пяти случаях. Пол в склепах материковый, изредка с подсыпкой песка, лишь в одном случае пол был вымощен плитняком. Средние размеры склепов 2,5 X 1 м.

Ящики отличаются от склепов лишь отсутствием входа и меньшими размерами (2 X 1 м²).

Отдельные этапы сооружения каменной гробницы прослежены в кургане 16 у с. Астанино. В большой материковой яме длиной 2,8 м, шириной 1,9 м были установлены стенки ящика значительно меньших размеров — 2,1 X 0,85 м. ПрОСТраНСТВО, образовавшееся

Р и с. 1.
Астанино, курган 14, погребение 1, каменный склеп

Р и с. 2.
Ленино, курган 12, погребение 1, каменный склеп

между стенами ямы и ящика, забутовали дикарным камнем и утрамбовали сверху лёссовой глиной.

Погребенные лежат обычно вытянуто на спине, головой на запад. Встречено лишь одно скорченное погребение, ориентированное на восток, и два костяка со скрещенными ногами. В коллективных погребениях зафиксировано от 4 до 22 погребенных; вероятно, подобные семейные усыпальницы служили на протяжении длительного времени. При каждом оче-

Т а б л и ц а 1

Характеристика погребальных сооружений

Тип	Всего	Основных	Впускных	Одиночных	Коллективных	Неопред.
Ямы	26	14	12	13	9	4
Склепы	18	12	6	2	10	6
Ящики	16	6	10	3	9	4
Всего:	60	32	28	18	28	14

редком погребении вход в склеп вскрывали, а после окончания церемонии производили досыпку кургана — об этом свидетельствуют стратиграфические данные из кургана 6 у с. Зеленый Яр и кургана 12 у с. Астанино.

Несмотря на то, что большинство исследованных погребений ограблено в древности, инвентарь, обнаруженный при раскопках, позволяет дать довольно полную характеристику материальной культуры этого населения.

В мужских погребениях оправа от погребенного лежала копье, слева — колчан со стрелами и акинак. В женских погребениях у шейных позвонков сохранились остатки ожерелий, бусы, у черепа — серьги, подвески, справа — зеркала, античные сосуды и лепные горшки. И в мужских и в женских погребениях в изголовье обнаружены остатки жертвенной пищи, а у ног — античные амфоры.

Наиболее полна по составу коллекция оружия, состоящая из наконечников стрел, копий, акинаков, остатков чешуйчатого боевого пояса и двух наборных панцирей. Колчаные наборы представлены в погребениях V в. до н. э. преимущественно трехлопастными «базисными» стрелами; в погребениях IV—III вв. до н. э. формы их более разнообразны (рис. 3,8). Как правило, бронзовые наконечники сопровождаются железными и реже костяными. Особо следует отметить два наконечника из кости птицы или мелкого животного. Подобные наконечники стрел извест-

ны только на Тамани и в Прикубанье в V в. до н. э.⁴ (рис. 3, 7).

Среди пяти железных наконечников копий особо интересны два экземпляра из кургана 2 у с. Бранное Поле (рис. 3,10). Этот тип наконечников с резким переходом пера ко втулке А. И. Мелюкова связывает с Кавказом⁵.

Из трех найденных акинаков определению поддается только один с овальным перекрестием. Мечи такого типа в небольшом коли-

честве встречаются в комплексах Восточного Крыма и на Тамани⁶.

Среди предметов погребального инвентаря довольно много зеркал, рукоятки у которых были, вероятно, деревянными. Украшения представлены бронзовыми и серебряными сережками круглой формы и в «полтора оборота» (рис. 3,5), бронзовыми и серебряными перстнями с гладким щитком и с резными печатями (рис. 3,3), бронзовыми браслетами с несомкнутыми концами и разнообразными пастовыми и стеклянными бусами и бронзовыми амфоровидными подвесками (рис. 3,4).

Часты находки амулетов из клыков хищника и клешней краба.

Среди орудий труда можно назвать железные ножи, пряслица из камня, глины и свинца и железные иглы (рис. 3,9,11,12).

Импортная греческая керамика встречается во всех погребениях: это амфоры, ойнохои, тонкостенные чашки и кувшинчики, чернолаковые канфары и солонки. На одной солонке обнаружено посвятельное граффити⁷. Особо следует отметить бронзовую цилиндрическую пиксиду (рис. 3,6).

⁴ P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, S. 96, Taf. VIII, 1c, 2h.

⁵ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, ДІ-4, 1964, стр. 42.

⁶ Там же, стр. 52—53.

⁷ А. А. Белецкий, Э. В. Яковенко. Новые эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова. ВДИ, 1969, № 3.

Значительную группу находок составляет лепная керамика. В скифских степных погребениях она почти не известна, поэтому находки простых горшков в курганах Восточного Крыма особенно интересны. В погребальных комплексах встречены горшки двух типов: большие горшки с пальцевыми зашипами (рис. 3, 13) и небольшие слабопрофилированные сосуды без орнамента (рис. 3, 14). Лепная керамика известна в слоях VI—III вв. до н. э. в Пантикапее, Нимфее, Мирмекии. Основные типы ее совпадают с находками в подкурганых захоронениях⁸. Все это позволяет лепные сосуды Восточного Крыма VI—III вв. до н. э. приобщить к единому типологическому ряду скифской степной посуды.

Особо следует отметить лепные шаровидные курильницы с воронкообразным горлом и конической ножкой (рис. 3, 15). Курильницы этого типа известны в Поднестровье, в низовьях Буга и Днепра и в Центральном Крыму в комплексах III—I вв. до н. э. Находки шаровидных курильниц в Крыму позволили удревнить датировку всей группы сосудов этого типа на столетие и предположительно связать их происхождение с Кавказом⁹.

Интересная находка сделана в кургане 1 у с. Ильичево. Здесь у разрушенной каменной гробницы были найдены золотые украшения: шейная гривна, большая нашивная бляха в зверином стиле, ведеркообразный предмет и оббивка колчана с рельефно изображенной сценой терзания¹⁰.

Анализ погребального инвентаря позволяет отнести 4 погребения к V в. до н. э., 2 — к концу V—IV в. до н. э., остальные — к IV—III вв. до н. э.

Облик материальной культуры подкурганых захоронений и погребальный обряд не оставляют сомнений в их скифской принадлежности. Однако по ряду признаков они отличаются от синхронных погребений ближайших территорий — Центрального Крыма и Северного Приазовья.

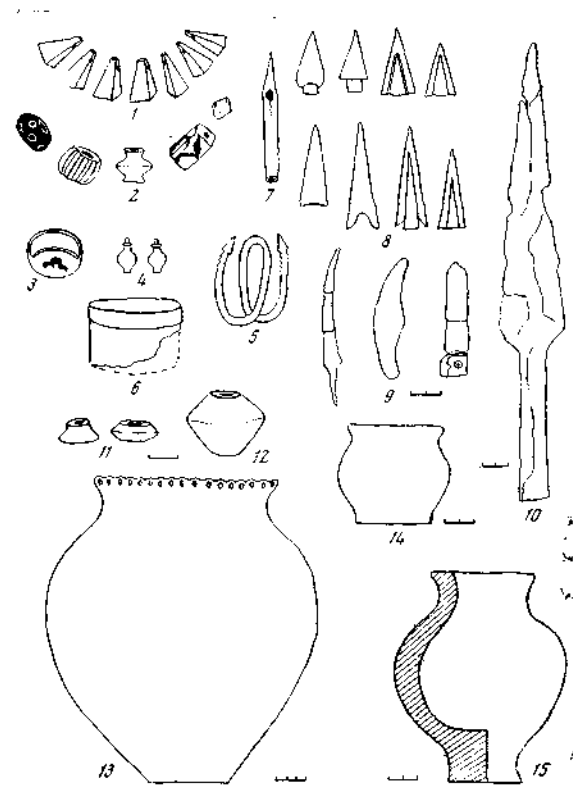
Еще Т. Н. Троицкая обратила внимание на обособленность скифских памятников Восточного Крыма¹¹. Работы Керченской экспедиции подтвердили эти предположения. Дейст-

⁸ Е. Г. Кастаньян. Лепная керамика боспорских городов. Автореферат канд. дисс. Л., 1967, стр. 8

⁹ Е. В. Яковенко. Куляси курильниц IV—II ст. до н. э. «Археологія», (в печати).

¹⁰ А. М. Лесков. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма. СА, 1968, № 1.

¹¹ Т. Н. Троицкая. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове. «Изв. Крымского отд. Геогр. об-ва СССР», вып. 4. Симферополь, 1957.

Р и с. 3.

Предметы погребального инвентаря из керченских подкурганых захоронений

1, 2 — стеклянная паста; 3—6, 8 — бронза; 7 — кость; 9, 10 — железо; 11 — свинец; 12—15 — глина

вительно, известные в Центральном Крыму бревенчатые перекрытия могильных ям и катакомбы в керченских курганах не найдены. Не встречаются здесь также в составе погребального инвентаря предметы конской упряжи и украшения, выполненные в зверином стиле. Зато бронзовые браслеты и зеркала найдены во многих погребениях, тогда как в Центральном Крыму они известны только с III в. до н. э.¹²

Результаты работ Керченской экспедиции показывают, что одной из основных особенностей курганных погребений Восточного Крыма в V—III вв. до н. э. являются каменные гробницы. Скорее всего эта черта связана непосредственно с местной мегалитической традицией, тем более, что камень является на этой территории основным строительным материалом. Кроме того, местное население было теснейшим образом связано с культурой античных городов, в некрополях которых из-

¹² Там же, стр. 70.

вестно значительное число каменных склепов и ящиков.

Ниже предлагается сравнительная таблица скифских погребальных сооружений из Центрального и Восточного Крыма, а также из Северного Приазовья. Данные по Приазовью включены в связи с мнением Л. С. Клейна об этнокультурной общности памятников этой территории с памятниками Керченского полуострова¹³.

Таблица 2

Погребальные сооружения конца V — середины III в. до н. э.

Территория	Всего погреб.	Грунтовые ямы	Катакомбы	Каменные гробницы
Восточный Крым	60	26	—	34
Центральный Крым *	42	25	5	12
Северное Приазовье **	15	10	5	—

* Данные взяты по материалам Т. Н. Троицкой.

** Данные взяты по материалам А. И. Тереножкина и И. В. Яценко, Е. В. Черненко.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в Центральном Крыму до середины III в. до н. э. основным типом погребальных сооружений были грунтовые ямы, что отмечала еще Т. Н. Троицкая.

В Северном Приазовье каменные гробницы не известны вообще, поэтому памятники этой территории нельзя объединить с керченскими синхронными погребениями в одном локальном варианте.

Следующей специфической чертой скифских курганов Восточного Крыма следует считать

значительное количество коллективных погребений. Гробницы с повторными захоронениями были известны только в позднескифских памятниках Крыма с III в. до н. э. В наших курганах они зафиксированы с конца V в. до н. э. Все это позволяет удревить датировку скифских семейных склепов и поставить вопрос о влиянии погребального обряда скифов Восточного Крыма на позднескифские погребальные памятники соседней западной территории. Кроме того, коллективный обряд погребения у скифов Керченского полуострова был скорее всего связан с оседанием части кочевого населения в конце V в. до н. э. Это же явление было отмечено И. Т. Кругликовой, которая обратила внимание на густую заселенность степной части полуострова в IV—III вв. до н. э. По ее мнению, основными обитателями этой территории были родственные скифам племена, осевшие на землю¹⁴. Раскопки в северной части полуострова позволяют с еще большей уверенностью говорить о существовании скифского населения на этой территории. Следует отметить также и наличие таврского этнического элемента, главным образом в прибрежной полосе¹⁵.

Характер курганных некрополей свидетельствует о том, что они принадлежат рядовым скифам-земледельцам. Исключением являются склеп, сооруженный из квадров на античный манер, и гробница с золотыми украшениями. В них, несомненно, захоронены представители родовой знати.

В результате работ Керченской экспедиции, исчезло еще одно белое пятно на археологической карте Скифии. Дальнейшие работы в этом направлении позволят выяснить роль и значимость местного населения Восточного Крыма в V—III вв. до н. э.

¹³ Л. С. Клейн. Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным. АСГЭ, № 2, Л., 1961, стр. 49 и сл.

¹⁴ И. Т. Кругликова. Указ. соч., сфр. 228.

¹⁵ А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове. СА, № 1, 1961.

V. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

И. С. Каменецкий О ЯЗАМАТАХ

Племя, вошедшее в науку под именем язаматов, упоминается в письменных источниках неоднократно, с незначительными искажениями в написании. У грекоязычных авторов варианты возникают в основном за счет чередования ζ и ξ, а также β и μ: Ἰαζαμάται¹, Ἰαζαβάται², Ἰαξομάται³, Ἰαξαμάται⁴, Ἰξιβάται⁵. Латиноязычные авторы достаточно точно передают греческое звучание или написание: Ixamatae⁶, Iaxamatae⁷, Eχomatae⁸, Agamathas⁹. Уже К. Мюлленгофф высказал предположение, что приведенные различия объясняются ошибками переписчиков. В частности, он указал, что β и μ «в древних греческих рукописях едва отличались»¹⁰. Просмотр трудов по греческой палеографии подтверждает такую возможность, одновременно давая примеры весьма сходного написания ξ и ζ¹¹. Пожалуй, еще более показательны различные написания этнонима в рукописях одного и того же автора: Эфора, Птолема, Аммиана Марцелина, Плиния¹². У ис-

следователей, насколько мне известно, никогда не вызывало сомнения, что все приведенные этнонимы означают одно племя.

Большинство современных ученых считает язаматов одним из сарматских племен¹³. При этом исходят обычно из данных о воинственности язаматских женщин и из установленного якобы К. Мюлленгоффом единства этнонимов «язаматы» и «языги». Думается, что нет никаких оснований считать, что в войнах участвовали только сарматские женщины. Нам известны скифские женские погребения, в инвентарь которых входит оружие¹⁴. Нет оснований отрицать воинственность женщин и у других племенных групп, в частности у меотов, хотя несомненно, что у сармат эта черта была выражена наиболее ярко. Что касается второго пункта, то К. Мюлленгофф действительно считал возможным отождествить язаматов с языгами¹⁵, но считать это доказанным нельзя. Более того, тот же К. Мюлленгофф выдвинул одновременно и другую гипотезу, которая отрицает возможность такого отождествления¹⁶.

Для понимания истории вопроса важно отметить, что длительное время меотов не противопоставляли сарматам, считая их составной частью «сармато-меотского» мира¹⁷. Пе-

¹ *Ps.-Scymn.*, 874—885 и *Ps.-Arr.*, 72 со ссылкой на Деметрия и Эфора.

² *Steph. Byz.*, s. v. Ἰαζαβάται со ссылкой на того же Эфора.

³ *Polyaen. Strateg.*, VIII, 55.

⁴ *Ptol.*, *Geogr.*, V, 8, 16; V, 8, 17—25. К. Мюлленгофф указывает и другое написание этого этнонима у Птолема. — Ἰξαμάται. К. Müllenhoff. *Deutsche Altertumskunde*, Bd. III. Berlin, 1892, S. 32.

⁵ *Steph. Byz.*, s. v. Ἰξιβάται со ссылкой на Гекатея.

⁶ *Mela*, I, 19, 114.

⁷ *Amm. Marc.*, XXII, 8, 31. В рукописях встречается также написание Ixomatae. К. Müllenhoff. Указ. соч., стр. 32, сн.

⁸ *Vat. F.*, 144.

⁹ *Plin.*, NH, VI, 21. В рукописях известно также написание Agamatae.

¹⁰ К. Müllenhoff. Указ. соч., стр. 32, сн.

¹¹ W. Wattenbach. *Anleitung zur griechischen Palaeographie*. 3. Auflage. Leipzig, 1895; V. Gardthausen. *Griechische Palaeographie*. II. Band: Die Schrift, Unterschriften und Chronologie im Altertum und in byzantinischen Mittelalter. 2. Auflage. Leipzig, 1913; B. A. Van Groningen. *Short Manual of greek Palaeography*. Leiden, 1940.

¹² См. СН. I и 2, 4, 7, 9. К. Мюлленгофф указывает четыре способа написания у Ктесия Книдского: Ἰαζαμάτης, Ἰαζαβάτης, Ἰαξαμάτης, Ἰαξαβάτης

(К. Müllenhoff. *Deutsche Altertumskunde*, S. 32; *idem*. Über die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten. «Monatsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, August 1866». Berlin, 1866, S. 568).

¹³ В. Ф. Гайдукевич. *Боспорское царство*. М.—Л., 1949, стр. 60; E. H. Minns. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 120; К. Smirnov. *Repartition des tribus Sarmates en Europe orientale*. «VI Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques». Moscou, 1962, p. 3.

¹⁴ В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднестровья в V—III вв. до н. э. САИ, ДИ-4, 1967, стр. 20, 53.

¹⁵ К. Müllenhoff. *Deutsche Altertumskunde*, S. 39.

¹⁶ Там же, стр. 115.

¹⁷ В последнее время эта точка зрения вновь находит сторонников (В. Ф. Гайдукевич. *Боспор и Танаис в доримский период*. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963,

релом наступил, когда меоты благодаря раскопкам стали археологической реальностью, когда выяснилось значительное своеобразие их культуры и распространилось мнение о принадлежности их языка к группе кавказских. Пересмотр вопроса об этнической принадлежности язаматов в этой связи не производился.

Заканчивая беглый обзор истории вопроса, следует отметить, что отнесение язаматов к сарматам не было единодушным. Так, М. И. Ростовцев считал возможным их сближение с синдами¹⁸, а Б. Н. Граков, рассматривая вопрос о воинственности сарматских женщин, не считал возможным использовать соответствующие описания язаматов¹⁹, что, на мой взгляд, свидетельствует о сомнениях автора относительно этнической принадлежности последних.

Так как археологически язаматы нам не известны, то вопрос об их этнической принадлежности можно обсуждать в настоящее время только на основании письменных источников. Прежде всего отметим, что среди древних авторов отнюдь не наблюдается того единства, которое мы в общем находим у современных исследователей. Уже в эллинистическое время наблюдается четкое противопоставление двух точек зрения: Эфор считает язаматов савроматами, а Деметрий из Калатиса — меотами²⁰. Из других древних авторов об этнической принадлежности язаматов говорит только Полиен, источники которого, по общему мнению, восходят к северочерноморской традиции и, по-видимому, независимы от вышеназванных авторов. Излагая предание о Тиргатао, Полиен называет язаматов меотами²¹.

Другие свидетельства менее четки. В перечне народов, живущих вокруг Меотиды, Аммиан Марцелин называет язаматов, меотов, языгов, роксалан и т. д.²² Помещение язаматов рядом с меотами в известной мере противопоставляет их и заставляет думать, что автор не считал язаматов меотами. Впрочем, доверять этому свидетельству трудно: вклю-

чение в тот же перечень меланхленов, гелон и агафирсов свидетельствует о компилятивном характере списка, который, конечно, не отражал реальности во время его составления. Не более надежно и указание Псевдо-Скимна на то, что именно с этим племенем соединились амазонки²³. Сведения эти восходят к рассказу Геродота о происхождении савроматов²⁴. У Псевдо-Скимна они являются дополнением к сообщению Эфора, у которого, по-видимому, заимствованы, и самостоятельного значения не имеют.

Еще больший разнобой находим в источниках относительно места обитания язаматов. Современные исследователи отдают здесь решительное предпочтение свидетельствам Помпония Мелы и Птолемея²⁵, помещающих это племя на нижнем Дону. Иные указания источников либо совсем не принимаются во внимание, либо объясняются путаницей в представлениях древних. Действительно, просмотр источников первоначально создает впечатление отсутствия какой-либо логики в этом вопросе. Однако оказалось возможным упорядочить эти сведения, расположив их в хронологической последовательности.

Первое по времени упоминание язаматов принадлежит Гекатею, автору, заслуживающему, по общему мнению, всяческого доверия. Время написания его труда, сохранившегося во фрагментах, относится к VI — началу V в. до н. э. Интересующие нас сведения содержатся у Стефана Византийского, который пишет: «Иксібаты — народ у Понта, соседний с Синдикоею. Гекатей в описании Азии»²⁶. Местоположение Синдики хорошо нам известно. Язаматов по Гекатею следует поместить к юго-востоку от Таманского полуострова, на побережье в районе Новороссийска и севернее.

Следующее свидетельство сохранено Полиеном. Сочинение его датируется 162 г. н. э., но повествует о событиях более ранних. Как уже упоминалось, Полиен использовал, по-видимому, какие-то местные северочерноморские источники и его новеллы содержат оригинальные и достаточно надежные сведения. Время событий, о которых повествуется в предании о Тиргатао, определяется по упоминанию боспорского царя Сатира I (433—389 гг. до н. э.)²⁷, и, следовательно, сведения вос-

стр. 298; К. Ф. Смирнов. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов: М., 1964, стр. 267; Д. Б. Шелов. Таиас и Нижний Дон. Автореферат докт. дисс. М., 1968, стр. 18).

¹⁸ М. Rostowzew. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, S. 21.

¹⁹ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.

²⁰ Обе точки зрения изложены у более поздних авторов: Ps.-Scymn., 874—885; Ps.-Arr., 72; Steph. Byz., s. v. Ἰαζαβάται.

²¹ Polyæn., Strateg., VIII, 55.

²² Амн. Марс, XXII, 8, 31.

²³ Ps.-Scymn., 874—885.

²⁴ Her., IV, 110—117.

²⁵ Mela, I, 19, 114; Ptol., Geogr., V, 8, 16.

²⁶ Steph. Byz., s. v. Ἰεζαβάται.

²⁷ В. А. Устинова. К вопросу о присоединении Синдики к Боспорскому государству. ВДИ, 1966, № 4;

ходят к концу V—началу IV в. до н.э. О месте обитания язаматов в это время мы можем судить по характеристике пути, которым бежала из Синдики Тиргатао. «Меотиянка, идя по пустынным и скалистым дорогам и дном скрываясь в лесах, а по ночам продолжая путь, пришла наконец к так называемым иксоматам»²⁸. Ни пустынность, т. е. незаселенность мест, ни упоминание лесов не могут служить для нас ориентиром. Зато упоминание скалистых дорог (если это не поэтическая вольность) как будто исключает путь от Синдики на север, оставляя две возможности: северные склоны Кавказа и Черноморское побережье. Второй путь приводит нас к месту локализации язаматов Гекатеом и поэтому предпочтительнее²⁹.

Сочинения Эфора, писавшего в IV в. до н.э., до нас не дошли. Однако благодаря влиянию, которым пользовался этот автор в древности, мы располагаем довольно многочисленными фрагментами его труда. Интересующие нас сведения сохранены Псевдо-Скимном, писавшим в III—II вв. до н.э. и повторены Псевдо-Аррианом, автором V в. н.э. О локализации язаматов сообщается следующее: «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий. За ними... племя, называемое Язаматами»³⁰. Далее следует уже описание Таманского полуострова. Следовательно, по Эфору, язаматы должны быть размещены на побережье Азовского моря, но недалеко от Кубани.

Эту же локализацию язаматов Псевдо-Скимн приписывает и Деметрию, не делая в этом различия между ним и Эфором, но зато противопоставляя их мнения об этнической принадлежности данного племени. Деметрий

М. Ростовцев. Амага и Тиргатао. ЗООИД, XXXII, Одесса, 1915.

²⁸ *Polyaen.* Strateg., VIII, 55.

²⁹ При обсуждении данной работы высказывалось мнение, что последний путь следует исключить на том основании, что при такой локализации язаматов становится непонятным, из кого была создана коалиция, выступившая против Синдики и Боспора. Такая аргументация не кажется мне серьезной. Источники называют достаточно много племен на Черноморском побережье, да и Кавказ в этом месте не является непреодолимым препятствием и не мог помешать язаматам вербовать союзников среди меотских племен Прикубанья. Следует помнить, что и Боспор в это время не был еще в Азии той силой, которой стал позднее. Поэтому савроматские степи я не склонен рассматривать как единственную в данном случае возможность.

³⁰ *Ps.-Scymn.*, 874—885.

происходил из западночерноморского города Калатиса и, по мнению исследователей, был достаточно хорошо знаком с Северным Причерноморьем. Писал он на рубеже III и II вв. до н.э. и, являясь последователем Эратосфена, представлял в греческой географии то течение, которое стремилось к точным знаниям в противоположность последователям Эфора, разрабатывавшим прежде всего литературную, окрашенную в идиллические тона картину Северного Причерноморья³¹. Поэтому сведения Деметрия предпочтительнее, особенно об интересующем нас районе, который был ему известен. К сожалению, именно здесь не представляется возможным определить, — кому же, Деметрию или Эфору, принадлежит локализация язаматов³².

Следующее сообщение принадлежит Помпонию Меле, писавшему в середине I в. н.э. Локализация язаматов у него вполне отчетлива. Описывая восточное побережье Меотиды с юга на север, он заканчивает его указанием, что «ближе всего к устью реки иксаматы»³³. Следовательно, по этому свидетельству язаматы должны быть размещены по побережью от устья Дона и южнее. Как глубоко внутрь степи простирается их территория, неизвестно. Значительно хуже обстоит дело с датировкой этого сообщения. Помпонию Мела использовал разновременные источники, согласовать противоречивые данные которых ему удавалось далеко не всегда. По мнению М. И. Ростовцева, основная часть сведений, излагаемых Помпонию Мелой, восходит к V—IV вв. до н.э.³⁴, возможно через посредство какого-то автора эллинистического времени³⁵. Не исключено, что и интересующее нас сообщение, за которым непосредственно следует достаточно традиционный рассказ о воинственности женщин, восходит к весьма раннему времени. В пользу этого говорит и отсутствие язаматов в описаниях Страбона, который был достаточно хорошо знаком с географией и историей этих мест. За некоторую реальность сообщения Помпонию Мелы говорит только отсутствие подобной локализации язаматов у известных нам более ранних авторов.

В пользу последнего соображения, возможно, говорит и сходная локализация язаматов у еще одного позднего автора — Птолемея,

³¹ *M. Rostowzew.* Skythien und der Bosporus, S. 7, 27.

³² Там же, стр. 27, 29.

³³ *Mela*, I, 19, 114.

³⁴ *M. Rostowzew.* Skythien und der Bosporus, S. 9, 24, 103.

³⁵ Там же, стр. 40—46.

который помещает их южнее нижнего течения Дона, но в глубине степи³⁶. Птолемей, писавший во второй половине II в. н. э. и основывавшийся на трудах своего предшественника Марина Тирского, обработал много новых и точных сведений, полученных в результате походов римских солдат в Северное Причерноморье³⁷, хотя в ряде случаев использовал и старые источники, что привело к появлению на его карте исчезнувших уже к его времени племен³⁸. Так, для описания северного побережья Азовского моря, района, вообще слабоизвестного в римское время, им был использован перипл, который должен, по-видимому, датироваться временем не ранее III в. до н. э. На это указывают некоторые параллели с Геродотом и кое-какие археологические факты. Описание восточного берега Меотиды у Птолемея ближе всего к Страбону, но гораздо подробнее, чем у последнего. М. И. Ростовцев предполагал, что в распоряжении Птолемея находились достоверные современные ему данные³⁹. Относительно внутренних областей дело обстоит несколько хуже, но и здесь данные Птолемея весьма надежны, по крайней мере в отношении географических ориентиров. Поэтому размещение им язаматов на нижнем Дону должно заслуживать всяческого внимания.

Все вышеизложенное позволяет нам отметить общую тенденцию — чем позднее источник, тем севернее он размещает язаматов.

Имеются еще два сообщения, которые исключены мною из приведенного ряда по причине невозможности датировать сведения, в них заключенные. Сочинение Валерия Флакка было написано во второй половине I в. н. э., т. е. после Помпония Мелы, но значительно раньше Птолемея. В поэме описывается поход аргонавтов, но перечень племен, участвующих в этих событиях, относится к гораздо более позднему времени, вплоть до времени жизни автора. Язаматам посвящены следующие строки: «Эксоматов кормит охота и север не славится более никакими другими конями; они спасаются бегством по хрупким водам Гипаниса с детенышами тигрицы или свирепой львицы и печальная мать цепенеет на возвышении подозрительного берега»⁴⁰. Как видим, изложение поэтическое, я бы сказал, перегруженное образами. Для локализа-

ции язаматов может быть использовано только упоминание Гипаниса, т. е., по-видимому, Кубани, хотя в данной ситуации нельзя исключать и Гипанис северный. Упоминание Кубани позволяет сопоставить сообщение Валерия Флакка с данными ранних авторов — Гекатея, Эфора, Деметрия — и соответственно его датировать.

Наконец, язаматы фигурируют у Плиния, современника Валерия Флакка. Как известно, для восточного побережья Азовского моря Плиний дает различные списки народов. Язаматы упомянуты в середине второго списка, который начинается камаками и кончается акаскомарками⁴¹. Соответственно язаматы должны быть размещены где-то в середине Азовского побережья, идущего от устья Кубани до устья Дона. Это довольно близко подходит к данным сообщения Псевдо-Скимна, но по Плинию они должны располагаться несколько севернее и занимать меньшую территорию (учитывая количество племен в списке). Дата этого перечня племен неясна. Источники Плиния разновременны и среди них наряду с одновременными ему есть и весьма ранние. Так, перед нашим списком он упоминает исседонов, которые несомненно восходят к традиции времен Геродота. Если не считать язаматов и камаков, которых обычно отождествляют с камами, упоминаемыми тем же Плинием, но уже на Яксарте⁴², то список следует признать уникальным. Следовательно, и в данном случае мы не можем датировать сведения о язаматах по источнику. Скорее обратное: совпадение локализации язаматов у Плиния, с одной стороны, и у Эфора или Деметрия, с другой, позволяет отнести дату списка к времени последних.

Таковы данные, которыми мы располагаем. Из них как будто следует, что язаматы дважды меняли место своего обитания. Первоначально они жили на черноморском побережье, недалеко от синдов, как об этом сообщают Гекатей и, возможно, информаторы Поллена и Валерия Флакка. В этом же районе авторы называют еще одно племя, название которого образовано сходным образом, — хариматов (*χαριμάται*). Этноним сохранен нам Стефаном Византийским со ссылкой на Гелланика (V в. до н. э.) и Палефата (IV в. до н. э.)⁴³. Возможно, эти племена были родственны. Время обитания язаматов в этом районе может быть, вероятно, определено VI и V вв.

³⁶ *Ptol., Geogr.*, V, 8, 16; V, 8, 17—25.

³⁷ *M. Rostowzew.* *Skythien und der Bosphorus*, S. 11.

³⁸ Там же, стр. 66.

³⁹ Там же, стр. 71.

⁴⁰ *Val. F.*, 140—145.

⁴¹ *Plin., NH*, VI, 21.

⁴² *Plin., NH*, VI, 50.

⁴³ *Steph. Byz.*, s. v. *χαριμάται*.

до н. э. и, очевидно, ранее. Эфор или Деметрий или они оба знают язаматов уже к северу от Кубани, на побережье Азовского моря. Псевдо-Скимн указывает северную границу их расселения в 2000 стадиях от устья Дона⁴⁴. Это сообщение, однако, довольно трудно оценить, так как неизвестно, как в данном случае оценивалась длина всего восточного побережья Меотиды. Абсолютные же размеры нам дают мало. 2000 стадиев равны 370 (птолемеевский стадий = 185 м) или 355 км (аттический стадий = 177,6 м). В обоих случаях получаем расстояние, близкое к расстоянию от устья Дона до Керченского пролива (протяженность рейса Ростов — Керчь 380 км). Если исходить из плавания вдоль берега, то границу расселения язаматов надо будет проводить по современному устью Ахтанзовского лимана (355 км) или в районе современного мыса Ахиллеон (370 км), т. е. у входа в Керченский пролив. По археологическим данным северная граница расселения меотов, а следовательно, и южная граница сармат, проходила на побережье в районе Бейсугского и Ахтырского лиманов, около Малого Ромбита Страбона⁴⁵. Южная граница язаматов, судя по тексту Псевдо-Скимна, должна проходить в районе Таманского полуострова и нижнего течения Кубани. Если ориентироваться на указанные границы, то получим, пожалуй, слишком большую территорию. Поэтому представляется более правильной локализация, даваемая Плинием, которая, как я думаю, относится к этому же периоду истории язаматов.

По Плинию территория обитания язаматов может быть ограничена районом Бейсугского и Ахтарского лиманов и прилегающей к ним степи. Здесь нам известен по р. Кирпили ряд городищ, существующих, если судить по отдельным находкам, со скифского времени⁴⁶. Переселение в этот район, если верить источникам, должно было состояться в течение V—IV вв. до н. э. Можно предположить (на уровне рабочей гипотезы), что именно с язаматами были связаны указанные городища по Кирпили.

Сложнее обстоит дело с данными Помпония Мелы и Птолемея. Первый помещает язаматов рядом с дельтой Дона, второй — по южному берегу Дона от устья до поворота у Кала-

ча. На первый взгляд совместить обе локализации достаточно трудно. Однако следует иметь в виду, что размещение язаматов у Птолемея, равно как и размещение племен, обитавших южнее, — сиракенов (сираков), пессиев и темеотов, зависит от локализации Гиппийских гор. Все указанные племена размещаются между этими горами и Меотидой⁴⁷. Если даже не останавливаться на вызывающей споры локализации сираков, то уже размещение двух оставшихся меотских племен вызывает недоумение, ибо Гиппийские горы помещены Птолемеем вдоль нижнего течения Волги. Очевидно, что они должны быть перенесены значительно западнее, как минимум на линию Манычской гряды и западного края Ставропольской возвышенности. Даже в этом случае территория пессиев и темеотов оказывается тождественной территории всех меотов вообще, как мы ее представляем по археологическим данным. Соответственно должна быть сокращена и территория язаматов, и тогда она становится вполне сопоставимой с территорией, отводимой для язаматов Помпонием Мелой. По письменным данным затруднительно определить время этого второго переселения. Нижней датой мы можем считать время деятельности Деметрия, т. е. рубеж III и II вв. до н. э. Верхняя дата должна быть отнесена ко времени жизни Помпония Мелы, т. е. к середине I в. н. э. Если исходить из предположения о связи язаматов с городищами по р. Кирпили, то переселение следует датировать временем, близким к рубежу н. э., ибо именно в этот период наблюдается прекращение жизни на указанных городищах. Трудно удержаться и не напомнить, что именно в это же время возникает серия поселений по берегам дельты Дона⁴⁸. Впрочем, я бы не взялся при современном состоянии источников защищать это предположение, которое пока трудно назвать даже рабочей гипотезой.

Естественно поставить вопрос: чем могло быть вызвано предполагаемое двукратное переселение язаматов? Дать исчерпывающий ответ затруднительно, но следует обратить внимание на то, что первое переселение приблизительно совпадает с началом активных действий Боспора на Таманском полуострове, которые закончились подчинением ряда меотских племен (если не всех). Второе переселение может быть сопоставлено с весьма бурными событиями на северных рубежах Боспора, в результате которых разрушенный Поле-

⁴⁴Ps.-Scymn., 874—885.

⁴⁵ По Страбону, от Танаиса до Малого Ромбита 1600 стадиев, а до Керченского пролива — 2200 «по прямому пути на север» или 2320 стадиев, «если плыть вдоль берега» (Strabo, XI, 2, 4).

⁴⁶ Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, вып. 34, 1950, стр. 93, 95.

⁴⁷ Ptol., Geogr., V, 8, 14—25.

⁴⁸ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 128 сл.

моном Танаис окончательно вошел в состав Боспорского царства. Можно допустить, что история язаматов оказалась как-то связанной с этими событиями.

Из всего изложенного, как мне думается, можно извлечь довод в пользу мнения Деметрия и Поллена о меотской принадлежности язаматов, ибо трудно допустить, что уже в VI в. до н. э. какое-то сарматское племя могло обитать по соседству с синдами на побережье Черного моря.

Нетрудно догадаться, что я убежден в меотской принадлежности язаматов, но если оценивать достоверность выдвинутой гипотезы объективно, то ее нельзя считать полностью

доказанной, решительно опровергающей и отбрасывающей противоположную точку зрения. При современном состоянии наших знаний сделать окончательный выбор, по-видимому, невозможно. Публикуя данную работу, я преследую более скромную цель: показать, что гипотезу Деметрия еще рано сдавать в архив, что его точка зрения и точка зрения его противника как минимум равновероятны. Поэтому исследуя вопросы, так или иначе связанные с определением этнической принадлежности язаматов, нам следует учитывать две возможности решения, а не одну, как это делалось в большинстве случаев до сих пор.

Н. В. Анфимов СЛОЖЕНИЕ МЕОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЯЗИ ЕЕ СО СТЕПНЫМИ КУЛЬТУРАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Киммерийцы первые из северопричерноморских племен, имя которых документально засвидетельствовано. Общеизвестно, что киммерийцы заселяли в эпоху поздней бронзы и раннего железа степи Северного Причерноморья, Крым и проникали на Северо-Западный Кавказ. Но считать, что вся эта огромная территория была населена собственно киммерийцами, вряд ли возможно. Вернее всего, что доскифское население нашего юга этнически было неоднородным и название «киммерийцы» (кимеры, гимеры) распространялось на них в качестве собирательного; к этому приходит большинство исследователей, занимающихся киммерийской проблемой¹. В связи со скудостью письменных источников киммерийская проблема во многих своих аспектах остается еще до сих пор недостаточно освещенной. Неясны точные границы распространения киммерийцев, продолжительность обитания их на занимаемых территориях юга СССР; нет достаточных данных об их происхождении, хозяйственном укладе, материальной и духовной культуре.

Согласно письменным* источникам, киммерийцы — воинственные степняки, имеющие большую подвижность. А. А. Иессен считал, что киммерийцы возглавили первое крупное

объединение племен на юге нашей страны². Ряд исследователей относят киммерийцев к ираноязычной группе племен. Так, Е. И. Крупнов, говоря о происхождении народов Северного Кавказа, пишет, что «до первого появления на Северном Кавказе ираноязычных элементов (в лице киммерийцев и скифов) на всей территории Северного Кавказа — от Прикубанья до Дагестана — господствовали очень близкие между собой культуры»³. Таким образом, автор рассматривает киммерийцев как пришлый иноязычный элемент на Северном Кавказе, в том числе и в Прикубанье. Будучи степняками-кочевниками, киммерийцы проникали на Северо-Западный Кавказ, подтверждение чему мы находим не только в письменных источниках и топонимике, но и в вещественных памятниках. Могли они занимать и степи Предкавказья и Восточное Приазовье. В настоящее время большинство исследователей считают, что данная территория и была исходной базой для походов киммерийцев в Закавказье и Переднюю Азию.

Исходя из факта пребывания киммерийцев на Северо-Западном Кавказе, ряд авторов высказали предположение, что потомками киммерийцев могут быть синды и меоты⁴, а не-

¹ Е. И. Крупное. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 111.

² А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА. М., 1954, стр. 130.

³ Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. М., 1957, стр. 8.

⁴ Более подробно об этом см.: Н. В. Анфимов. Прото-меотский могильник с. Николаевского. «Сборник ма-

которые исследователи идут еще дальше, ставя знак равенства между киммерийцами и синдо-меотскими племенами⁵. Причем ни один из авторов в пользу гипотезы о киммерийском происхождении меотов и синдов не приводит доказательств. Самый же факт пребывания киммерийцев на Северо-Западном Кавказе не может являться в этом отношении веским аргументом. Пребывание в прошлом здесь киммерийцев, как совершенно правильно отмечает Е. И. Крупнов, еще не доказывает киммерийское происхождение всех народов Северо-Западного Кавказа⁶.

Одной из основных задач в исследовании киммерийской проблемы является выделение этнокультурных групп среди аборигенного населения обширных степных пространств Северного Причерноморья, Крыма и Северо-Западного Кавказа в IX—VII вв. до н. э. Это позволит определить территорию собственно киммерийцев и более четко выделить границы киммерийской культуры.

Задачей настоящей статьи и является попытка выделения этнокультурной группы древнемеотского населения на Северо-Западном Кавказе в киммерийское время. Вопрос о происхождении меотов нельзя решить только по одному факту пребывания киммерийцев на Северо-Западном Кавказе. Киммерийцы, насколько мы знаем их по письменным историческим источникам, были степняками-кочевниками и, возможно, принадлежали к североиранской языковой группе. Известно, что основное население Прикубанья и Восточного Приазовья в эпоху раннего железа составляли меотские племена, относящиеся к кавказской языковой семье. Меоты в древнегреческой историографии известны с VI в. до н. э., когда греки входят с ними в непосредственный контакт. К этому времени меотская культура выступает перед нами как уже вполне сложившаяся, с довольно многочисленными поселениями, грунтовыми могильниками и большими курганами.

Для более раннего времени для территории Прикубанья мы не располагаем никакими письменными источниками. Ввиду этого при решении вопроса о происхождении меотов и

териалов по археологии Адыгеи», т. II. Майкоп, 1961, стр. 120 (приведена соответствующая литература).

⁵ Л. И. Лауров. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954, стр. 199; В. П. Шилов. Население Прикубанья конца VII — середины IV в. до н. э. Автореферат канд. дисс. М.—Л., 1951, стр. 14.

⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 129.

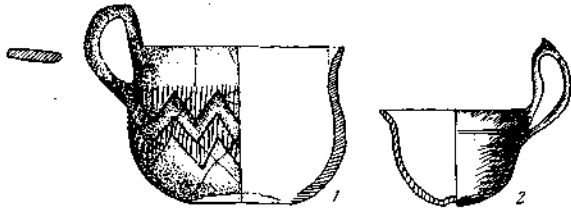
сложении меотской культуры особое значение приобретают археологические памятники.

К сожалению, памятников «домеотского» периода до сих пор было известно очень мало. Отдельные находки, в основном оружия и металлических предметов конского убора VIII—VII вв. до н. э., собранные и тщательно проанализированные в последних публикациях А. А. Иессеном, носили случайный характер и происходили большей частью из разрушенных или разграбленных погребений. Только в последние годы нами были исследованы два грунтовых могильника VIII — первой половины VII в. до н. э., которые дали очень важные материалы для решения вопроса о сложении меотской культуры. К этому можно еще присоединить раскопанный П. А. Дитлером Колосовский могильник на р. Фарсе (южнее г. Майкопа), где было обнаружено несколько погребений интересного нас времени⁷, и несколько случайных находок, сделанных в последнее время в Закубанье (погребение VII в. до н. э. у хут. Красный, находки бронзовых удила и псалив у хут. Чуриков, близ пос. Псебай и др.). Первые два могильника расположены в Закубанье, на левой надпойменной террасе р. Кубани, один из них — Николаевский — находится на территории с. Красногвардейского (Адыгейская автономная область), второй — на западной окраине хут. Кубанского (Усть-Лабинский район).

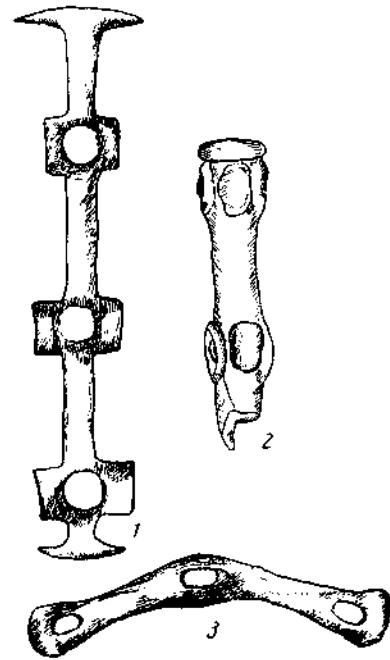
Николаевский могильник обнаружен в 1958 г. при строительных работах. Никаких наружных признаков он не имел. Исследования могильника проводились в 1958—1963 гг. экспедицией Адыгейского НИИ языка, литературы и истории под руководством автора. За шесть экспедиционных кампаний было вскрыто 157 погребений. Все погребения составляют одну хронологическую группу. Форму могилы установить не удалось, но, судя по небольшой глубине (в среднем 1—1,4 м), положению скелетов и инвентарю, могилы представляли собой простые неглубокие ямы. Характерной в обряде погребения является южная ориентировка костяков с небольшим отклонением к востоку. С иной ориентировкой встречено только 24 могилы, что составляет 15,3% всех могил (из них с северной ориентировкой 12%, с восточной — только 2,5% и западной — 0,8%).

Большинство погребений с нетипичной ориентировкой — скорченники (17), без инвен-

⁷ П. А. Дитлер. Могильники в районе пос. Колосовка на р. Фарс. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II. Майкоп, 1961, стр. 127 и сл.

Р и с. 1.
Чарки из погребений Николаевского могильника
1 — из погребения 50; 2 — из погребения 139

Р и с. 2.
Псалии из погребений Николаевского могильника
1 — бронзовый псалий из погребения 112; 2 — костяной псалий;
3 — бронзовый псалий из погребения 63

таря. И только в четырех могилах были чаши. Погребения с вытянутыми скелетами также без инвентаря или с одной только чашей. Исключение составляла одна могила с ССЗ ориентировкой, содержащая погребение воина с конем.

Не указывает ли наличие могил с северной ориентировкой и, как правило, без инвентаря на иноплеменные элементы в среде аборигенного населения, которые находились, возможно, в подчиненном состоянии?

В данном могильнике наблюдается сочетание двух обрядов: более древнего, когда скелеты лежат скорченно на боку, и вытянутого положения на спине. Последние несколько преобладают. В пяти могилах скелеты лежали на животе, спиной вверх, причем у трех ноги были подогнуты под туловище. Все они были без инвентаря, кроме одного погребения, где в головах стояла чарка. Все исследованные могилы одиночные, за исключением одной, где было встречено два скелета. По количеству инвентаря могилы более или менее однородны.

Необходимо отметить пять погребений воинов с конями. Конь, как правило, жеребец, помещался слева вдоль покойника, на 10—20 см выше дна могилы. В двух случаях лошади были взнузданы. В могилу клалась не туша лошади, а набитая соломой или травой шкура с головой и конечностями. На это ука-

зывает нахождение в могилах только черепов с костями ног (пястных и плюсневых с фалангами), причем лежащих всегда в анатомическом порядке.

Большинство погребений сопровождалось вещами, но известный процент был без инвентаря. Характерным в обряде погребения является помещение за головой глиняного сосуда, как правило, чарки; иногда их ставили по две. К обрядовой стороне относятся встречающиеся в погребениях гальки (одна-две). Несомненно какое-то культовое значение имели и коровьи коленные чашечки, клавшиеся в головы покойника рядом с чаркой. Остатки заупокойной пищи состоят из костей коровы и лошади (в одном случае овцы).

Инвентарь могил представлен глиняными сосудами, оружием, принадлежностями конского убора, бытовыми предметами, украшениями.

Глиняные сосуды все лепные, тщательно сформованные, с хорошо сглаженной наружной поверхностью, из черно-коричневой глины. Представлены они несколькими формами, господствующей из которых является чарка с петлеобразной ручкой, поднимающейся над краем. Чарки в основном однотипны и различаются размерами⁸. Встречено несколько

⁸ Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 115—116, табл. I, рис. 2—4.

арок с нарезным геометрическим орнаментом в виде ромбов, заштрихованных треугольников, широких зигзагообразных заштрихованных полос (рис. 1, /). Подобный орнамент встречается на доскифской лепной керамике Предкавказья и Северного Кавказа, примером чего могут служить образцы керамики из Алхастинского и Айвазовского поселений Течено-Ингушетии и Змейского поселения Северной Осетии⁹. Чарки из Николаевского могильника являются прототипами более поздних чарок VI в. до н. э. из раннемеотских могильников Прикубанья. В этом отношении очень показательна чарка из погребения 139, у которой на месте перегиба ручки намечаются уже «рожки», а на дне имеется ямкообразное вдавление (рис. 1, 2). В могильнике «Ясенова Поляна» на р. Фарс (Майкопский район) встречены чарки как с «рогатой» ручкой, так и с петлеобразной, аналогичные николаевским¹⁰.

В Николаевском могильнике встречены небольшие кувшинчики с ручками и без ручек, с округлым туловом, небольшие горшочки, стаканообразный сосудик с ручкой. Кувшинчики тождественны сосудам из раннемеотских погребений второго Усть-Лабинского могильника.

Оружие из Николаевского могильника представлено в основном наконечниками копий. Только в одном погребении была найдена бронзовая рукоятка железного кинжала так называемого кабардино-пятигорского типа¹¹. Наконечники копий все бронзовые, за исключением трех железных, причем у одного из них втулка бронзированная. Бронзовые наконечники относятся к одной типологической группе и различаются по размерам и по соотношению общей длины с максимальной шириной листа. Наконечники имеют листовидной формы перо с овальными очертаниями нижней части, по всей длине которого проходит продолжение втулки. Втулка цельнолитая, сравнительно длинная, в течения круглая, но встречены наконечники и с шестигранной втулкой¹².

Данный тип бронзовых наконечников копий тщательно проанализирован А. А. Иессеном в работе о прикубанском очаге металлургии,

в которой приводится весь известный к тому времени материал с Северо-Западного Кавказа¹³. Автор считает возможным относить эти наконечники к местным изделиям.

Во многих мужских погребениях были встречены плоские оселки прямоугольной вытянутой формы с отверстием для подвешивания у верхнего конца. К мужскому инвентарю относятся также ножи (большинство из них бронзовые и только два железных). По величине и форме они более или менее однотипны. Лезвие у них прямое со слегка изогнутой спинкой. У двух ножей конец загнут кверху, аналогичный нож известен из Кобанского могильника¹⁴.

Вместе с конскими захоронениями были найдены бронзовые удила и принадлежности уздечного набора. Удила относятся к типу одноколычатых, которые А. А. Иессен выделил во II группу, считая их местными формами для Северного Кавказа¹⁵. У двух пар удил прямые стержни звеньев гладкие, третья пара имеет литую имитацию циркулярной обмотки¹⁶. В погребении 112 во рту лошади были найдены бронзовые удила со стремевидными концами и псалии с тремя муфтообразными отверстиями и шляпкой на конце (рис. 2, 1). Аналогичные псалии известны из Кисловодска¹⁷. Бронзовый псалий из могилы 63 относится к IV типу, выделенному А. А. Иессеном. Это стержневой изогнутый псалий с тремя овальными отверстиями и слегка утолщенными концами (рис. 2, 3).

Кроме бронзовых псалий, найдены костяные от мягкой конструкции удила. Один псалий стержневидной формы с тремя отверстиями в виде трубочек-муфт и с небольшой шляпкой на конце (рис. 2, 2), аналогичный вышеописанным бронзовым; второй — слабоизогнутый, с тремя продолговатыми отверстиями. Вместе с ним был найден конец костяного псалия в форме щитка с точечным орнаментом и три круглые выпуклые костяные бляшки¹⁸.

¹³ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце бронзового века. МИА, № 23. 1951, стр. 111—112.

¹⁴ МАК, VIII. М., 1909, табл. XXI, рис. 5.

¹⁵ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, стр. 127.

¹⁶ Н. В. Анфимов. Протомеотский могильник..., табл. III, рис. 4—5.

¹⁷ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 53, рис. 3, 4.

¹⁸ Н. В. Анфимов. Протомеотский могильник..., табл. III, рис. 1, 3, 6.

⁹ Е. И. Крупное. Древняя история Северного Кавказа, стр. 133—134, табл. XXI.

¹⁰ П. А. Дитлер. Указ. соч., табл. II, 7; табл. III, 1, 3, 6.

¹¹ Н. В. Анфимов. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 197, рис. 1, 4.

¹² Н. В. Анфимов. Протомеотский могильник..., табл. II, рис. 1—6.

Наиболее близкий уздечный костяной набор известен из кургана 6 у хут. Жирноклеевского Волгоградской области¹⁹. Обломок подобного псаля и круглые костяные бляшки были встречены при раскопках могильника с. Зандак (Восточная Чечня) Северо-Кавказской археологической экспедицией в 1962 г. Основной комплекс погребений данного могильника относится к первым векам I тысячелетия до н. э. Необходимо упомянуть еще бронзовую бляху от конского убора из случайных находок. Бляха литая овальной формы со щитком в верхней части и украшена двумя завитками²⁰.

Украшения из Николаевского могильника представлены бронзовыми браслетами, серебряными подвесками, булавками, бусами. Браслеты могут быть разделены на четыре типа: 1) пластинчатые широкие со слегка закругленными концами; 2) литые с граненой наружной поверхностью и с заостренными концами; 3) проволочные многовитковые²¹ и 4) из массивного прута со слегка заходящими концами.

Три бронзовые булавки различаются по форме головки. Одна из них имеет небольшую шляпку, под которой расположены четыре выступа; у второй — крестообразное навершие с шишечкой наверху²²; третья имеет пластинчатое (веслообразное) навершие, верхний конец которого загнут в трубку. Аналогии последней булавке известны на Кавказе и в Крыму (в памятниках поздней бронзы и раннего железа).

В двух погребениях найдены совершенно аналогичные серебряные височные подвески в виде двух плоских цилиндров с желобчатой поверхностью, соединенные петлей²³. Близкие по форме подвески, только золотые, происходят из Глийского могильника (погребение 92, 1960 г.) Южной Осетии (раскопки Б. В. Техова).

Бусы, встреченные в погребениях, представлены следующими типами: мелкими пастовыми («рублеными») белого цвета, голубым пастовым бисером, гешировыми биконическими продолговатыми, сердоликовыми, стеклянными, свинцовыми веретенообразными с циркулярной насечкой,

¹⁹ *АИ РСФСР*. М.—Л., 1948, стр. 183, табл. XXVIII, рис. 5; *К. Ф. Смирнов*. Археологические данные о первых всадниках поволжско-уральских степей. *СА*, 1961, № 1, стр. 65—66, рис. 12; стр. 69—70, рис. 13.

²⁰ *Я. В. Анфимов*. Протомеотский могильник..., табл. III, рис. 2.

²¹ Там же, табл. IV, рис. 9—11.

²² Там же, табл. IV, рис. 13.

²³ Там же, табл. IV, рис. 6.

Анализ инвентаря Николаевского могильника дает возможность датировать его VIII — началом VII в. до н. э.

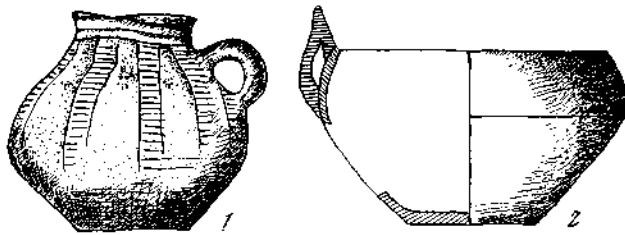
Второй памятник интересующего нас времени — могильник у хут. Кубанского — расположен на левой террасе р. Кубани, у западной околицы хутора (напротив восточной окраины г. Усть-Лабинска). Обнаружен он был автором в 1930 г. на месте карьера по добыче глины. Среди предметов I—II вв. н. э. тогда был найден набор бронзовых предметов от конского убора второй половины VIII в. до н. э.²⁴ и бронзовая ручка кинжала так называемого кабардино-пятигорского типа²⁵.

В 1965 г. на могильнике экспедицией Краснодарского музея были произведены раскопки, в процессе которых удалось исследовать 56 погребений второй половины VIII—VII в. до н. э. Обряд погребений ничем не отличался от того, что мы видели на Николаевском могильнике. Господствующая ориентировка — южная, с некоторым отклонением к востоку. Наравне с ней встречалась восточная (около 18%) и пять погребений с северной ориентировкой, причем так же как и в Николаевском могильнике, они не сопровождалась инвентарем (четыре из пяти). Глубина могил была незначительна (в среднем от 1,10 до 1,35 м). В положении скелета наблюдалось сочетание скорченности (до 50%) с вытянутым положением на спине (34%). Встречено здесь также четыре могилы, в которых скелеты лежали на животе, спиной вверх, причем у двух скелетов ноги были подогнуты под туловище. Одна могила воина представляла собой кенотаф. Почти половина погребений не имела инвентаря. Инвентарь ограничивался, как правило, одним, реже двумя глиняными сосудами и отдельными бытовыми предметами (ножичками, оселками, пряслицами и т. д.).

Из общей массы погребений выделяется пять могил воинов, сопровождавшихся захоронениями коней и обильным инвентарем. Здесь мы имеем повторение того же обряда, который наблюдался в Николаевском могильнике. В могилу кладут не целую тушу убитой лошади, а набитую шкуру с головой и ногами, причем ее помещают слева от покойника и на 5—10 см выше. В могилах встречались также гальки, имевшие культовое значение. В 10 погребениях были найдены кости домашних животных (коровы, лошади, овцы

²⁴ *А. А. Иессен*. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э..., стр. 121, рис. 10.

²⁵ *Я. В. Анфимов*. Кинжалы кабардино-пятигорского типа, стр. 197, рис. 1, 3.

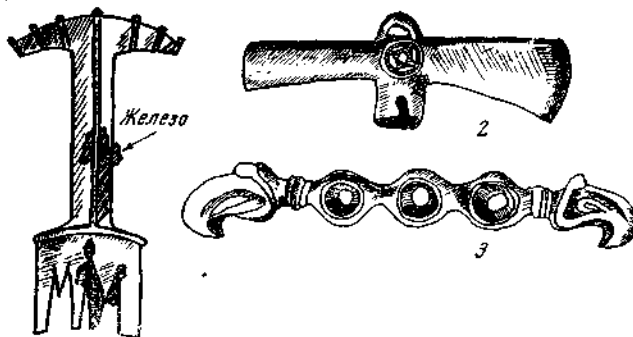

Р и с. 3.
Сосуды из погребений могильника у хут. Кубанского
1 — кувшин из погребения 38; 2 — миска из погребения 50

и свиньи). Единственным отличием, пожалуй, является отсутствие «культовых» костей — коленной чашечки коровы, ни разу не встреченной в погребениях могильника у хут. Кубанского. Зато более существенные отличия наблюдаются в инвентаре.

В Кубанском могильнике ни разу не были встречены бронзовые наконечники копий, столь характерные для Николаевского могильника, а также бронзовые ножички. Отличия сказываются и в керамике, которая имеет целый ряд своеобразных черт (в форме, ornamentации), не находящих аналогий среди известных материалов Прикубанья. Отсутствуют здесь и чарки с петлеобразной ручкой, столь типичные для Николаевского могильника. Тип удил и псалий тоже иные.

Керамика занимает в инвентаре погребений господствующее положение. Все сосуды лепные, поверхность тщательно сглажена, иногда носит очень слабые следы лощения. Часто они украшены разнообразным нарезным орнаментом. Наравне с этим можно выделить тип горшков более грубой выделки, нелощеных. Найденные сосуды представлены кувшинами,

Р и с. 4.
Вещи из погребений могильника у хут. Кубанского
1 — бронзовая рукоятка кинжала из погребения 39; 2 — бронзовый топор из погребения 50; 3 — бронзовый псалий из погребения 39

мисками, чарками и горшками. Большинство кувшинов — небольшие, одноручные, с низким невыделенным горлом. Один из них почти сплошь покрыт нарезным орнаментом (рис. 3, 1). Миски по форме однотипные, с загнутым внутрь краем и в большинстве своем снабжены широкими ручками, оканчивающимися «рожками» (рис. 3, 2). Интересно отметить, что совершенно аналогичная ручка была найдена на берегу Тшикского водохранилища, на территории с. Николаевского. Чарок известно всего три. Одна из них аналогична чаркам из могильника Ясенова Поляна²⁶, две другие ближе стоят к чаркам из раннемеотских погребений Усть-Лабинского второго могильника²⁷, но характер ornamentации у них другой.

Из разрушенного погребения происходит бронзовый клепаный сосуд типа ведерка с двумя небольшими петлеобразными ручками на плечиках. Аналогичные ведерки известны из Глийского могильника и датируются VIII—VII вв. до н. э.²⁸

Оружие представлено железными кинжалами и наконечниками копий, двумя бронзовыми наконечниками стрел, бронзовыми булавой и секирой. Первый кинжал с брусковидным навершием по типу относится к акинакам. Близкий ему известен из погребения на северо-западном склоне г. Бештау, относящегося к VIII — началу VII в. до н. э.²⁹ От второго кинжала сохранилась только бронзовая рукоятка (рис. 4, 1), а железное лезвие было, по видимому, выломано в древности. Аналогичная ручка известна из могильника с. Кумбулты (Сев. Осетия)³⁰. Наконечники стрел относятся к типу наиболее ранних металлических стрел — двухлопастных, с хорошо выраженной втулкой, идущей через всю головку стрелы. Первый наконечник имеет овально-ромбическое перо и сравнительно длинную втулку, датируется он VIII в. до н. э. Второй — с ромбической головкой, выступающей втулкой и боковым шипом — характерен для VII в. до н. э. Бронзовый топор-секира с одной стороны имеет расширяющееся лезвие, с другой длинный обух. На боковых сторонах нанесен рельефный кружок с крестообразным изображением.

²⁶ П. А. Дитлер. Указ. соч., табл. III, рис. 1, 3—6.

²⁷ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник № 2 ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 161, рис. 1, 2—3.

²⁸ Б. В. Техов. Раскопки Глийского могильника в 1950 г. СА, 1963, № 1, стр. 162, 164; рис. 2, 3.

²⁹ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э., стр. 125, рис. 14.

³⁰ МАК, VIII. М., 1900, стр. 227—228, табл. XCVI, 4.

нием (рис. 4, 2). Такой же рисунок встречен и на бляхах от уздечки из того же могильника. На бронзовой секире из Кисловодска, которую Е. И. Крупнов датирует VIII—VII вв. до н. э.³¹, на боковых поверхностях втулки имеются аналогичные изображения. бронзовая булава небольшой величины биконической формы.

Кроме того, в погребениях встречены каменные топоры и молотки, которые служили, вернее всего, наверхними жезлов. Обязательной принадлежностью воина был оселок, который подвешивался к поясу.

В конских захоронениях у лошадей были уздечки, украшенные большей частью бляхами. Из этих погребений происходят бронзовые удила и псалии, бронзовые и костяные бляхи от уздечки, костяной псалий с тремя отверстиями для ремней и бронзовая ворворка. Все найденные удила, за исключением одной пары (погребение 39), однотипны и относятся к бронзовым двукольчатым удилам (I типа, по А. А. Иессену). Они имеют дополнительные звенья, подвижно соединенные с наружными кольцами и отлитые совместно с удилами. На конце у них одинарные или двойные шляпки для крепления повода. С этими удилами сочетаются псалии I типа по А. А. Иессену, имеющие круглый стержень со шляпкой на одном конце, с изогнутой расширенной плоской лопастью на другом и с тремя литыми петлями посередине. Датируются они VIII—первой половиной VII в. до н. э. Кроме двукольчатых встречены удила со стремевидными концами. Вместе с ними был найден псалий в форме прямого стержня с тремя отверстиями, концы которого оканчиваются головками грифона (рис. 4, 3). Дата его — VII в. до н. э.

Из бытовых предметов следует отметить небольшие железные ножички серповидной формы, глиняные лощеные пряслица, бронзовую иглу, три бараньих астрагала и т. д.

Из украшений были встречены мелкие пастовые («рубленные») бусы голубого и белого цвета, две синие стеклянные и круглая костяная.

Могильник у хут. Кубанского как по обряду погребения, так и по характеру инвентаря относится к той же хронологической группе, что и Николаевский могильник, но по отношению к последнему несколько моложе и может быть датирован второй половиной VIII—VII в. до н. э.

³¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 459, табл. XXXVII.

Таким образом, в обоих случаях перед нами рядовые грунтовые могильники местного оседлого населения. Обряд погребения и предметы материальной культуры (керамика) связывают эти памятники с раннемеотскими могильниками Прикубанья.

Характерными признаками раннемеотских погребений являются: 1) преобладание южной ориентировки, иногда с отклонением к востоку. 2) наличие скорченных погребений, 3) небольшая глубина могил, 4) нахождение во многих погребениях галек, имевших культовое значение. Южная ориентировка и помещение галек в могилах сохраняется в меотских могильниках и в IV—III вв. до н. э.

Таким образом, обряд погребения — один из важнейших признаков при установлении этнической принадлежности населения — в раннемеотских могильниках повторяет в основном то, что мы имеем в Николаевском и Кобанском могильниках.

Кроме того, на непосредственную преемственность указывают и типы местной лепной керамики (чарки с поднимающимися кверху ручками, небольшие одноручные кувшинчики, миски), имеющие свои прототипы в сосудах VIII—VII вв. до н. э.

Вышеприведенные данные позволяют считать население, оставившее Николаевский и Кубанский могильники, непосредственными предками меотов. Совпадая по времени с концом киммерийской эпохи, они не содержат ни одной типичной киммерийской вещи: наконечники копий, кинжалы, предметы конского убора, и в частности однокольчатые удила, — местного кавказского производства³². Подтверждение этому мы находим и в спектральном анализе бронз, произведенном Е. Н. Черных. Химический состав бронз Николаевского могильника позволил ему прийти к выводу, что наиболее вероятным источником металла были месторождения Северного Кавказа; химический же состав бронз киммерийских изделий совершенно иной.

В киммерийское время у племен Северо-Западного Кавказа прослеживаются тесные связи, особенно с племенами лесостепной полосы Северного Причерноморья. Связи эти раньше всего обнаруживаются в составе бронзовых изделий, в частности принадлежностей конской узды и предметов вооружения. Так, Е. И. Крупное считает, что созданные на

³² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 104; *Он же*. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце бронзового века, стр. 112.

территории прикубанского и кобанского металлургических очагов своеобразные формы ранних удил и псалий широко распространялись на всем нашем степном юге³³. Не исключено, что развитие этих форм могло отчасти происходить под влиянием степных культур. Бронзовые наконечники копий с цельнолитой

втулкой, которые А. А. Иессен считает местного производства³⁴, встречаются и на Украине, и в Подонье. Известны находки на Украине клепаных бронзовых сосудов кавказского происхождения. Связи эти обуславливались тем, что киммерийцы, проникая в степную часть Прикубанья, вступали в непосредственный контакт с древнемеотскими племенами.

³³ Е. И. Крупное. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИД, № 68, 1958, стр. 190.

³⁴ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии., стр. 112.

В. Б. Виноградов СВЯЗИ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ СО СКИФО-САВРОМАТСКИМ МИРОМ

Должным образом оценивая известные работы Б. Б. Пиотровского и А. А. Иессена, следует, однако, подчеркнуть, что вопрос о связях Центрального Предкавказья с миром ираноязычных кочевников степей Восточной Европы впервые и окончательно был поставлен на прочную базу археологических фактов в фундаментальной монографии Е. И. Крупнова¹. На обширном материале он осветил взаимоотношения аборигенов с носителями скифской культуры в самом широком ее понимании, доказал неправомочность «скептического отношения к признанию значимости взаимодействий скифской культуры и культуры Северного Кавказа».

Со времени написания книги Е. И. Крупнова минуло 10 лет, и мы не один раз имели возможность убедиться в том, как прежде неизвестные или не принимавшиеся во внимание материалы прочно вошли в сферу исследований скифологов (А. И. Тереножкин, А. И. Мелюкова, В. А. Ильинская и др.). Резко усилился интерес к скифской проблематике и на Кавказе. Новые археологические раскопки в Предкавказье побудили, говоря словами В. И. Марковина и Р. М. Мунчаева, «еще раз и более требовательно поставить вопрос о взаимодействии названных культур»². Данная рекомендация должна быть адресована не только скифологам, но и (не в меньшей мере) самим кавказоведам. Последнее тем важнее, что отсутствие должного анализа материалов привело в целом ряде случаев к упрощенной

трактовке проблемы. Археологи и этнографы-кавказоведы, далекие по своим научным интересам от скифской тематики, нередко склонны теперь преувеличивать роль собственно скифов в местной истории в ущерб иным этническим группам — носителям общих элементов скифоидной культуры. Теперь скифскими нередко объявляются все комплексы VI—IV вв. до н. э., проявляющие сходство с кочевническими культурами³. Некоторые историки и лингвисты, пытаясь подкрепить свои построения ссылками на археологию, выдвигают тезис о том, что уже в скифское время процесс ассимиляции кобанских племен ираноязычными племенами был завершен⁴.

Между тем на современном уровне знаний можно значительно конкретизировать и уточнить наши представления о характере, направлениях и исторической обстановке связей кавказцев с обширным миром носителей скифоид-

¹ Е. И. Крупное. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

² В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИИ, вып. 100, 1965, стр. 47.

³ См., например: «Очерки истории балкарского народа». Нальчик, 1962, стр. 13—17; В. И. Горемыкина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Кабардино-Балкарской АССР. «Краеведческие записки», вып. 1. Нальчик, 1961, стр. 90—94; Б. А. Калоев. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1967, стр. 14—15; В. И. Марковин. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия). СА, 1965, № 2, стр. 160—173; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 46—47; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник (исследования 1956—1967 гг.). «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 205; М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 107.

⁴ См., например, Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966; Т. А. Гуриев. Несколько замечаний о происхождении этнического термина иг. «Изв. Сев.-Осетинского НИИ», т. XXIII, вып. 1, Орджоникидзе, 1962, стр. 122—125, а также материалы дискуссии на конференции 1966 г. по проблеме этногенеза осетин (сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967).

ных культур в целом и с его отдельными областями. Сделать это тем более необходимо, что за минувшее десятилетие багаж памятников материальной культуры скифского времени в Центральном Предкавказье без малого удвоился.

Скифские походы через Кавказ в VII — начале VI в. до н. э. привели к непосредственному контакту горцев с ираноязычными степняками. В те годы северные равнинные районы Предкавказья становятся ареной передвижений скифов в самом широком понимании этого термина, ибо в составе кочевых отрядов, побывавших здесь, были, как ныне устанавливается на базе археологических и письменных источников, и представители племен лесостепи Северного Причерноморья (см. работы Б. Н. Гракова, В. А. Ильинской, А. И. Мелюковой), и савроматов (см. работы К. Ф. Смирнова, В. Б. Виноградова) и даже кочевников Северо-Западного Казахстана (С. С. Черников).

После первого резко враждебного столкновения, о котором позволяют судить письменная античная и закавказская традиции и археологические данные (трагедия Сержень-Юртовского и многих других поселений в середине VII в. до н. э., появление в предгорьях кладов типа Жемталинского, Бештауского, Майртупского и др., частые находки скифских бронзовых наконечников стрел VII—VI вв. до н. э. в скелетах аборигенов и т. д), между пришлыми ираноязычными степняками и горцами, очевидно, устанавливаются настоятельные, но в целом мирные взаимоотношения. Судя по бытовому (поселения) и погребальным памятникам этого времени, изученным Е. И. Крупновым, кавказские племена в основном продолжали занимать места своего традиционного обитания даже в равнинной зоне бассейна Терека, хотя их культура и претерпевает некоторое изменение под влиянием кочевых соседей. По мнению Е. И. Крупнова, достаточно аргументированному данными археологии, в скифских походах принимали участие и некоторые местные племена равнин и ущелий Северного Кавказа. Все это, конечно, способствовало установлению контактов.

Доминирование (количественное и политическое) северопричерноморских этнических элементов в среде участников переднеазиатских походов отразилось и в характере сообщений письменных источников (упоминаются прямо только скифы), и в памятниках материальной культуры: в степи и в Прикубанье известны комплексы, тождественные или близкие северопричерноморским (курганы Келер-

месские, Ставропольский, Алексеевский и др.), а в могильниках местных племен заметны следы влияния раннескифской культуры Северного Причерноморья. Последние в предгорьях и горах Кавказа достаточно эпизодичны и носят в основном характер прямого импорта предметов «скифской триады» (например, бронзовая зооморфная секирка из Кисловодского могильника, бронзовые зооморфные псалии из Фаскау, каменное изваяние из Галайты, находки бронзовых котлов, фрагментов бронзовых панцирей, типичных наконечников стрел и т. п. в ряде мест Центрального Предкавказья), которые в свою очередь дают богатую пищу для подражаний (появление сделанных на месте железных акинаков, скифоидных стрел, ранних образцов скифоидного звериного стиля и пр.).

Не имея места для детального анализа этого периода скифо-кавказских взаимоотношений, хочу, однако, подчеркнуть, что для указанного времени нельзя говорить о сколько-нибудь массовом проникновении ираноязычных степняков в предгорья и горы Центрального и Северо-Восточного Кавказа.

После эпохи скифских походов характер и направление взаимоотношений аборигенов и степняков изменяются. Письменные источники не дают сведений о пребывании в Центральном и Восточном Предкавказье собственно скифов во второй половине VI—IV в. до н. э. Зато постоянными соседями на линии дальних степных подступов становятся савроматы, присутствие которых на равнинах Предкавказья фиксируется в памятниках материальной культуры.

Сейчас общепризнано, что курганные погребения в междуречье Кумы и Терека у селений Ачикулак и Бажиган с западной ориентировкой и с вещами савроматского типа являются захоронениями савроматов V—IV вв. до н. э.⁵ В 1963 г. в кургане близ сел. Этоко было исследовано впускное погребение с западной ориентировкой, обезглавленной тушкой барана и керамикой, близкой нижневолжским образцам. Савроматский характер этого памятника едва ли может вызвать сомнения⁶. Савроматскими могут считаться и курганные захоронения с широтной ориентировкой костяков и степным набором сопутствующих вещей,

⁵ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964.

⁶ В. Б. Виноградов. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. «Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ», т. XXV. Нальчик, 1967., стр. 130—131.

число которых в окрестностях Ставрополя все увеличивается.

Таким образом, очевидно, что степные районы Предкавказья севернее Терека не позднее V в. до н. э. оказались включенными в сферу савроматских кочевий.

Все более интенсивные взаимоотношения приводят к инфильтрации некоторой части степных этнических элементов в южном направлении, особенно активной на плоскости Чечено-Ингушетии, где отдельные группы кочевников достигли р. Сунжи и даже переходили ее. Возможно, что какие-то группы ираноязычных степняков избрали местом своего постоянного пребывания предгорные районы равнин, живя здесь бок о бок с местными племенами.

Именно с такими группами кочевников можно связывать подкурганные погребения на правом (южном) берегу Сунжи у селений Гойты⁷, Бамут⁸ и Мескер-Юрт⁹, а, возможно, и курганные погребения у г. Нальчика¹⁰. Являясь кочевническими захоронениями, чуждыми местным традициям, они датируются V в. до н. э. В литературе получило распространение мнение о типично скифской этнической принадлежности гойтинских, бамутского и подобных им захоронений¹¹. На поверку же оказывается, что погребальный ритуал и инвентарь гойтинских курганов воинов-меченосцев, группирующихся вокруг пышной усыпальницы богатой женщины-всадницы, похороненной вместе с рабыней, представляет достаточно сложную картину, весьма далекую от собственно скифских причерноморских стандартов¹². Правда, наблюдается определенное сходство гойтинских курганов с памятниками правобережья Среднего Приднепровья¹³. Но еще большим рядом существенных деталей (группировкой могил, типами погребальных сооружений с использованием дерева и огня, восточной ориентировкой, характером инвентаря центральной женской и окружающих мужских могил и т. п.) гойтинские курганы тяготеют к совершенно забытым при

анализе гойтинских материалов савроматским памятникам Северного Прикаспия и частично к могильникам Среднего Подонья, находя довольно близкую аналогию в курганном савроматском могильнике Пятимары I¹⁴, который хотя и удален от Гойтов далеко, но все-таки ближе районов лесостепи и степей Украины.

Признавая большую оригинальность кочевнических погребений (V в. до н. э.) у селений Гойты и Бамут и близких им захоронений у селений Кулары, Мескер-Юрт (Чечено-Ингушетия), Шалушка (Кабардино-Балкария), следует тем не менее критически относиться к попыткам их трактовки как типично скифских или украинско-лесостепных (это, кстати, не вяжется и с исторической обстановкой V в. до н. э.) и видеть в них трансформированные в силу объективных причин памятники каких-то пока неизвестных нам по имени ираноязычных степняков, скорее всего савроматского круга.

Не следует ожидать здесь материальной культуры и идеологии савроматов в их чистом виде. В районах стыка, а тем более взаимопроникновения отдельных культур могильники всегда носят смешанный характер, который в данном случае усугубляется и тем, что рассматриваемые могильники могли быть оставлены прямыми потомками той части многоплеменных орд, которая после походов VII — начала VI в. до н. э. задержалась в присунженской равнине и развивала свою культуру не по канонам своей далекой прародине, а впитывая инородные элементы культуры.

Пребывание степняков по соседству и в окружении кавказцев наложило отпечаток на культуру тех и других.

В кочевнических погребениях бассейна Терека отмечены явные элементы кавказских культур: находки мечей меотского типа (использовавшегося различными племенами Северного Кавказа) в погребениях у сел. Бажиган и г. Ставрополя; наличие в гойтинских, буматском, куларинских и других курганах вещей закавказского (большие керамические сосуды) и северокавказского (костяные наконечники стрел, браслеты, наконечники копий, лепная керамика) облика, своеобразные по трактовке образцы звериного стиля и т. д. Это подтверждается и известными фактами находок в Поволжье (вплоть до Камы) кавказского импорта или предметов, выполненных под кавказским влиянием¹⁵.

¹⁴ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 107—114.

¹⁵ См. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952; К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 265—269.

⁷ Исследованы В. И. Марковиным в 1963 г.

⁸ Исследованы Р. М. Мунчаевым в 1965 г.

⁹ Исследованы автором в 1966 г.

¹⁰ По материалам -Кабардино-Балкарского краеведческого музея.

¹¹ В. И. Марковин. Скифские курганы у селения Гойты, стр. 160—173; Е. И. Крупное. Новое в изучении древней истории Северного Кавказа. «Археологические открытия 1965 г.» М., 1966; стр. 35—36; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 46—47 и др.

¹² См. И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до н. э. «Труды ГИМ», вып. 36, 1959.

¹³ См. В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, ДІ-4, 1967.

Одновременно в памятниках местных племен, населявших равнину и предгорья, фиксируются характерные черты погребального инвентаря и ритуала степного происхождения. Причем это степное влияние в VI—IV вв. до н. э., особенно во второй половине периода, гораздо меньше зависело от самих скифов, чем от савроматов, придавших некоторые «скифские» черты культуре кобанцев.

Анализ всей суммы степных заимствований в быт и культуру кавказцев скифского времени не входит в мою нынешнюю задачу, тем более, что в основном верный анализ ее сделан Е. И. Крупновым. Я хочу обратить внимание на необходимость дифференцированного подхода к этим заимствованиям, что дает возможность с одной стороны конкретизировать историческую картину тех веков, а с другой — позволяет предостеречь от непомерного преувеличения степного вообще и собственно скифского в частности влияния на аборигенные племена VI—IV вв. до н. э.

В этой связи показательны материалы ряда местных могильников и не столько с позиции анализа погребального инвентаря, сколько с точки зрения похоронного ритуала — важнейшего признака при изучении этнической истории давно минувших эпох.

В хорошо известном по публикации Е. И. Крупнова Нестеровском могильнике VI—IV вв. до н. э. из 53 погребений четыре дают необычное для этого памятника вытянутое положение костяка на спине (№ 12, 33, 51, 55)¹⁶. Ориентация этих могил неустойчива (2 — ССВ, 1 — ЮВВ, 1—3), как и в целом по могильнику, хотя как будто бы видно тяготение к широтному положению (3—В), реже всего встречающемуся здесь. Этот инородный обряд, вместе с неоднократными случаями сооружения на могильнике курганов, кромлехов и «скифоидными» чертами инвентаря, исследователь верно связал со скифо-савроматским влиянием. К тому же и позы всех вытянутых костяков на обширном могильном поле местного кобанского этнического коллектива совершенно чужды местным традициям и уводят нас в соседний мир савроматских погребений. Атакующая поза, перекрещенные голени ног, положение костей рук на бедро и грудь — ближайшие аналогии всему этому есть у савроматов. Круглые и квадратные кромлехи, засыпка дна могилы, специально собранные валуны белого мергеля также заставляют вспомнить характерные черты савроматского погребального ритуала.

¹⁶ См. Е. И. Крупное. Древняя история Северного Кавказа, стр. 401—422.

Сходную картину видим мы и в могильнике VI—V вв. до н. э. у сел. Исти-Су¹⁷. Среди 20 исследованных могил четыре захоронения (два мужских — № 4 и 7 и два подростков — № 5 и 15) дают чуждое остальным погребениям вытянутое положение костяков на спине при юго-западной ориентировке (наиболее массовой в могильнике). Позы мужских костяков в могилах № 4 (правая рука сильно согнута и лежит на плече, левая — в области таза) и № 7 (кисти рук в области таза), западающее на правый бок положение скелета подростка и следы реальгара в могиле № 5, ориентация точно на запад вытянутого на спине костяка другого подростка вновь указывают на савроматское влияние, что подтверждается и звериным стилем найденных в могильнике предметов (гривны, поясные пряжки).

Обращаясь к западным районам Центрального Предкавказья, в частности Пятигорью, мы обнаруживаем весьма схожие факты.

В неопубликованных материалах Минераловодского могильника VI—IV вв. до н. э. (раскопки А. П. Рунича) среди 36 погребений с широтной ориентировкой сильно скорченных костяков исследованы 5 нетипичных грунтовых могил (№ 13, 16, 22, 33, 35)¹⁸. Покойники в них лежат вытянуто на спине, кисти рук уложены на пах или на грудь. Умерших сопровождал смешанный набор вещей (местные сосуды и оружие — акинак, стрелы — степного типа).

Несколько иная картина в могиле № 34. Здесь в почти квадратной яме покоился костяк женщины. Поза на левом боку со слабосогнутыми руками и ногами, головой на запад. Инвентарь (позднекобанский по своему облику) свидетельствует о богатстве погребенной (старательно вылепленные сосуды, 48 бусин, бронзовые серьги, 4 браслета, 2 перстня, железная булава с навершием в виде бараньей головы). Перед лицом покойницы (в северо-западном углу) находилась тщательно обработанная прямоугольная песчаниковая плита (35 X 29 X 8 см) с заглаженной поверхностью. На ней лежали два бронзовых браслета, плоское бронзовое зеркало (поврежденное) и круглый кусок реальгара.

И вновь со всей определенностью следует признать, что «нестандартные» грунтовые погребения Минераловодского могильника объяс-

¹⁷ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 20—69.

¹⁸ Сердечно признателен А. П. Руничу за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы его раскопок.

няются, очевидно, савроматским влиянием. В первых пяти захоронениях в пользу этого говорят прежде всего позы погребенных, а в богатой могиле № 34 — такая важная деталь, как наличие каменной плиты с куском реального и бронзовыми предметами на ней. Последняя может быть сопоставлена с хорошо известными савроматскими алтарями или жертвенниками, тем более, что знакомство аборигенов с подобным ритуальным обрядом савроматов подтверждается находками весьма близкой плиты (также с куском реального и бычьим черепом на ней) в центральном женском погребении Гойтинских курганов, обломка плиты со следами краски во впускном погребении Моздокского кургана № 2 и каменного песчаного блюда с закраинами в могиле VI—V вв. до н. э. на территории кирпичного завода № 1 в г. Армавире.

В Минераловодском могильнике найдены и предметы, имеющие сходство с савроматскими образцами (зеркала, оружие).

Примерно в 100 км южнее названного кобанского кладбища, в окрестностях Кисловодска, на Султан-Горе известен еще один могильник VII—V вв. до н. э. (раскопки А. П. Рунича), состоящий из широких прямоугольных каменных гробниц, представляющих, по Е. И. Крупнову, локальную особенность этого района. В 8-ми из 9-ти раскопанных могил покойники лежат скорченно, на боку, головой на северо-запад¹⁹. Совсем другого типа погребение 1. В узком прямоугольном каменном ящике вытянуто на спине лежал скелет мужчины головой строго на запад. Левая рука вытянута, правая уложена на нижнюю часть живота. В инвентаре представлены посуда местных форм, железный акинак с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестьем и железный наконечник копья.

Подобное «отклонение» от традиционного обряда можно объяснить как следствие контактов с савроматами. Действенность этих контактов подтверждается и наличием курганной насыпи из камней над погребением 5, а также составом погребального инвентаря, о чем будет сказано ниже.

Итак, мы рассмотрели материалы четырех могильников, находившихся на стыке равнин и предгорий Центрального и Восточного Предкавказья. Являясь памятниками местных племен, все они отразили в своем погребальном обряде бесспорный факт степного и, скорее всего, савроматского влияния. Число по-

¹⁹ См. В. Б. Виноградов, А. И. Рунич. Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС, т. III. Грозный, 1969, стр. 104—111, рис. 13, 14.

ребений, совершенных под воздействием савроматских похоронных обрядов, в целом по рассмотренным могильникам составляет около 11%. Этой картине примерно соответствуют и данные Моздокского, Пседахского и ряда новых могильников (Клин-Ярский, Алероевский, Ялхой-Мохкский и др.), лежащих в той же ландшафтной зоне. Не будет слишком большой смелостью считать, что в этом соотношении верно отразилась степень воздействия степной культуры и проникновение инородных этнических элементов в среду местных племен, обитавших по соседству с савроматами, в районе предкавказских равнин.

Факт наличия в инвентаре названных могильников изрядного числа вещей степного происхождения или выполненных под степным влиянием не должен никого смущать. Эти предметы, как правило, представляют собой элементы все той же «триады» (в основном — оружие²⁰), распространившейся в VII—IV вв. до н. э. куда дальше этнических границ ираноязычного мира степняков. Весь же остальной набор вещей в могилах сугубо местный, кавказский. Он вместе с абсолютно господствующими вариантами местного погребального обряда в рассмотренных могильниках не дает права говорить о сколько-нибудь значительной этнической или культурной ассимиляции аборигенных племен со стороны их степных соседей. Поэтому известные нам попытки преувеличения степного влияния²¹ не могут считаться основательными даже для пограничных районов.

В горах же положение и того определеннее. В многочисленных могильниках, известных в ущельях Балкарии, Осетии, Чечено-Ингушетии и исследовавшихся в разное время Е. И. Крупновым, Е. П. Алексеевой, П. Г. Акритасом и др., степное влияние не идет дальше весьма умеренного, а порою (как, например, в могильниках Восточной Осетии) даже редкого заимствования предметов все той же «триады», а изменения в погребальном ритуале (самые показательные и важные) едва заметны (например, на 161 погребение Лугового могильника приходится всего лишь 2 курганные насыпи, да и то они сделаны над сугубо местными могилами). Конечно, о степном

²⁰ Главным образом акинаки и наконечники стрел. Так, на общее число учтенных мною местных погребений скифского времени в Центральном Предкавказье (а их около 550) приходится 53 железных меча степных типов и около 80 случаев находок скифо-сарматских стрел.

²¹ В литературу был даже пушен термин «кобанско-скифская культура», подразумевающий некое взаимное этническое смешение кобанцев и «скифов».

влиянии нужно говорить и здесь, ибо материальная культура горцев претерпевает заметную эволюцию под мощным натиском передовой по тем временам и достаточно космополитичной по функциям скифской «триады». Но этническая чистота всех этих горских племен, оставивших яркие позднекобанские памятники, не вызывает сомнений, если только не смешивать в памятнике весь этнографический комплекс и заимствованные (причем зачастую не из первых рук) компоненты культуры. А примеры такой путаницы, к сожалению, есть.

Сказанное выше опровергает мнение, что ассимиляция кобанских племен горной зоны была завершена уже в скифское время. Она если и начиналась, то только в пограничных равнинных районах.

Однако вернемся к вопросу о направлении степного влияния на местные племена. Анализ особенностей погребального обряда ряда кочевнических и аборигенных могильников показал, что в V—IV вв. до н. э. это влияние исходило прежде всего от савроматов. То же говорят и импортные предметы в сугубо аборигенных комплексах. Не приходится, правда, забывать о большой близости скифоидных культур Восточной Европы. Поэтому основная масса скифоидных предметов в кобанских памятниках не поддается узкоэтническому определению. Тем существеннее оказываются вещи, особо характерные для того или иного варианта степной культуры, или такой импорт. Появление которого в горах можно с большой долей вероятности связывать с посредничеством конкретной группы обитателей степей.

Подобные предметы уже выделены в древностях Предкавказья (например: меч с костяным наконечником ножен в виде головы верблюда из Минвод, сосуды Нестеровского могильника, золотая серьга из Шалушки, многие типы бронзовых стрел, перекрестья ремней из Урус-Мартана, костяной зооморфный псалий из Кисловодска, биметаллический клевец из Перкальского могильника и т. д.). Недавно новое изучение коллекций дало дополнительные данные.

В случайно разрушенной грунтовой могиле у сел. Гунделен (КБАССР) в богатом наборе местных вещей V в. до н. э. выделяются бронзовые наконечники стрел степного типа, ананьинский клевец (это всего вторая находка в Предкавказье) и железный черешковый трехгранный наконечник стрелы явно савроматского происхождения.

При раскопках В. И. Козенковой Сержень-Юртовского поселения в 1965 г. найден брон-

зовый втульчатый трехлопастный наконечник стрелы со змейкой на крыле, находящий полные аналогии только среди стрел Блюменфельдского кургана А-12.

В погребениях VI—V вв. упомянутого выше Султан-Горского могильника найдены: железные черешковые трехлопастые наконечники стрел (в наборе бронзовых), когтевидный столбик для перекрестия ремней и длинные узкие железные ножи. Все это имеет ближайšie аналогии в памятниках Северного Прикаспия и частично Подонья.

В новом Алероевском могильнике VII—V в. до н. э. (Чечено-Ингушетия) найдена замечательная костяная обкладка рукояти ножа, украшенная изображением оскалившейся пантеры, ближайšie аналогии которой обнаруживаются только у савроматов.

Количество предметов поволжско-подонского типа можно значительно увеличить за счет случайных находок в различных пунктах края. Взятые все вместе, они со значительной долей вероятности документируют резкую активизацию связей аборигенов с савроматскими племенами Северного Прикаспия и частично населением лесостепного Подонья.

Весьма важно, что теперь наряду с прямым импортом вещей в Предкавказье выявляется большая группа изделий (особенно «звериного стиля» и воинского снаряжения), носящих «смешанный» характер, изготовленных местными мастерами под влиянием знакомства со степными и прежде всего подонско-поволжско-приуральскими образцами, их осмысления и приспособления к местным вкусам и традициям. Анализ некоторых из этих предметов уже дан в литературе²².

Все сказанное, разумеется, не снимает собственно скифского, лесостепного и любого другого из реальных северных влияний на местные племена. Они прослеживаются и иногда довольно ярко. Речь идет об определяющем факторе во внешних связях аборигенов со степным миром после эпохи скифских походов. А таким определяющим направлением представляются взаимоотношения с савроматами Северного Прикаспия, чаще с поволжскими, но порой и с южноуральскими. С дру-

²² См. В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа; В. Б. Виноградов, А. И. Шкурке. О некоторых предметах звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время. «Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических конференциях». М., 1963, стр. 37—58; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 265—269; В. Б. Виноградов. Ранние сарматы и некоторые вопросы древней истории Предкавказья. «Изв. Чечено-Ингушского НИИ», т. VI, вып. I. Грозный, 1965, стр. 185—193.

той стороны, это подтверждается и все увеличивающимся числом находок в Поволжье (включать до Камы) кавказского импорта или предметов, выполненных под кавказским влиянием.

Глубина этих связей далеко еще не понята нами. Примером может служить факт, подобный тому, как на Саратовщине был найден клык кабана с рисунком, представляющим точную копию зооморфного оформления наконечника урус-мартановского меча. А последний до недавнего времени рассматривался как уникальный. Несомненно, что будущие годы принесут немало ярких подтверждений активности савромато-кавказских отношений.

Акцентируя внимание на предпочтительности савроматского влияния в VI—IV в. до н.э., я далек от мысли изолировать или противопоставить его близким культурам соседних областей и в первую очередь культуре оседлого населения среднего Дона²³. Больше того, учитывая хорошо известное сходство в материальной и духовной культуре, идеологических представлениях и т. д. племен Подонья и Северного Прикаспия, приходится быть крайне осторожным в этнической оценке тех или иных северных заимствований в памятниках Предкавказья. Ведь многие из выделенных выше привносных элементов в погребальном обряде и инвентаре позднекобанских могил являются одинаково характерными для всех скифоидных культур Восточной Европы. Вместе с тем все увеличивается число фактов, подтверждающих активизацию контактов в V—IV в. до н. э. именно с обитателями среднего Дона. Такие из северокавказских находок, как зооморфные крючки из сел. Бажиган, ст. Казанской, городов Ейска и Хасавюрта, железные рюмкообразные подтоки из

²³ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, М., 1965.

Гойтинских курганов и Алероевского могильника, детали конской сбруи из Бажиганского погребения и Лугового могильника, есть объективное свидетельство достаточно оживленного обмена между Предкавказьем и Подоньем. Иконографическое сходство со специфическими сюжетами звериного стиля среднего Дона демонстрируют изображения зверей на наконечниках ножен из сел. Советское, Урус-Мартан и на некоторых других предметах. К тому же, оценивая реальные взаимосвязи обитателей Северного Кавказа с ананьинскими племенами, нужно постоянно помнить, что едва ли не самой удобной артерией, связывавшей эти не близкие друг другу области, был Дон, и, следовательно, маршруты транзитной торговли и обмена не могли миновать население его берегов. Да и сами савроматы, будучи кочевым и поэтому «неремесленным» народом, многими чертами своей культуры, эстетических вкусов и утилитарной практики были тесно связаны со своими западными соседями, являясь нередко потребителями и распространителями подонских культурных достижений.

Но сколь бы высоко ни оценивать вклад среднего Дона в культуру поздних кобанцев, приходится признать, что, не имея общей границы и будучи разделенными кочевьями савроматов, оседлые племена Дона и Центрального Предкавказья в своих транзитных контактах зависели от савроматов, выполнявших роль посредников и тем самым еще раз утверждая свое особое значение для истории и культуры горских этнических групп.

Долгое вхождение степного и равнинного Предкавказья в сферу влияния савроматского мира подготовило почву и предопределило в какой-то мере успех мощного расселения сарматов на Северном Кавказе в последующие века.

Дж. А. Халилов **АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
«СКИФСКОГО» ОБЛИКА
И ВОПРОС О «СКИФСКОМ ЦАРСТВЕ»
НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА**

Начало и первая половина I тысячелетия до н. э. — период окончательного разложения первобытнообщинных отношений и канун образования классовых обществ на территории Азербайджана. Его изучение имеет огромное значение в деле (выяснения вопросов, связанных с появлением здесь первых государственных образований.

Одним из кардинальных вопросов этого времени является вопрос о связях скифов с племенами, населявшими тогда территорию нынешнего Азербайджана. Основным нашим источником служит здесь сообщение Геродота о том, что «скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами и, преследуя бегущих, дошли, таким образом,

до Мидийской земли. От озера Меотиды до реки Фазиса и владений колхов тридцать дней пути для хорошего пешехода, а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живет только один народ сапиры; миновав его, будешь в Мидии. Скифы, однако, вторглись не этим путем; они уклонились в сторону и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору. Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией. Скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет»¹.

В историко-археологической литературе в настоящее время укрепилось мнение, что скифы через Дербентский проход проникли на территорию современного Азербайджана и, победив мидян, основали здесь так называемое «Скифское царство»², которое локализуется обычно в междуречье Куры и Аракса, а точнее — к югу от среднего течения Куры³.

По И. М. Дьяконову, скифы-кочевники жили сначала в Азии, потом были вытеснены во время войны с массагетами и, перейдя р. Аракс, удалились в киммерийскую землю. Причем «под Араксом здесь имеется в виду, по-видимому, Волга. Известие это, может быть, подтверждается тем обстоятельством, что в более позднее время в Албании (Северном Азербайджане) действительно существовали массагеты, которые (могли продвинуться сюда вслед за скифами в связи с общим продвижением кочевых племен»⁴.

Страбон сообщает, что саки завладели Арменией и эта область по их имени называлась Сакасеной⁵. И. М. Дьяконов помещает ее к югу от среднего течения р. Куры, приблизительно в районе нынешнего Кировабада⁶. «Саки пришли в Закавказье,— пишет он,— тем же путем, что и скифы — именно через Дербентский проход»⁷. По мнению И. М. Дьяконова, Мингечаурские грунтовые погребения с вытянутыми костяками являются смешанными захоронениями скифского (шкуда) и местного населения «Скифского царства»⁸.

Вопроса о «Скифском царстве» на территории Азербайджана коснулся и И. Г. Алиев. Он считает, что «Скифское царство» лучше называть азербайджано-скифским, ибо основная территория его, граничившая с Манной или даже захватывавшая часть ее, так или иначе должна быть расположена на территории Азербайджана»⁹.

Вопрос о походах скифов через Кавказ довольно обстоятельно освещен Е. И. Крупновым¹⁰. В последнее время этот же вопрос был предметом исследования В. Б. Виноградова¹¹. Последний (выдвигает предположение, что скифы, пройдя через Дербентский проход и вступив в соприкосновение с местными государствами, освоили какой-то район, ставший их базой в Закавказье, в междуречье Куры и Аракса и севернее от озера Урмии в Иранском Азербайджане. Что же касается «Скифского царства» на территории Азербайджана, то такового, по мнению В. Б. Виноградова, не было¹².

Под (впечатлением сведений древних авторов некоторые исследователи отнесли к скифам целую группу археологических памятников Азербайджана. Можно упомянуть С. Тер-Аветисяна, который пришел к заключению, что «палеонтология языков и памятники материальной культуры свидетельствуют о единстве культур северного района древней Армении и пограничной полосы Грузии и Албании с саками и другими разновидностями скифов и дают нам основание поставить вопрос о скифском происхождении Карабахских курганов»¹³.

Этим и исчерпываются в историко-археологической литературе высказывания о связи Азербайджана со скифами. Приведенные мнения в основном были построены на письменных источниках, которые в силу своей скудости и отрывочности не могут всесторонне осветить данный вопрос. При его решении большое значение имеют археологические материалы. К сожалению, несмотря на относительную исследованность памятников этой поры, материалов скифского облика пока известно довольно мало.

1. В ГИМ в коллекции, собранной П. С. Уваровой, хранится небольшая (высота 11 см)

¹ Геродот, I, 103—106.

² Е. И. Крупное. О походах скифов через Кавказ. ВССА, М., 1954, стр. 186—194; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 249.

³ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 249; И. Г. Алиев. История Мидии. Баку, 1960, стр. 230, прил. 5.

⁴ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 245.

⁵ Страбон, XI, гл. 8, § 2, 4.

⁶ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 251.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 253.

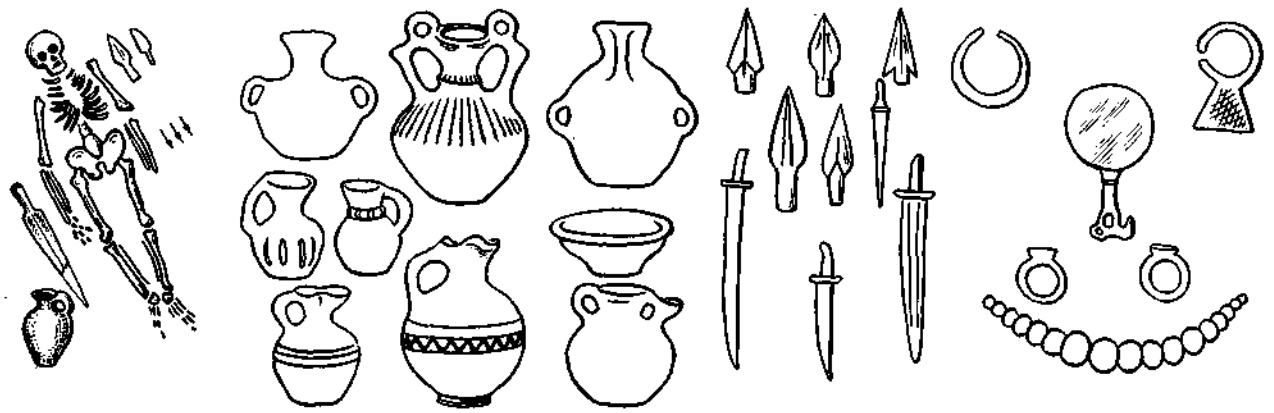
⁹ И. Г. Алиев. Указ. соч., стр. 230, прим. 5.

¹⁰ Е. И. Крупное. Указ. соч., стр. 186—194.

¹¹ В. Б. Виноградов. О скифских походах через Кавказ. «Труды Чечено-Ингушского НИИ», т. IX, 1964, стр. 27.

¹² Там же.

¹³ С. Тер-Аветисян. Памятники древности Карабаха и скифская проблема. Тифлис, 1928, стр. 25—26.

Р и с. 1.
Сводный комплекс мингечаурских грунтовых погребений с вытянутыми костяками

антропоморфная скульптура из красной глины, происходящая из окрестностей Кировабада. Верх головного убора обломан. Мягкий колпак (шапка), общий облик лица и некоторые особенности детализации изображения — расстановка миндалевидных глаз, трактовка заостренной бороды и волос надо лбом — дали возможность Е. И. Крупнову сблизить кировабадскую головку с известными изображениями скифов на электроном сосуде из кургана Кюль-Оба, на серебряном воронежском сосуде и на золотых пластинках из Аму-Дарьинского клада¹⁴. Принимая во внимание приведенные аналогии, Е. И. Крупнов датирует указанный памятник V—IV вв. до н. э.¹⁵

2. В 1896 г. при археологических раскопках А. А. Ивановского в окрестностях сел Кедабек и Калакенд в погребениях типа каменного ящика (№ 48) в комплексе инвентаря, характерного для ходжалы-кедабекской культуры, обнаружено 8 наконечников стрел «скифского» типа.

3. В 1941 г. при раскопках на Апшероне в погребении типа каменного ящика И. М. Джафарзаде опять же в комплексе материалов ходжалы-кедабекской культуры обнаружил наконечник стрелы «скифского» типа со (втулкой и шипом¹⁶. Заостренная часть стрелы была слегка согнута. Это позволяет предполагать, что стрела вонзилась в тело погребенного и при сильном ударе кончик ее согнулся. «Исходя из этого,— указывает И. М. Джафарзаде,— можно предполагать, что человек, по-

гребенный в могиле, принял участие в битвах против скифов, двинувшихся в Азербайджан через Каспийский проход в VIII в. до н. э.»¹⁷

4. При раскопках в поселении Сарытепе в Казахском районе в 1957 г. «в культурном слое было открыто впускное грунтовое погребение с вытянутым на спине костяком. В этом погребении обнаружены бронзовые наконечники стрел «скифского» типа и кривой серповидный нож. Стратиграфическое расположение погребения, а также материалы, найденные в нем, позволяют отнести его к VII—VI вв. до н. э.»¹⁸ Из Сарытепе происходит также браслет со звериными головками на концах. Его появление здесь объясняется культурно-экономическими связями с переднеазиатскими странами¹⁹.

5. Самые многочисленные находки «скифского» облика происходят из раскопок памятников Мингечаура. Они в основном обнаружены в грунтовых погребениях с вытянутыми костяками VI—V вв. до н. э.²⁰ (рис. 1). Грунтовые погребения находились в обычных четырехугольных или овальных ямах, перекрытых деревянным настилом или большими камнями и засыпанных землей. Скелеты в них лежали

¹⁴ Е. И. Крупнов. Глиняная головка «скифа» из Закавказья. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 170.

¹⁵ Там же, стр. 171.

¹⁶ А. А. Ивановская. По Закавказью. «Материалы по археологии Кавказа», VI.

¹⁷ И. М. Джафарзаде. Археологические разведки на Апшероне. «Изв. АН Азерб. ССР», 1948, № 6, стр. 88.

¹⁸ И. Нариманов. Археологические раскопки на поселении Сарытепе. «Изв. АН Азерб. ССР», 1959, № 2, стр. 36—37 (на азерб. языке).

¹⁹ И. Нариманов. Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г. Казах (Азерб. ССР). КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 138.

²⁰ С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. «Материальная культура Азербайджана», 1, 1949, стр. 9—49; Г. Ионе. Археологические раскопки в Мингечауре. Некоторые данные к вопросу о датировке грунтовых погребений. «Доклады АН Азерб. ССР», т. II, № 9, стр. 399—406.

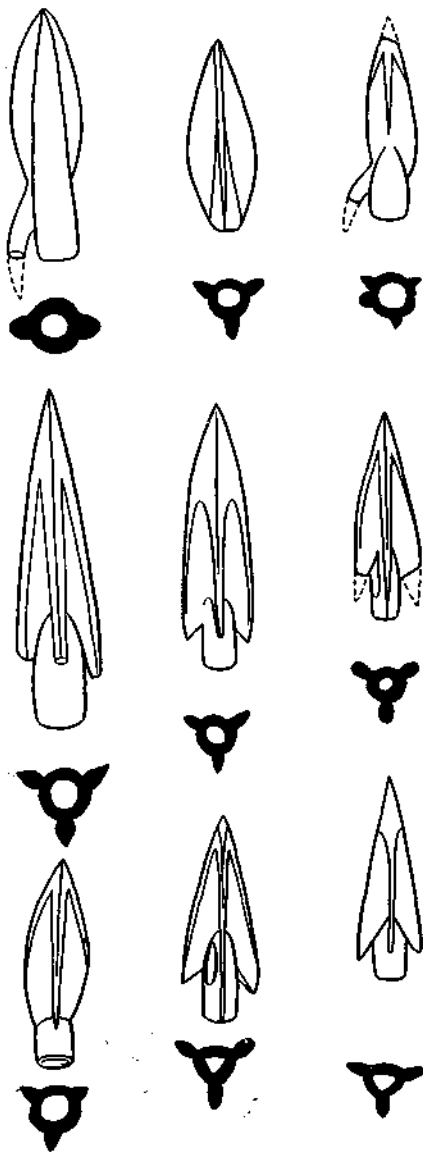

Рис. 2.
Разновидность наконечников стрел «скифского» типа, обнаруженных при раскопках в Мингечауре

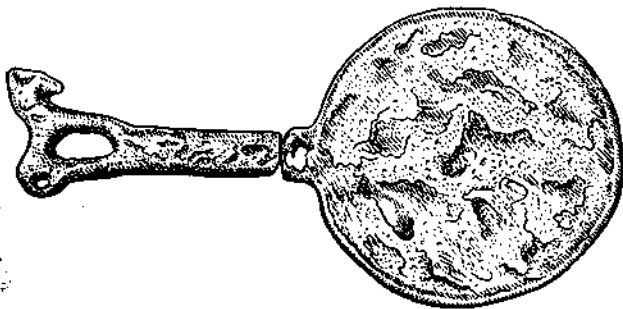

Рис. 3.
Зеркало

в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад.

Инвентарь погребений состоял из различного рода глиняных сосудов местного производства. Это маленькие красноглиняные горшки с окрашенной поверхностью, кувшины с воронкообразным, иногда трехлепестковым венчиком или же трубчатым носиком, миски и т. д.

Кроме глиняных сосудов, Мингечаурские грунтовые погребения с вытянутыми костяками дали предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел и т. д.), различного рода украшения (подвески, пуговицы, пряжки, зеркала бронзовые с ручкой, заканчивающейся фигуркой животного, бронзовые пластинчатые предметы в виде «девятки» бронзовые кольца, перстни-печати, широкие бронзовые пояса с изображениями, бронзовые браслеты с утолщенными и разведенными концами в виде змеиных или зооморфных головок и т. д.).

Самыми многочисленными находками «скифского» облика являются наконечники стрел. В некоторых погребениях их обнаружено до сорока штук²¹. Они имеют различные формы (рис. 2): трехгранные втульчатые с резко выраженными гранями, на некоторых втулках имеются шипы; двугранные втульчатые с шипом на втулке. Встречаются также костяные наконечники стрел, граненые, дающие в сечении ромб с удлиненными углами, и втульчатые круглого сечения с утолщением у конца острия.

Металлографические исследования некоторых бронзовых наконечников «скифского» типа показали, что они изготовлены путемковки и литья²².

Скифское происхождение бронзовых зеркал с ручкой, завершающейся звериной головкой, бесспорно (рис. 3).

В итоге становится ясно, что большинство находок «скифского» облика на территории Азербайджана составляют предметы вооружения и украшения. Что касается бытовых предметов и орудий труда, то они не встречаются вовсе.

Следует указать, что наконечники стрел «скифского» типа считаются не только скиф-

²¹ Г. И. Ионе. Указ. соч., стр. 405.

²² Наконечники стрел «скифского» облика подробно описаны в статье Г. И. Ионе «Мингечаурские разновидности наконечников стрел «скифского» типа» («Материальная культура Азербайджана». III, 1953, стр. 81—98).

скифами, но и индийскими²³. Существует также мнение о местном изготовлении подобных стрел²⁴. О происхождении браслетов с концами в виде звериных головок в литературе также не имеется единого мнения. Их связывают, кроме скифов, с ахеменидской культурой²⁵, к чему присоединяется и автор.

Таким образом, предметами бесспорно скифского происхождения остаются только зеркала.

В литературе Мингечаурские грунтовые погребения с вытянутыми костяками часто считают скифскими. Основанием для этого служат находки предметов «скифского» облика в составе инвентаря. Однако исследования показывают, что наряду с предметами «скифского» облика здесь преобладают вещи местного происхождения. Принадлежности этих погребений к скифским противоречит и тот факт, что в большей части мингечаурских могил находятся женские скелеты. По сведениям же Геродота, на территории Азербайджана были в основном скифы-воины.

Были проведены антропологические исследования черепов из Мингечаурских грунтовых погребений с вытянутыми костяками. Антрополог Р. М. Касумова изучила 21 череп (15 мужских и 6 женских)²⁶ и установила антропологическую общность между ними. По ее заключению, эти черепа относятся к европейской расе, по черепному указателю среди них преобладают долихокраны, однако лицо несколько шире. Такая же картина наблюдалась при исследовании черепов из синхронных погребений Самтаврского могильника. Здесь черепа также отличаются своей массивностью. М. Г. Абдушелашвили определяет их «как видоизмененный и евроафриканский» тип, сохранивший некоторые черты «протоевропеоидного типа»²⁷. По мнению Г. Ф. Дебеца, черты протоевропеоидного типа сохранились сре-

ди скифов дольше, чем в Средиземноморье и в Закавказье. Сравнительный анализ черепов из Мингечаура с сериями скифских черепов из Нижнего Приднепровья и Восточного Памира дал возможность Р. М. Касумовой прийти к заключению, что «между скифскими черепами и черепами скифского времени из Мингечаура имеются значительные отличия»²⁸. По ее мнению, мингечаурские черепа рассматриваемой группы сходны с черепами из Передней Азии, выделенными В. В. Бунаком в третью группу²⁹. Таким образом, принадлежность мингечаурских грунтовых погребений с вытянутыми костяками скифам вызывает большое сомнение.

Несмотря на то что письменные источники, казалось бы, дают основу для утверждения о наличии «Скифского царства» в Азербайджане, археологические материалы, имеющиеся в распоряжении исследователей, ставят под сомнение данную точку зрения. Среди находок из Азербайджана той поры предметы «скифского» облика занимают очень незначительное место. Учитывая отсутствие характерной керамики (чарки, грушевидные корчаги, миски и др.) и других бытовых предметов, по сравнению, например, с Северным Кавказом, можно предположить, что скифы не осели в Азербайджане в сколько-нибудь значительном числе. Они находились здесь недолго и не могли оказать существенного влияния на культуру местного населения.

Вероятно, скифы имели здесь какую-то опорную базу, где после очередного похода они приводили в порядок свое войско и готовились к следующим набегам. Допустимо, что скифы имели здесь гарнизоны для охраны военной добычи и дани. Но сколько-нибудь ощутимых признаков «Скифского царства» в Азербайджане нет. Да скифы, вероятно, и не нуждались в нем. Скифские походы на восток характеризуются не захватом новых земель, а грабежом и сбором дани. Об этом свидетельствует сообщение Геродота, что «скифы господствовали в Азии двадцать семь лет и все опустошили своими буйством и излишествами. Ибо, кроме того, они, помимо дани, совершали и набеги и грабили то, что было у каждого народа»³⁰.

²³ Р. М. Касумова. Антропологические исследования черепов из Мингечаура, стр. 28.

²⁴ Р. М. Касумова. О краниологических материалах..., стр. 46.

³⁰ Геродот, I, 106.

²³ Б. Б. Пиотровский. История культуры Урарту. Ереван, 1940, стр. 303; Г. И. Ионе. Мингечаурские разновидности наконечников..., стр. 86; С. М. Казиев. Указ. соч., стр. 27.

²⁴ И. Г. Ионе. Мингечаурские разновидности наконечников..., стр. 92.

²⁵ И. Г. Нариманов. Некоторые данные о древнем поселении..., стр. 138.

²⁶ Р. М. Касумова. О краниологических материалах из раскопок в Мингечауре. «Вопросы истории Кавказской Албании». Баку, 1962, стр. 45—46.

²⁷ Цит. по кн.: Р. М. Касумова. Антропологические исследования черепов из Мингечаура. Баку, 1960, стр. 22.

VI. САРМАТЫ

А. П. Смирнов К ВОПРОСУ О МАТРИАРХАТЕ У САВРОМАТОВ

Вопрос о матриархате у савроматов получил положительное разрешение еще со времени античности. В новой литературе этому вопросу тоже посвящен ряд произведений. Здесь следует отметить вышедшую в 1947 г. в ВДИ статью проф. Б. Н. Гракова «Женууправляемые», в которой дан краткий, но исчерпывающий анализ сведений античных источников и археологических данных, известных в науке в то время.

Не так давно вышло из печати капитальное исследование К. Ф. Смирнова «Савроматы»¹, в котором дана развернутая характеристика общественного строя у этих племен. Автор привел неоспоримые данные о высокой ступени их общественного развития. Это общество знало и экономически сильный, господствующий слой, и массу общинников, в той или иной мере зависимых от богатых членов рода. Автор проследил историю формирования военной демократии у савроматов², отметил значение войн в их экономической жизни, подробно остановился на организации войска, состоявшего из пеших и конных воинов, и на вооружении. Им отмечено существование военных дружин, племенной аристократии. Если исходить из принятых археологических признаков, то перед нами патриархальное общество.

Вместе с тем автор этого ценного исследования отмечает черты архаизма общественно-го строя³, известного нам по сведениям античных авторов. Этот архаизм, по мнению К. Ф. Смирнова, сказывается в свободном выборе мужа (в легкости заключения и расторжения брака) и в воинственности савроматских женщин.

Правда, для классического материнского рода воинственность женщин не являлась обязательным условием, тем не менее все исследователи на это обращают внимание.

Уже в ранний период савроматской истории Псевдо-Гиппократ отмечал, что воинственность

женщин свойственна девушкам до брачного-возраста. После выхода замуж савроматская женщина перестает ездить верхом, стрелять из лука и метать дротики, пока не явится необходимость поголовно выступать в поход. По-видимому, те отношения, которые обычно отмечаются как матриархальные, были уже у савроматов в значительной мере в прошлом. Подобные отношения известны в то же время у саков и массагетов. Древние документы много раз упоминают женщин, стоявших во главе племен или государств. Геродот пишет о царицах Семирамиде и Нитокриде. Библия отмечает царицу Савскую и Гофолию — царицу иудейскую. Во главе массагетов в VI в. стояла царица Томирис, в битве с войсками которой пал Кир. Археологи знают погребения женщин с оружием не только у савроматов, но и у скифов. В средневековье известны женские погребения с оружием у алан. Н. В. Трубникова отмечает их у мордовских племен. Известны они и в золотоордынскую эпоху. А. П. Шилов справедливо высказал сомнение в правильности установления матриархата или его пережитков по наличию вооруженных женщин.

Материнский род характеризуется другими чертами. Прежде всего надо отметить руководящую роль женщин в хозяйственной жизни, равенство членов рода, матриликальный брак, счет родства по линии матери и соответствующие права наследования. Кроме того, надо отметить роль женщины в области религии, где ее значение сохраняется весьма долго, когда уже никакого отношения к матриархату не имеет. Поэтому для решения вопроса о существовании материнского рода привлекать погребения женщин с жертвенниками не следует. Такие захоронения есть у савроматов и у скифов.

Если сравнивать общество савроматов и скифов, то между ними можно найти много общих черт. Погребения родовой аристократии представлены в обоих случаях богатыми мужскими захоронениями с набором оружия и дра-

¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964.

² Там же, стр. 210.

³ Там же, стр. 200.

тоценных вещей. В обоих случаях есть погребения богатых женщин, причем иногда с оружием. У савроматов (которые, правда, изучены значительно лучше скифов) число таких погребений достигает 20% от общего числа погребений с оружием. У скифов известны погребения богатых мужчин, захороненных вместе с женщинами. Подобные захоронения известны и у савроматов. Так, в могиле 35 Калиновского могильника было обнаружено парное захоронение мужчины и женщины, причем рука женщины покоилась в руке мужчины. В кургане 31 у г. Энгельса было обнаружено парное захоронение; правда, пол второго погребенного определен не был.

Если подходить с существующей точки зрения к савроматскому археологическому материалу и не учитывать античных преданий, то общество савроматов перед нами предстанет как общество патриархальное.

Легенды об амазонках были весьма популярны в Греции, так же как и легенды, введенные в историческую науку Геродотом и другими авторами древности. Однако следует ли так прямолинейно принимать эти сведения и восстанавливать на их основе исторический процесс? По-видимому, этого делать нельзя. В исторической науке фольклор считается историческим источником. Но этот материал крайне сложен и противоречив. На основании его можно только отметить большую роль женщин в жизни савроматского общества, что находит подтверждение в погребениях жриц и женщин-воинов. Однако у нас нет данных, позволяющих говорить об этих явлениях в связи с пережитками материнского рода. Вопрос об этом может быть разрешен только при сопоставлении с материалом предшествующего времени — эпохи бронзы.

Как убедительно показано К. Ф. Смирновым, савроматы сформировались в среде срубных и андроновских племен. Если легенды об амазонках свидетельствуют о пережитках матриархата, то в эпоху бронзы эти пережитки должны проступать более ощутимо и роль женщины должна быть более значимой.

Степень изученности обеих культур (срубной и андроновской) дает все основания рассчитывать на правильную характеристику общественных отношений в предсавроматскую эпоху. Большинство исследователей относят срубную культуру к стадии патриархального общества. Об этом можно судить по ряду признаков, основным из которых являются погребальные сооружения. В качестве типичного примера можно привести курган 5 у с. Ягодного Куйбышевской области, исследованный

Н. Я. Мерпертом. Там под курганной насыпью был открыт жертвенник, окруженный двумя кругами погребений. Во внешнем ряду находилось захоронение, выделявшееся из числа других глубиной могильной ямы, перекрытой двойным накатом. В яме лежал костяк мужчины, сопровождаемый сосудами, выделявшимися размерами и отделкой. Это погребение, по мнению исследователя, принадлежало главе общины. Вокруг его могилы прослежены остатки жертвенных костров. В этом же ряду, где лежал вождь, располагались мужские погребения с большей глубиной ям и наличием накатов. Во внутреннем кругу находились могилы женщин и детей.

Таких курганов, свидетельствующих о патриархате, можно привести значительно больше. В этом отношении интересен курган 23 между Кайбелами и Красной Звездой, где наряду с характерными срубными погребениями в могиле 25 лежал костяк женщины, вытянутый на спине головой на восток, с резко согнутыми в коленях ногами и согнутыми в локтях руками. На костяке был найден бронзовый браслет, состоявший из квадратных пластинок. Это погребение, как справедливо отметил Н. Я. Мерперт, принадлежало иноземке, по-видимому, абашевке и, видимо, может документировать патрилокальный брак. В том же кургане 23 было найдено расчлененное погребение, совершенное по другому обряду захоронения, не свойственному срубникам. По-видимому, здесь тоже был погребен иноземец. В другом погребении (№ 26) этого кургана в глубокой яме костяк мужчины лежал скорченно на левом боку, головой на север, в сопровождении обычной срубной посуды. Выше костяка были открыты остатки сожжения с сосудом, который Н. Я. Мерперт не относит к числу срубных. Это либо жертвоприношение, либо погребение выходца из другого племени — выходца, связанного определенным образом с покойником, лежавшим на дне ямы, может быть, жены его. Иначе говоря, это явное свидетельство наличия патрилокального брака. Небезынтересен курган 4 у Хряшевки, в котором отмечено два различных обряда захоронения: скорченное положение и расчлененное, при наличии сосудов как типично срубных, так и абашевских и андроновских. Если обряд захоронения может свидетельствовать о проникновении в данную этническую среду чужеземных и мужчин и женщин, то наличие чуждой посуды свидетельствует о присутствии чужеземок-женщин, которые на новом месте делали посуду по обычаю своей родины. Покойный исследователь Урала К. В. Сальников

отметил находку у хутора Кошкара близ Ишимбая (1934 г.) семейной усыпальницы. Там в кургане был открыт мужской костяк, лежавший головой на северо-запад, в скорченном положении, с типично срубным сосудом, а рядом женский костяк головой на северо-восток, в сопровождении сосуда андроновского типа⁴. Детские погребения в том же кургане сопровождалась срубными сосудами. К. В. Сальников пришел к следующему выводу: «Таким образом в мужской и детских могилах была поставлена посуда срубных форм, а в женской — сосуд настолько выдержанного андроновского типа, что в погребенной следует видеть женщину-андроновку, которая попала в среду срубного населения в порядке патрилокального брака и здесь изготовляла посуду по обычаю своего племени».

Находки андроновской и абашевской посуды нередки на поселениях срубной культуры. Это также косвенно говорит о наличии женщин, попавших в среду срубных племен, по-видимому, в качестве жен. Сложные межплеменные отношения эпохи бронзы подготовили почву для формирования больших племенных союзов, что и привело к сложению савроматской общности. К. В. Сальников, характеризуя андроновскую культуру, отметил подчиненное положение женщины, типичное для патриархата и прослеженное во многих могильниках этой культуры. Там, где имеются погребения, совершенные по обычаю трупоположения, обнаружены парные захоронения. Он пишет, что есть могильники, в которых до 45—65% погребений взрослых падает на могилы с совместными захоронениями мужчин и женщин.

Все памятники срубной и андроновской культуры свидетельствуют о прочно сложившихся патриархальных отношениях. В археологических материалах нет данных, позволяющих говорить о большой роли женщины в хозяйственной и общественной жизни. У нас нет поводов говорить о наличии матрилокального брака в эту эпоху. Наличие черт общества, свойственных матриархату в эпоху

⁴ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 21.

раннего железного века, могло бы иметь место, если бы в силу каких-то причин перешли от более высоких форм общественной жизни к более примитивным. Однако такого явления никто из исследователей не отмечает. В эпоху раннего железного века мы видим дальнейший прогресс в жизни савроматского общества. Это заметно и в области производительных сил и общественных отношений. На грани железного и бронзового веков произошел переход к кочевому скотоводству, что в тех исторических условиях представляло большой шаг вперед. Характер вооружения, его количественная сторона исключают возможность говорить о регрессе. Как прекрасно доказано К. Ф. Смирновым, в это время складывается строй военной демократии. Савроматы принимают участие в далеких походах. В этих условиях, когда в кочевьях оставались несовершеннолетние, старики и рабы, сильно возросло значение женщины. И археологические памятники отражают роль женщины в этом обществе, в его хозяйственной и общественной жизни и ее почетное положение. Это было свойственно не только савроматам, но и другим, может быть, всем обществам, пережившим стадию военной демократии. По-видимому, число женоуправляемых племен было значительно больше. Ведь и легенда о женах скифов, не дождавшихся мужей, с одной стороны, отражает такие восстания в скифском обществе, а с другой — свидетельствует о большой самостоятельности скифских женщин. Вероятно, нет оснований считать гинекократию савроматов пережитком материнского рода. По-видимому, это вторичное явление, связанное с особыми условиями варварского или раннерабовладельческого общества, когда свободное взрослое мужское население занято грабительскими походами, руководство всем хозяйством, забота о безопасности кочевого дома и стада обеспечивались женщиной. В этих условиях должны были формироваться женские отряды, что нашло отражение в сведениях древних авторов, в легендах об амазонках и в произведениях вазовой живописи. Все эти данные легли в основу теории матриархата у савроматов.

Античные письменные источники свидетельствуют, что сарматы установили свое политическое господство в степях Северного Причерноморья путем последовательных вторжений в Скифию. Известный отрывок из Диодора о том, что савроматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»¹, не говорит точно о времени этого кровавого вторжения, положившего начало сарматскому периоду в истории Северного Причерноморья. Нет этого указания и у Плиния, сообщающего о массовом переходе через Танаис ряда сарматских племен, среди которых упоминаются и сатархеи². Эти последние, судя по сведениям Помпония Мелы³, заняли степи на Крымском побережье Сиваша. Занимаясь морским разбоем, они захватили о. Белый, откуда были изгнаны во времена Скилура Посидея, сыном Посидея, посвящение которого Ахиллу Понтарху в Неаполе Скифском⁴. Полибий описывает современное ему событие 179 г. до н. э. — заключение мирного договора между рядом государств Малой Азии, в котором принял участие царь европейских сарматов Гатал⁵. Таким образом, уже в первой четверти II в. до н. э. сарматы выходят на широкую историческую арену древнего мира, принимая участие в войнах, ведущихся за пределами Северного Причерноморья, в степях которого сарматы уже в то время занимали прочные позиции.

Археологические данные находятся в полном соответствии с указаниями письменных источников. Именно ко II в. до н. э. относится возникновение на нижнем Днепре ряда скифских поселений с укреплениями, что связано с усилением сарматской угрозы. И с этого времени по всей территории степей между Доном и Днепром распространяются сарматские курганные погребения, в том числе богатые «клады», чаще всего представляющие те же погребения сарматской конной аристократии.

Этноним «сармат» становится известным античному миру по крайней мере уже с III в. до н. э.⁶ Он еще долго подменяется у антич-

ных писателей этнонимом «савромат», что бесспорно свидетельствует о генетической связи этих племен.

Массовому завоеванию Скифии, относящемуся, вероятно, ко II в. до н. э., предшествовал период постепенного проникновения к западу от Дона отдельных сарматских групп, вышедших из большого массива савроматских племен.

Известно, что во времена Геродота савроматы жили за Танаисом — Доном. Их отношения со скифами носили в основном мирный характер, обеспечивающий нормальное существование большого сухопутного торгового пути скифов на Восток, идущий через земли савроматов. Их союзнические отношения отражены в сообщении Геродота о войне с Дарием.

Уже при Геродоте степи, прилегающие к Танаису, прочно не были закреплены за скифами, о чем можно судить из сообщения Геродота о расселении царских скифов. Их постоянной границей на востоке в то время было «торжище при Меотийском озере, называемое Кремнами», а далее лишь «частью... их владения простираются до реки Танаиса»⁷. Надо думать, что на этом пограничье сталкивались интересы скифов, приазовских меотов и, вероятно, савроматов. Недаром вскоре после Геродота, к концу V в. до н. э.⁸, относится упоминание о савроматах в Европе в трактате Псевдо-Гиппократов «О воздухе, водах и местностях», 24: «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его — савроматы».

Как ни плохо изучено в археологическом отношении Северное Приазовье, все же нам известно погребение на западном побережье Дона близ Ново-Черкасска у хут. Краснодворского (рис. 1) с каменным жертвенником,⁹ типичным для савроматов времени трактата Псевдо-Гиппократов. Мы склонны связывать с савроматами и некоторые впускные курганные погребения правобережья среднего Дона, например погребение 1 в кургане 7/28 Мастюгинского могильника, не противоречащие по обряду бедным савроматским погребениям. Оно содержало в инвентаре типичный савро-

¹ Диодор, II, 43(7).

² Плиний, VI, 22.

³ Помпоний Мела, II, 2, 3, 4.

⁴ IOSPE, I, 244.

⁵ Полибий, XXV, 2.

⁶ Теофраст. О водах, фр. 172.

⁷ Геродот, IV, 20.

⁸ Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953.

⁹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 366, рис. 74, 8.

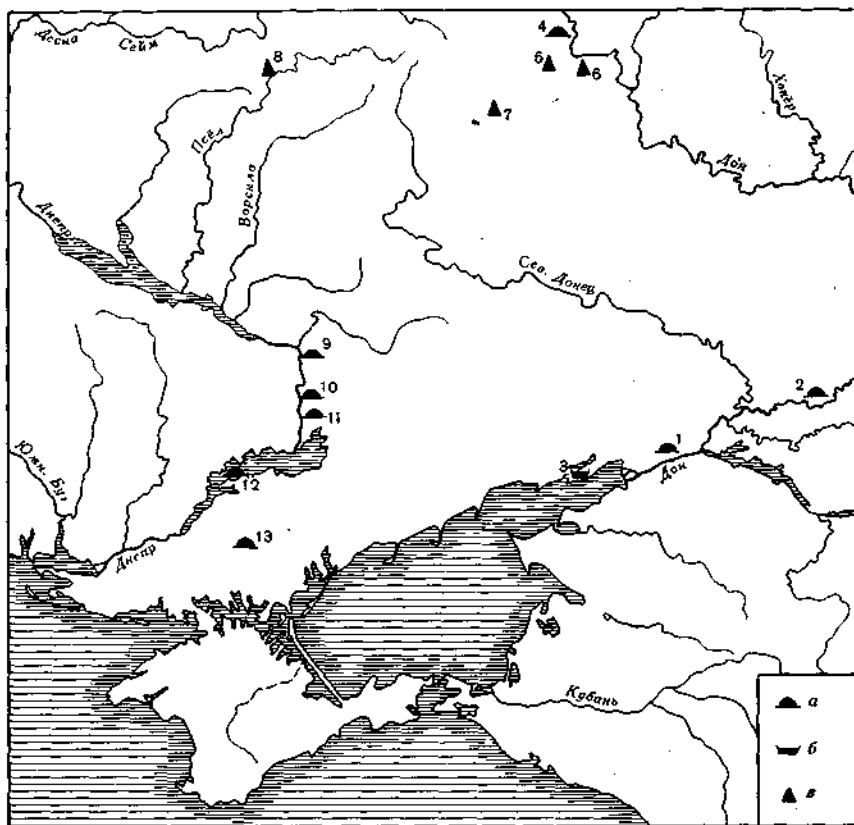

Рис. 1.

Некоторые савроматские и раннесарматские памятники между Доном и Днепром

Условные обозначения: а — курганные погребения; б — грунтовый могильник; в — отдельные находки; / — хут. Краснодворский; 2 — хут. Красноуховский; 3 — Беглицкая коса; 4 — сел. Мастюгино; 5 — сел. Русская Тростянка; 6 — Острогжский уезд; 7 — сел. Веселое; 8 — сел. Битица; 9 — дер. Вороная; 10 — сел. Михайловка; 11 — Днепрострой; 12 — сел. Ушкалка; 13 — сел. Верхние Серогозы

матский горшок¹⁰. Савроматы, проникавшие западнее Дона сначала в незначительном количестве, вряд ли могли оставить заметные следы в археологии Подонья. Кроме того, в районах, характерных для стыка разных племен, мы обычно имеем смешанный характер культуры, трудно этнически различимый.

Античные письменные источники IV в. до н. э. также позволяют предполагать, что некоторые савроматские племена этого времени жили и на правом берегу Дона, хотя основная их масса кочевала за Доном. Вероятно, Эфору были известны савроматы в Европе, как думал М. И. Ростовцев¹¹, основываясь на извлечениях из IV книги Эфора $\epsilon\upsilon\beta\omega\tau\eta$, приведенных у Страбона¹². Здесь вместе со ски-

фами упоминаются савроматы, отличающиеся от скифов дикими нравами. Перипл, положенный Эфором в основу своей трактовки побережья Черного моря, современен периплу Псевдо-Скилака, хотя и не тождествен ему¹³. Последний, как известно, был составлен около 338 г. до н. э. и в нем ярко сказывается интерес автора к восточной части Северного Причерноморья. В разделе «Европа» ближайшими соседями скифов, т. е. где-то в Приазовье, упоминаются сирматы: «За скифами сирматы-народ и река Танаис»¹⁴. Это упоминание савроматов в новой транскрипции, как отмечает М. И. Ростовцев, не приходится объяснять вставкой¹⁵. Ведь такое же упоминание мы видим и у старшего современника Псевдо-Скилака — Эвдокса из Книды (368—

¹⁰ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, ДІ-31, 1965, стр. 51, табл. 6, рис. 6 и 13.

¹¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 25.

¹² Страбон, VII, 3, 9.

¹³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 26.

¹⁴ Псевдо-Скилак, § 68.

¹⁵ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 25, III.

365 г. до н. э.): «Вблизи Танаиса живут сирматы» (фр. кн. I у Стефана Византийского). Все это позволяет считать, что и сведения Эфора о присутствии савроматов в Европе вполне достоверны.

В этом отношении весьма интересны свидетельства Помпония Мелы. Он автор I в. н. э., но его этнографическая характеристика была построена на старом материале ионийских географов и Эфора¹⁶. В передаче Помпония Мелы «савроматы, одно племя, но разделенное на несколько народов с разными названиями¹⁷». Они владеют берегами Танаиса и прибрежными местностями¹⁸.

Наконец, савроматы занимают область по обе стороны Дона и у Дионисия Периегета (II в. н. э.) в его «Описании населенной земли»: «Европу от Азии отделяет посередине Танаис, который, катясь через землю савроматов, течет в Скифию». Этот автор римского времени дает эллинистическую географию Причерноморья в сочетании с более древней картиной размещения племен¹⁹. Живущие по Танаису савроматы у него не новые завоеватели — сарматы, а «славный род воинственно-го Ареса», происшедший от «могучей любви амазонок»²⁰, т. е. та самая западная часть савроматов, которая, вероятно, соответствовала сирматам.

Подавляющее большинство историков и лингвистов видят в сирматах, перешедших на западный берег Дона, савроматов или сарматов как передовую группу нового ираноязычного народа. Единственным противником этой точки зрения оказался Ф. Браун²¹, который пытался объяснить этноним *sarmatae* с финно-угорского, хотя и признавал, что этническое название *сирматы* на иранской почве возможно. Это тем более вероятно, что Плиний²² называет племя *Sarmatae* среди многочисленных племен Средней Азии, бассейна Амударьи (Окса), населенных в те времена ираноязычными народами. Признавая будинов — северных соседей савроматов финноязычным народом, Ф. Браун считал, что сирматы ничего не имели общего ни со скифами, ни с сарматами: они составляли крайнюю южную часть финских будинов. Однако финноязычность будинов и тем более сирматов основана лишь на

сближениях этнонимических данных «по звучанию», без учета действительной исторической и языковой подосновы этих явлений, что неизбежно приводит, как справедливо считают современные языковеды, к неудачам и ошибкам в этнонимических изысканиях²³. Бытование в древности угро-финских названий в степях Приазовья никем не доказано. Судя по новейшим данным лингвистики, они не доходят до Приазовья и нижнего Дона, локализуясь преимущественно в Окском бассейне и в меньшей степени в северной части Донского бассейна²⁴.

Точка зрения Ф. Брауна на сирматов не была поддержана его современниками, а многие его попытки установления генетических связей между древними и более поздними народами (в том числе и связь будинов с предками современных удмуртов) подверглись резкой критике (например, со стороны Ю. А. Кулаковского)²⁵. Негативное отношение к гипотезе Ф. Брауна, отрицающего связь сирматов с сарматами, высказал и такой крупнейший знаток скифоведения, как М. И. Ростовцев²⁶.

Обратимся к археологическим материалам, к сожалению, весьма скудным, по Северному Приазовью и западному побережью нижнего Дона интересующего нас времени. Ко времени Эфора и Псевдо-Скилака можно отнести курганное погребение у хут. Карнауховского (рис. 1)²⁷. Его обряд не противоречит савроматскому, а состав инвентаря свидетельствует о тесных связях со средним Доном и еще более — с дельтой Дона. Найденные около кургана две каменные бабы²⁸ не похожи на скифские; они чужды и среднедонским памятникам, приписываемым будинам. По схематической трактовке человеческих фигур оба изваяния входят в небольшую группу савромато-сарматских «каменных баб», найденных в Поволжье и Южном Приуралье. Они же известны в дельте Дона, например в курганной группе «Пять братьев» у Елизаветовской станицы²⁹ и в Танаисе.

¹⁶ Там же, стр. 98, 99.

¹⁷ Помпоний Мела, I, 116.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Дионисий Периегет, 14—22.

²⁰ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 80—81.

²¹ Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 85—87.

²² Л. Линий, VI, 16, 48.

²³ Л. И. Попов. Основные проблемы изучения этнонимии СССР. «Питания ономастики», Київ, 1965.

²⁴ М. Н. Морозова. Гидронимия Тамбовской области. «Питания ономастики». Київ, 1965, стр. 199.

²⁵ Ю. А. Кулаковский. Рец. на работу Ф. А. Брауна «Разыскания в области готских отношений». ЖМНП, 1901, № 2, стр. 500 и сл.

²⁶ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 26.

²⁷ И. И. Ляпушкин. Курганный могильник близ Карнауховского поселения. МИА, № 62, 1958, стр. 317 и сл.; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 344, рис. 50, 7.

²⁸ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 318, рис. 3.

²⁹ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. «Изв. Ростовского обл. музея краеведения», № 6(3), 1959, стр. 16 и рис. 2, 12 на стр. 21.

На этом основании я считаю возможным связать Карнауховское погребение с наиболее западной группой сарматов (сирматов), поселившихся на правом берегу нижнего Дона.

К этому же времени относится грунтовый могильник на Беглицкой косе Азовского моря западнее г. Таганрога (рис. 1). В 1956 и в 1958 гг. И. С. Каменецкий³⁰ раскопал здесь 10 погребений IV—III вв. до н. э. с устойчивым обрядом в катакомбах II скифского типа по классификации Б. Н. Гракова³¹. Этот тип могилы хорошо известен у степных скифов, и основной инвентарь могил, сильно эллинизированный, имеет скифо-меотский облик. Однако некоторые детали в позах погребенных, наличие кусков мела, большого числа мелких бус на груди и в районе ног весьма характерны для сарматского населения этого времени. Да и сама форма катакомбы за последние годы все четче и четче выявляется также и у сарматов IV—II вв. до н. э. в Поволжье и Приуралье³². Поэтому можно предполагать, что могильник на Беглицкой косе принадлежал оседлому смешанному населению, в состав которого входили и жившие по Азовскому побережью сирматы.

Европейских савроматов Псевдо-Гиппократа — Эфора и сирматов Псевдо-Скилака я рассматриваю как одно из племен савроматского мира, живших в приазовских степях, т. е. на восточных окраинах Скифии, прочно ей не принадлежавших даже во времена Геродота. Вряд ли это было завоевание. Скорее речь идет о переселении с добровольного согласия скифов, могущество которых в IV в. до н. э. еще сохранялось, несмотря на военные неудачи на Дунае и гибель царя Атея в 339 г. до н. э.³³ С другой стороны, это переселение могло быть и вынужденным, связанным с событиями в среде савроматских племен Северного Прикаспия. В IV в. до н. э. в этой области происходит большая перегруппировка племен, отраженная в сложении новой, прохоровской культуры, которая захватывает бо-

лее широкие области, чем савроматская. Возникнув в среде кочевников Южного Приуралья, она быстро распространяется на запад вплоть до левого берега Дона. Носители ее — в значительной мере новые племена, смешавшиеся с савроматами. Их появление в Поволжье, вероятно, связано с военными столкновениями внутри савромато-сарматского мира. В результате этих войн западная часть савроматов, издревле связанная с меотами Приазовья, переселилась на новые земли к западу от Дона. Основная линия отношений савроматов со скифами в IV в. до н. э. — сохранение мира и союза. Эта гипотеза может объяснить появление савромато-сарматских элементов в могильнике Беглицкая Коса и в курганном Никопольском могильнике в центре степной Скифии на Днепре (случаи погребений с расчлененными тушами баранов, женские могилы с оружием, меч савроматского типа без металлического навершия). Они, вероятно, отражают брачные союзы скифов и савроматов³⁴. Ряд погребений молодых вооруженных женщин обнаружен В. И. Ильинской в курганах около г. Борисполя. Одним из возможных объяснений этого явления, как пишет В. И. Ильинская, «могут служить брачные союзы скифов с савроматскими женщинами»³⁵.

Возникновение и распространение прохоровской культуры я связываю с расселением новых сарматских племен как внутри территории савроматов, так и за ее пределами. Отдельные элементы прохоровской культуры встречаются и в Северном Причерноморье. Западнее среднего Дона появляются мечи прохоровского типа, например в курганном могильнике у с. Русская Тростянка³⁶; в б. Острогужском у. Воронежской губ.³⁷; у с. Веселое Красногвардейского р-на Белгородской обл. (рис. 2, 1, 2). Западнее Дона обнаружены и зеркала прохоровского типа. Одно из них случайно найдено на городище Битица севернее г. Сумы в бассейне Псла (рис. 2, 3) в начале 60-х годов и, вероятно, связано с первым периодом жизни городища, т. е. с позднескифским временем³⁸.

³⁰ И. С. Каменецкий. Отчет о работах археологической экспедиции Таганрогского музея 1956 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 1520, 1521, стр. 10—13; он же. Отчет о работах экспедиции Таганрогского краеведческого музея в 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 2492, 2494а, стр. 18—24.

³¹ Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, № 115, 1962, стр. 83—85.

³² К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 83, 84 и рис. 52, 7; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10, 1963, стр. 21 и табл. 3, 1, 3.

³³ «История СССР», т. I, М., 1966, стр. 221.

³⁴ Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, № 115, 1962, стр. 59, 86, 105, рис. 4, 1; стр. 261.

³⁵ В. И. Ильинская. Скифские курганы около г. Борисполя. СА, 1966, № 3, стр. 170.

³⁶ Л. Д. Либеров. Памятники скифского времени на среднем Дону, стр. 73, табл. 17, рис. 3, 4.

³⁷ В. И. Сизов. Скорняковские курганы в Воронежской губ. Задонского у. «Древности», т. XII, М., 1888, рис. на стр. 127.

³⁸ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 114, 1961, стр. 50—

В Скифии встречены не только вещи, характерные для новой культуры сарматов, но и отдельные сарматские погребения. Ряд погребений с элементами прохоровской культуры отмечен М. П. Абрамовой (у сел Вороная, Михайловка, на Днепрострое, у Верхних Серогоз, Ушкалки)³⁹, среди которых наиболее интересно диагональное погребение с бронзовыми наконечниками стрел у с. Вороная⁴⁰ и погребение у с. Ушкалка юго-западнее Никополя (рис. 1)⁴¹. Близ Ушкалки был погребен сарматский воин, вооруженный набором стрел, характерным для поволжско-уральских погребений IV—III вв. до н. э. В могилу были положены глиняные сосуды прохоровской культуры, в том числе и курильница (рис. 3). Это, безусловно, пришелец с востока, сохранивший в своем быту вещи, характерные для его поволжско-уральской родины. Интересно отметить, что наиболее ранние сарматские погребения левобережья Днепра принадлежали воинам, погребенным в отдельных рассеянных по степи курганах. Целые курганные могильники сарматов Приднепровья, такие, как Ново-Филипповский или Усть-Каменский, возникли не ранее II в. до н. э. Погребение из Ушкалки относится к тому периоду, когда основные массы носителей прохоровской культуры сидели за Доном, но отдельные их отряды вторгались в Скифию, доходя до самого Днепра и до скифской столицы, тревожно доживавшей свои последние дни. Эта эпоха⁴² отражена Лукианом Самосатским в его рассказе «Токсарис или дружба», в котором говорится о крупных набегах «савроматов» на Скифию из-за Танаиса: «Вдруг напали на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников, а пеших, говорят, явилось втрое больше того. А так как их нападение было непредвиденно, то они всех обращают в бегство, многих храбрецов убивают, других уводят живыми...» (39). Но скифы еще способны отразить дерзкие нападения, **базой которых были** задонские степи, куда возвращаются сарматские воины со своей добычей.

52. Благодарю В. А. Ильинскую за знакомство с этой интересной находкой и за разрешение использовать ее для этой статьи.

³⁹ М. П. Абрамов. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1961, № 1, стр. 97.

⁴⁰ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 87—88, 96—97.

⁴¹ Д. Я. Телегин. Погребение скифского времени на нижнем Днепре. КСИА, вып. 6, Киев, 1956, стр. 48—49, рис. 1, 2.

⁴² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 108.

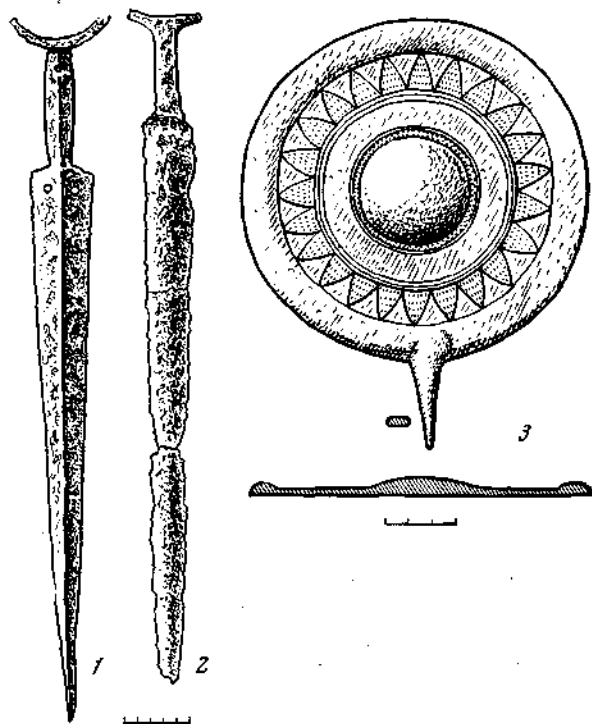

Рис. 2. Вещи прохоровской культуры
1 — железный меч из быв. Острогжского у.; 2 — железный меч из сел. Веселое Белгородской обл.; 3 — бронзовое зеркало с городища у сел. Битица

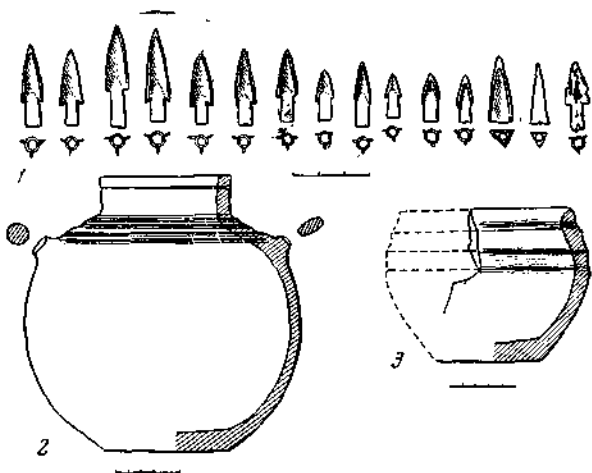

Рис. 3. Комплекс из раннесарматского погребения у сел. Ушкалка
1 — наконечники стрел; 2 — глиняный горшок; 3 — глиняная курильница

Появление отдельных погребений прохоровской культуры западнее Дона, которые к III в. до н. э. проникают до левобережья Днепра, говорит о том, что начало завоеванию Скифии положили в III в. до н. э. сарматы — носители прохоровской культуры. Именно в это время нарушилась политическая стабилизация прежних веков в степях Причерноморья. Около середины III в. до н. э., судя по декрету в честь Протогена, Ольвию окружают различные враждебно настроенные к ней варварские племена. Скифы нападают на Ольвию, теснимые с востока грозными пришельцами. Среди враждебно настроенных к Ольвии племен могли быть и враги скифов — сарматы. Среди этой разноязыкой орды под Ольвией некоторые исследователи склонны были видеть и представителей передовых сарматских племен в лице савдаратов и фисаматов⁴³. В центре Скифии в течение III в. до н. э. замирает жизнь на Каменском городище, а в Крыму на рубеже III и II вв. до н. э. возникает город Неаполь, ставший новой столицей Скифии. К концу III в. до н. э. относится деятельность легендарной царицы

⁴³ Ф. Брун. Черноморье. «Сборник исследований по исторической географии Южной России», т. I. Одесса, 1879, стр. 244; В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 17, 88, 89; Ф. А. Браун. Разыскания в области готто-славянских отношений, стр. 90.

сарматов Амаги — деятельность, выражающая начало политического господства сарматов в причерноморских степях⁴⁴.

Такова, на мой взгляд, схема начальной истории сарматов в Северном Причерноморье. Мне представляется, что первая волна движения задонских кочевников, относящаяся к концу V—IV в. до н. э., связана с мирным переходом части савроматов (сирматов) через Дон и занятием ими некоторых районов Приазовья. По своей культуре эти западные савроматы, вероятно, были близки степным скифам и меотам Приазовья. Вторая волна — III—II вв. до н. э. — насильственное вторжение сарматов — носителей прохоровской и раннесусловской культуры Поволжья и Приуралья, закончившаяся завоеванием значительной части Скифии.

В целом для решения проблемы взаимоотношений савромато-сарматских племен со скифами Северного Приазовья и другими племенами Скифии, в частности с будинами, для уточнения времени проникновения ранних сарматов западнее Дона необходимы дальнейшие археологические исследования в степях Дона, Северского Донца и в Северном Приазовье. Без этих работ многие вопросы этой проблемы останутся неясными и спорными.

⁴⁴ М. И. Ростовцев. Амага и Тиргаитао. ЗООИД, т. XXXII, Одесса, 1915, стр. 58 сл.; он же. Скифия и Боспор, стр. 131—138; Полиен. Военные хитрости, VIII, 56.

VII. НАРОДЫ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

О. А. Вишневецкая   РАННИЕ САКИ ПРИАРАЛЬЯ
М. А. Итина

Большой вклад в изучение истории сакских племен внесен археологическими работами последних лет на территории Казахстана. Теперь появилась возможность, опираясь не только на данные письменных источников, поставить вопрос о той роли, которая принадлежала сакам в исторических событиях первой половины I тысячелетия до н. э., о степени и характере их связей со скифо-сарматским миром и населением восточных областей Азии и т. д.

Хорезмская экспедиция в течение ряда лет работала по этой проблематике в низовьях Сырдарьи. Исследованные памятники охватывают период от VII в. до н. э. до первых веков н. э. Наиболее ранние из них, датируемые VII—V вв. до н. э. представлены могильниками на буграх Тагискен и Уйгарак (Кзылординская обл.), расстояние между которыми не превышает 30 км. На Тагискене¹ раскопано 38 курганов, на Уйгараке — 70. Сходство погребального ритуала, наблюдаемое при анализе погребений обоих могильников, позволяет относить их к близкородственным этническим группам, что дает возможность рассматривать материалы могильников в едином комплексе.

Погребения на Тагискене и Уйгараке совершались: а) на древнем горизонте и б) в грунтовых ямах, причем во всех случаях поверху насыпался курган.

Погребения на древнем горизонте наиболее широко распространены на Уйгараке (30), их мало на Тагискене (3). Совершались они по обряду труположения и трупосожжения, причем во всех случаях покойника клали на камышовую подстилку внутри легкой деревянной каркасной постройки, от которой обычно сохраняются столбовые ямки с остатками сгнивших или сгоревших столбов. В трех случаях (Уйгарак, курганы 2, 59, 66) были обнаружены остатки сгоревшего погребального шалаша.

В плане эти сооружения круглые, овальные или подпрямоугольные. В некоторых случаях

кольцо столбовых ям двойное, значительно чаще оно одинарное, а внутри круга располагается камера, образованная четырьмя столбами, стоящими по углам прямоугольника или квадрата (рис. 1). Любопытно, что на Уйгараке встречены захоронения, где при наличии подобной системы ямок никаких следов существования погребальной постройки не обнаружено, что заставляет предположить, что ямки эти являлись каким-то традиционным элементом ритуала, не играя никакой практической роли.

Погребения на древнем горизонте по планировке погребальных сооружений напоминают простейшие погребальные сооружения эпохи бронзы Северного Тагискена, например мавзолеей 5 в². Роднит их с тагискенскими и обряд трупосожжения, который, впрочем, уже не всегда выдерживается. Так, из 30 погребений на древнем горизонте Уйгарака лишь три дают трупосожжение, а в шести огонь играл лишь определенную роль в погребальном ритуале (например, угольки, разбросанные вокруг покойника).

Являются ли захоронения на древнем горизонте Уйгарака и Тагискена наиболее ранними? Можно уверенно сказать, что в V в. до н. э. они уже не встречаются (если не считать кургана 59 на Тагискене, о котором ниже), а датировка их в пределах VII—VI вв. до н. э. сомнений не вызывает. Однако, как мы увидим, этим же временем датируются и подкурганые погребения в грунтовых ямах обоих могильников. И все же в пользу более ранней даты некоторых погребений на древнем горизонте, помимо сходства их планировки с сооружениями эпохи бронзы, свидетельствуют и некоторые косвенные данные. На Тагискене, например, удалось зафиксировать определенную закономерность в «заселении» могильни-

¹ В отличие от некрополя эпохи поздней бронзы, называемого Северный Тагискен, сакский могильник на той же возвышенности именуется Южный Тагискен.

² С. П. Толстой, Г. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1963, рис. 14а.

жа: он рос с севера на юг. Курганы V в. до н. э. — крайние южные, некрополь эпохи бронзы занимает крайнее северное положение, а погребения на древнем горизонте — самые северные из сакских и ближе других к мавзолеям эпохи бронзы. Однако по имеющимся материалам разделить хронологически погребения на древнем горизонте с трупосожжением и таким с труположением не представляется возможным. Так, например, в погребении кургана 66 на Уйгараке, где зафиксировано сожжение наземной постройки, обнаружены бронзовые трехпестельчатые псалии и стремеvidные удила, что дает основание говорить о VII в. до н. э. С другой стороны, в кургане 30 на Тагискене, где нет следов горения, но от наземной постройки сохранилась четкая система столбовых ям, найдены три наконечника стрел: бронзовый втульчатый листовидный, весьма архаического облика, костяной двухлопастной (черешковый), ромбический в сечении; бронзовый трехперый черешковый. Весь этот набор позволяет говорить о достаточно ранней дате, особенно благодаря наличию в нем двухлопастного листовидного наконечника.

Основную массу захоронений обоих могильников составляют грунтовые погребения в подпрямоугольных могильных ямах (размером от 4,5 X 3,7 м до 2,7 X 2,3 м и глубиной 1—2 м), ориентированных в большинстве случаев по оси В — З или ВСВ—ЗЮЗ (рис. 2). Погребальная яма была перекрыта параллельно ее коротким сторонам деревянными балками. Поверх этой конструкции настилали слой камыша или мелких сучьев. Камышом устилался могильный выброс и древняя дневная поверхность вокруг ямы. Затем насыпался курган диаметром 15—20 м, иногда до 30 м. В ряде случаев поверх перекрытия насыпался слой земли толщиной 30—40 см, затем клали еще слой камыша и уже после этого насыпали курган. Иногда балки перекрытия были обуглены целиком, иногда частично, а в ряде случаев не несли никаких следов огня. Последний признак характерен для погребений такого типа на Уйгараке, где только в одном кургане было обнаружено сгоревшее перекрытие. После того как перекрытие поджигали, его немедленно заваливали землей насыпи; в большинстве случаев это приводило к его неполному сгоранию. Во всех случаях огонь совершенно не затрагивал погребенного. Иногда под насыпью по кругу встречаются горелые пятна — следы костров или углей. По углам могилы в большинстве случаев выявляются ямки типа столбовых. В некоторых погребениях вдоль стен ямы выкопана канавка, так что покойник лежал

как бы на земляном «столе». Наличие такого «стола» заставляет нас вспомнить мавзолеи Северного Тагискена³, где эта конструкция была известна. Сходные ассоциации вызывают и угловые ямы в могилах, в которых, как правило, остатков столбов мы не встречали. В ряде случаев в них лежали предметы погребального инвентаря, а нередко подстилка, на которой лежал покойник, перекрывала эти ямы. Вероятнее всего, что существовали эти ямы чисто традиционно, не используя по назначению.

Видимо, генетическую связь с конструкциями древнего Тагискена демонстрируют и курганы 42 и 32 Южного Тагискена⁴. Курган 42 содержал круглую яму (диаметр 2,5 м) глубиной 1,55 м. Вдоль нее по кругу расположены 10 ямок. При столь небольшом диаметре ямы ее плоское деревянное перекрытие совершенно не нуждалось в столбовой опоре. Можно предположить, что на этих столбах покоилось цилиндрико-коническое перекрытие, а если к этому еще добавить наличие в погребальном ритуале элементов трупосожжения (сгоревшие балки перекрытия и обугленные куски столбов в ямах,) то перед нами будет картина, живо напоминающая древние мавзолеи Тагискена, их конструкцию и обряд.

В кургане 32 яма имела форму неправильного четырехугольника. Вдоль ее стен было выкопано восемь столбовых ям, причем четыре крупные находились в углах могильной ямы, а четыре поменьше — между ними. Во всех ямах, кроме одной, сохранились остатки деревянных столбов. Видимо, это погребение переходного типа, еще сохраняющее конструктивные черты древних мавзолеев эпохи поздней бронзы. Те немногие случаи, когда круглые и овальные могильные ямы зафиксированы у савроматов, К. Ф. Смирнов также относит к явлениям переходного типа⁵ и датирует эти сооружения VIII—VII вв. до н. э. По погребальному инвентарю наши курганы входят в группу сооружений VII—VI вв. до н. э., возможно, VII в. до н. э.

На Уйгараке есть еще одна категория грунтовых могил (12), которых нет в Тагискене, но которые относятся к тому же хронологическому периоду. Это узкие прямоугольные с округлыми углами могилы, в ряде случаев почти овальные. Конструктивно их сближает с

³ С. П. Толстое, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Указ. соч. рис. 14а, мавзолеи 5в и 6.

⁴ С. П. Толстое, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи. (По материалам Тагискена). СА, 1966, № 2, стр. 155—157.

⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 81—82.

вышеописанными погребениями в больших грунтовых ямах наличие перекрытия из жердей и веток.

Таким образом, для VII—VI вв. до н. э. мы имеем три типа погребальных сооружений, при этом погребальный ритуал во всех случаях, когда его удалось зафиксировать, единый. Покойника клали вытянуто на спине на подстилку или носилки (Уйгарак) из камыша или деревянных жердей. Иногда погребенного покрывали сверху камышовой циновкой. Ориентированы покойники всегда головой на запад с отклонением на юго-запад, реже на северо-запад. Сохранение западной ориентировки — еще один факт, указывающий на генетическую связь с древними захоронениями эпохи бронзы.

Курганы V в. на Уйгарак конструктивно никак не выделяются, да и набор вещей из них не слишком выразителен. Зато на Тагискене очень четко выделяется группа богатых захоронений V в. до н. э.⁶ Для конструкции этих могил характерно наличие дромоса (длина 5—12 м), ориентированного в большинстве случаев на юго-восток (рис. 3). Устройство могильной ямы то же, что и в курганах VII—VI вв. до н. э., но она, как правило, довольно глубокая (2,2—2,3 м). Существенным отличием является иная ориентировка покойника, лежащего головой на восток-северо-восток. Яма обычно ориентирована углами по странам света, а не сторонами, как в более ранних курганах. Погребенные лежат вытянуто на спине, иногда по диагонали ямы, ноги согнуты в коленях и обращены ступнями внутрь, образуя в плане ромб. Но эта поза не всегда одинаково четко выражена. Могильные ямы и дромос (частично) имели плоские перекрытия, причем и здесь были случаи, когда перекрытие поджигали, а потом насыпали курган. Один из курганов (№ 59) представлял собой наземную постройку типа грунтовых ям с дромосом, от которой сохранились лишь следы столбовых ям (рис. 4). Этот тип построек, видимо, близок сооружениям, открытым К. А. Акишевым в Бесшатыре⁷. Таким образом, для курганов V в. до н. э. по-прежнему характерно сохранение ям по углам могильной ямы, сосуществование, правда, в виде исключения, грунтовых ям и наземных погребальных построек, значительная роль огня в погребальном ритуале.

⁶ С. П. Толстой, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 163.

⁷ К. А. Акишев. Культура саков долины р. Или (VII—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 37, рис. 15 и др.

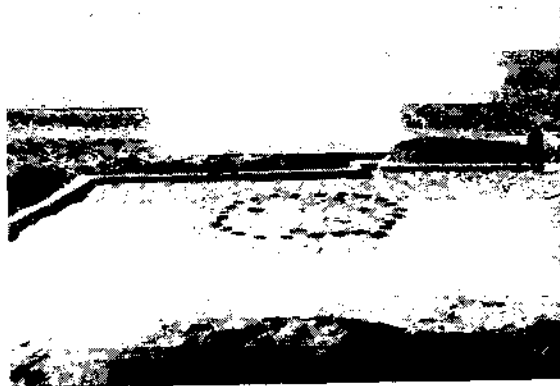

Рис. 1. Южный Тагискен. Курган 23. Вид после раскопок

Рис. 2. Уйгарак. Курган 38. Могильная яма

Рис. 3. Южный Тагискен. Курган 56. Вид после раскопок

Р и с. 4.
Южный Тагискен. Курган 59. Вид после раскопок

Погребальный обряд саков низовий Сырдарьи интересен тем, что аналогии ему мы находим в основном не в казахстанских материалах. Погребения на древнем горизонте с надмогильными сооружениями, прямоугольные ямы с перекрытием из жердей, травы и камыша и выстилание травой и камышом древней дневной поверхности вокруг ямы — все эти элементы мы находим у савроматов и особенно савроматов Южного Приуралья⁸. Очень важным моментом является преобладание и там и тут западной ориентировки покойников и большая роль огня в погребальном ритуале. Сожжение наземной погребальной постройки, сожжение, чаще, как и у нас, неполное, наката над ямой, разбрасывание углей над покойником или по кольцу под насыпью, наконец, то, что подобные детали ритуала соблюдались лишь для части умерших, — все это роднит погребальный ритуал Тагискена и Уйгарака с савроматским⁹.

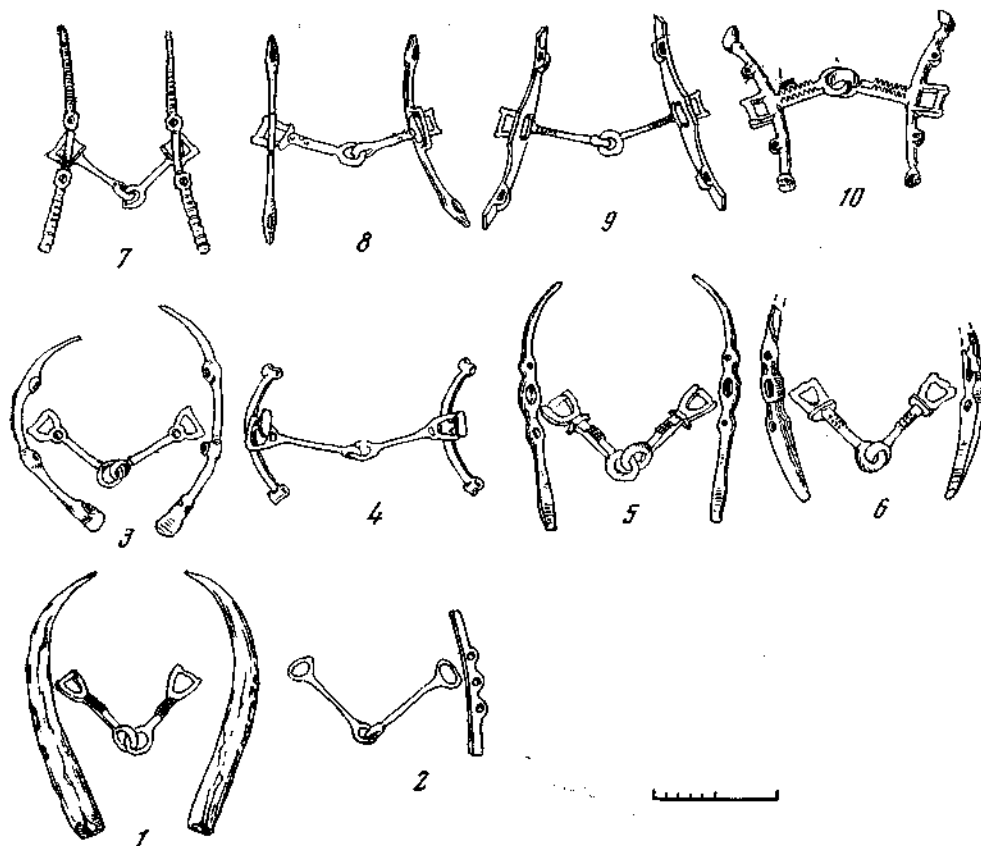
Большинство погребений Тагискена и Уйгарака ограблены. Однако благодаря значительному количеству раскопанных курганов мы

располагаем довольно большой коллекцией сакских древностей. И в мужских и в женских захоронениях мы встречаем сосуды, которые, однако, не являются обязательным элементом погребального инвентаря. Обычно они стоят в головах и ногах покойников. Предметы конской сбруи лежат в большинстве случаев в ногах. Орудия труда и оружие (наконечники стрел, кинжалы, мечи) находим только в мужских захоронениях. Отсутствие наконечников стрел в женских могилах отличает их от савроматских. Зато в женских могилах в отличие от мужских встречаем каменные алтарики разных форм, бронзовые дисковидные зеркала с бортиком и петелькой, плоские кости со следами красной краски, кусочки реальгара. Предметы конской сбруи встречаются в большинстве погребений, но характерно, что более чем в ста захоронениях обоих могильников не обнаружено погребений коня.

Обилие находок дает нам возможность рассматривать удила и псалии в комплексе (рис. 5), так что мы с большой долей уверенности можем судить о том, какой тип удила применялся с тем или иным видом псалиев. При этом важно иметь в виду, что все рас-

⁸ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 82, 85—86.

⁹ Там же, стр. 96—97.

Рис. 5.
Конские удила в псалии

/ — Южный Тагискен, курган 45; 2 — Уйгарак, курган 66; 3 — Южный Тагискен, курган 40; 4 — Уйгарак, курган 33; 5 — Уйгарак, курган 50; 6 — Уйгарак, курган 14; 7 — Южный Тагискен, курган 44; 8—9 — Уйгарак, курганы 35 и 30; 10 — Уйгарак, курган 26

смагриваемые варианты употреблялись в VII—VI вв. до н. э. и более точные рамки бытования того или иного комплекса в пределах могильника определены быть не могут. В погребениях V в. до н. э. на Тагискене мы не нашли ни удила, ни псалиев, а на Уйгараке лишь в одной могиле этого времени были найдены бронзовые кольчатые удила.

Типологически наиболее ранним набором следует считать роговые трехдырчатые псалии со стремевидными бронзовыми удилами (рис. 5, /). Эти псалии на основании европейских аналогий были отнесены К. Ф. Смирновым к рубежу II и I тысячелетия до н. э.¹⁰ В средней Азии наиболее ранние их находки, помимо упомянутой тем же автором находки на Чустском поселении¹¹, известны на Даль-

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 64—65, рис. 9, 3.

¹¹ Там же, стр. 65.

верзинском поселении¹², датируемом тем же временем. В Центральном Казахстане, так же как и в Приаралье, трехдырчатые роговые псалии были найдены со стремевидными удилами без дополнительного отверстия (Тасмола V, курган 2; Тасмола VI, курган I)¹³. Стремевидные удила с дополнительными отверстиями так называемого майэмирского типа встречены в наших комплексах с бронзовыми трехдырчатыми трубчатыми псалиями, которые явно подражают роговым (рис. 5,3). В них стремя удила, как и в случае с роговыми псалиями, скреплено с центральным отверстием с помощью ремня. Стремевидные удила с допол-

¹² Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962, стр. 39, рис. 15.

¹³ М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 323, рис. 15; стр. 326, рис. 19; стр. 334, рис. 28.

нительным отверстием встречены на Уйгараке с псалиями, где вместо среднего отверстия был крюк, на который надевалось стремя удила (рис. 5, 4). М. П. Грязнов справедливо считает этот тип псалиев казахстанско-сибирской местной формой¹⁴. Стремевидные удила с дополнительным отверстием, которые теперь достаточно хорошо известны для территории Казахстана, Южной Сибири и Алтая¹⁵, не найдены в савроматских и скифских комплексах. Они существовали параллельно с обычным и наиболее широко распространенным типом стремевидных удилил — без дополнительного отверстия.

На Уйгараке стремевидные удила были встречены также с трехпетельчатыми псалиями (рис. 5, 2), имеющими прямоугольное сечение. Псалии этого типа известны среди случайных находок в Северном Казахстане¹⁶. Уйгаракская находка датирует их VII—VI вв. до н. э. Найденные на Памире А. Н. Бернштамом трехпетельчатые псалии с удилами майэмирского типа¹⁷, видимо, как правильно отмечает М. К. Кадырбаев¹⁸, относятся к тому же времени. Трехпетельчатые псалии были широко распространены на юге Европейской части СССР, причем А. А. Иессен отмечает, что они часто сочетались с удилами III типа, т. е. стремевидными, будучи сами уже железными¹⁹. Датирует он эти псалии VI в. до н. э.²⁰ Что же касается происхождения стремевидных удилил, то предположение, выдвинутое в свое время А. А. Иессеном об азиатском, восточном их происхождении, сейчас, видимо, никем оспариваться не будет. Он писал: «...территориальное распространение удила III типа в области «скифской культуры» как в Европе, так и в Южной Сибири настойчиво сигнализирует об элементах культурной общности между районами Причерноморья и Алтая еще в

начале VI в. до н. э., хотя промежуточные области Урала и Казахстана остаются пока не освещенными»²¹. Сейчас и Казахстан, и Южное Приуралье перестали быть в этом плане белыми пятнами. К сожалению, в савроматских комплексах Южного Приуралья нет такого набора конской упряжи, как в сакских Казахстана, но наличие и там стремевидных удилил, которые К. Ф. Смирнов, как и А. А. Иессен, относит к VII — первой половине VI в. до н. э.²², включает и эту область в их ареал.

Следующий этап в развитии конской упряжи демонстрирует стремевидные удила со стремечком прямоугольной формы, которые продавались в широкое прямоугольное отверстие или скобу, расположенное по отношению к двум крайним отверстиям псалия в другой плоскости (рис. 5, 5—9). Такая форма удила известна в Центральном Казахстане²³, в Семиречье²⁴ и среди беспаспортных находок Ташкентского музея²⁵. Псалиев со скобой мы не знаем, но характерно, что они изображены на персепольском рельефе у лошадей, которых ведут саки²⁶. Вариантом этой формы упряжи являются удила и псалии такого же типа, но цельнолитые (рис. 5, 10). Считать последние хронологически более поздними у нас нет оснований, так как на Тагискене, например, они найдены вместе с комплексом листовидных втульчатых и асимметрично-ромбовидных наконечников стрел VII в. до н. э.

Кольчатые удила в Приуралье встречены лишь в комплексе V в. до н. э. на Уйгараке. В Центральном Казахстане они найдены в комплексе VI в. до н. э.²⁷ В Южной Сибири массовое их распространение датируется V в. до н. э.²⁸, но среди отдельных находок в Минусинской котловине известны экземпляры с характерной «обмоткой» на стержне, позволяющей говорить о карасукском или предтагарском времени²⁹. На Алтае М. П. Грязнов

¹⁴ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 9—10.

¹⁵ См., например: М. К. Кадырбаев. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 30—31; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 68—70.

¹⁶ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 12, рис. 3, 11.

¹⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 298, рис. 128, 7, 8.

¹⁸ М. К. Кадырбаев. Памятники..., стр. 387.

¹⁹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 90.

²⁰ Там же, стр. 106.

²¹ Там же, стр. 105.

²² К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 79—80.

²³ М. К. Кадырбаев. Памятники..., стр. 384, 386—387.

²⁴ А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, табл. ХСV.

²⁵ Б. А. Литвинский. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайраккумов. В кн.: 5. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962, стр. 339, табл. 40, 11.

²⁶ R. Ghirshman. Perse. Proto-iraniens. Medes. Achéménides. Paris, 1963, p. 184, fig. 231.

²⁷ М. К. Кадырбаев. Памятники..., стр. 323, рис. 15.

²⁸ Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху. В кн.: Ю. С. Гришин, Б. Т. Тихонов. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА, № 90, 1960, стр. 129.

²⁹ Н. Л. Членова. Указ. соч., стр. 67.

датирует кольчатые удила V в. до н. э. и считает их более поздними, чем стремевидные³⁰.

В Средней Азии фрагменты кольчатых удил были обнаружены на одном из Кайраккумских поселений³¹ и на Чустском поселении³². Форма для отливки таких удил найдена в Хорезме³³. Первые две находки могут быть датированы концом II — началом I тысячелетия до н. э., литейная форма, судя по характерной «обмотке» на стержне удил, относится к тому же периоду. Переднеазиатские аналогии охватывают тот же отрезок времени³⁴. Если к среднеазиатским находкам присовокупить еще и дальверзинский псалий, то время бытования кольчатых удил и трубчатых псалиев для юга Средней Азии оказывается синхронным с Передней Азией и более ранним, чем на Северном Кавказе, не говоря уже о Казахстане.

Таким образом, при общих для скифо-сако-сарматского мира принципах конструкции конской узды формы ее для восточных и западных районов отличаются своеобразием. Стремевидные удила с дополнительным отверстием или с прямоугольным окончанием, псалии с крюком и квадратной скобой — это, видимо, предметы, характерные для казахстано-сибирского круга древностей. Отличает этот мир от западного и то, что хотя в наших курганах VI в. до н. э. уже встречаются изделия из железа (ножи и акинаки), конская узда по-прежнему изготавливается из бронзы.

Оружие в курганах Тагискена и Уйгарака представлено в основном наконечниками стрел, при этом типология втульчатых наконечников в целом совпадает с типологией скифо-сарматских наконечников этого времени. Принципиальное отличие сакских комплексов, и не только приаральских, заключается в сосуществовании в них наряду со втульчатыми наконечниками стрел — черешковых. При этом характерно, что в комплексах с двуперыми втульчатыми асимметрично-ромбическими наконечниками, относящимися к VII в. до н. э., мы уже встречаем черешковые трехперые экземпляры. Мысль о том, что в основе развития и широкого распространения на востоке черешковых наконечников стрел лежит распространение в Передней и Средней Азии череш-

ковых двухлопастных наконечников еще в эпоху поздней бронзы³⁵, кажется нам весьма плодотворной. Видимо, местную линию развития представляют и четырехгранные или ромбические в сечении втульчатые наконечники с шипами и дугообразными выемками в основании, довольно широко представленные в Средней Азии, и Казахстане. Наши материалы дают основание отнести их во всяком случае в VI в. до н. э., в савроматских памятниках эти находки относятся к VI—V вв. до н. э.³⁶ Типичные для скифо-сарматского мира втульчатые трехперые наконечники стрел в сакских комплексах Уйгарака и Тагискена встречаются реже, чем черешковые, и представлены в основном массивными экземплярами, которые были широко распространены у савроматов Южного Приуралья.

Железные и бронзовые акинаки и ножи находят себе аналогии как на западе, так и среди находок из Центрального и Северного Казахстана, Семиречья, среди татарских древностей.

С западным савроматским миром роднят саксов Приаралья и находки в могилах V в. до н. э. железных длинных мечей³⁷. К савроматскому же кругу аналогий можно было бы отнести и находки в женских погребениях каменных алтариков, но этот обычай существовал также и в других областях сакской культуры. Правда, по форме эти алтарики разные. В Приуралье большинство экземпляров имеют ножи, украшенные иногда изображениями животных. В Казахстане алтарики на ножках — исключение. Но если в более восточных областях они, как правило, овальные, то на Тагискене и Уйгараке они часто имеют форму стилизованной головы грифона, хотя встречаются и овальные экземпляры. С Южной Сибирью и восточными областями Казахстана связывают наши погребения круглые бронзовые зеркала из женских могил с бортиком и петелькой на обороте. Однако находки бронзовых зеркал с петелькой в комплексах степной бронзы Средней Азии (Узбекистан, Киргизия), которые датируются серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э., заставили предположить, что зеркала с бортиком и петелькой являются более поздней формой развития среднеазиатских зеркал эпохи брон-

³⁰ М. П. Грязное. Памятники майэмирского этапа, стр. 9—10.

³¹ Б. А. Латвинский. Указ. соч., стр. 228—230, табл. 58, 1.

³² В. И. Спришевский. Раскопки Чустского поселения. «Общественные науки в Узбекистане», № 1. Ташкент, 1961, стр. 40.

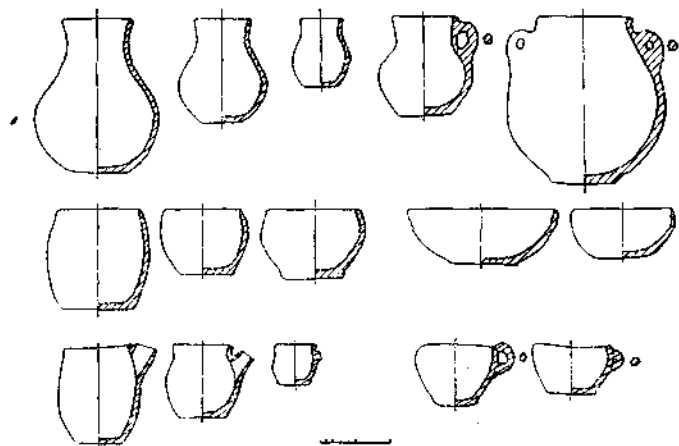
³³ М. А. Сабурова, В. Н. Ягодин. Литейная форма из Хорезма. СА, 1964, № 1.

³⁴ Н. Л. Членова. Указ. соч., стр. 71.

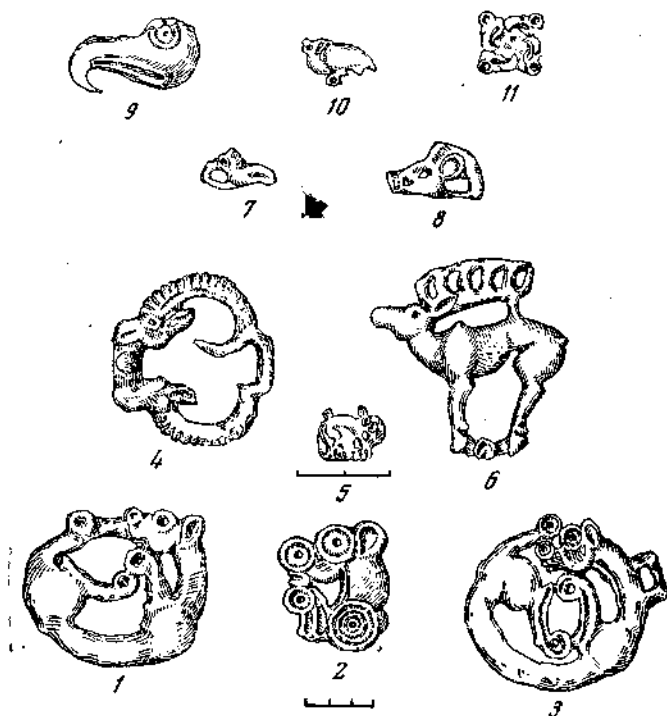
³⁵ Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 221—222; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 62.

³⁶ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 59.

³⁷ С. П. Толстой, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи, стр. 166—168.

Р и с. 6
Уйгарах. Сакская керамика

Р и с. 7.
Уйгарах. Вещи в «зверином» стиле (бронза)

1,3 — курган 33; 2 — курган 27; 4 — курган 66; 5 — курган 49;
6 — курган 41; 7 — курган 47; 8 — курган 22; 9 — курган 69; 10 —
курган 39; 11 — курган 83

зы этого типа³⁸. С другой стороны, более ранние аналоги среднеазиатским экземплярам мы находим в Передней Азии, что еще раз подчеркивает роль Средней Азии как промежуточного звена в передаче элементов переднеазиатской культуры на восток. У савроматов Южного Приуралья зеркала эти встречаются крайне редко, и К. Ф. Смирнов полагает, что и к савроматам, и в Скифию они попали из восточных районов Евразии³⁹.

Керамика, как известно, наиболее чутко отражает местные особенности в развитии культуры (рис. 6), а потому при сходных формах металлических изделий керамические формы из разных областей могут сильно отличаться друг от друга. Одна из ведущих форм сакской посуды — грушевидные сосуды, происхождение которых мы уже пытались вывести из комплексов поздней бронзы Тагискена⁴⁰. К середине I тысячелетия до н. э. они широко распространяются в Средней Азии и именно оттуда попадают к савроматам⁴¹. Любопытно, что для казахстанских комплексов эта форма нетипична. Характерной среднеазиатской формой, распространенной в южных областях Средней Азии в более раннее время, является посуда с трубчатым носиком. Появление ее в савроматских комплексах также связывается со Средней Азией⁴².

В погребальном инвентаре Уйгарака и Тагискена мы встречаем интересные образцы изобразительного искусства. Это изображения животных на предметах конского убора, на золотых нашивных бляшках, на золотых обкладках. Среди изображаемых животных — олень, сайга, лошадь, горный козел, кабан, лев, барс или пантера, хищная птица, верблюд. Видимо, все предметы с этими изображениями местного изготовления, поскольку большинство изображаемых животных было известно местным мастерам. Для нас представляет значительный интерес стиль, в котором сделаны эти вещи, ибо он вводит культуру саков Приуралья в мир скифо-сибирского искусства, образцы которого обнаружены теперь уже на огромной территории. При этом существенно, что в нашей коллекции есть весьма ранние образцы этого искусства. К ним прежде всего относятся бронзовые бляхи в виде свернувшегося в кольцо барса или пантеры (рис. 7, 1, 3),

³⁸ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В-4-9, 1966, стр. 67—68; Н. Л. Членова. Указ. соч., стр. 88—90.

³⁹ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 155.

⁴⁰ С. П. Толстой, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 159.

⁴¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 118.

⁴² Там же, стр. 118—119.

похожие на бляхи из коллекции Петра I⁴³. Аналогии этим вещам широко известны⁴⁴. За последнее время число их умножилось благодаря находкам в Чиликте (Восточный Казахстан)⁴⁵. Все казахстано-сибирские аналогии датируются VII—VI вв. до н. э.

Уйгаракские бляхи с кольчатым окончанием лап и хвоста, со слабо выступающим ухом, глазами и носом в виде концентрических кругов, с подчеркнутой мускулатурой тела безусловно могут быть включены в число образцов архаического звериного стиля Евразии. В частности, аналогии им мы найдем и в предметах скифского архаического искусства. В Уйгараке мы видим и дальнейшую стилизацию этого мотива на примере наборов из курганов 27 и 28 (рис. 7, 2).

Таким образом, на территории Казахстана и Южной Сибири мы, видимо, встречаем наиболее ранние экземпляры изображений типа уйгаракских. При этом изображения из Маймирского клада более реалистичны⁴⁶ и, видимо, наиболее ранние, уйгаракские же наборы из курганов 27 и 28 — это уже шаг на пути превращения реалистического изображения в орнаментальную композицию. Вариант нашего изображения находим и среди савроматских древностей (бляха из кургана у с. Иркутль)⁴⁷, где представлена уже голова не барса, а волкообразного хищника, но тело свернувшегося в кольцо зверя передано в совершенно той же манере. Бляха, найденная на горе Азов (Свердловская область)⁴⁸, полностью выполнена в местной манере (зубастая пасть хищника, закругленный спирально нос, подчеркнутая спиралью мускулатура), но все же и в ней ощущается подражание интересующим нас образцам.

Изображение льва является одним из наиболее распространенных мотивов в искусстве саков Приаралья (рис. 8). В комплексе из кургана 45 на Тагискене, который датируется VII—VI вв. до н. э., были обнаружены две подпружные пряжки с изображением сидящего льва (такая же пряжка есть и на Уйгараке) и четыре золотые тисненые пластинки в виде

сидящих львов с головкой, повернутой в три четверти. Морда зверя не очень похожа на львиную, видимо, мастеру этот образ незнаком, но стиль изображения вполне выдержан и традиционен: закручивающийся на конце хвост, подчеркнутая мускулатура тела, кружки уха, глаза и рта на одной линии, наконец, вместо кольчатого окончания лап местный художник поместил близкое ему изображение копыт. С другой стороны, в кургане 31 того же времени была найдена золотая бляшка с фигуркой стоящего льва, близкой переднеазиатским прототипам. У него закручен хвост, но лапы переданы вполне реалистично, глаз кошачий и есть грива. Явное подражание данному образцу — фигурки идущих львов из кургана 53 (Тагискен, V в. до н. э.). У них так же переданы лапы, но меняется вся посадка фигуры животного, глаз делается почти круглым, исчезает грива. Это уже гораздо менее выразительный и более далекий от оригинала образ. Ему подражает бляшка того же времени из кургана 49 на Уйгараке (рис. 7, 5). Перед нами — несомненное свидетельство местного происхождения этих предметов. Сходная по изобразительной манере литая бляшка была найдена в кургане V—IV вв. до н. э. (Усть-Буконь) в Восточном Казахстане⁴⁹.

Удивительно близко тагискенским изображение идущего хищника из породы кошачьих (льва?) обнаружено недавно в курганах скифского времени могильника Куйлуг-Хем I (Тува)⁵⁰. Это тем более интересно, что там же в Туве в могильнике на плато Алды-Бель был открыт типичный для Казахстана комплекс в виде крюкастых псалиев и стремевидных удил, VII—VI вв. до н. э.⁵¹

Наконец, еще один вариант изображения льва — застежка колчана из кургана 53 на Тагискене (рис. 8, 6). Очень естественна поза животного, положившего морду на лапы, что не характерно для местного звериного стиля; хорошо переданы глаза и нос, совершенно тупая внизу широкая морда несколько нарушает впечатление. В Центральном Казахстане обнаружены бляшки в виде идущих хищников (М. К. Кадырбаев считает их тиграми), у которых традиционно закруглен на конце

⁴³ С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, Д-3-9, 1962, табл. VI, 1.

⁴⁴ См., например: Н. Л. Членова. Указ. соч., табл. 27, табл. 31, 17—23.

⁴⁵ С. С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., 1965, табл. XV, табл. XVI, 1.

⁴⁶ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, стр. 11, рис. 3.

⁴⁷ К. Ф. Смирнов. Савроматы, рис. 79, 1.

⁴⁸ Н. Н. Бортвин. Находка на горе Азов на Урале. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 119, рис. 43, 4.

⁴⁹ С. С. Черников. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, 1959, стр. 105, рис. 40, 2.

⁵⁰ А. Д. Грач. Исследования на Куйлуг-Хемском плато. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 132.

⁵¹ А. Д. Грач. Исследования на Куйлуг-Хеме и Алды-Беле. «Археологические открытия 1967 г.» М., 1968, стр. 171.

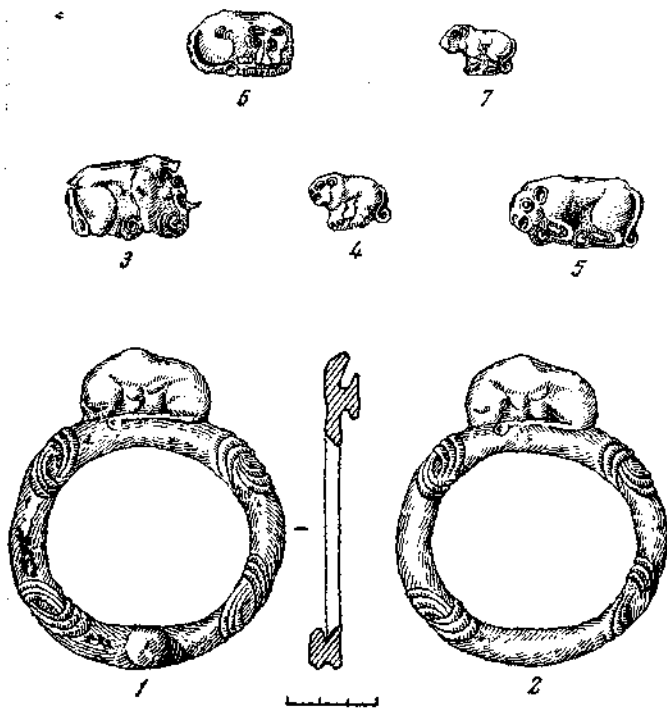

Рис. 8.
Южный Тагискен. Изображения льва
1—3, 5 — курган 45; 4 — курган 31; 6—7 — курган 53 (1—2 — бронза; остальное — золото)

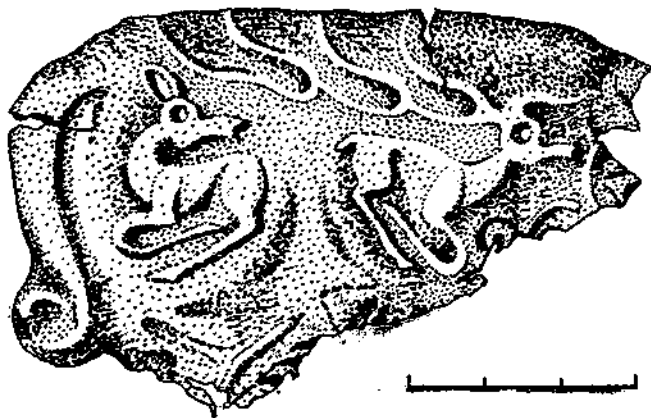

Рис. 9.
Южный Тагискен. Золотая пластинка из кургана 45

хвост, но все четыре лапы переданы фронтально, а голова повернута en face⁵². Поворот головы на одной из бляшек⁵³ очень напоминает положение головы на застежке из Тагискена.

К числу ранних образцов изобразительного искусства саков Приаралья относится золотая пластина с замечательными по выразительности изображениями двух оленей (хищника?) с загнутым в спираль кончиком хвоста и прослеживающимися контурами ног (рис. 9). Морды оленей, форма глаз очень напоминают изображения на ранних переднеазиатских печатях⁵⁴, в то время как трактовка рогов сближает эти изображения с казахстано-сибирским культурным кругом скифского времени⁵⁵. Последнее относится также и к бронзовой фигурке оленя (рис. 7, б), стоящего «на цыпочках» (Уйгарак, VI в., до н. э.)⁵⁶. Многочисленны бляшки в виде головы хищной птицы, часто очень стилизованной (рис 7, 9—10). Этот же мотив, но уже в совершенно деградированном виде, дает, видимо, своеобразная форма каменных алтариков⁵⁷. Интересна бляшка в виде солнечного колеса (по интерпретации В. А. Ильинской)⁵⁸ с головками грифонов на концах (рис. 7, 11). Такие широко известные для звериного стиля мотивы, как изображение горного козла и кабана, также встречены на Уйгараке (рис. 7, 4, 8) и Тагискене. Безусловно местный сюжет отражен в подвеске в виде головы верблюда с Уйгарака (рис. 7, 7). Бесспорно местную фауну представляют золотые бляшки в виде фигурки сайги из кургана 66 на Тагискене⁵⁹, сделанные в совершенно той же технике, что и львы из кургана 53. По стилю изображения тела животного тагискенские бляшки чрезвычайно походят на изображения оленей с подогнутыми ногами из Казахстана и Минусинской котловины.

⁵² М. К. Кадырбаев. Памятники..., стр. 398, рис. 63.

⁵³ Там же, рис. 63, 4.

⁵⁴ E. Herzfeld. Iran in the ancient East. London, 1941, p. 162—164, fig. 277—279.

⁵⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 231, табл. XX, 6, 14—16; Н. Л. Членова. Скифский олень. МИА, № 115, 1962, стр. 197, табл. 1, 1—6; С. С. Черников. Загадка Золотого кургана, стр. 29, табл. XI.

⁵⁶ Я. Л. Членова. Указ. соч., табл. IV, 10.

⁵⁷ С. П. Толстое, М. А. Итина. Указ. соч., рис. 10.

⁵⁸ В. А. Ильинская. Культурные жезлы скифского и предскифского времени. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 211, рис. 4. Здесь на бляшках головки коней, но образ хищной птицы также является одной из солярных эмблем, а форма этих и наших бляшек совпадает.

⁵⁹ С. П. Толстое, М. А. Итина. Указ. соч., рис. 17, 1.

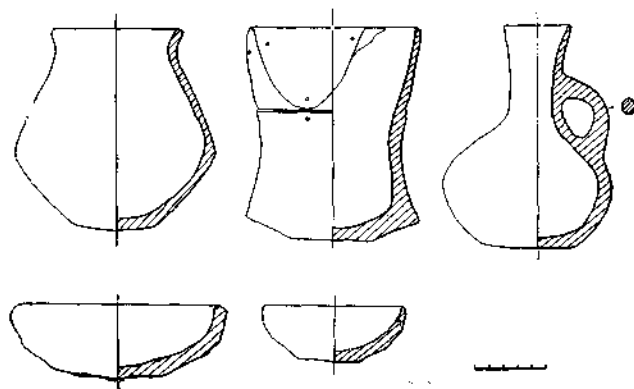
Все найденные в курганах Тагискена и Уйгарака предметы искусства включают саков Приуралья в ареал скифского звериного стиля. Но наиболее важно то, что, во-первых, мы встречаем здесь наиболее ранние образцы этого искусства, а во-вторых, высказываемое ранее предположение о том, что некоторые изобразительные мотивы переднеазиатского происхождения могли через Среднюю Азию попасть в искусство Алтая и Южной Сибири скифского времени, в наших материалах находит свое подтверждение. Это предположение относится в равной степени и к некоторым изображениям, обнаруженным в савроматских памятниках Южного Приуралья, о чем еще в свое время писал А. А. Иессен⁶⁰ и что на новом материале убедительно показал К. Ф. Смирнов⁶¹.

В кратком обзоре культуры ранних саков Приуралья мы пытались подчеркнуть два момента: вопрос об их происхождении и о месте их культуры среди культур скифского типа Евразии. Значительное сходство погребального обряда саков Приуралья и савроматов, особенно на территории Южного Приуралья, бесспорно требует объяснения. Мы пытались показать преемственность в погребальном обряде между эпохой поздней бронзы и саками в низовьях Сырдарьи. К. Ф. Смирнов также пришел к выводу, что в основе культуры савроматов Южного Приуралья лежит культура степной бронзы, в данном случае андроновская и отчасти срубная. Первая являлась основным, местным компонентом и в культуре поздней бронзы низовий Сырдарьи, если судить по материалам Северного Тагискена. Именно эта генетическая общность и роднит савроматов Южного Приуралья и саков Приуралья. Но возникает вопрос: а как же быть с культурой саков Семиречья, Центрального и Северного Казахстана, в основе которой тоже, по мнению исследователей, лежит андроновский пласт, но которая по погребальному ритуалу существенно отличается от культуры саков Приуралья и савроматской?

Думается, что здесь противоречия нет. Активные контакты между населением оренбургских степей и Южного Приуралья в эпоху бронзы, выразившиеся в прямом притоке населения с северо-запада в юго-восточном направлении, наблюдаемое отличие западноказахстанского варианта андроновской культуры от центральноказахстанского или североказахстанского, активное участие срубного компо-

⁶⁰ А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном. СА, XVI, 1952, стр. 227.

⁶¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 281—284.

Р и с. 10.
Уйгарак. Привозная керамика

нента в развитии культур эпохи бронзы степей Приуралья и Южного Приуралья — все это предопределило сходство в культуре савроматов Южного Приуралья и саков Приуралья. На нашем материале генетическая и культурная общность савроматского и сако-массагетского миров прослеживается весьма отчетливо, причем открытия в низовьях Сырдарьи весьма сблизили возможные границы этих этнических массивов. По мнению К. Ф. Смирнова, здесь могла иметь место взаимная прямая инфильтрация населения, вхождение отдельных племен в состав племенных союзов той и другой стороны⁶², что не могло не сказаться на облике культуры. Мы уже не говорим о наличии в культуре савроматов некоторых форм керамики, украшений, элементов звериного стиля, которые могли попасть туда только из Средней Азии или через Среднюю Азию, и о таких фактах, как, например, появление в инвентаре сакских могил савроматских длинных мечей и элементов звериного стиля того же происхождения. Однако положение саков Приуралья на западных рубежах сакского мира и их «западная ориентация» еще не исчерпывают тех признаков, которые отличают их культуру от культуры других сакских племен. Население степей Приуралья находилось в постоянных контактах с населением земледельческих оазисов Средней Азии. Блестящим проявлением этих связей явились мавзолеи Тагискена эпохи поздней бронзы, выстроенные из прямоугольного сырцового кирпича древнейших южнотуркменских стандартов и содержащие в погребальном инвентаре круговую керамику. Строительство из сырцового кирпича с сохранением некоторых строитель-

⁶² К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 277—280.

ных приемов, связанных с эпохой бронзы, продолжает играть важную роль в архитектуре жилых и погребальных сооружений саков низовой Сырдарьи и позже, в IV в. до н. э., а может быть и несколько раньше. Природные условия дельты Сырдарьи, равно как и культурные связи с территориально близким земледельческим населением низовой Амударьи, где в VII—VI вв. до н. э. было уже достаточно высоко развито ирригационное земледелие, способствовали усилению роли земледелия в хозяйстве приаральских саков и развитию у них полукочевого хозяйства с более прочной оседлостью. Примечательно, что при обязательном наличии конской узды в погребениях саков Приаралья в них ни разу не были обнаружены погребения коней или кости животных, за исключением двух курганов V в., до н. э. на Уйгараке, где в одном случае с умершим были положены два бараньих черепа, в другом — крестец барана. С другой стороны, в одном из уйгаракских погребений был встречен обломок куранта. Мы, к сожалению, пока не располагаем по дельте Сырдарьи столь же полным материалом из истории земледелия, как по дельте Амударьи, но тем не менее вышеперечисленные соображения плюс наличие таких больших сакских поселений, как Чирик-Рабат и Бабиш-Мулла, и зафиксированная близ последнего развитая ирригационная сеть, позволяют думать, что ирригационное земледелие должно было иметь здесь свою предысторию.

Связи саков Приаралья со среднеазиатским и переднеазиатским миром проявились и в наличии явно привозных сосудов (в частности, типа Яз II) в погребениях Уйгарака (рис. 10), в роли образов льва и пантеры в изобразительном искусстве, в наличии явно привозных украшений (бусы из бирюзы, сердолика, бусы с содовым орнаментом). Видимо, в проникновении к савроматам Южного Приуралья отдельных элементов культуры, имеющих средне- или переднеазиатское происхождение, немалая роль принадлежала сакам Приаралья. Такую же функцию выполняли они, очевидно, и в отношении сакских племен казахстано-сибирского круга, с которыми, при всех локальных особенностях, их связывала все же общность культуры. Типично казахстанский тип узды, некоторые элементы звериного стиля, формы оружия — все это ведет нас на восток. Бесспорно восточного происхождения, но не казахстанского (центральноазиатского?) монголоидная примесь, которая наблюдается на некоторых женских черепах Тагискена и Уйгарака, хотя в целом погребенные в этих могильниках, равно как и саки других областей Казахстана, европеоиды. Тот обширный круг этнических и культурных связей, которые мы наблюдаем при анализе культуры ранних саков низовой Сырдарьи, особенности их хозяйства, некоторое своеобразие их антропологического облика заставляют нас рассматривать их как особую группу, видимо, не одного, а нескольких родственных сакских племен.

Я. Л. Членова   **К ВОПРОСУ
О ПЕРВИЧНЫХ МАТЕРИАЛАХ ПРЕДМЕТОВ
В ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ**

Проблема происхождения скифского звериного стиля тесно связана с вопросом о том, из каких материалов первоначально изготовляли вещи в этом стиле. Материалы и техника изготовления зооморфных предметов могут указывать и на время возникновения звериного стиля (если, например, древнейшим материалом звериного стиля была бронза, то и стиль не мог возникнуть раньше эпохи развитой бронзы; если камень, кость или дерево — дата менее определена, и здесь надо установить, какими орудиями обрабатывали эти материалы), и на область, где он мог возникнуть (если, например, древнейший материал — дерево, то вряд ли звериный стиль мог родиться в безлесной степи и т. д.). В 20-х годах

Г. О. Боровка, а в 40-х годах Д. Н. Эдинг и Э. Миннс выдвинули теорию о том, что скифский звериный стиль происходит из «местного» неолитического искусства Севера, Урала и Сибири¹, первичными материалами звериного стиля были кость и дерево, а прототипами скифского звериного стиля — изображения животных в культурах Севера, Урала и Сибири, конкретнее — роговые фигурки лосей из Базаихи (Красноярск), деревянные фигурки лосей и головки уток из Шигирского и Горбуновского торфяников на Урале и из Финлян-

¹*G. Borovka*. Scythian Art. London, 1928; *Д. Н. Эдинг*. Резная скульптура Урала. ТГИМ, X, 1940; *E. H. Minns*. The Art of the Northern Nomads. «Proc. of the British Academy», vol. XXVIII. London, 1942.

дии — северные каменные головки досей и медведей, украшающие сверленные топоры. Эта теория сразу же была подвергнута критике со стороны А. М. Талльгрена, считавшего, что поскольку другие элементы северных неолитических культур не имеют ничего общего со скифской культурой, совершенно непонятно, каким образом скифская культура могла заимствовать с Севера один только звериный стиль. Он писал, что нельзя рассматривать скифскую культуру как ожерелье, нанизанное из различных бусин².

В связи с работами М. И. Ростовцева и других исследователей наибольшее признание получила теория ближневосточного происхождения звериного стиля. Теория Г. Боровки и Д. Н. Эдинга мало кем разделяется. Однако и до сих пор в работах некоторых зарубежных и советских исследователей можно встретить фразы о том, что, рассматривая происхождение скифского звериного стиля, нужно учитывать «местные, северные факторы», о которых писали Г. Боровка и Д. Н. Эдинг³. Это побуждает вновь вернуться к теории Г. Боровки — Д. Н. Эдинга и рассмотреть конкретные изделия из кости, рога и дерева в различных культурах скифского мира. Поскольку в упомянутой теории большое место отводится сибирской тайге как одному из предполагаемых очагов возникновения звериного стиля, рассмотрим прежде всего звериный стиль тагарской культуры, занимающей Минусинские степи и непосредственно граничащей с тайгой.

Звериный стиль в тагарской культуре, как и в других культурах скифского периода, занимает видное место. Он представлен на оружии (кинжалы, чеканы, секиры, боевые топоры), предметах конского убора (псалии, ворворки, всевозможные уздечные бляхи), ножах, бронзовых котлах, зеркалах и, по-видимому, на одежде.

Подавляющее большинство дошедших до нас татарских изображений зверей выполнено в бронзе (801 из общего числа 817, что составляет $98 \pm 0,5\%$), 5 или 6 предметов — в железе и 11 предметов — из кости (это составляет всего $1,35 \pm 0,4\%$ от общего числа тагарских изображений зверей). Процент костяных вещей

среди тагарских изображений очень мал. Это не может объясняться плохой сохранностью кости в тагарских курганах, так как скелеты тагарских покойников и костяные наконечники стрел в них сохраняются прекрасно. Деревянных образцов татарского звериного стиля не найдено совсем. Дошедшие до нас костяные изображения животных происходят как из случайных находок, так и из курганов рубежа VI и V вв. до н. э. (Кызыл-Куль, курган 1; Усть-Тесь, курган 2⁴), V в. до н. э. (курган у железнодорожной казармы на Аскыз-Абаканской ветке)⁵. Лишь один костяной псалий с головками животных и костяной гребешок с двумя схематическими фигурами козлов относятся к VII—VI вв. до н. э. (Страшной Лог⁶, Кара-курган⁷). Огромное большинство тагарских зооморфных вещей VII—VI вв. до н. э. изготовлено из бронзы. Таким образом, количество изображений зверей из кости в начале тагарской культуры еще меньше, чем во второй ее половине (хотя количество раскопанных тагарских курганов VII—VI вв. до н. э. значительно больше, чем курганов V в. до н. э.). Все это не позволяет думать, что кость или рог были древнейшими материалами тагарского звериного стиля. Обращаясь к карасукской культуре, основной период существования которой относится к дотагарскому времени, мы не найдем там ни одного изображения зверя из кости или рога. Все дошедшие до нас карасукские изображения зверей бронзовые. Это также подтверждает мнение, что первоначальным материалом звериного стиля в Минусинской котловине была не кость, а бронза.

Что же представляют собой татарские костяные изображения зверей? Мотивы их не слишком разнообразны. Это лошади: три головки на навершиях костяных ножицков из Усть-Теси (рис. 1, 1), Усть-Ербы (рис. 1, 2) и Кызыл-Куля (рис. 1, 3) и две головки, скульптурная и рельефная, также из Кызыл-Куля (рис. 1, 4, 5) — всего 5 экз.; три изображения лежащих львов (одно из «Кургана близ железнодорожной казармы» и два — случайные находки — на костяных накладках, вероятно, от сбруи, рис. 1, 6—8)⁸, одна фигура собаки

² А. М. Tallgren. Zum Ursprungsgebiet des sogenannten skythischen Tierstils. «Acta Archaeologica», IV, N 2-3, 1933, S. 259.

³ D. Carter. The Symbol of the Beast: the Animal-style Art of Eurasia. New York, 1956, p. 11, 29; С. С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., 1965, стр. 122—123, 132—133; А. П. Смирнов. Скифы. М., 1956, стр. 167.

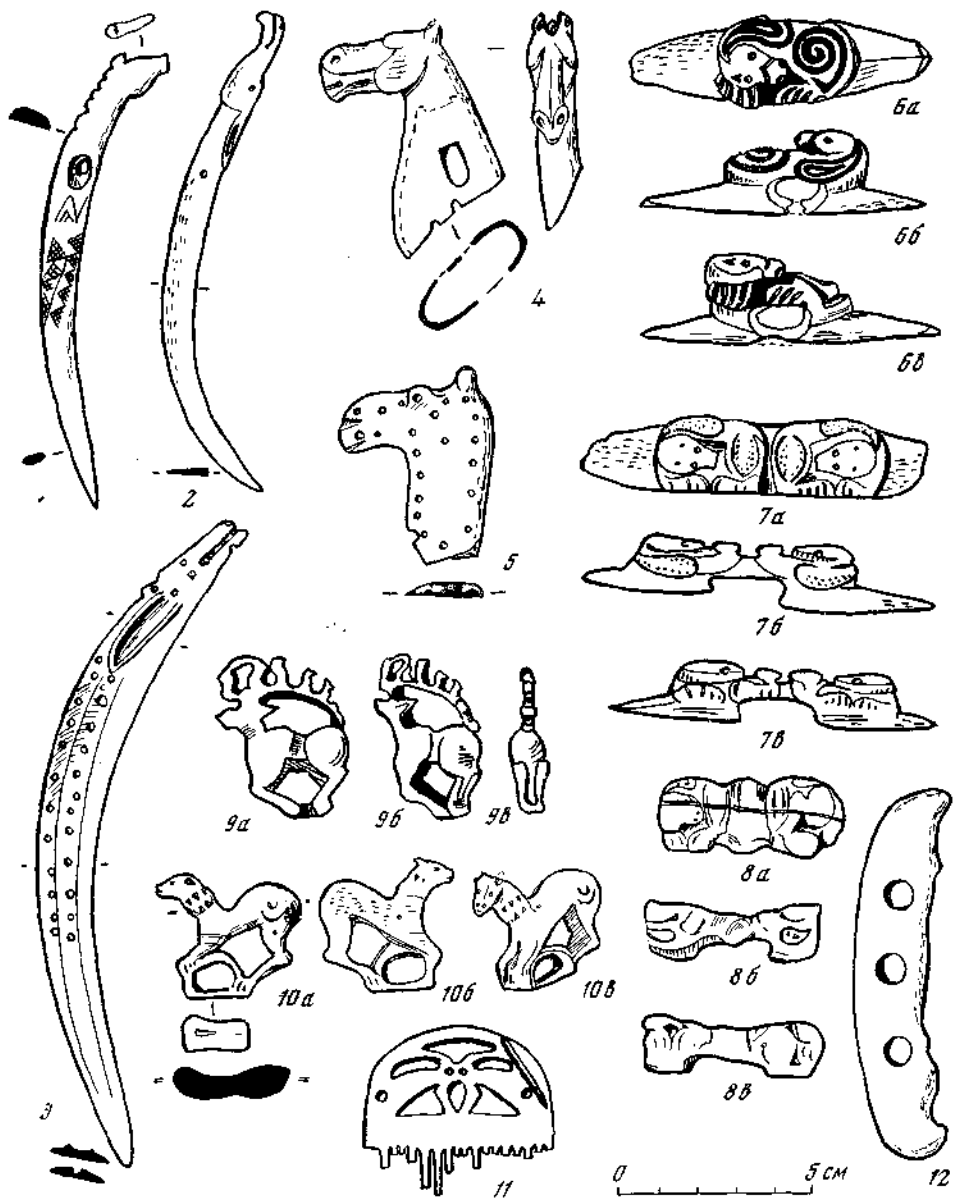
⁴ Раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГЭ, колл. 1126 и ГИМ, хр. 85/126; раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 10987.

⁵ Раскопки А. Н. Липского, 1953, АМ.

⁶ Курган 13; раскопки М. П. Грязнова, 1958. Архив ИА АН СССР.

⁷ Курган 2; раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГИМ, 33517, хр. VII, 47/66.

⁸ С. Лугавское, ММ., 401; Минусинский край, ММ, 402.

Рис. 1.

Тагарская художественная резная кость

1 — Усть-Тесь, курган 2, раскопки С. В. Киселева, 1928 г., ММ, 10987; 2 — Усть-Ерба, курган 2, погр. III, раскопки С. В. Киселева, 1931 г., ГИМ, хр. VII 47/96; 3—5 — Кызыл-Куль, раскопки А. В. Адрианова, 1895 г., ГЭ, 1126-143, 145; ГИМ, хр. 85/126; 6 — «Курган у ж.-д. казармы на Аскыз-Абаканской ветке», раскопки А. Н. Липского, АМ, без №; 7 — с. Лугавское, ММ, 401; 8 — Минусинский край, ММ, 402; 9 — д. Козлова, ГИМ, экспозиция V зала; 10 — местность «Борки», правый берег р. Абакана, МАЭ, 252/411; 11 — Кара-кургун, курган 2, раскопки А. В. Адрианова, 1895 г.; ГИМ, 36517, хр. VII 47/16; 12 — Страшной Лог, курган 13, могила 8, раскопки М. П. Грязнова, 1958 г., архив ИА

в ошейнике, напоминающей борзую, украшавшая какую-то обойму, — вероятно, также принадлежность сбруи (рис. 1, 10)⁹; фигурка благородного оленя (рис. 1,9)¹⁰, козла (Каракурган, рис. 1, 11) и, наконец, непонятные головки лошадей или грифонов, украшающие концы костяного трехдырчатого псалия (Страшной Лог, рис. 1, 12). Все сюжеты находят достаточно точные аналогии в бронзовых предметах татарского и скифского звериного стиля. Так, конские головки встречаются и на бронзовых татарских ножах рубежа VI—V вв. до н. э.¹¹ и на скифских архаических псалиях из Причерноморья¹². Фигурки свернувшихся кошачьих хищников также обычны для тагарских и скифских бронз: разбираемая здесь поза льва ближе всего к позе хищника на татарском зеркале (рис. 2, 1)¹³. Костяной олень очень напоминает многочисленные бронзовые и золотые изображения оленей тагарской культуры и с территории скифов Причерноморья, саков Средней Азии и Казахстана. Ближе всего этот олень напоминает бронзовую фигурку на обухе миниатюрного татарского чекана (рис. 2, 2)¹⁴. Костяные головки лошадей, и скульптурная и рельефная, уникальны; точные аналогии мне не известны. Изображений собаки в татарском искусстве больше не встречено, так что датировка этого предмета несколько условна: она основана на общем стиле, в каком выполнена фигурка. Этот предмет может быть сопоставлен с изображением собаки из Мастюгина Воронежской области (IV—III вв. до н. э.)¹⁵.

Таким образом, все костяные тагарские изображения зверей (за исключением уникальных) дублируют бронзовые и близки предметам звериного стиля из других областей скифского мира. Обратим внимание на полное отсутствие среди костяных татарских изображений зверей представителей специфически таежной фауны: лосей, медведей и др. То же самое и среди бронзовых татарских изобра-

жений: нет ни одного медведя и отмечено всего три изображения лося без рогов¹⁶.

Если обратимся к звериному стилю других областей скифского мира, то увидим сходную картину: повсюду фигуры зверей из кости и рога занимают довольно скромное место. Это относится и к другим культурам, близко соприкасающимся с лесными областями — большебереченской и ананьинской: первая вообще почти не знает звериного стиля (одно бронзовое изображение лося в Томском могильнике VII—VI вв. до н. э.¹⁷, роговое навершие в виде конской головки из Березовского могильника (та же дата)¹⁸ и роговой псалий с головой зубастого хищника (волка?) из Ближних Елбан (V—IV вв. до н. э.)¹⁹, похожей на многие савроматские зооморфные изделия). В ананьинской культуре предметов в зверином стиле довольно много, но преобладают образцы из бронзы и камня²⁰, вещи из кости и рога — в явном меньшинстве.

Изображения лесных животных — медведя, лося встречаются²¹, но они тонут в массе общескифских мотивов (хищная птица, зубастый зверь — волк, свернувшийся кольцом кошачий хищник, кабан). Из этого следует, что лесным культурам, испытывавшим влияние скифского мира, звериный стиль не был присущ; те изображения в зверином стиле, которые там встречаются, принесены с юга и представляют вариации общескифских мотивов, часто непонятые и видоизмененные в местной среде.

Значительное место кость и дерево как материалы звериного стиля занимают в двух районах: Горном Алтае и лесостепной Украине. Однако в Горном Алтае они относятся к

⁹ Местность «Борки», правый берег Абакана, МАЭ 252/411. Определение подтверждено В. И. Цалкиным и В. И. Громовым.

¹⁰ Д. Козлова, покупка А. В. Адрианова, ГИМ.

¹¹ Чартыков улус. Раскопки А. Н. Липского, 1949, По рис. А. Н. Липского; Кызыл-Куль. Раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГЭ 1126—161.

¹² Например, из кургана у хутора Шумейко Полтавской губ. (5. Я. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. III. Киев. 1900, табл. 1, № 530, 531 и др.).

¹³ С. Никольское на Урюпе, притоке Чулыма. АМ 249-1.

¹⁴ Минусинский уезд. G. Merhart. Bronzezeit am Jenisei. Wien, 1926, Taf. IX—3.

¹⁵ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на среднем Дону. М., 1965, табл. 35, 2, стр. 27.

¹⁶ Подгорное озеро, курган I, могила I. Раскопки С. А. Теплоухова, 1930, ГЭ 5138-20; д. Кома, АМ 255-8; Кичиг-Кюзюр, курган 2, могила 7 (М. П. Завитухина. Раскопки могильника в урочище Кичиг-Кюзюр. «Археологические открытия 1965 г.» М., 1966, стр. 17).

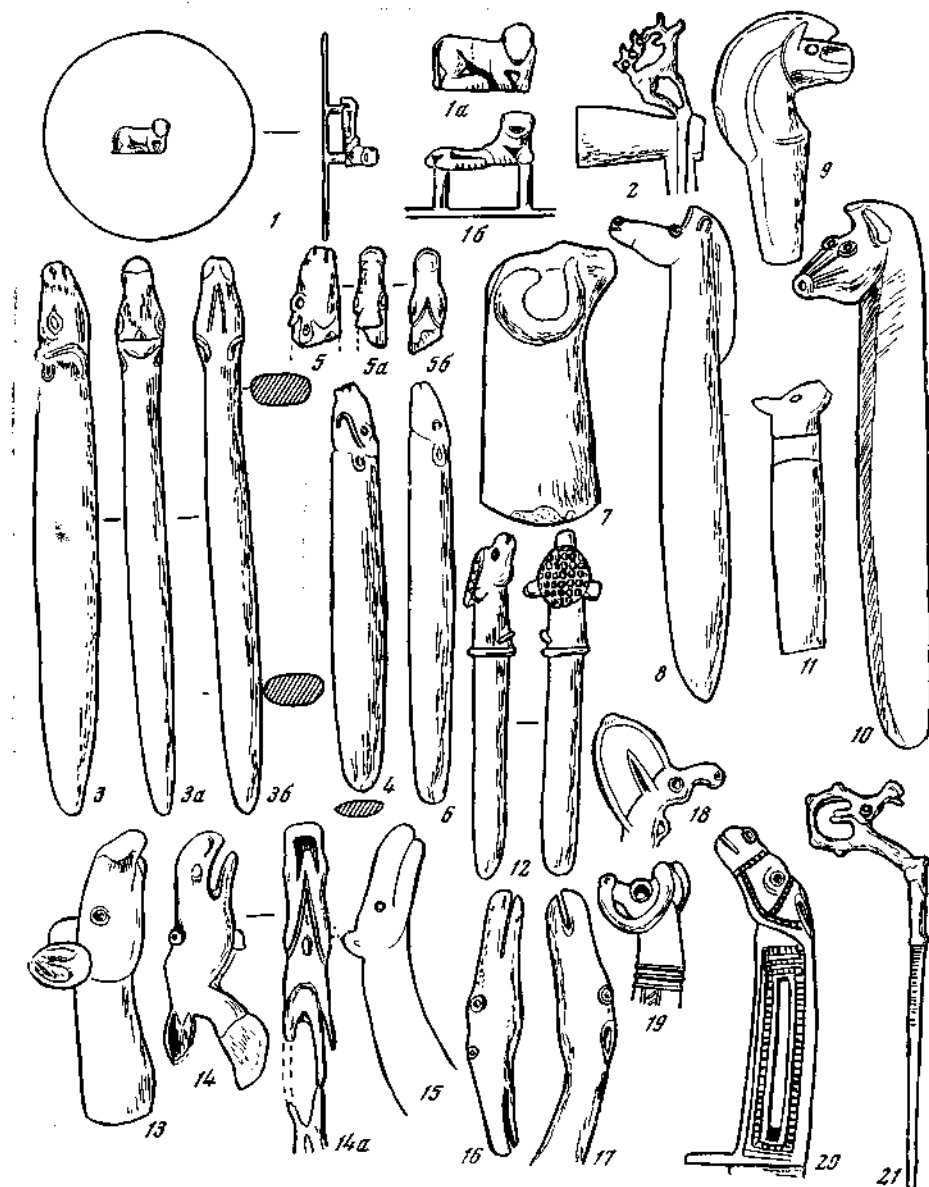
¹⁷ М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24, 1952, рис. 17, 2.

¹⁸ В. Н. Полторацкая. Могильник Березовка I. АСГЭ, № 3. Л., 1961, стр. 82, рис. 5, 1.

¹⁹ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби. МИА, № 48, 1956, табл. XXIV, 11.

²⁰ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. XVII, 3, 4; XIX, 19; XXI, 19; XXII, 3, 7, 9; XXV, 3, 4, 9—11; XXVI, 1—3, 5, 9, 11—13; стр. 134, рис. 14; табл. XXXI, 1—6, 9—16.

²¹ Там же, табл. XXIV, 8, 11 и, может быть, 13; невозможно согласиться с А. В. Збруевой в определении животных на табл. XXIV, 9 и 14 как лосей: в первом случае это лошадь, во втором — обычный зубастый хищник «на коротычках» (скорее всего, волк).

Р и с. 2.

1 — бронзовые аналоги тагарской резной кости (1 — 2); каменные, бронзовые и костяные звериные изображения бронзового века (3—21)

1 — с. Никольское на р. Урюп (Красноярский край), АМ, 249-1 (из ММ, 4655); 2 — Минусинский уезд, по G. Merhart, 1926; 3 — д. Хомутина Каратузского р-на Красноярского края. ММ, экспозиция; 4 — Кобдосский аймак, Монголия. По В. В. Волкову; 5 — Тува, с. Максимова, ММ, 11943; 6 — курган на р. Тарлашкын, Тува. По М. Х. Маннай-оолу; 7 — Минусинский край. По А. М. Tallgren, 1917; 8 — Верхний Иртыш, Семипалатинский музей. По С. С. Черникову, 1960; 9 — пос. Волчий Омской обл. По В. И. Мошинской, 1952; 10 — Станица Бухтарминская Усть-Каменогорского р-на Казахской ССР. По П. П. Славнину; 11 — Иран, Сиалк В. По R. Ghirshman. Fouilles de Sialk. Paris 1937, v. II, p. 61; 12 — Иран, Луристан. По A. Godard. Ars Asiatica, XVII. Paris, 1931, Pl. XI, 24; 13 — Сяккярви, Южная Карелия. По С. F. Meinander. Die Kiukaiskultur. SMYA, 54, 1954, Abb. 48; 14 — Базаиха, могила 6, раскопки И. Т. Савенкова, 1885 г., МАЭ, 1259-8В; 15 — Падозеро, Карелия, по А. Я. Брюсову, 1940, табл. XIV, 59; 16 — могильник «Циклодром» («Локомотив»), г. Иркутск. По П. П. Хороших; 17, 20 — «могила слона», Аньян. По Н. Kühn, JPEK, 12, 1938; Taf. 57 — 65; 18, 19 — Чаодоугоу, провинция Хэбей, Китай (эпоха Западного Чжоу). По Каору, 12, 1962; 21 — Луристан. По L. Legrain. Luristan Bronzes in the University Museum. Philadelphia, 1934, Pl. VI-21
 Разные масштабы. 1, 2, 17—21 — бронза; 3, 5 — красная яшма; 4, 6—8, 11, 12, 15 — камень, точнее не указано; 9 — тальковый сланец; 10 — «зеленовато-черный камень из группы диабазов» (?); 12 — бронза и камень; 13 — туф; 14, 16 — рог

V—IV вв. до н. э. (Пазырык, Башадар) и, следовательно, не могут рассматриваться как древнейшие, первичные материалы²². Лесостепная Украина — единственная область скифского мира, где изображения зверей на изделиях из рога и кости занимают ведущее место в искусстве VII—VI вв. до н. э. Большинство зооморфных мотивов встречается там на костяных псалях²³. Такое преобладание кости можно рассматривать, очевидно, как местную особенность культуры лесостепной Украины. Но сюжеты звериного стиля и здесь имеют общескифский облик: это головки грифонов, барано-грифонов, лошадей²⁴ и лишь несколько лосей²⁵.

Все рассмотренные факты явно противостоят теории Д. Н. Эдинга и Э. Миннза о происхождении скифского звериного стиля.

Очевидно, для скифского искусства (в широком смысле этого слова) малохарактерно употребление кости и дерева. За очень редкими исключениями не встречается там и изображений таежных животных.

Рассмотрим теперь сами «северные прототипы» звериного стиля. Со времени публикаций Г. Боровки и Д. Н. Эдинга число подобных находок значительно увеличилось: были найдены скульптуры лосей на о. Жилом в низовьях Ангары, на Циклодроме в Иркутске (рис. 2, 16), в могильнике Улан-Хада IV. Каменные скульптуры медведей были найдены в Самусе под Томском; роговые и костяные изображения лосей — в Оленеостровском могильнике на Белом море²⁶. По мере накопления материала все более ясной становится его однородность, принадлежность к одной стилистической группе, отмечавшаяся еще В. А. Городцовым, А. М. Талльгреном,

Х. Айлио, а в более позднее время А. Я. Брюсовым В. И. Равдоникасом, А. П. Окладниковым²⁷. Сюжеты изображений в тех случаях, где это можно определить, — это исключительно лось, медведь и водоплавающие птицы. В собственно скифском искусстве как раз эти сюжеты встречаются крайне редко. Для изображений лося характерна чрезмерно вытянутая, узкая морда, тело часто геометризмовано и представляет подобие прямоугольника, рогов нет. Головы медведей изображаются более округлыми, следуя натуре. Для всех животных характерно подчеркивание нижних челюстей и разделка межчелюстного пространства желобками или углами. Эта особенность, подмеченная еще В. А. Городцовым²⁸, обнаруживается и на всех новых находках, перечисленных выше, но совершенно не встречается в скифском искусстве.

С другой стороны, таежной скульптуре от Байкала до Скандинавии совершенно чужды такие позы скифских зверей, как «припавший к земле» или «скребуший» хищник, как животное с перекрученным телом или свернувшееся кольцом, подчеркивание рельефом, а иногда и значками лопаток и бедер животного, изображение оскаленной пасти, туловище в виде шариков и цилиндров и, наконец, изображение резких граней на шее и теле животного (костромской олень, келермесская пантера и др.). Последнюю особенность Г. Боровка считал важнейшим доказательством происхождения скифского искусства из таежного неолитического, однако все известные до сих пор таежные скульптуры из камня, кости, рога и дерева отличаются, напротив, округлостью и мягкостью рельефа и сглаженностью углов и граней даже в тех случаях, когда тело животного геометризмовано (базайские, горбуновские и оленеостровские фигурки лосей). Словом, в таежном неолитическом искусстве отсутствует весь комплекс признаков скифского звериного стиля, охарактеризованный Г. О. Боровкой. Однако есть и черты, не отмеченные Г. О. Боровкой, но сближающие некоторые таежные образцы со скифским зве-

²² М. П. Грязное. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, табл. VI, 2; IX, 1, 2; XIV, 1; XIX, XX, 3, 4; XXI, 3; С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. XIV, 3; XVI, 4; XIX, 1 и др.; он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, табл. XIII—XVI, XXVIII—XXXI, XCVI, XCVI и др.

²³ В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, № 1, рис. 1, 2, 10, 13.

²⁴ Там же.

²⁵ Жаботин, курган 2 (там же, рис. 3).

²⁶ А. П. Окладников. Неолитические находки в низовьях Ангары. ВДИ, 1935, № 4, стр. 181; П. П. Хоросих. Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г. Иркутске. «Сибирский археологический сборник», вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 80, рис. 8; Г. А. Максименков. Культура древних племен среднего Енисея. Канд. дисс. Л., 1961, стр. 47; В. И. Матющенко. Новые находки из низовьев реки Томи. КСИА, вып. 84, 1961, стр. 130—132; Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956.

²⁷ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. «Отчет Исторического музея за 1914 г.» М., 1916, стр. 209; J. Ailio. Zwei Tierskulpturen. SMYA, XXVI, Helsinki, 1912; А. М. Tallgren. Some North-Eurasian Sculptures. ESA, XII, Helsinki, 1938, р. 109—135; А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Труды ГИМ, X, 1940, стр. 83—91; В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI, 1940, стр. 60; А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея. СА, 1957, № 1.

²⁸ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 209.

риным стилем: изображение глаз и ноздрей животных в виде сквозных круглых отверстий или в виде выпуклостей, обведенных концентрическими кружками (лоси из Шигирского и Горбуновского торфяников, из Финляндии, Карелии и Базаихи — рис. 2, 13—15)²⁹, изображение уха в виде «ложечки», «копытца» или «сердечка» (рис. 2, 13—14)³⁰. Эти же особенности характеризуют и карасукское (рис. 2, 17—21) и сейминско-турбинское искусство³¹. Последнему свойственна и та «разделка» нижней челюсти у зверей, о которой говорилось выше как о характерной для таежной неолитической скульптуры, и мотив лося. По этой причине вслед за В. А. Городцовым многие авторы (Д. Н. Эдинг, В. И. Равдоникас, М. Гимбутас) связывали таежное неолитическое искусство с искусством Сеймы и Турбина. При этом В. А. Городцов считал сейминско-турбинское искусство источником северного таежного, а Д. Н. Эдинг — напротив, уральское и северное искусство — предком и источником сейминско-турбинского.

По-видимому, настало время вернуться к точке зрения В. А. Городцова. Основания для этого следующие. Во-первых, неолитические сибирские и уральские скульптуры не древнее сейминско-турбинских. Г. А. Максименков убедительно доказал глазковский возраст базайских погребений³², что же касается глазковских погребений, то они входят в круг синхронных культур Бородино — Сейма — Карасук — Анян, что доказано В. А. Городцовым в позднейших работах М. Гимбутас и В. А. Сафронова³³. Лоси с 6-го разреза Горбуновского торфяника датируются найденным в том же слое вислобушным топором, который большинство исследователей считают синхронным сейминским памятникам. Наконец, карельские скульптуры А. Я. Брюсов считал в целом синхронными сейминским, а В. И. Равдоникас так же датировал Оленеостровский могильник. Датировка Н. Н. Гуриной этого могильника

III тысячелетием до н. э. не представляется убедительной^{33а}. Во-вторых, звериные скульптуры, подобные северным, известны теперь и на юге. Это прежде всего серпентиновая фигурка медведя или кабана со сверлиной в спине из северо-западных Каракумов. Его чрезвычайно близкое сходство с карельскими топорами, украшенными головами животных, уже отмечалось³⁴. В более восточных областях находки подобных скульптур располагаются длинной полосой, протянувшейся с юга на север через Западную Монголию (Кобдосский аймак), Южную Туву, Минусинскую котловину, р. Бухтарму и далее вниз по Иртышу и его притокам. Мы имеем в виду каменные песты или точильные камни с головками животных, также с подчеркиванием нижних челюстей. Один пест из Тувы найден в комплексе с медным двулезвийным ножом, напоминающим некоторые сейминско-турбинские и глазковские изделия³⁵. Один такой точильный камень найден в Иране (некрополь Сиалк В, рис. 2, 11).

На пестах изображены головки лошадей, быков, баранов и верблюда (рис. 2, 3—10)³⁶.

²⁹ Д. Н. Эдинг. Указ. соч., вклейка между стр. 44 и 45; стр. 63, рис. 44; стр. 56, рис. 48—49.

³⁰ Ср. с ушами «копытцем» и «сердечком» у животных из Саккыза, Малгобека и на архаических скифских изображениях (В. А. Ильинская. Указ. соч., рис. 1, 2, 7, 10; рис. 2, 2; рис. 4, 1; рис. 5; рис. 6, 1 и многие другие).

³¹ См. изображение ноздрей у лошадей на сейминском ноже. Горьковский краеведческий музей, № 653.

³² Г. А. Максименков. Указ. соч., стр. 36—47.

³³ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 217—219; М. Гимбутас. Borodino. Seima...; В. А. Сафронов. Некоторые вопросы среднебронзового века Восточной Европы. «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966.

^{33а} А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 154; М. Гимбутас. Middle Ural Sites and the Chronology of Northern Eurasia.— Proceedings of the Prehistoric Society for 1958, vol. XXVI, p. 125—126, 155; О. Н. Евтюхова. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья. МИА 130, М.—Л., 1965, стр. 138—141; А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 85, 90—92; В. И. Равдоникас. Указ. соч., стр. 60; Н. Н. Турина. Указ. соч., стр. 247—256, 258.

³⁴ А. А. Иессен. Каменная скульптура медведя из Туркмении. «Труды ОИПК», т. 1. Л., 1941, стр. 9, табл. 1, II—I.

³⁵ Еще В. А. Городцов писал, что карельские и уральские скульптуры и навершие сейминского кинжала подражают минусинскому песту с головкой быка (в то время еще единичной находке). В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, т. 7. М., 1927, стр. 625.

³⁶ Монголия. Кобдосский аймак: В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, рис. 1, 6; Тува: ММ 11943 (близ с. Максимова у подножия Нойонского хребта); М. Х. Маннай-оол. Итоги археологических исследований в Туве в 1961 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X. Кызыл, 1963, стр. 244, табл. III, 14, 15 (Эрзинский р-н Тувинской АССР, курган на р. Тарлашкын); Минусинская котловина: В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, МАР 15, табл. XXII, 1. СПб., 1894; А. М. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, p. 37, fig. 36; С. Р. Цыганков. Описание некоторых уникал археологической коллекции Минусинского музея. «Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартянова», т. IV, вып. 1. Минусинск, 1926, стр. 84; Бухтарма и Верхний Иртыш: П. П. Славнин. Каменный жезл с головой коня. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 125; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 86, сно-

углубление³⁸. Таким образом, происхождение обычая подчеркивать нижнюю челюсть углом связано с техникой отливки определенных изделий, именно ножей и кинжалов с головами животных карасукской эпохи. Из этого следует, что перечисленные каменные и костяные головки Севера и Сибири, на которых этот прием уже не диктуется техникой изготовления, а выродился в традиционный орнамент, появились не раньше, а несколько позже карасукских ножей. О том же свидетельствуют грани по хребту, морде и животу базайских роговых лосей, имитирующие литейные швы от половинок литейных форм³⁹.

Изображения глаз в виде концентрических кружков, туловища и головы в виде шариков и цилиндров на далеком юге восходит к очень древней эпохе. Э. Герцфельд блестяще доказал, что эти особенности связаны с обработкой мягкого камня — стеатита с помощью сверла и других инструментов в Иране и на Ближнем Востоке. Так изготовлялись печати «типа Керкук» (XV—XIII вв. до н. э.) и стеатитовые статуэтки⁴⁰. Теперь, однако, известно, что те же приемы применялись на древнем Востоке в течение очень долгого времени — с конца IV тыс. до н. э. (эпоха Джемдет-Наср) до позднеассирийской эпохи (VII в. до н. э.)⁴¹. Эти особенности стеатитовых печатей и фигурок были перенесены в бронзу еще в середине II тысячелетия до н. э. (звериный стиль Луристана, рис. 2, 12, 21) и затем широко распространились в Евразии, получив отражение в евразийском зверином стиле (рис. 2, 18—20).

Перенесение в бронзу этих приемов было, видимо, самым естественным делом, поскольку перечисленные породы — стеатит, агальматолит, колыб-таш, тальковый сланец и т. п. — являются огнеупорами, что и оценили еще в глубокой древности, изготавливая из них литей-

ные формы⁴². Так что при изготовлении фигурок и литейных форм для них из этих пород камня применялись одни и те же приемы. Литейные формы из талькового сланца были очень распространены на территории нашей страны в карасукскую и предскифскую эпоху⁴³. В этой связи интересны сведения о наличии месторождений этих камней на Украине, Урале, в Центральном и Северном Казахстане, в Ганьсу, Туве, Саянах⁴⁴. В Минусинской котловине месторождений стеатита или агальматолита пока не найдено, однако известны многочисленные поделки из него (д. Калы, с. Бейское, с. Тесь на р. Туба, д. Казанцева, с. Батени)⁴⁵, в том числе относящиеся к татарской (около V в. до н. э.)⁴⁶ и окуневской культурам (II тысячелетие до н. э.)⁴⁷. В Прибайкалье обработанный стеатит встречается в китайских памятниках⁴⁸.

Интересно, что среди перечисленных выше пестов с головами животных есть изготовленные из талькового сланца (рис. 2, 9); а дру-

⁴² Колыб-таш в переводе «камень для форм» (*калыт* на всех тюркских языках значит «форма, модель»), откуда и заимствовано в славянские языки — русский, польский, болгарский, сербский, видимо, в древности, в значении «литейная форма». {А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914, стр. 288; Б. А. Рыбаков. Ремесло в древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 159}.

⁴³ Формы для отливки карасукских ножей и других предметов из Беклемишево (тальковый сланец) и Хара-Бусуна (стеатит) в Забайкалье (А. И. Махалов. Формы для отливок и бронзовые ножи из Забайкалья. «Материалы Читинского краевого музея». Иркутск-Чита, 1929, стр. 19; Г. П. Сосновский. К истории добычи олова на востоке СССР. ПИМК, 1933, № 9—10, стр. 18); подавляющее большинство форм эпохи поздней бронзы из Причерноморья (В. Ф. Петрунь. Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья. «Памятники эпохи бронзы на юге Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 185—192).

⁴⁴ А. Е. Ферсман. Драгоценные и цветные камни СССР, т. I. Л., 1922, стр. 327—328; т. II, Л., 1925, стр. 271, 344; «Сибирская Советская Энциклопедия», т. I. Новосибирск, 1929, стр. 11; И. И. Бок, К. Н. Озеров, В. Н. Шербина. Изучение неметаллических ископаемых Казахстана за 25 лет. «Изв. Казах. филиала АН СССР», серия геол., № 6-7 (20). Алма-Ата, 1945, стр. 206; В. Ф. Петрунь. Указ. соч.

⁴⁵ И. Т. Савенков. Каменный век в Минусинском крае. М., 1896, стр. 56, 57, 66, 67.

⁴⁶ Там же, стр. 57—58 (булава с изображением животных).

⁴⁷ Статуэтки людей из с. Таштып, с. Сыды и др. (А. М. Tallgren. Some North-Eurasian Sculptures, p. 132, 135, fig. 132, 135, fig. 27; М. П. Грязное, М. Н. Комарова. Раскопки могильников в Западной Сибири. «Археологические открытия 1965 г.» М., 1966, стр. 13—15).

⁴⁸ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 43, 1955, стр. 172.

³⁸ Д. Н. Эдинг писал по поводу головки лося с Анни-на острова: «Трактовка глаз, понятная в литых изображениях, позволяет видеть в этой скульптуре одно из поздних произведений резьбы...» («Резная скульптура...», стр. 57). Но подобная же трактовка видна и на скульптурах с 6-го разреза Горбуновского торфяника (там же, вклейка после стр. 44).

³⁹ МАЭ, 1259-5.

⁴⁰ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1941.

⁴¹ W. H. Ward. The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910, Pl. XXXII; H. Frankfort. Cylinder Seals. London, 1939, Pl. VII — f, g, h, j, k, Pl. VI — c; D. J. Wiseman. Götter und Menschen in Rollsiegel Westasiens. Praha, 1958, Pl. 5; B. Parker. Excavations of Nimrud. «Iraq», XVII, pt. 2, 1955, Pl. XVI — I, p. 194; H. H. v. d. Osten. Altorientalische Siegelsteine der Sammlung H. S. Aulock. «Studia Ethnographica Upsaliensia», v. XIII. Upsala, 1957, fig. 327—331.

гие — из яшм (рис. 2, 3, 5), а упомянутая выше фигурка медведя из Туркмении — из серпентина. Яшмам, серпентинам, нефриту обычно и сопутствуют тальк и хлорит, а добыча и обработка яшм и серпентинов шла, по-видимому, параллельно с добычей талько-хлоритового сырья для литейных форм. Действительно, обработка яшм, серпентина и нефрита падает на бронзовый век⁴⁹. Таким образом, есть все основания заключить, что древнейшие изображения в зверином стиле на территории нашей страны относятся к бронзовому веку, точнее, к карасукской эпохе.

В таком случае изображение глаз и ноздрей животных в виде концентрических кружков как в архаическом скифо-сибирском, так и в таежном неолитическом искусстве может объясняться тем, что в обоих случаях мы имеем дело с перенесением техники обработки стеатита (и других мягких камней) сверлом на другие материалы. Н. Н. Турина по сохранившимся следам доказала, что глаза костяных изображений лося из Оленеостровского могильника изготовлены сверлом⁵⁰, хотя обычно на костяных и роговых фигурках глаза вырезаются ножом, без помощи сверла⁵¹.

Чем же объяснить наличие резких граней на туловищах некоторых скифских изображений животных, послуживших основным доводом Г. О. Боровки о таежном происхождении звериного стиля? Заметим прежде всего, что огромному большинству изображений скифского и скифо-сибирского искусства эти грани не свойственны. Они встречаются по большей части на рельефных, а не на скульптурных изображениях и в эпоху архаики главным образом в западной части скифского мира: в Саккызе, Прикубанье, Болгарии (Гаршиново),

а в более позднее время (с V в. до н. э. и позже) — на некоторых золотых сибирских бляхах. Можно думать, что они связаны с изготовлением деревянных матриц для золотых блях. Такой способ изготовления многих золотых сибирских блях доказан недавно Л. Жислом⁵². Эти резкие грани могут получиться при резьбе по дереву металлическим ножом — железным или бронзовым — и сами по себе являются поэтому достаточно поздним признаком. Как раз на таежной неолитической скульптуре, вырезанной каменным ножом, имеются, как показал Ю. Айлио, очень мелкие фасетки и резких граней нет⁵³. Второй способ изготовления блях в скифскую эпоху — отливка по деревянной модели, оттиснутой в глиняной форме⁵⁴; модель также вырезалась металлическим ножом. Этот способ отливки известен и из этнографии некоторых народов, например у тувинцев и бурят⁵⁵.

Из всего изложенного следует, что предметы из кости и рога занимали незначительное место в скифском зверином стиле; что так называемые северные неолитические прототипы скифского звериного стиля на деле синхронны южным вещам в зверином стиле эпохи развитой бронзы и являются их производными; что основной комплекс признаков скифского звериного стиля отсутствует в северной скульптуре. Все это заставляет отвергнуть теорию Г. Боровки — Д. Н. Эдинга о северном, таежном происхождении скифского звериного стиля.

⁵² L. Jisl. K technice zlatych sibirskych plaket. «Památku archeologické», t. LII, 1961, s. 297—305.

⁵³ J. Ailio. Указ. соч., стр. 264—265, прим. 6. То же на деревянной уральской скульптуре (Д. Н. Эдинг. Указ. соч., рис. 23—41 и таблица-вклейка между стр. 44 и 45).

⁵⁴ Z. Jisl. Указ. соч.; С. И. Руденко считает этот способ единственным в изготовлении золотых сибирских блях (С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ. вып. Д-3-9, 1962, стр. 25—26).

⁵⁵ С. И. Вайнштейн. Народные способы металлического литья у тувинцев. СЭ, 1956, № 4; А. В. Тумахани. Некоторые данные о художественной обработке металла у бурят. «Краткие сообщения Бурятского НИИ СО АН СССР», вып. IV. Улан-Удэ, 1962, стр. 37.

⁴⁹ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 12.

⁵⁰ Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 215.

⁵¹ С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, табл. 23, 38; В. В. Антропова. Современная чукотская и эскимосская резная кость. Сб. МАЭ, XV, М.—Л., 1953, рис. 32, 34, 35, 37, табл. XVII—XX; Е. П. Орлова. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. Новосибирск. 1964.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ РСФСР	Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.	МАУ	Материалы з антропології України
АЛЮР	Археологическая летопись Юга России	МАЭ	Музей антропологии и этнографии АН СССР
АМ	Абаканский музей	МГУ	Московский государственный университет
АО	Античное общество	МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
АП УРСР	Археологічні пам'ятки УРСР	ММ	Минусинский музей
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа	НВСА	Некоторые вопросы скифской археологии
БСЭ	Большая Советская энциклопедия	НИС	Нумизматика и сфрагистика
БЧ	Библиотека чтения	ОАК	Отчеты археологической комиссии
ВДИ	Вестник древней истории	ОИПК	Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ВЛГУ	Вестник Ленинградского государственного университета	ПИМК	Проблемы истории материальной культуры
ВССА	Вопросы скифо-сарматской археологии	ПИСП	Проблемы истории Северного Причерноморья
ГИМ	Государственный Исторический музей	СА	Советская археология
ГМИИ	Государственный Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	САИ	Свод археологических источников
ГЭ	Государственный Эрмитаж	СЕИ	Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965
ДП	Б. Т. и В. И. Ханенко. Древности Приднестровья	СХМ	Сообщения Херсонесского музея
ЗООО	Записки Одесского археологического общества	СЭ	Советская этнография
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей	ТГИМ	Труды Государственного Исторического музея
ИА	Институт археологии	УЗКНИИ	Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ИАДК	История и археология древнего Крыма	УЗЛГУ	Ученые записки Ленинградского государственного университета
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры	УТНИИЯЛИ	Ученые записки Тувынского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ИВАД	Известия на Варненско археологическо дружество	АА	Archaeologische Anzeiger
ИАК	Известия археологической комиссии	АЕ	Archaeologia Ertesitö
ИАИ, ОЛЯ	Известия Академии наук, Отделение литературы и языка	АН	Archaeologia Hungarica
ИИМК	Институт истории материальной культуры АН СССР	ArAs	Artibus Asiae
АН СССР	Известия Таврической ученой архивной комиссии	BMFEA	Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm
ИТУАК	Культура античного мира	САН	Cambridge Ancient History
КАМ	Корпус боспорских надписей	ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua
КВН	Краткие сообщения Государственного Исторического музея	IOSPE	Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
КСГИМ	Краткие сообщения Института археологии	JPEK	Jahrbuch für Prähistorische und Ethnographische Kunst
КСИА	Краткие сообщения Института истории материальной культуры	MCA	Materiale și cercetări archeologica
КСИИМК	Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея	PZ	Praehistorische Zeitschrift
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского государственного университета	RE	Real-Encyclopädie des Klassischen Altertumswissenschaft
КСОГУ	Ленинградский государственный университет	RESEE	Revue des études sud-est Européen
ЛГУ	Материалы по археологии Северного Причерноморья	RIEB	Revue internationale des études balkaniques
МАПП	Материалы по археологии России	RN	Revue numismatique
МАР	Материалы по археологии Северного Причерноморья	SCIV	Studii și cercetări istorii vechie
МАСП		Willmanns, FIL	G. Willmanns. Exempia inscriptionum Latinarum

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Г. Петренко</i>	Задачи и тематика конференции	3
I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СКИФОВЕДЕНИЯ		
<i>Г. Ф. Дебец</i>	О физических типах людей скифского времени	8
<i>В. И. Абаев</i>	О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы	10
<i>В. И. Цалкин</i>	Животноводство населения Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы и раннего железа	13
<i>А. И. Тереножкин</i>	Скифская культура	15
<i>М. И. Артамонов</i>	Скифо-сибирское искусство звериного стиля	24
<i>Е. В. Черненко</i>	О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии	35
II. СКИФЫ СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ		
<i>А. И. Мелюкова</i>	Население Нижнего Поднестровья в IV—III вв. до н. э.	39
<i>Д. Б. Шелов</i>	Скифо-македонский конфликт в истории античного мира	54
<i>Э. А. Симонович</i>	Культура поздних скифов и Черняховские памятники в Нижнем Поднепровье	63
<i>А. М. Лесков</i>	Предскифский период в степях Северного Причерноморья	75
III. СКИФЫ И ИХ СЕВЕРНЫЕ СОСЕДИ		
<i>Б. А. Шрамко</i>	К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии	92
<i>П. Д. Либеров</i>	Этническая принадлежность населения среднего Дона в скифское время	103
<i>Г. Т. Ковпаненко</i>	Памятники раннескифского времени Каневщины	115
<i>Л. И. Крушельницкая</i>	Памятники скифского времени на Верхнем Поднестровье	120
IV. СКИФЫ КРЫМА		
<i>П. Н. Шульц</i>	Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму	127
<i>Д. С. Раевский</i>	Скифы и сарматы в Неаполе	143
<i>О. Д. Дашевская</i>	Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий	151
<i>Т. Н. Высотская</i>	Поздние скифы в Юго-Западном Крыму	155
<i>Э. В. Яковенко</i>	Скифские погребения на Керченском полуострове	160

	V. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ	
<i>И. С. Каменецкий</i>	О язматах	165
<i>Н. В. Анфимов</i>	Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья	170
<i>В. Б. Виноградов</i>	Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром	177
<i>Дж. А. Халилов</i>	Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «Скифском царстве» на территории Азербайджана	183
	VI. САРМАТЫ	
<i>А. П. Смирнов</i>	К вопросу о матриархате у савроматов	188
<i>К. Ф. Смирнов</i>	О начале проникновения сарматов в Скифию	191
	VII. НАРОДЫ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ в СКИФСКОЕ ЭПОХУ	
<i>О. А. Вишневецкая, М. А. Итина</i>	Ранние саки Приаралья	197
<i>Н. Л. Членова</i>	К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле	208
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	218

Проблемы скифской
археологии

МИА, 177

*Утверждено
к печати
Институтом
археологии.
АН СССР*

Редактор
издательства
С. Я. Васильченко

Оформление
художника
Г. А. Астафьевой

Художественный
редактор
В. Н. Тикун

Технический
редактор
Т. И. Анурова

Сдано в набор 9/III-1971 г.
Подписано в печать 27/VII-1971 г.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага № 1
Усл. печ. л. 23,10
Уч.-изд. л. 24,3
Тираж 2000 экз. Т-13008
Тип. зак. 1903. Цена 1 р. 53 к.